

ISSN 1993–4750

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2 (741)
2016

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY"

The year of foundation – 1940

**VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY**

Issue 2 (741)

Moscow
FSBEI HE MSLU
2016

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Выпуск 2 (741)

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2016

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
кандидат исторических наук **И. В. Манохин**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК МГЛУ»

А. А. Гаджиев, д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)	Лю Лиминь, Ph. D., проф. (КНР)
Н. П. Баранова, канд. пед. наук, доц. (Беларусь)	Д. С. Маркес, Ph. D., проф. (Испания)
З. К. Бурнацева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	Т. В. Медведева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Г. Б. Воронина, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	Л. В. Моисеенко, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Г. Р. Гаспарян, д-р филол. наук, проф. (Армения)	А. И. Мусаев, д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
К. В. Голубина, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	Л. А. Ноздрина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
И. А. Гусейнова, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)	Р. К. Потапова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Н. А. Дудик, канд. филол. наук (МГЛУ)	Ю. Е. Прохоров, д-р пед. наук, д-р филол. наук, проф. (Россия)
Г. Ершов, Ph. D., проф. (Германия)	О. А. Радченко, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
М. С. Имомзода, д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)	М. Н. Русецкая, д-р пед. наук, проф. (Россия)
К. М. Ирисханова, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	Т. С. Сорокина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
О. К. Ирисханова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)	А. Н. Тарасова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
А. Я. Касюк, д-р истор. наук, проф. (МГЛУ)	И. И. Убин, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
И. А. Краева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	Х. Ли-Янке, проф. (Швейцария)
Г. Ф. Красноженова, д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)	А. Д. Ченки, Ph.D., проф. (Нидерланды)
С. С. Кунанбаева, д-р филол. наук, проф. (Казахстан)	Н. А. Шулепов, д-р юрид. наук, проф. (МГЛУ)
Ф. Г. Лодейро, Ph. D., проф. (Испания)	М. Форстнер, Ph. D., проф. (Германия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

доктор филологических наук, профессор Г. Г. Бондарчук;
доктор педагогических наук, профессор Н. Ф. Коряковцева;
доктор филологических наук, профессор А. П. Бондарев;
доктор философских наук, профессор И. К. Харичкин

Вестник входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016

Издание зарегистрировано 10 октября 2014 г. ЭЛ № ФС77-59634 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР)

Доменное имя сайта: VESTNIK-MSLU.RU

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания. Ссылка на издание при перепечатке обязательна

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Богатырёва К.

Структурные особенности жанра годового финансового отчета
мультибрендовых компаний 13

Верещагина А. В.

Репрезентация ветхозаветных событий в русских и французских
фразеологических единицах, образованных от антропонимов..... 22

Евдокимова Е. М.

Основные лексические фреймы в англоязычном
научно-популярном тексте 36

Елизарьева М. А.

Субстантивная полисемия как вид славяно-немецких
семантических параллелей 45

Ерома Ж. И.

Отражение национального колорита польской лингвокультуры
в молодежном сленге..... 56

Корыткин Ю. А., Андросова С. В.

Просодические средства выражения эмоциональной
составляющей в английском и русском футбольном
комментарии 62

Люсый А. П.

Перевод как культурная практика рефлексии, в частности
философской 75

Тэн Хай, Андросова С. В.

Общие и специфические проявления феномена хезитационного
удлинения в русской и китайской спонтанной речи 83

Фирстов М. С.

К вопросу о месте устной монологической публичной речи
в системе функциональных стилей: диахронический аспект 94

<i>Хабибуллина Ф. Я., Трапезникова Г. А.</i> Функционирование афоризмов-лозунгов в политическом дискурсе разноструктурных языков	106
<i>Шишова О. М.</i> Коммуникативно-прагматическая норма поведения участников виртуальной коммуникации (на примере немецкоязычного сетевого дневника).....	122
<i>Эзех А. О.</i> Коммуникативное смягчение как результат дефокусирования в директивных речевых актах	135

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Анисимова Т. В., Горожанов А. И.</i> К вопросу об организации дистанционного обучения иностранным языкам в условиях лингвистического вуза	144
<i>Манухина Ю. В.</i> К вопросу о формировании социолингвистической компетенции в процессе овладения формулами речевого этикета в английском языке с опорой на французский язык.....	153
<i>Яроцкая Л. В.</i> Развитие концепта «управление» в современной парадигме лингводидактики.....	164

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Бондарев А. П.</i> Диалектика романтического абсолюта	176
<i>Иванова-Лукьянова Г. Н.</i> Энергемы слова в учении А. Ф. Лосева	200
<i>Крупенина М. И.</i> Амбивалентность образа инфантильной женщины как общепринятой формы женственности в ментальности викторианской эпохи	210

Перова Е. Ю.

Государственная политика и отечественное краеведение
в переломные эпохи как отражение духовного Возрождения 222

Хорькова И. В.

Приемы античной судебной риторики в практике
Суда присяжных 231

ПОЛИТОЛОГИЯ

Абгарян Р. Э.

Категории «противоречие» и «конфликт» в истории
социально-политической мысли 242

Елисеева Н. А.

«Новая» российская внесистемная оппозиция 248

Кравцов А. А., Кондрашов С. С., Жанкевич И. О.

Формирование института подготовки специалистов конкурентной
разведки в России как адекватный ответ нарастающей
экономической экспансии зарубежных стран 254

Никодимов И. Ю.

Различные методы оценки коррупции как способ оценки
эффективности функционирования государства 260

Румянцев Н. В., Шулепов Н. А.

Функции нового военного источника административного
и уголовного права Великобритании 277

Сидорова Г. М.

Военные преступления в районе Великих Африканских озер
и вопросы правосудия 284

Фам Нзок Хунг

Роль Коммунистической партии Вьетнама в развитии
рыночной экономики в условиях социалистической ориентации
развития общества 297

Хазанов А. М.

«Арабская весна» и позиция России 310

Цзи Юешэн

Охрана нематериального культурного наследия как приоритет государственной политики КНР	325
---	-----

CONTENTS

LINGUISTICS

Bogatyrova E. E.

The Structural Features of Annual Financial Report Genre
(on the Example of Multibrand Companies) 13

Vereschagina A. V.

Representation of Events of Old Testament in the Russian
and French Phraseological Units Formed from Antroponyms 22

Evdokimova E. M.

Main Lexical Frames in English and American Popular
Science Texts 36

Yelizaryeva M. A.

Substantive Polysemy as a Type of Slavonic-German
Semantic Parallels 45

Erroma Zh. I.

Reflection of the National Color of the Polish Linguistic Culture
in Youth Slang 56

Korytkin Yu. A., Androsova S. V.

Prosodic Means of Expressing Emotions in English
and Russian Football Commentary 62

Liusyi A. P.

Translation as a Cultural Practice of Reflection, in Particular,
Philosophical 75

Teng Hai, Androsova S. V.

Common and Specific Patterns of Hesitation Lengthening
Phenomenon in Russian and Chinese Spontaneous Speech 83

Firstov M. S.

Addressing the Issue of Placing Monologic Public Speaking
in the System of Functional Styles: Diachronic Aspect 94

<i>Khabibullina F. Ya., Trapeznirova G. A.</i>	
Aphorism – Slogans Functioning in Political Discourse of Languages with Different Structures	106
<i>Shishova O. M.</i>	
Communicative-Pragmatic Norm of Behavior of Participants of Virtual Communication (on the Example of the German-Speaking Weblog)	122
<i>Ezeh A. O.</i>	
Mitigation as the Result of Defocusing of Directive Speech Acts	135

PEDAGOGICAL SCIENCES

<i>Anissimova T. V., Gorozhanov A. I.</i>	
About the Problem of Foreign Language Distance Learning at a Linguistic University	144
<i>Manukhina Y. V.</i>	
The Development of Sociolinguistic Competence by Mastering Polite Formulas in English Based on Learning French	153
<i>Yarotskaya L. V.</i>	
Developing the Concept of Guidance in the Present-Day Language Pedagogy Paradigm	164

LITERARY STUDIES

<i>Bondarev A. P.</i>	
The Dialectics of the Romantic Absolute	176
<i>Ivanova-Lukyanova G. N.</i>	
Energema Words in the Teachings of A. F. Losev	200
<i>Krupenina M. I.</i>	
Ambivalence of the Image of an Infantile Woman as a Common Feature of Femininity in the Mentality of the Victorian Era	210
<i>Perova E. Y.</i>	
State Policy and Domestic Regional Studies in the Critical Epoch as a Reflection of the Spiritual Revival	222

<i>Khorkova I. V.</i>	
Methods of Antique Judicial Rhetoric in Practice of Jury	231

POLITICAL SCIENCES

<i>Abgaryan R. E.</i>	
The History of Socio-Political Thought's "Conflict" and "Conflict" Categories	242
<i>Eliseeva N. A.</i>	
The New Russian Non-Systemic Opposition	248
<i>Kravtsov A. A., Kondrashov S. S., Zhankevich I. O.</i>	
Formation of the Institution of Competitive Intelligence Specialists Training in Russia as the Appropriate Response to the Growing Economic Expansion of Foreign Countries	254
<i>Nikodimov I. U.</i>	
Various Methods of Corruption Assessment as a Mechanism for Evaluation of State Functioning Efficiency	260
<i>Rumyantsev N. V., Shulepov N. A.</i>	
The Functions of the New Source of British Administrative and Criminal Law	277
<i>Sidorova G. M.</i>	
Military Crimes in the African Great Lakes Region and the Questions of Justice	284
<i>Pham Ngoc Hung</i>	
Role of the Communist Party of Vietnam in the Development of Market Economy in the Socialist Orientation of Society	297
<i>Khazanov A. M.</i>	
Arab Spring and Russia's Position	310
<i>Ji. Yuesheng</i>	
Protection of Nonmaterial Cultural Heritage as the National Priority of the People's Republic of China	325

УДК 81.2

Е. Е. Богатырёва

ст. преподаватель кафедры интегрированного
языкового обучения профессиональной деятельности
факультета непрерывного образования МГЛУ;
e-mail: kate_bogatir@mail.ru

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА ГОДОВОГО ФИНАНСОВОГО ОТЧЕТА МУЛЬТИБРЕНДОВЫХ КОМПАНИЙ

Целью данной статьи является выявление структурных особенностей жанра годового финансового отчета в международном культурном контексте. Согласно современному датскому лингвисту Я. Энгбергу, годовой отчет – «это сложный жанр, который имеет различные коммуникативные цели, находящиеся в постоянном противоречии друг с другом» [5]. Для анализа нами были отобраны десять годовых финансовых отчетов американских, французских и русских компаний, составленных с различными коммуникативными целями, которые имеют определенное влияние на построение отчета. Благодаря сравнению данных структур, выявлению особенностей и закономерностей определена роль жанра годового отчета в международной профессиональной коммуникации.

Ключевые слова: годовой отчет; жанровые конвенции; финансовая коммуникация; международная бизнес-коммуникация.

E. E. Bogatyrova

Senior lecturer, Department of Integrated Teaching
in Professional Activities, Faculty of Continuing Education, MSLU;
e-mail: kate_bogatir@mail.ru

THE STRUCTURAL FEATURES OF ANNUAL FINANCIAL REPORT GENRE (on the Example of Multibrand Companies)

The aim of this article is to bring into light the structural features of the annual report in an international context. To do that, it is necessary to compare the annual financial reports of American, French and Russian companies. On the basis of the genre approach by Engberg, a Danish linguist, the annual report is a complex

genre which has different communicative purposes that are potentially in conflict. Having analysed the different communicative purposes and having identified the problematic criteria for comparison, the role of this genre can be defined in professional communication.

Key words: annual report; genre conventions; financial communication; international business communication.

В американской системе для подготовки годового финансового отчета существуют свои правила и требования. Они имеют ряд интересных особенностей, изучение и использование которых может быть полезным для российских компаний в работе, по улучшению качества раскрываемой ими информации посредством продуманной структуры, поскольку годовой отчет все чаще и чаще называют «корпоративной визиткой», «основным средством PR коммуникации», «имиджевым отчетом» [3].

Американская практика подачи информации в форме годового отчета отличается от европейской. Американские компании должны ежегодно предоставлять годовой отчет, в соответствии со специальной формой 10-K, в Комиссию по ценным бумагам и биржам США (Securities Exchange Commission – SEC). Согласно этой форме каждая рубрика отчета содержит подробную информацию о том или ином аспекте деятельности предприятия: история и стратегия развития компании, организационная структура, органы управления, активы, структура акционерного капитала, финансовые результаты, финансовое состояние и т. д. Эти пункты наиболее интересны инвесторам компании, если же компания нацелена на более широкую аудиторию, годовой отчет приобретает форму «имиджевой брошюры» [2] с описанием миссии компании и основных элементов стратегии, теряя свои позиции в части раскрытия информации, необходимой потенциальным инвесторам и аналитикам.

Примером может служить годовой отчет американской корпорации «Estée Lauder» за 2015 г., которая из года в год основное внимание уделяет описанию своих продуктов, но не с точки зрения того, каким образом их создание, развитие и реализация способствуют росту стоимости компании, а с точки зрения их потребительских свойств.

Годовые отчеты европейских компаний более универсальны: их можно назвать более креативными, поскольку с одной стороны, они должны быть привычны американской аудитории (специальная форма

20-F для неамериканских публичных компаний), так как «их акции котируются на американских биржах», и отличаются, «чтобы привлечь внимание иностранных инвесторов и выдержать сильную конкуренцию» [5].

Что касается российских компаний, то их структура и содержание отображены в Постановлении ФКЦБ от 31 мая 2002 г. № 17/пс «Об утверждении положения о дополнительных требованиях к порядку подготовки, созыва и проведения общего собрания акционеров».

В соответствии с требованиями указанного Постановления и рекомендациями Кодекса ФКЦБ годовой отчет должен содержать информацию о положении Общества в отрасли и основных направлениях деятельности; информацию об обороте и финансовых показателях; отчет о выплате дивидендов; подробную информацию о ценных бумагах Общества; перечень крупных сделок и сделок с заинтересованностью; информацию о совете директоров и исполнительных органах Общества, а также информацию о размере их вознаграждения; и наконец, информацию о практике корпоративного управления Общества и его политике в сфере трудовых отношений, а также социальной и экологической политике.

При сравнении структуры и содержания американских, французских и российских годовых отчетов можно выделить следующие параметры:

- объем текста годового отчета;
- подача информации;
- лейтмотивы (темы) годовых отчетов;
- рубрики.

Объем большинства отчетов, которые были рассмотрены нами в ходе исследования, составлял от 50 до 200 страниц (для финансовых компаний значения этих показателей еще выше – более 300 страниц). В среднем отчеты крупных компаний на 57 страниц больше, чем менее крупных (компании с рыночной капитализацией на уровне 1 млрд долл. США). Более крупные компании выделяли дополнительно 27 страниц для описания и обзора бизнеса и 19 – для финансовой отчетности.

Большинство проанализированных отчетов французских компаний, превышали по объему 200 страниц, а половина выходила за пределы 300. Кроме того, ежегодно в них добавляется новая информация, что приводит к увеличению объема, поскольку французские

компаниях, в отличие от русских, всегда отражают в своих отчетах данные об экологической, социальной деятельности и корпоративном управлении согласно закону «Гренель II», независимо от того, являются они существенными или нет.

Американские же компании стремятся по-другому повысить эффективность информации в годовых отчетах, сокращая объем ненужных данных. Эта тенденция особенно заметна в компаниях, которые не связаны с финансовым сектором экономики; объем их отчетов в среднем составляет 128 страниц.

Годовые отчеты российских компаний более разнообразны (от 30 до 323 страниц). Всё зависит от сектора, в котором работает компания, и от ее стоимости. Если компания работает с иностранными партнерами, то ее годовые отчеты соответствуют европейским параметрам, и объем страниц выходит за пределы 300 страниц.

Из вышесказанного можно сделать следующий парадоксальный вывод: с одной стороны, нельзя не заметить тенденцию роста объема финансовой и нефинансовой информации в годовых отчетах, при создании которых учитываются требования внутри страны и за ее пределами, с другой стороны, тем самым при принятии важных решений создаются дополнительные трудности для инвесторов, вынужденных выискивать нужную информацию среди избыточного и повторяющегося материала.

При этом некоторые крупные компании банковского, страхового и нефтяного сектора выбирают большой объем для придания солидности и поддержания имиджа, равняясь на своих конкурентов, пытаются соответствовать нормам стран-партнеров, тогда как американские компании всё чаще и чаще понимают «больше – не значит лучше» и ориентируются на свою целевую аудиторию.

Второй важный пункт для сравнения годовых отчетов – это *подача финансовой и нефинансовой информации*, которая может быть представлена следующим образом.

1. Максимальная конкретизация за счет использования минимального количества бухгалтерских терминов в описательной части годового отчета, слов с конкретным смыслом, т. е. путем доступного и лаконичного изложения информации. К этому способу стремятся все компании, составляющие годовые отчеты; насколько удачно у них это получается, может оценить целевая аудитория и специалисты.

В России в этом году самыми лучшими и лаконичными были названы отчеты ОАО «РЖД», ПАО «МегаФон», ПАО «Аэрофлот».

2. «Широкозначность», например использование фраз широкого значения или слов с размытой референцией, типа «глобальное присутствие», «знание рынка» или «финансовая мощь», которые абсолютно ничего не говорят целевой аудитории [1]. «Широкозначность» встречается во всех годовых финансовых отчетах, но больше всего выражений с размытой референцией используется в американских отчетах. Прекрасная возможность заявить об успешной деятельности компании, скрывая реальное положение дел:

inancial power; in terms of their knowledge of the market and their concern for risk diversification; the impact of the operating environment.

3. Отсутствие (или умалчивание), например, в описательной части годового отчета указания на то, были ли достигнуты цели, намеченные в предыдущем году, что затрудняет оценку развития компании и указывает на определенные проблемы в ее деятельности. Этот способ актуален для европейских компаний, в частности французских. Сложная экономическая ситуация и непростые отношения с Россией заставляют умалчивать ту или иную информацию в описательной части годового финансового отчета. Это выражается, прежде всего, в отсутствии сравнительных конструкций, помогающих увидеть разницу между годом прошедшим и текущим, синтаксически сложном оформлении предложений (наличии огромного количества сложно-сочиненных и сложноподчиненных конструкций):

Si le marché russe a fortement souffert en 2015, avec une chute de 35 %, la part de marché de Renault en Russie est demeurée quasiment stable à 7,5 % ... (Groupe Renault Rapport Annuel, 2015).

Au cours de ces dernières années, l'économie mondiale a connu des turbulences qui ont freiné la croissance et accru les déficits publics. Malgré cela, la croissance du produit intérieur brut (PIB) mondial devrait rester positive : selon les prévisions, cette croissance devrait se situer autour de + 4 % par an sur la période 2014–2020... [4].

При всем богатстве тем, которые могут быть отображены в отчетах, их можно свести к нескольким основным. Эти темы присутствуют как в зарубежных (американских и французских) годовых отчетах, так и в российских.

1. Финансовые или рыночные показатели деятельности компании или открывающиеся перед ней перспективы. Данный вариант используется во всех отраслях экономики большинством компаний, так как позволяет уделить внимание деловой стороне вопроса. Вместе с тем, учитывая большое количество отчетов, в подобном случае сложно выделиться из общей массы (за исключением, разумеется, случаев американских компаний, когда их результаты действительно выдающиеся:

From a net income perspective, the over \$17 billion we earned in 2015 made it our best year since 2006 (Citygroup, 2015).

2. Технологичность и инновационный характер компании. Подобный лейтмотив характерен для высокотехнологичных компаний: интернет-бизнеса, автопрома, производителей бытовой и профессиональной техники, т. е. тех, для которых наличие новых технологий (особенно востребованных рынком) является ключевым конкурентным преимуществом. Например, годовой отчет французской фармацевтической компании «Sanofi» 2015 г.

3. Глобальный характер операций компании. К нему часто прибегают банковские учреждения, коммуникационные, консалтинговые и аудиторские фирмы, подчеркивающие возможность глобальных решений для своих клиентов, при этом с неизменным учетом локальных особенностей. В противоположность им, ряд французских компаний использует свою «локальность», подчеркивая при этом знание местных особенностей и свое ведущее положение на конкретном рынке (годовой отчет *Crédit Agricole*, 2015).

4. Ориентация на нужды и потребности клиентов. Подобный подход применяется различными компаниями, но в большинстве случаев фирмами, специализирующимися на сфере услуг:

La priorité stratégique du Groupe est de maintenir son dynamisme commercial en s'appuyant sur la satisfaction du client (Société Générale, 2015).

5. Отношение к сотрудникам. Чаще всего используется в отраслях, где очень важен человеческий фактор, чтобы подчеркнуть наличие сильной команды как конкурентного преимущества, – в оптовой и розничной торговле, сфере услуг и консалтинга, крупных нефтяных компаниях:

Обеспечение безопасных и комфортных условий труда для каждого сотрудника – один из основополагающих принципов работы «Газпром» (ОАО «Газпром» от 29.01.2015).

6. Социальная ответственность, к которой относятся спонсорская и благотворительная деятельность в спорте, культуре, здравоохранении и других социальных сферах. Тема, очень популярная в Америке и ряде стран Европы, где отсутствие социальных проектов даже при выдающихся финансовых и прочих показателях может серьезно испортить имидж компании:

We also organised a 'Get to know the community' programme by paying a visit to the children's mini library at Kampung Orang Asli which was set up by your Company in partnership with PD Residents Association and PD Women Association in 2013 (Shell Refining Company Annual Report, 2014).

7. Экологичность компании, ее забота о состоянии окружающей среды. Одна из основных тем, характерных для добывающих отраслей, химической и металлургической промышленности, добычи, доставки и переработки нефти и газа, автомобильных концернов, т. е. компаний, деятельность которых связана с возможностью загрязнения окружающей среды, например французской нефтяной компании «Total» или русской «Роснефть».

Помимо пунктов, которые обязательно нужно включить в структуру финансового отчета в соответствии с требованиями регулятивных органов, годовой отчет, как правило, содержит следующие *основные разделы*:

- основные финансовые показатели и краткий перечень важных событий;
- письмо Генерального директора и / или председателя совета директоров акционерам;
- анализ финансового положения и результатов деятельности руководством компании («Анализ»);
- финансовая отчетность;
- заключение аудитора;
- корпоративное управление.

Эти рубрики используются всеми компаниями без исключения, но есть некоторые интересные особенности. Например, разделу «Стратегия» за последние три года уделяется больше всего внимания со стороны создателей годового отчета. Эта рубрика необходима для

оценки перспектив развития, принятия определенных инвестиционных решений, прогнозирования будущего корпорации. При сравнении этого пункта в различных годовых отчетах можно сделать следующий вывод.

Одна из важных тенденций в создании финансовых отчетов – это увеличение информации о стратегии развития компании. Основными факторами, определившими такую динамику, стали усиление соответствующих требований со стороны инвесторов, государства и регуляторов фондовых рынков.

Американские компании наиболее четко и полно описывают стратегию в своих финансовых документах, упоминая о ней не только в разделе «Стратегия», но и в «Обращении руководства к аукционерам». Информация представляется в доступной и понятной форме с большим количеством аргументов, убеждающих в осознанности и убежденности выбора предложенной стратегии. В качестве примера можно привести Обращение Директора корпорации «Procter&Gamble», которое построено на изложении стратегии сопоставления итогов отчетного периода со стратегическими целями:

We are putting the strategies and capabilities in place to transform P&G into a faster-growing, more profitable and far simpler company... (*P&G's 2014 Annual Report*).

Следующий пункт, который появился и активно используется многими американскими и французскими компаниями, – «Словарь». Он помогает снять трудности при прочтении текста годового отчета. Российские же компании редко пользуются этой возможностью, оставляя сложные термины без особого внимания.

Есть и изменения в рубриках российских сырьевых компаний, имеющих листинг в Европе, с 2016 г. они начали раскрывать в годовых отчетах новую информацию – о платежах, выплачиваемых правительствам других стран за разработку природных ресурсов. Такую информацию огласили: «Газпром», «Роснефть», «ЛукОйл», «Северсталь». Размер соответствующего отчета составил 5–11 страниц. В американских годовых отчетах сырьевых компаний подобного раздела нет, его присутствие станет обязательным только с 2018 г.

Проанализировав структуры разных годовых отчетов мультибрендовых компаний, можно сделать следующие выводы: во-первых, искусство составления годового отчета заключается, прежде всего,

в четкой, логичной и лаконичной структуре, помогающей без труда найти нужную информацию для инвесторов, аукционеров, корпоративных клиентов. Во-вторых, текст отчета со всем основанием можно назвать особым жанром, так как он призван отражать характер компании, ее отношение к бизнесу, к конкурентам и клиентам, к экономике и своей стране. Это подразумевает выбор темы (лейтмотива), умелое чередование информации, отражение особой системы ценностей той или иной компании. В-третьих, годовой финансовый отчет – это профессиональный текст, который имеет свои особенности: отсутствие единой четкой структуры для европейских, российских и американских компаний при составлении подобной профессиональной отчетности, наличие возможности «самопрезентации» – тактики борьбы с конкурентами с помощью более успешной, «привлекательной» структуры и формы годового финансового отчета.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бокмельдер О. Л. К вопросу о средствах речевого воздействия в годовых отчетах англоязычных компаний // Бизнес-образование как инструмент устойчивого развития экономики : материалы науч.-практ. конф. – Иркутск, 1 февр. – 22 апр. 2011 г. – Иркутск, 2011. – С. 52–55.
2. Кривоносов А. Д. Жанры PR-текста. – СПб., 2001. – 135 с.
3. Санталова М. С. Годовой отчет компании как эффективное средство коммуникации с инвесторами // Вопросы экономики и управления. – 2015. – № 2. – С. 70–76.
4. Engberg J. Kulturspezifische Ausprägung kulturübergreifender Texthandlungsmuster – deutsche und dänische Landgerichtsurteile im Vergleich. Kulturspezifika von Textsorten / Eds. U. Fix, S. Habscheid, J. Klein. – 2001. – 86 S.
5. Rezaee Z. and Porter G. L. Summer-Fall. Can the Annual Report Be Improved? // Review of Business. – 1993. – 15/1. – P. 38–41.

УДК 81'373.72

А. В. Верещагина

кандидат филологических наук,
доцент кафедры классической филологии МГЛУ;
e-mail: linaanghelina@mail.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВЕТХОЗАВЕТНЫХ СОБЫТИЙ В РУССКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ, ОБРАЗОВАННЫХ ОТ АНТРОПОНИМОВ¹

В данном исследовании анализируются библеизмы из Ветхого Завета, содержащие антропонимы, во французском и русском языках. Цель – выявление событий, связанных с теми или иными библейскими именами в данных языках. Среди используемых приемов – сравнительно-исторический метод, системный подход, а также лингвостилистический анализ. Изучена продуктивность и частотность этих библеизмов, более подробно на уровне библейского текста рассмотрены наиболее продуктивные из них. Предпринята попытка объяснить истоки различий в представленности библеизмов, содержащих антропонимы, в данных языках.

Ключевые слова: Библия; библеизм; Ветхий Завет; французский язык; русский язык; антропонимы.

A. V. Vereschagina

Ph.D. (Philology), Ass. Prof., Department of Classical Philology, MSLU;
e-mail: linaanghelina@mail.ru

REPRESENTATION OF EVENTS OF OLD TESTAMENT IN THE RUSSIAN AND FRENCH PHRASEOLOGICAL UNITS FORMED FROM ANTOPONYMS

This study analyzes the biblicisms from the Old Testament, containing anthroponymy, French and Russian. The goal – to identify events related to these or other biblical names in these languages. Among the techniques used – comparative-historical method, system approach, as well as methods of stylistic analysis. Studied productivity and frequency of these biblicisms in more detail at the level of the biblical text are considered the most productive ones. An attempt to explain the origins of the differences in the representation of biblicisms containing anthroponymy in these languages.

Key words: Bible; biblicism; Old Testament; French; Russian; anthroponyms.

¹Статья публикуется в рамках реализации проекта РНФ № 14-48-00067 «Взаимодействие вербальных и невербальных средств конструирования событий в разных языках».

Проблема взаимоотношения языка, мышления и культуры уже в течение долгого времени исследуется различными учеными, такими как Апресян [1], Арутюнова [2], Демьянков [7], Кубрякова [10], Потемня [12] и др. В контексте данной взаимосвязи постулируется относительная автономность картин мира, а также утверждается, что каждый отдельный язык имеет определенный способ восприятия и организации мира.

Как справедливо отмечают Н. Н. Болдырев и О. Г. Дубровская: «Антропоцентричность языка как когнитивной способности человека обуславливает передачу специфики восприятия человеком объектов и явлений, структуры мира, выделения конкретных аспектов и характеристик, т. е. того, как конструирует (а не просто отражает) окружающий мир человек в своем сознании» [6, с. 17].

Таким образом, языковую картину мира можно определить как его интерпретацию и интерпретацию знаний о нем в сознании человека.

В данной статье речь пойдет о том, как по-разному религиозный дискурс представлен в русском и французском языках. Нами будут рассмотрены библеизмы, т. е. выражения, ведущие свое начало из Священного Писания, которые содержат в себе антропонимы и представляют собой определенную интерпретацию библейских событий.

Интересно выявить состав и количество подобных библеизмов, рассмотреть их особенности и источники происхождения непосредственно в русском и французском языках, провести сопоставительный анализ. Ведь каждое имя из Библии связано минимум с одним значимым событием, иногда с несколькими.

В данном случае, несомненно, важным является тот факт, что библеизмы проникли в русский и французский языки разными путями.

Ветхий Завет был написан на древнееврейском и арамейском языках, Новый Завет – на древнегреческом. Затем они были переведены на церковнославянский для стран, народы которых исповедовали православие, и на латинский – для народов, исповедующих католицизм, а затем уже с них – на национальные языки.

Во французском языке на основе словаря Н. П. Жуковской [8] были выделены более 50 антропонимов, являющихся основой французских библейских выражений. Большинство из них происходят из Ветхого Завета, они, соответственно, еврейского происхождения.

Таким образом, в силу большого объема библеизмов, содержащих антропонимы, в данном исследовании мы ограничились лишь связанными с ветхозаветными событиями.

Что касается продуктивности французских антропонимов, то самыми частыми (пять или более пяти библеизмов) являются: Abraham (Авраам), Adam (Адам), Ève (Ева), David (Давид), а также Salomon (Соломон), Samson (Самсон) и Job (Иов).

1. Имя **Abraham (Авраам)** / **Isaac (Исаак)** связано во французском языке, например, с выражениями: *famille d'Abraham* «потомство Авраамово»; *sémençe d'Abraham* «род людской (досл. 'семя Авраамово')»; *être dans le sein d'Abraham* «пребывать в лоне (недрах) Авраамовых, т. е. сподобиться рая после смерти». С конкретным событием соотносятся выражения *le sacrifice d'Isaac* «жертвоприношение Исаака (Авраама)» (которое употребляется о готовности уничтожить свое творение, самое дорогое, что человек имеет); *le bras armé d'Abraham* «занесенная рука Авраама» (которую остановил посланный Богом ангел) и *arrêter (retenir) le bras de qn* «вовремя остановить, удержать от какого-л. поступка».

Рассмотрим истоки этих выражений в Библии (Бытие 22, 10–12) [15, с. 30]:

καὶ ἐξέτεινεν Ἀβραὰμ τὴν χεῖρα αὐτοῦ λαβεῖν τὴν μάχαιρα
ν σφάζαι τὸν υἱὸν αὐτοῦ. 11 καὶ ἐκάλεσεν αὐτὸν ἄγγελος κυρίου
ἐκ τοῦ οὐρανοῦ καὶ εἶπεν αὐτῷ Ἀβραὰμ, Ἀβραὰμ. ὁ δὲ εἶπεν Ἰδοὺ
ἐγώ. 12 καὶ εἶπεν Μὴ ἐπιβάλης τὴν χεῖρα σου ἐπὶ τὸ παιδάριον
μηδὲ ποιήσης αὐτῷ μηδέν...

И простёр Авраам руку свою, и взял нож, чтобы заколоть сына своего. Но Ангел Господень воззвал к нему с неба и сказал: Авраам! Авраам! Он сказал: вот я. Ангел сказал: не поднимай руки твоей на отрока и не делай над ним ничего... [4, с. 30].

В русской традиции встречаются выражения *Авраамово лоно* и *жертвоприношение Авраама; искушение Авраама*.

2. Имя **Adam (Адам)** зафиксировано в выражении *dépouiller le vieil Adam* «совлечься (отбросить, скинуть) ветхого Адама», которое восходит к Первому посланию к коринфянам (21–22):

ἐπειδὴ γὰρ δι' ἀνθρώπου θάνατος, καὶ δι' ἀνθρώπου ἀνάστασις
νεκρῶν. 22 ὥστερ γὰρ ἐν τῷ Ἀδὰμ πάντες ἀποθνήσκουσι, οὕτως καὶ
ἐν τῷ Χριστῷ πάντες ζωοποιήσονται... [14, с. 603].

Ибо, как смерть через человека, так через человека и воскресение мёртвых. Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут... [5, с. 227].

Кроме того, можно отметить следующие выражения: *vieux comme Adam* «очень старый, древний, т. е. человек тленный после грехопадения»; *la postérité d'Adam* «человеческий род»; *la côte d'Adam* «женщина»; а также *être de la côte d'Adam* «принадлежать человеческому роду»; *nous sommes tous parents en Adam* «все мы произошли от Адама»; *se croire (sortir) de la côte d'Adam* «важничать, чваниться»; *ne pas être sorti côte d'Adam* «быть обыкновенным, простого происхождения»; *être frère (parent) du côte d'Adam* «быть в отдаленном, сомнительном родстве»; *ne connaître ni d'Ève, ni d'Adam* «быть абсолютно незнакомым с чем-л.»; *Il ne m'est ni d'Ève, ni d'Adam* «он не имеет ко мне никакого отношения»; *ne pas avoir péché en Adam* «быть чрезвычайно добродетельным» (иронически); *en costume d'Adam (d'Ève)* «в костюме Адама (Евы), нагишом, “в чем мать родила”».

В русском языке с французскими совпадают выражения *ветхий Адам* («человек») и *в костюме Адама* («нагишом»). Кроме того, зафиксированы и выражения другого плана: *(начинать) от Адама*, т. е. «издалека», «подробно»; *адамовы времена (веки)*; *Адамово яблоко*; *Адам и Ева*.

3. Имя *Ève (Ева)* употребляется во французском языке в следующих библеизмах, связанных с событиями книги Бытия (2, 21–25; 3, 15–20) [15, с. 4–5]: *Ève (Ева)*, *fille d'Ève* («дочь Евы»), *nouvelle Ève* («вторая Ева»), которые определяют особу, имеющую признаки женской привлекательности, чувственности, непостоянства и приводящую мужчину к катастрофе; а также *en costume d'Ève* «в костюме Евы»; *Il ne m'est ni d'Ève, ni d'Adam* «он не имеет ко мне никакого отношения»; *ne connaître ni d'Ève, ni d'Adam* «быть абсолютно незнакомым с чем-либо».

В русской традиции встречаются библеизмы: *Ева, в костюме Евы, Адам и Ева*.

4. Лексема *David (Давид)* встречается во французском языке в выражениях *harpe (cithare) de David* «арфа (кифара) Давида», т. е. то, что приносит утешение; *trouver son David* «найти утешителя, снимающего с души груз»; *Il est parent du roi David et joue de la harpe* «мошенник, враль».

Рассмотрим истоки этих выражений в Первой книге Царств (16, 23):

καὶ ἐγενήθη ἐν τῷ εἶναι πνεῦμα πονηρὸν ἐπὶ Σαουλ καὶ ἐλάβανεν, Δαυὶδ τὴν κινύραν καὶ ἔψαλλεν ἐν τῇ χειρὶ αὐτοῦ, καὶ ἀνέψυχεν Σαουλ, καὶ ἄγαθὸν αὐτῷ, καὶ ἀφίστατο ἀπ' αὐτοῦ τὸ πνεῦμα τὸ πονηρὸν [15, с. 532].

И когда дух от Бога бывал на Сауле, то Давид, взяв гусли, играл, – и отраднее и лучше становилось Саулу, и дух злой отступал от него [4, с. 320].

Также *David et Goliath* «Давид и Голиаф» (Первая книга Царств, 17) [15, с. 533–535], как противопоставление тупой силы благородству гармонического телосложения, и *le combat de David et Goliath* «битва Давида и Голиафа». Данный библеизм, широко представленный во французском языке, в русском редко употребим; более распространенным является однокомпонентный антропоним *Голиаф*.

Кроме того, во французском языке можно встретить выражения *David dansant devant l'arche* «Давид, пляшущий перед Ковчегом», т. е. человек, чье поклонение кому-л. заслуживает презрения, насмешки. Истоки данного библеизма происходят из Второй книги Царств (6, 16):

καὶ ἐγένετο τῆς κιβωτοῦ παραγινομένης ἕως πόλεως Δαυὶδ καὶ Μελχολ ἡ θυγάτηρ Σαουλ διέκυπτεν διὰ τῆς θυρίδος καὶ εἶδεν τὸν βασιλέα Δαυιδόρχουμένον καὶ ἀνακρουόμενον ἐνώπιον κυρίου καὶ ἐξουδένωσεν αὐτὸν ἐν τῇ καρδίᾳ αὐτῆς [15, с. 577].

Когда входил ковчег Господень в город Давидов, Мелхола, дочь Саула, смотрела в окно и, увидев царя Давида, скачущего и пляшущего пред Господом, унижила его в сердце своём [4, с. 345].

Наконец, французский библеизм *David et Bethsabée* «Давид и Вирсавия» как символ воздействия женской красоты даже на самого праведного человека берет начало из Второй книги Царств (11) [15, с. 584–588].

В русской традиции библеизмы с антропонимом *Давид* почти не употребляются.

5. Имя *Salomon* (*Соломон*), во-первых, во французском языке породило сочетания *être sage comme Salomon*; *la sagesse de Salomon* «быть мудрым, как Соломон»; «Соломонова мудрость». В русской традиции отмечают ироническое и устаревшее выражение *Помяни, Господи, царя Соломона и всю премудрость его*.

Корни этих выражений находятся в Третьей книге Царств (3, 9–10):

καὶ δώσεις τῷ δούλῳ σου καρδίαν ἀκούειν καὶ διακρίνειν τὸν λαόν σου ἐν δικαιοσύνῃ τοῦ συνίειν ἀνὰ μέσον ἀγαθοῦ καὶ κακοῦ, ὅτι τίς δυνήσεται κρίνειν τὸν λαόν σου τὸν βαρὺν τοῦτον; καὶ ἤρεσεν ἐνώπιον κυρίου ὅτι ἠτήσατο Σαλωμων τὸ ῥῆμα τοῦτο ... [15, с. 683].

(Соломон обращается к Богу со словами): Даруй же рабу Твоему сердце разумное, чтобы судить народ Твой и различать, что добро и что зло; ибо кто может управлять этим многочисленным народом твоим? Благоугодно было Господу, чтобы Соломон просил этого [4, с. 373].

Во-вторых, и во французской, и в русской традициях мы отмечаем высказывания типа *le jugement de Salomon* «Соломоново решение и суд Соломона», употребляющиеся по отношению к мудрому и неожиданному решению спора и тому, которое является компромиссом для спорящих сторон.

В-третьих, во французском языке засвидетельствовано выражение *Salomon et la reine de Saba* «Соломон и царица Савская», которое обозначает ситуацию, характеризующуюся необычайной роскошью, великолепием и блеском, а также состязание, где имеют место проявления необычайного оригинального ума. Сочетание *la reine de Saba* упоминается и отдельно в значении воплощения красоты, ума и роскоши. В качестве первоисточника данного библеизма обратим внимание на Третью книгу Царств (10, 1 и 13):

1 Καὶ βασίλισσα Σαβα ἤκουσεν τὸ ὄνομα Σαλωμων καὶ τὸ ὄνομα κυρίου καὶ ἤλθεν πειράσαι αὐτὸν ἐν αἰνίγμασιν... 13 καὶ ὁ βασιλεὺς Σαλωμων ἔδωκεν τῇ βασιλίσῃ Σαβα πάντα, ὅσα ἠθέλησεν, ὅσα ἠτήσατο... [15, с. 653].

1 Царица Савская, услышав о славе Соломона во имя Господа, пришла испытать его загадками. 13 И царь Соломон дал царице Савской всё, чего она желала и чего просила... [4, с. 384–385].

Кроме того, сочетание *les autels de Salomon* «гарем Соломона», происходящее из Третьей книги Царств (11, 4), во французском языке употребляется как символ идолопоклонства, язычества или измены истине:

καὶ ἐγενήθη ἐν καιρῷ γήρους Σαλωμων καὶ οὐκ ἦν ἡ καρδία αὐτοῦ τελεία μετὰ κυρίου θεοῦ αὐτοῦ καθὼς ἡ καρδιά Δαυιδ

τοῦ πατρός αὐτοῦ, καὶ ἐξέκλιναν αἱ γυναῖκες αἱ ἀλλοτρίαι τὴν καρδίαν αὐτοῦ ὅπισω θεῶν αὐτῶν [15, с. 656].

Во время старости Соломона жёны его склонили сердце его к иным богам, и сердце его не было вполне предано Господу, Богу своему, как сердце Давида, отца его [4, с. 386].

В русской традиции засвидетельствованы двукомпонентные выражения *Соломоново решение* и *суд Соломона*.

6. Антропоним **Samson (Camson)** во французском языке зафиксирован в сочетании *cheveux de Samson* «волосы Самсона», которое связано с историей о сверхъестественной мощи, заключенной в них. Этот библеизм употребляется, когда говорится о залоге, гарантии физической или нравственной силы. В частности, речь об этих событиях идет в Книге судей израилевых (16, 17):

ὅτι ναζιραῖος θεοῦ ἐγὼ εἰμι ἐκ κοιλίας μητρός μου, καὶ ἐὰν ξυρῶμαι, ἀποστήσεται ἀπ' ἐμοῦ ἡ ἰσχὺς μου, καὶ ἀσθενήσω καὶ ἔσομαι κατὰ πάντας τοὺς ἀνθρώπους [15, с. 472].

Ибо я назорей Божий от чрева матери моей; если же остричь меня, то отступит от меня сила моя; я сделаюсь слаб и буду, как прочие люди [4, с. 290].

В русском языке данный библеизм встречается редко.

Кроме того, засвидетельствованы французские выражения *fort comme Samson*, *un vrai Samson* при упоминании человека необычайной силы. В русской традиции библеизм *Самсон* употребляется в том же значении. Истоки мы также находим в Книге судей израилевых (13–16) [15, с. 460–474].

Наконец, сочетание *Samson et lion* «Самсон и лев» (Самсон,рывающий пасть льву) является известным сюжетом, в том числе художественных произведений. Его первоисточник – события Книги судей израилевых (14, 6):

καὶ κατηύθυνεν ἐπ' αὐτὸν πνεῦμα κυρίου, καὶ διέσπασεν αὐτὸν, ὥσεί διαστᾶσαι ἔριφον αἰγῶν, καὶ οὐδὲν ἦν ἐν τῇ χειρὶ αὐτοῦ. καὶ οὐκ ἀπήγγειλεν τῷ πατρὶ αὐτοῦ οὐδὲ τῇ μητρὶ ἀέποιήσεν [15, с. 484].

И сошёл на него Дух Господень, и он растерзал льва как козлёнка, а в руке у него ничего не было. И не сказал отцу своему и матери своей, что сделал [4, с. 288].

Следует отметить и французское выражение *secouer les colonnes (comme Samson)* в значении «потрясать основы, отказаться от чего-л. устойчивого и привычного», берущее начало в Книге судей израилевых (16, 29):

καὶ περιέβαλεν Σαμψων τοὺς δύο στύλους τοὺς μέσους, ἐφ' ὧν ὁ οἶκος ἐπεστήρικτο ἐπ' αὐτοῖς ἓνα ἐν τῇ δεξιᾷ αὐτοῦ καὶ ἓνα ἐν τῇ ἀριστερᾷ αὐτοῦ [15, с. 474].

И сдвинул Самсон с места два средних столба, на которых утверждён был дом, упершись в них, в один правую рукою своею, а в другой левую [4, с. 291].

В русской традиции, как мы уже упомянули, в основном употребляется однокомпонентный библеизм *Самсон*.

7. Антропоним **Job (Иов)** во французском языке засвидетельствован в выражениях: *pauvre comme Job (le pauvre Job)* «беден (бедный) как Иов» и *Job sur son fumier* «Иов на гноище». Первоисточник этих выражений – книга Иова (7, 5–6):

φύρεται δέ μου τὸ σῶμα σαπρίᾳ σκολήκων, τήκω δὲ βῶλακας γῆς ἀπὸ ἰχῶρος ξύων. ὁ δὲ βίος μου ἐστὶν ἐλαφρότερος λαλῖας, ἀπόλωλεν δὲ ἐν κενῇ ἐλπίδι [16, с. 283].

Тело моё одето червями и пыльными струпами; кожа моя лопаётся и гноится. Дни мои бегут скорее челнока и кончаются без надежды [4, с. 554].

Кроме того, отмечаем *amis de Job* «друзья Иовы», т. е. ложные друзья, как видно из книги Иова (18, 4 и 17 и 20):

4 κέχρηταί σοι ὀργή. τί γάρ; ἐὰν σὺ ἀποθάνης, αἰοίκητος ἢ ὑπ' οὐρανόν ἢ καταστραφήσεται ὄρη ἐκ θεμελίων; 17 τὸ μνημόσυνο ν αὐτοῦ ἀπόλοιτο ἐκ γῆς, καὶ ὑπάρχει ὄνομα αὐτῷ ἐπὶ πρῶσοπον ἐξωτέρω. 20 ἐπ' αὐτῷ ἐστέναξαν ἔσχατοι, πρῶτους δὲ ἔσχεν θαῦμα [15, с. 300].

4 О ты, разрывающий душу твою в гневе твоём! Неужели для тебя опустеть земле, и скале сдвинуться с места своего? 17 Память о нём исчезнет с земли, и имени его не будет на площади. 20 О дне его ужаснутся потомки, и современники будут объаты трепетом [4, с. 561].

Также встречается сочетание *femme de Job* «жена Иова», т. е. сварливая жена, происходящее из книги Иов (2, 9), где речь идет о его терпении (см. ниже).

Χρόνου δὲ πολλοῦ προβεβηκότος εἶπεν Μέχρι τίνος καρτερήσεις λέγων ἀλλὰ εἰπόν τι ῥῆμα εἰς κύριον καὶ τελεῦτα [16, с. 275].

И сказала ему жена его: ты всё ещё тверд в непорочности твоей! Похули Бога и умри [4, с. 551].

Наконец, *cheval de Job (de l'Écriture)* «конь Иова» как символ неустрашимости в бою берет свое начало из книги Иова (39, 22–24):

συναντῶν βέλει καταγελᾷ καὶ οὐ μὴ ἀποστραφῇ ἀπὸ σιδήρου, ἐπ' αὐτῷ γαυριᾷ τόξον καὶ μάχαιρα, καὶ ὀργῇ ἀφανιεῖ τὴν γῆν καὶ οὐ μὴ πιστεύσῃ, ἕως ἂν σημαίνῃ σάλπιγξ [15, с. 575].

22 Он смеётся над опасностью и не робеет и не отворачивается от меча; 23 Колчан звучит над ним, сверкает копье и дротик; 24 В порыве ярости он плотает землю и не может стоять при звуке трубы [4, с. 338].

В русском языке зафиксированы выражения *беден как Иов* и *Иов многострадальный*.

Малопродуктивными или связанными с каким-то одним или несколькими ветхозаветными событиями оказались 24 имени:

Absalon (Авессалом)	<i>cheveux d'Absalon / Absalom</i> «волосы Авессалома»;
Aaron (Аарон)	<i>bâton (rameau, verge) d'Aaron</i> «жезл, скипетр Аарона»
Balaam (Валаам)	<i>ânesse de Balaam</i> «Валаамова ослица»
Balthazar (Валтасар)	<i>festin de Balthazar</i> «пир Валтасара или Валтасаров пир»
Benjamin (Вениамин)	
Caïn (Каин)	<i>péché de Caïn</i> «Каинов грех» (<i>братоубийство</i>) и <i>la marque au front (le signe) de Caïn</i> «Каинова печать» (<i>знак преступности</i>)
Jacob (Иаков, Израиль)	<i>l'échelle de Jacob</i> «лестница Иакова», <i>le bâton de Jacob</i> «волшебная палочка»
Daniel (Даниил)	<i>les visions de Daniel</i> «видения Даниила»; <i>(Daniel) dans la fosse aux lions</i> «Даниил во рву со львами»
Dalila (Далила)	

Élie (Илия)	<i>Élie sur son char de feu</i> «пророк Илия на огненной колеснице»; <i>le manteau d'Élie</i> «накидка (милоть) Илии»
Jérémie (Иеремия)	<i>Jérémiades</i> Иеремиады «горькие стенания»
Jézabel (Иезавель)	
Joseph (Иосиф)	<i>Joseph vendu par ses frères</i> «Иосиф, проданный братьями»; <i>le beau Joseph</i> «Иосиф целомудренный (прекрасный)»; <i>manteau de Joseph</i> «одежда Иосифа», <i>faire son (le) Joseph</i> «прикидываться скромником»
Judith (Юдифь)	<i>Judith tuant Holoferne</i>
и Holoferne (Олоферн)	«Юдифь, убивающая Олоферна»
Mathusalem	<i>depuis Mathusalem</i> «с давних пор»;
(Мафусаил)	<i>vieux comme Mathusalem</i> «старый (древний) как Мафусаил»; <i>vivre autant que Mathusalem</i> «прожить Мафусаилов век»
Moïse (Моисей)	<i>Moïse sauvé des eaux</i> «спасенный из воды», <i>Moïse portant les tables de la Loi</i> «Моисей со скрижалями закона» и <i>cornes de Moïse, visage rayonnant</i> «рога Моисея, сияющее лицо»; <i>bâton (rameau, verge) de Moïse</i> «жезл (скипетр, посох) Моисея»
Noé (Ной)	<i>arche de Noé</i> «Ноев ковчег», <i>jeter le manteau de Noé sur qn, qch</i> «умолчать о чем-л. недостойном, прикрыть чьи-либо грешки»
Nemrod (Ним(в)род)	<i>Nemrod devant l'Éternel</i> «Нимрод перед вечностью»
Suzanne (Сусанна)	<i>Suzanne et vieillards</i> «Сусанна и старцы»
Bethsabée (Вирсавия)	<i>David et Bethsabée</i> «Давид и Вирсавия»
Goliath (Голиаф)	<i>le combat de David et Goliath</i> «битва Давида и Голиафа»
Jonas (Иона)	<i>le complexe de Jonas</i> «комплекс Ионы»; <i>baleine (poisson) de Jonas (Jonas dans la baleine)</i> «Иона во чреве кита»
Rachel (Рахиль)	<i>Rachel qui ne veut pas être console</i> «безутешная Рахиль»

Во французском языке к Ветхому Завету восходят около 30 антропонимов, послуживших основой для образования библеизмов.

Подводя итоги, следует отметить, что нами был также определен состав русских библеизмов (по данным словарей современного русского языка), установлено их происхождение, выявлено структурно-семантическое своеобразие и проведен сравнительно-сопоставительный анализ с аналогичными французскими выражениями.

Итак, число и состав русских и французских библеизмов не совпадают, что, несомненно, связано со своеобразием развития русского литературного языка в отличие от французского, а также влиянием на эти языки экстралингвистических факторов.

Дело в том, что на функционирование библейской лексики в современном русском языке повлияло советское прошлое – время, когда многие библеизмы вышли из употребления, хотя до этого долго функционировали в художественной литературе и публицистике, например, XIX в. В настоящее время, как нам кажется, интерес к религии постепенно возвращается и, соответственно, скоро мы будем наблюдать возврат в наш язык большого пласта лексики, связанного со Священным Писанием.

Кроме того, разный состав библеизмов в двух языках может быть связан с различными критериями их отбора, выдвигаемыми составителями справочников и словарей, а также тем, что переводы Библии на разные языки имеют свою внутреннюю и внешнюю историю.

Как мы знаем, французские библеизмы калькировались из латинского языка. Известно также, что помимо параллельного существования в России Библии на церковнославянском и русском языках и собственно калькирования греческих библеизмов, многие годы шло пополнение фразеологического фонда русского языка через латинский, французский, английский и немецкий языки.

На основе проведенного нами исследования можно сделать вывод, что в русском языке различными словарями [3; 9; 11; 13] выделяется разное количество подобных библеизмов, и по количеству их меньше, чем во французском. Так, в словаре Иоффе [9] выделяется около 35 имен и 57 библейских выражений, составляющих основу библеизмов в русском языке. К Ветхому Завету относится около 43 библейских выражений, т. е. бо́льшая часть всех библеизмов, и около 27 имен.

Кроме уже упомянутых семи антропонимов, следует отметить еще 13, представленных в библеизмах в русском языке: Валаам (*Валаамова ослица*); Валтасар (*Валтасаров пир, жить Валтасаром*); Вениамин; Голиаф; Иосиф (*Иосиф Прекрасный, прекрасный Иосиф, Иосиф (и его братья), Иосиф Обручник, целомудренный Иосиф*); Иудифь (Юдифь); Израиль (Иаков); Илья (*Илья-пророк*); Иона (*Иона во чреве кита*); Каин (*Каин, Каинова печать*); Мафусаил (*Мафусаилов век*); Моисей; Ной (*Ной, Ноев ковчег*).

В русской традиции засвидетельствованы буквально единичные случаи антропонимов, которые не дали библеизмов во французской традиции: Аред (*Аредовы веки*); Хам (*хам*); Сим, Хам и Иафет; Каин и Авель; Олоферн (*голова Олоферна*); двенадцать колен Израилевых.

Во французском языке основой библеизмов являются следующие 11 ветхозаветных антропонимов, практически не образующих библеизмов в русском языке: Авессалом, Аарон, Даниил, Давид, Вирсавия, Далила, Иеремия, Иезавель, Ним(в)род, Рахиль, Сусанна (*Absalom, Aaron, Daniel, David, Dalila, Bethsabée, Jérémie* Иеремия, *Jézabel* Иезавель, *Suzanne, Nemrod, Rachel*).

Данная тема, несомненно, требует дальнейшего исследования, так как материал, касающийся антропонимов, послуживших основой для образования библеизмов в русском и французском языках, достаточно богат.

Следует отметить, что путем сопоставления нами были выявлены как абсолютные, так и неполные эквиваленты библеизмов, содержащих антропонимы в русском и французском языках. В основном это частичные эквиваленты, сохраняющие в двух языках свое первоначальное значение. Большое число русских и французских библеизмов представлены в двух языках как разным количеством слов, так и несколько иным лексическим наполнением. Что касается библейских выражений, содержащих антропонимы, превалируют, особенно в русском языке, двухкомпонентные и однокомпонентные единицы, хотя встречаются и многокомпонентные.

Кроме того, как было сказано ранее, нами выявлены библеизмы, не имеющие аналогов в двух языках и употребляемые в различных вариантах.

Многие библеизмы являются фразеологическими единицами, т. е. словосочетаниями, общее значение которых мы не можем вывести из самостоятельного смысла каждого слова.

Современные значения библейских крылатых слов и выражений далеко не всегда совпадают с первоисточником, поэтому нам было интересно проследить, насколько последовательно значения первоисточника сохраняются в русских и французских библеизмах, содержащих антропонимы. Поскольку Ветхий Завет или Новый Завет чаще выступает в качестве источника для библеизмов, любопытно было подробно рассмотреть библеизмы именно Нового Завета.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Апресян Ю. Д.* Избранные труды : в 2 т. : М. : Языки русской культуры, 1995. – Т. 1 – 464 с.; Т. 2 – 767 с.
2. *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
3. *Аишук Н. С., Аишук М. Г.* Крылатые слова. – М. : Правда, 1986. – 529 с.
4. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета канонические (в русском переводе с параллельными местами и приложениями). – М. : Российское Библейское Общество, 2002. Ветхий Завет – 936 с.
5. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета канонические (в русском переводе с параллельными местами и приложениями). – М. : Российское Библейское Общество, 2002. Новый завет – 336 с.
6. *Болдырев Н. Н., Дубровская О. Г.* О формировании социокультурной специфики дискурса // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 3. – С. 14–25.
7. *Демьянков В. З.* Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория // Язык и структуры представления знаний. – М., 1992. – С. 39–77.
8. *Жуковская Н. П.* Библеизмы французского языка. Заимствования, фразеологизмы, цитаты, персонажи, аллюзии. Опыт французско-русского комментированного словаря терминов и выражений, имеющих библейский источник. – М. : Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2006. – 384 с.
9. *Иоффе Г. А.* Словарь библейских крылатых слов и выражений. – СПб. : Петербург – XXI век, 2000. – 480 с.
10. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М., 2004. – 560 с.
11. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. – М. : Русский язык, 1990. – 923 с.
12. *Потебня А. А.* Мысль и язык. – М. : Лабиринт, 1999. – 300 с.
13. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XIX вв. / под ред. д-р филол. наук А. И. Федорова. – М. : Топиал, 1995. – 608 с.

14. The Greek Testament. Former Editions edited by Kurt Aland etc. Fourth Revised Edition edited by Barbara Aland etc. in cooperation with the Institute for New Testament Textual Research, Münster/Westphalia. – D-Stuttgart : Deutsche Bibelgesellschaft, 2000. – 920 S.
15. Septuaginta. Edidit Alfred Rahlfs. Editio altera Robert Hanhart. Duo volumina in uno. – D-Stuttgart : Deutsche Bibelgesellschaft, 2006. – 1–1184 S.
16. Septuaginta. Edidit Alfred Rahlfs. Editio altera Robert Hanhart. Duo volumina in uno. – D-Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 2006. – 2–942 S.

УДК 81

Е. М. Евдокимова

соискатель кафедры лексикологии английского языка МГЛУ,
преподаватель кафедры английского языка ФЗО МГЛУ;
e-mail: laminaria06@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ФРЕЙМЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ТЕКСТЕ

Цель статьи – рассмотрение основных фреймов и соответствующих им лексических групп в англоязычном научно-популярном дискурсе. В ней доказывается, что анализ набора лексических единиц в научно-популярной статье раскрывает смысл, заложенный в тексте. Автор выделяет лексические группы, характерные для каждой научно-популярной статьи, а также блоки, частотность которых зависит от научной тематики публикации.

Ключевые слова: английский язык; научно-популярный стиль; лексическое значение; фрейм; научное исследование; термин; глаголы мыслительной деятельности; лексический интенсиф.

E. M. Evdokimova

Research student, Department of English Lexicology, Faculty of English;
Lecturer, Foreign Language Teaching Department,
Correspondence Faculty, MSLU; e-mail: laminaria06@mail.ru

MAIN LEXICAL FRAMES IN ENGLISH AND AMERICAN POPULAR SCIENCE TEXTS

The article looks at the main frames and corresponding lexical groups in English and American popular science texts. It is shown that the analysis of lexical groups in the popular science article reveals the author's idea. The article studies which lexical groups are typical of all popular science texts as well as which lexical groups depend of scientific sphere of an article.

Key words: the English language; popular science discourse; lexical meaning; frame; scientific research; term; verbs denoting mental activity; lexical intensifier.

Предметом нашего исследования являются лексические фреймы, реализующиеся в англоязычной научно-популярной статье. Предполагается, что рассмотрение закономерностей лексической организации текста позволяет выделить различные блоки информации, передаваемой текстом, что, в свою очередь, помогает раскрыть смысл, заложенный в нем автором [1]. Именно поэтому выделение лексических групп в научно-популярной статье может быть полезным для

выявления особенностей построения научно-популярного текста и описания его типологических характеристик. На основании анализа фреймовой структуры научно-популярных статей мы можем говорить о том, какие блоки информации универсальны для этого жанра и какие из них характерны для статей определенной тематики. Также мы имеем возможность наблюдать, как набор тех или иных лексических групп работает на реализацию прагматических задач научно-популярного дискурса.

Предметом сообщения научно-популярных текстов является научная информация, следовательно, значительную часть лексических единиц научно-популярной статьи составляет терминология. Цитирование терминов автором свидетельствует о его научной компетенции и вызывает доверие читателя к излагаемой информации, тем самым побуждая его к прочтению статьи. Среди терминологических единиц научно-популярных текстов выделяются термины: общенаучные (*research, problem, system*), специальные (*illusion, grey wolf, satellite*) и узкоспециальные (*graphene, coronal mass ejection, dementia*). Общенаучные термины не представляют труда для понимания рядового читателя, большинство специальных единиц также знакомы из курса школьной программы. Узкоспециальные термины образуют сравнительно небольшую часть терминологических фреймов научно-популярных статей и вводятся в текст различными способами, учитывая определенные закономерности раскрытия семантики термина в данном типе дискурса [2].

При подаче научного материала в научно-популярной статье учитывается заинтересованность потенциального читателя в результатах исследования, логическая аргументация чаще всего опускается или приводится достаточно сжато и обобщенно. В связи с этим, лексические фреймы «ход исследования» и «результаты исследования» являются весьма частотными в научно-популярном тексте. При описании хода исследования встречаются слова, которые указывают на само исследование (*analysis, research, experiment, investigation*), также упоминаются участники исследования (*scientists, team, lead author, a group of ecologists*), часто с указанием на статус ученого (*Doctor, Dr, Professor, Consultant Dermatologist*). Нередко исследования проводятся в рамках университетов, при участии ассоциаций или научных обществ (*academy, institute, university, association*). К тому же,

в ходе исследования ученые часто сталкиваются с нелегкими задачами или противоречивыми находками, поэтому лексические единицы, описывающие сложность научного поиска (*complexity, controversy, hard work, trouble, problem*), довольно частотны в научно-популярном тексте. Существительные лексического фрейма «ход исследования» в большинстве своем относятся к общенаучным терминам и не зависят от тематики статей.

Лексическая группа, представляющая результаты исследования, также присутствует в каждой анализируемой статье. В нее входят такие существительные, как *results, conclusion, find, progress*. В сочетании с данной семантической группой существительных часто встречается лексический блок, указывающий на неожиданность и непредсказуемость. Неожиданные результаты научных исследований описываются прилагательными *intriguing, surprising* или выражением *to be intrigued / surprised by results*.

К тому же, лексические выражения со значением неожиданности и удивления могут относиться к ходу исследования или к самому предмету изучения. Нередко новый предмет обсуждения оказывается неожиданным не только для читателя, но и для самих ученых, совершивших это открытие (*a surprising find*). Целью научно-популярной статьи является привлечение неподготовленного читателя новизной и необычностью темы. Поэтому почти в каждой статье встречаются выражения, типа *to come as surprise, to be intrigued / entranced, to overturn the common wisdom* и прилагательные *bewildering, the most unusual* и т. д. Предложения могут оформляться вводными конструкциями *interestingly, surprisingly*.

Помимо указания на неожиданность результатов и необычные выводы ученых, почти каждая научно-популярная статья содержит лексическую группу слов и словосочетаний, которые указывают на что-либо неизвестное и загадочное (*something strange, enigmatic object, not clear*). Очень часто, чтобы заинтриговать читателя и показать, что ученые не могут прийти в своих научных поисках к конкретному результату, авторы прибегают к использованию образности и метафоры. Загадочность явления, с которым имеют дело исследователи, может передаваться с помощью таких выражений, как *to hide a wild past, the hint came, to cause confusion*. В таких случаях образные выражения являются частью метафоры, функционирующей на уровне

целого текста и раскрывающей неизвестность научного объекта через оригинальные сравнения незнакомых явлений с привычными представлениями человека.

С лексическим фреймом «неизвестное / загадочное» может содействовать группа выражений, которая указывает на раскрытие тайны или нахождение верного пути (*to open up new vistas, to shed light, to open up new possibilities*). Следует отметить, что такая образность текста характерна для статей по астрономии, палеонтологии, генетике. По-видимому, это связано с тем, что данные науки более других связаны с изучением неизвестных объектов, недоступных непосредственному наблюдению, и результаты таких исследований могут быть получены после сравнительно долгого времени изучения объекта.

Научные сообщения почти всегда содержат количественные измерения, статистические данные, а также качественные характеристики предмета. Изложенная научным языком, такая информация может быть неясной неспециалисту. В научно-популярных статьях авторы учитывают неподготовленность читателя к восприятию некоторых профессионально ориентированных научных данных и используют различные интенсивы, чтобы сделать текст не только информативным, но и понятным. В нашем исследовании мы считаем лексическими интенсивами все слова и словосочетания, которые усиливают градуальный признак предмета, причем этот признак может являться как количественным, так и оценочно-качественным. Соответственно, лексические интенсификаторы делятся на количественные и качественные.

Количественные интенсификаторы часто встречаются при описании количества, размера и величины. В научно-популярных текстах используются интенсификаторы-прилагательные *extreme, huge, enormous, immense, tiny (supermassive black hole, ultra-fast winds, enormous clusters)*. Употребление интенсификаторов коррелирует с указанием на «необычность, непредсказуемость». Реакция читателя программируется использованием прилагательных с наречиями *incredibly, surprisingly, unusually*, которые образуют лексические цепочки с двойной интенсификацией (*incredibly tiny feature, surprisingly large numbers*). Также к блоку интенсивов относятся числительные *hundred, thousand, million, trillion* и т. д. во множественном числе, которые не обозначают точное количество, но усиливают значение ключевого

слова (*billions of years ago, thousands of feet, millions affected*). Количественная интенсификация чаще всего встречается в статьях по астрономии, физике, информатике, медиатехнологиям. Это объясняется тем, что перечисленные науки больше имеют дело с количественными характеристиками и данными.

Качественная интенсификация используется, когда градуальный признак содержится в семантике слова. Такие лексические элементы часто принадлежат к блоку «ход исследования» (*really good work, the best lab techniques*) и «результаты исследования» (*extremely encouraging trial, to yield positive results*). Может акцентироваться масштаб работы ученых (*unusually large study, extensively researched*), детальность и тщательность исследования (*meticulous processing, thorough risk assessments, in-depth analysis*). Результаты работы описываются как крайне важные и значимые для развития науки с помощью интенсификаторов *quite, highly, really, incredibly, enormously* (*enormously successful research, so effective implant, quite remarkable prosthetic*). К тому же, лексические интенсификаторы используются в сочетании с качественными прилагательными, семантика которых предполагает степень проявления признака (*slightly flattened, pretty tricky, completely harmless*).

В научно-популярных статьях интенсификаторы могут сочетаться с терминами, что является отличительной особенностью научно-популярного дискурса, так как терминология представляет собой точную лексику, призванную давать конкретное обозначение понятия. По логике вещей, термины не должны сопровождаться никакими дополнительными смысловыми элементами. Однако в научно-популярной статье, для того чтобы сделать информацию увлекательной и легкой для понимания, термины могут интенсифицироваться. Это касается как общенаучных (*a completely different system, cutting-edge deep algorithm, drastic transformation*), так и специальных терминов (*tiny brass rods, giant robot arm, highly radioactive waste*). Как видно из примеров, элементы блока «терминология» сочетаются с интенсификаторами обоих типов: как качественными, так и количественными.

Анализируя соотношение качественных и количественных интенсификаторов в научно-популярном тексте, мы установили, что в статьях данного жанра преобладает качественная интенсификация, количественная составляет приблизительно одну треть всех случаев употребления. В разных типах интенсификации могут использоваться

одни и те же интензивы. Интенсификаторы *exceptionally, particularly, especially, extremely* являются наиболее частотными и могут усиливать различные признаки: величину, количество, важность, необычность, уникальность.

Блок интензивов достаточно широко представлен в научно-популярных статьях благодаря тому, что его элементы обладают большой лексической валентностью. Можно отметить сочетаемость данной группы слов с лексическим фреймом «ход исследования», «результаты исследования», «терминология», а также с блоком «неожиданность, непредсказуемость». Кроме того, ключевым словом в сочетании с интензивом может выступать любое качественное прилагательное.

Следующий лексический фрейм, который является одним из самых частотных в англоязычной научно-популярной статье, – глаголы мыслительной деятельности. Он был зафиксирован в каждой нами рассмотренной статье. Это связано с тем, что научно-популярный текст связан с изложением научной информации, обработка которой предполагает сосредоточенный мыслительный процесс, включающий в себя множество операций: размышление, предположение, сомнение, понимание, запоминание, принятие к сведению, обретение знания и т. д. Для аргументации авторы статей могут привести мнение ученых, которые оспаривают существующие научные положения и защищают новые, делают прогнозы успешности какого-либо эксперимента и говорят о перспективе развития той или иной теории. К тому же, авторы научно-популярных статей, когда хотят заставить читателя думать, рассуждать и делать собственные умозаключения, часто используют глаголы мыслительной деятельности. Эти глаголы широко распространены в научно-популярных статьях, они являются самыми многочисленными элементами в данном типе дискурса.

С блоком глаголов мыслительной деятельности почти всегда упоминаются участники исследования (*researchers suspect, scientists try to find out why, a forensic scientist who has recovered fingerprints, a topic fiercely debated among scientists*). Наиболее частотными являются глаголы, обозначающие исследование объекта, направленное на получение новой информации (*to study, to investigate, to explore, to analyse, to test, to survey, to try, to search for, to research, to monitor, to examine, to trace, to determine (why)*), а также глаголы, обозначающие получение новой информации (*to learn, to find, to find out, to observe, to reveal,*

to discover). Это связано с тем, что важной целью автора является сообщение читателю информации о последних достижениях в научной сфере, состоявшихся открытиях или же о ведущихся исследованиях. К тому же, данные группы глаголов чаще всего употребляются с элементами описанных выше блоков «ход исследования» (*researchers also tested aspartame*), «результаты исследования» (*they observed effect was smaller*) и «терминология» (*to consider the trial-and-error method*). Также с блоком «результаты исследования» встречаются глаголы предположения, прогнозирования (*new research suggests, this model predicts*). Глаголы, выражающие создание нового интеллектуального продукта / объекта (*to invent, to map, to design, to develop, to create, to build*), часто употребляются с общенаучными (*to design a material, to create a model*) и специальными терминами (*to map a reservoir, to develop treatment*). Также перед терминами нередко употребляются глаголы, обозначающие обнаружение нового объекта (*discovered an unusually compact source of radio waves, to find samples*).

Очень часто в одном предложении функционируют несколько типов глаголов мыслительной деятельности, что объясняется совокупностью мыслительных операций, сопровождающих мыслительный процесс. Например, глаголы исследования часто сопровождаются глаголами, обозначающими обретение новой информации (*they've investigated and found something; to find out how well the process could scale, they tried out different types of motors and solvents; to watch quasars to see...*). Глаголы исследования могут употребляться с глаголами, указывающими на логический вывод (*Gottman investigates partnerships and concludes*) и с глаголами обретения понимания (*it's crucial to research if we are to understand*).

Отметим, что глаголы мыслительной деятельности нередко употребляются с глаголами говорения:

Scientists **say** they **have found** the first deep ocean “dead zones”... (*The Australian, 2015*).

Beauty brand Yves Saint Laurent **claims** it **has invented** the first cream which tackles ‘tech-neck’ with a new molecule to boost elasticity of the skin (*The Telegraph, 2014*).

Глаголы говорения встречаются почти в каждой научно-популярной статье, ввиду того, что цитирование авторитетного мнения

исследователя-профессионала является распространенным приемом изложения научной информации. Прямая речь, которая вводится глаголами говорения, лишней раз объясняет читателю теоретические положения, описанные в статье. Помимо этого, она делает текст более «живым», словно добавляя еще одного участника в обсуждение научной темы. Среди глаголов говорения можно выделить те, которые помимо своего базового значения «to convey information, to make clearly known» [3] (*to say, to tell, to claim, to report, to announce*), несут добавочный смысл: *to caution* («to say something as a warning»), *to concede* («to finally admit that something is true»), *to predict* («to state that will happen in the future»), *to explain* («to make clear by providing more detail»).

...but these ideas have yet to be tested, he **cautions** (*ABC Science, 2014*).

“When people first began studying birdsong,” Odom **explains**, “a lot of them were in temperate regions where not as many female birds sing” (*Science News, 2014*).

Перечисленные выше глаголы в своей семантике содержат сему субъективного отношения к тому, что произносит человек. Автор сказанного может объяснять причину чего-либо, излагая свое мнение, может предостерегать или давать собственные прогнозы. Всё это предполагает личное сопереживание и изложение своего взгляда на проблему.

Говоря о личном отношении ученых к научным событиям, необходимо упомянуть еще один фрейм, который описывает эмоциональную реакцию ученых на происходящее в научном мире. Чаще всего в этот блок входят прилагательные и существительные, указывающие на восторг, восхищение, радость: *encouraged, enthusiastic, enthusiasm, optimistic (outpouring of excitement, experts were jubilant, I'm encouraged, this is mind-boggling)*. Этот фрейм пересекается с элементами фрейма «неожиданность» (*researchers were intrigued, we were surprised, we were surprised and thrilled*) и с элементами фрейма «интенсивы» (*we were actually happy, the planned trial is extremely encouraging, neurologists are increasingly confident*). Описание эмоций исследователей нагляднее доносит до читателя, насколько важным является прогресс, которого добились ученые в своей работе. Кроме того, текст научно-популярной статьи становится более экспрессивным и легким для восприятия.

Следующий фрейм, который широко представлен в научно-популярных статьях, объединяет глаголы со значением создания / изобретения нового объекта. В данном случае речь идет о производстве оборудования или устройств (*to build, to generate, to produce, to construct, to create*). Следует отметить, что новый предмет может создаваться как живым, так и неживым объектом. В первом случае речь идет об осознанном акте творчества (*to build a drone, to create an international network*), во втором – о производстве нового объекта согласно законам собственного функционирования (*to produce electrons, to generate 1 megawatt of power*). Также глаголы созидания используются при повествовании о появлении новой публикации или документа (*to write an article, to release guidelines, to publish results*). Как показывает рассмотренный языковой материал, лексический блок глаголов созидания и изобретения сочетается с блоками «терминология» и «результаты исследования».

Закономерности использования перечисленных выше фреймов характерны для всех научно-популярных текстов, независимо от тематики и структуры статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляевская Е. Г. Языковые парадигмы и анализ смысла текста // Языковые парадигмы и их функционирование. – Волгоград, 1992. – С. 97–105.
2. Евдокимова Е. М. Формы объяснения семантики термина в англоязычном научно-популярном тексте // Динамика языковой системы в лексикологических исследованиях. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2015. – С. 67–78. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 22 (733). Сер. Языкознание и литературоведение).
3. Concise Oxford English Dictionary. – Twelfth edition. – Oxford University Press, 2011. – 1682 с.

УДК 81

М. А. Елизарьева

преподаватель кафедры немецкого языка МГИМО МИД России;

e-mail: marycreek@mail.ru

СУБСТАНТИВНАЯ ПОЛИСЕМИЯ

КАК ВИД СЛАВЯНО-НЕМЕЦКИХ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ¹

В статье рассматривается одно из проявлений Центрально-европейского языкового союза – славяно-немецкие семантические параллели, находящие отражение в немецких семантических калькированиях в славянских языках (развитии полисемии у некоторых существительных по образцу немецких эквивалентов). Выдвигается предположение, что данное явление обусловлено длительным контактом с немецким языком и свидетельствует о более масштабном сближении семантических систем немецкого и части славянских языков.

Ключевые слова: субстантивная полисемия; многозначность; языковой контакт; славяно-немецкие семантические параллели; семантическое калькирование; лексическое калькирование; языковой союз; Центрально-европейский языковой союз.

M. A. Yelizaryeva

Lecturer, Department of the German Language, MGIMO;

e-mail: marycreek@mail.ru

SUBSTANTIVE POLYSEMY

AS A TYPE OF SLAVONIC-GERMAN SEMANTIC PARALLELS

The article deals with one of manifestations of Central-European linguistic area – Slavonic-German semantic parallels, which are mirrored in semantic loans of German origin in Slavonic languages (noun polysemy patterned after German equivalents). It is supposed that this phenomenon was induced by a long contact with the German language and is a sign of more convergence of extensive semantic systems.

Key words: noun polysemy; sense disambiguation; language contact; Slavonic-German semantic parallels; semantic calque; lexical calque; linguistic area; Central-European language area.

Славяно-немецкие культурные и языковые контакты уходят корнями в далекие времена, поэтому неудивительно, что славянские

¹ Статья публикуется в рамках реализации проекта РНФ № 14-48-00067 «Взаимодействие вербальных и невербальных средств конструирования событий в разных языках».

языки, прежде всего западные и южные, демонстрируют с немецким сходство на фонетическом, просодическом, морфологическом и синтаксическом уровнях. Подобные сближения неродственных языков, обусловленные историческим и культурным фактором, получили название языковых союзов (Sprachbund, linguistic area). Данное понятие было предложено Н. С. Трубецким в 1923 г. для обозначения феномена, когда «несколько языков одной и той же географической и культурно-исторической области обнаруживают черты специального сходства, несмотря на то, что сходство это не обусловлено общим происхождением, а только продолжительным соседством и параллельным развитием» [4].

Центрально-европейский (дунайский) языковой союз (mittel-europäischer Sprachbund, Donausprachbund) включает в себя немецкий, чешский, словацкий и венгерский языки (ядро), а также польский и словенский (периферия) [8, с. 58], иногда к периферии причисляется сербохорватский [13]. В большинстве работ, посвященных данному языковому союзу, рассматриваются, в основном, фонетические, просодические, морфологические и синтаксические сходства. В. Скаличка выделяет такие общие признаки данных языков, как акцент на первом слоге (кроме польского и сербохорватского), схожая система согласных (палатализованных и аффрикат) в венгерском, словацком и чешском, схожая система гласных (кроме словацкого), влияние долготы гласного на значение слова (кроме польского), три степени открытости гласных [13, с. 3]. Морфосинтаксические сходства описала Х. Курзова: синтетическое образование сравнительной и превосходной степени прилагательных и наречий, трехчленная система времен (кроме немецкого), аналитическое образование форм будущего времени с помощью вспомогательного глагола, схожее строение придаточных предложений [8, с. 61]. Ш. Неверкла приводит многочисленные примеры общих для дунайского языкового союза лексических единиц и фразеологизмов, в основном заимствованных из немецкого языка, а также некоторые примеры лексических калькирований [10].

При изучении литературы, посвященной Центрально-европейскому языковому союзу, бросается в глаза, что практически без внимания остается сближение семантических систем образующих его языков. В то же время существуют исследования, направленные на выявление семантических параллелей в славянских и немецком языках,

однако за рамками теории Центрально-европейского языкового союза [2; 3], а также исследования, посвященные контакту немецкого с одним из этих языков.

Под семантическими параллелями мы, вслед за М. М. Кондратенко, будем понимать «одинаковые принципы номинации понятия» [3, с. 133], т. е. внутреннюю форму слова. Семантические параллели могут включать как лексические, так и семантические калькирования, между которыми есть существенное различие: при лексическом калькировании новыми являются и форма, и содержание, в то время как при семантическом уже существующее в языке слово используется для выражения нового понятия [9, с. 55]. В связи с этим приведем определения двух данных понятий.

Лексическое калькирование – это «слово, созданное по образцу иноязычного слова путем копирования его с помощью материала родного языка» [7, с. 27].

Семантическое калькирование – это «расширение употребления исконного слова данного языка в соответствии с моделью другого, воздействующего на него языка» [1, с. 84], т. е. развитие полисемии по образцу многозначного эквивалента из другого языка.

Некоторые примеры немецких семантических калькирований в славянских языках нашли отражение в этимологических словарях, например, *чеш.* *smůla* (первоначально *smola*) по образцу немецкого *Pech* наряду с основным значением «смола» обрело переносное значение «неудача, невезение» [12, с. 586]. В польском же языке в данном случае имело место заимствование (*пол.* *pech*). В «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» отмечается, что в ряде славянских языков понятия «линза» и «чечевица» объединены общей лексемой: *чеш.* *čočka*, *пол.* *soszewka*, *с.-хорв.* *сочиво*, далее указывается «ср. *нем.* *Linse* “линза” и “чечевица”» [6, с. 482], однако данная семантическая параллель к языковому контакту напрямую не возводится. Несколько примеров немецких семантических калькирований в чешском приводятся Н. Райтером, однако ученый ошибочно относит их к лексическим калькированиям, например, *чеш.* *cena* под влиянием *нем.* *Preis* стало использоваться не только в значении «цена», но и в значении «премия, награда» – *Nobelova cena* (*нем.* *Nobelpreis*); *чеш.* *kohout* под влиянием *нем.* (Wasser-)hahn наряду со значением «петух», получил значение «кран» [11].

Ниже мы рассмотрим ряд существительных из славянских языков, многозначность которых может быть возведена к немецкому влиянию. При выборе языкового материала внимание уделялось, прежде всего, полисемантам, не имеющим в русском языке эквивалента с аналогичным набором значений, поскольку, в отличие от западных и южных славянских языков, русский не находился с немецким в интенсивном контакте.

Первый пример – *чеш.* и *слов.* *pero*, наряду со значением «перо» (перо птицы, пишущее перо), имеют значение «пружина», равно как и *нем.* *Feder*. Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS) объясняет развитие у *Feder* значения «пружина» эластичностью перьев [16], *Český etymologický slovník* со ссылкой на Чешско-немецкий словарь Юнгмана дает аналогичное объяснение, но без указания на возможное немецкое влияние [12, с. 451]. В остальных славянских языках данная семантическая параллель не наблюдается: ср. *рус.*, *укр.*, *бел.* и *болг.* перо и пружина, *пол.* *pióro* и *sprężyna*, *серб.* перо и опруга, *хорв.* *pero* и *opruга*. Влияние английского и французского языков в данном случае исключается, так как у *англ.* *feather* и *фр.* *plume* значение «пружина» отсутствует, следовательно, велика вероятность того, что в чешском и словацком языках развитие полисемии существительного *pero* вызвано именно немецким влиянием, тем более, что во всех трех языках оно имеет аналогичный дериват «пружинить» – *нем.* *federn*, *чеш.* *pérovat*, *слов.* *perovat*.

Следующий пример по своему основному значению также входит в семантическое поле ПТИЦЫ: *чеш.* *křídlo*, *слов.* *krídlo*, *нем.* *Flügel*. Эти существительные имеют несколько значений, общих для ряда других языков, в том числе русского: *крыло* (птицы, здания, самолета, партии). Однако в немецком, чешском и словацком эти три эквивалента используются также для обозначения концертного рояля. Немецкие словари DUDEN и DWDS объясняют появление у *Flügel* этого переносного значения сходством формы крышки рояля с птичьим крылом [14; 17]. В остальных славянских языках, а также в английском и французском данный музыкальный инструмент называется иначе: *болг.* роял, *пол.* *fortepian*, *рус.* концертный рояль, *словен.* *koncertni klavir*, *укр.* рояль, *англ.* *grand piano*, *фр.* *piano*.

Приведем еще некоторые полисеманты, основное или переносное значение которых так или иначе входит в семантические поля

ЖИВОТНЫЕ или РАСТЕНИЯ. Например, *чеш.* žába (žabka), *словак.* žaba и *нем.* Kröte имеют основное значение «лягушка, жаба», а в переносном также используются для обозначения маленького ребенка, чаще всего девочки (*рус.* девчурка, девчушка). В остальных славянских языках когнаты существительного *жаба* подобного значения не имеют, однако в словенском присутствует немецкое заимствование *krota* со значением «лягушка», использующееся также для экспрессивного обозначения ребенка (*ti krota mala*). Немецкий словарь DWDS связывает появление у существительного *Kröte* переносного значения с «представлением о чем-то маленьком, мелком, незначительном, бегущем по земле» [15], что заметно и в семантике *чеш.* žába (žabka), *словак.* žaba, *словен.* krota и может свидетельствовать о немецком влиянии, оказанном на данные языки.

Еще один любопытный пример использования животной метафоры для номинации предмета – *чеш.* kočičí hlavy и его немецкий эквивалент *Katzenköpfe* (*Katzenkopfpflaster*), оба дословно переводимые на русский как «кошачьи головы» и обозначающие крупные округлые булыжники мостовой. В статье чешской Википедии *Kočičí hlavy* указывается, что переносное значение основывается на сходстве формы таких булыжников с кошачьей головой [18]. В остальных славянских языках подобные номинативные единицы не засвидетельствованы, хотя в венгерском есть схожее образование – *macskakő* (кошачий камень) со значением «булыжник», из чего можно заключить, что данная семантическая параллель также восходит к немецкому языку.

Примечательными являются чешское существительное *kmen* и словацкое *kmeň*, практически во всех своих значениях совпадающие с *нем.* Stamm: 1) ствол дерева (*нем.* Baumstamm, *чеш.* kmen dřeva); 2) племя (*нем.* germanische Stämme, *чеш.* germánské kmeny); 3) класс в биологии (*нем.* Stamm von Gliederfüßern, *чеш.* kmen členovců); 4) штамм (*нем.* Bakterienstamm, *чеш.* bakteriální kmen); 5) рой пчел (*нем.* Stamm von Bienen, *чеш.* kmen včel); 6) корень слова (*нем.* Wortstamm, *чеш.* slovní kmen); 7) постоянный состав (*нем.* Stamm von Kunden, *чеш.* kmen návštěvníku). В остальных славянских языках такого последовательного совпадения значений не наблюдается, даже в западнославянском польском: 1) *pień*; 2) *plemię*; 3) *szczep*; 4) *szczep*; 5) *szczep pszczoł*; 6) *rdzeń*; 7) *stała klientela*. Английское влияние как причина появления

обширной полисемии в немецком, чешском и словацком языках исключается, ср.: 1) *trunk*; 2) *tribe*; 3) *phylum*; 4) *strain*; 5) *strain*; 6) *stem*; 7) *regulars, regular customers*. Таким образом, *чеш.* kmen и *слов.* kmeň своей обширной полисемией, по всей видимости, обязаны влиянию *нем.* Stamm.

Следующий пример, связанный с животным миром, – это название намордника *чеш.* koš, košík (pro psa), вероятнее всего, образовавшегося под влиянием *нем.* Maulkorb («корзина для рта»). *Нем.* Korb и *чеш.* koš имеют общее основное значение «корзина». *Нем.* Korb – это достаточно древнее заимствование *лат.* corbis, означавшего «нечто сплетенное», что, возможно, объясняет образование существительного *Maulkorb*: намордник представляет собой переплетение, пересечение кожаных или железных полос. В других славянских языках внутренняя форма слов, обозначающих данный предмет, семы со значением «корзина» не содержит: *рус.*, *укр.*, *бел.* намордник; *пол.* kaganiec; *словенск.* pagobčnik; *серб.* брњица, *хорв.* brnjica, в то время как германские языки (за исключением *англ.* muzzle) демонстрируют аналогию с немецким: *шв.* munkorg, *нид.* muilkorf, *норв.* munnkurv, munnkorg, *люкс.* Maulkuerf. Из этого следует, что значение «намордник» появилось у *чеш.* košík под влиянием немецкого *Maulkorb* из-за межъязыкового отождествления существительных *koš(-ík)* и *Korb*. Последнее подтверждается лексическим калькированием *нем.* Brustkorb в славянских языках, активно контактировавших с немецким: *болг.* гръден кош, *серб.* грудни кош, *хорв.* grudni (prsni) koš, *словен.* prsni koš. В восточнославянских языках и в польском закрепилось калькирование с *англ.* ribcage: *рус.* грудная клетка, *укр.* грудна клітка, *пол.* klatka piersiowa.

Теперь обратимся к тематической группе ПРЕДМЕТЫ и рассмотрим ряд когнатов из славянских языков, ставших многозначными, вероятнее всего, благодаря немецкому языку. Здесь внимание привлекает семантическая параллель, представленная полисемантами *нем.* Heft, *чеш.* sešit, *пол.* zeszyt, *укр.* зошит и *серб.* sveska, объединенных не только основным значением «тетрадь», но и «номер, выпуск журнала». В словацком *zošit* обозначает не только тетрадь, но и «časť väčšieho diela v podobe brožovanej publikácie». В болгарском и словенском эта параллель отсутствует: *болг.* тетрадка и брой; *словен.* zvezek и številka, revije. То же самое касается английского и французского языков: *англ.* exercise book и magazine, issue, *фр.* cahier и revue, в связи

с чем полисемия существительных *sešit*, *zeszyt*, *зошит* и *sveska* может быть объяснена контактом с немецким языком.

Некоторые немецкие семантические калькирования встречаются в славянских языках в семантическом поле ИГРА. Чеш. *kostka*, словацк., словен., хорв. *koska*, а также серб. *koska* равно, как и нем. *Würfel*, имеют не только значение «игральная кость», но и «куб, кубик», «предмет кубической формы», при том, что внутренняя форма славянских когнатов отлична от внутренней формы немецкого эквивалента: если *kostka*, *koska*, а также рус. *игральная кость*, пол. *kości do gry* восходят к слову «кость» (первые игральные кости изготавливались из костей животных), то нем. *Würfel* образовано от глагола *werfen* и означает «то, что бросают». Перенос значений в немецком произошел по схеме «предмет кубической для игры в кости» → «любой предмет кубической формы». В восточнославянских языках лексема *куб* и его диминутив *кубик*, используемые и для обозначения игровых костей, являются довольно поздними заимствованиями (XVII в.) из греческого [5, с. 450], в болгарском игральные кости обозначаются тюркизмом *зар*, в то время как геометрическая фигура – заимствованием *куб*. В английском и романских языках полисемии, подобной немецкому, чешскому, словацкому, словенскому и хорватскому, также не наблюдается: англ. *dice* и *cube*, фр. *dé* и *cube*, исп. *dado* и *cubo*, итал. *dado* и *cubo*, что источником данной семантической параллели стал немецкий.

Несколько семантических параллелей можно обнаружить и у существительных, связанных с игрой в ШАХМАТЫ. Во-первых, ладья в немецком, чешском, польском и белорусском языках называется «башней»: нем. *Turm*, чеш. *věž*, пол. *wieża*, бел. вежа. В прочих славянских языках это явление не встречается: рус. башня и ладья, укр. башта и тура, болг. кула и топът, турът, словен. *stolp* и *trdnjava*, серб. *торањ* и топ. В немецком, в свою очередь, возможно влияние фр. *tour*. Во-вторых, фигура, называемая в русском языке «слоном» или «офицером», ранее в чешском обозначалась как *běžec* по аналогии с нем. *Läufer*, в остальных славянских языках данное калькирование отсутствует. В-третьих, сами игральные фигуры в чешском и словацком называются не только *šachové figury*, но и *šachové kamene*, точно так же, как и в немецком – (*Schachspiel*)-*steine*. В немецком языке *Spielsteine* – не только шахматные или шашечные фигуры, но вообще

фигуры, представляющие в настольных играх игрока. Развитие этого значения объясняется тем, что игровые фигурки первоначально чаще всего делались из камней. В-четвертых, несколько выходя за рамки предметной лексики, отметим, что *чеш.* táhnout в значении «ходить» в шахматах также представляет собой семантическое калькирование *нем.* ziehen, а *нем.* Zug в значении «ход» привело к появлению калькирований не только в чешском, но и других славянских языках, на что указывает Н. И. Зубов: «Наконец для завершения описания этого слова в рамках доклада укажем на одно из выражений в шахматной игре *серб.* ко је на потезу? = *чеш.* kdo je na tahu? = *польск.* kto jest na ruchu? – несомненное отражение *нем.* wer ist am Zug?» [2, с. 25].

Обращает на себя внимание и игра в КАРТЫ. В Баварии, Австрии и странах, некогда входивших в состав Австро-Венгрии (Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Хорватия, Словения), до сих пор используется немецкая колода, в которой масти отличаются от использующейся в России французской колоды изображением и названием – это сердца (*нем.* Herz), желуди (*нем.* Eichel), листья (*нем.* Blätter, Laub) и бубенцы (*нем.* Schellen). Начнем с того, что само понятие «масть» в чешском, польском, словацком, хорватском и словенском, а также болгарском языках, как и в немецком, выражается с помощью лексической единицы со значением «цвет»: *нем.* Farbe, *чеш.* и *словен.* barva, *пол.* kolor, *хорв.* boja, *болг.* боя, цвят. По всей видимости, это объясняется тем, что в игре в скат, использующей немецкую колоду, у каждой масти есть свой цвет: желуди – черный, листья – зеленый, черви – красный, бубны – желтый, вследствие чего для их обозначения закрепились лексемы со значением «цвет». В русском языке существительное *масть* исторически восходит к *ст.-слав.* глаголу «мазати» – «мазать елеем, миром», позже развившем значение «раскрашивать», в связи с чем *масть* наряду со значением «мазь», «масло», «помазание» получило значение «цвет», с первой половины XVIII в. использующееся для обозначения категорий, на которые делятся карты в игральной колоде [5, с. 514]. Существительное *масть* сохранило сему «цвет» только в значении «окрас лошади» и в контексте карточной игры ассоциаций с понятием «цвет» у современного носителя языка вряд ли вызывает, в том числе по той причине, что во французской колоде не четыре, а только два цвета. В остальных вышеупомянутых славянских языках внутренняя форма продолжает напоминать о связи мастей с цветом.

Сами названия мастей в некоторых случаях также представляют собой семантическое калькирование. Наиболее показательный пример – название треф (желудей): *нем.* Eichel, *чеш.* žalud, *пол.* żołądź, *слов.* žalud, *хорв.* žir. Пики (листья) в чешском и хорватском вслед за *нем.* Blätter называются *list*, *listy*, в то время как в хорватском – *zelene*. Обозначение бубен как «бубенцы» (от *нем.* Schellen) нашло отражение только в польском *dzwonki*.

В результате рассмотрения славяно-немецких семантических параллелей можно сделать следующие выводы.

Во-первых, стоит отметить, что для части из них характерен метафорический перенос «животное» → «предмет» (*нем.* Wasserhahn), «часть тела животного» → «предмет» (*нем.* Feder, Flügel, Katzenkorpfplaster), «растение» → «предмет» (*нем.* Linse), «часть растения» → «предмет» (*нем.* Stamm, Eichel, Blätter), основанный на сходстве формы. По своей форме этот перенос характерен и для номинации по типу «предмет» → «предмет» (*нем.* Würfel, Turm, Korb). Есть также пример перехода «животное» → «человек» (*нем.* Kröte), возможно, также основанный на сходстве формы, если точнее – размера.

Во-вторых, при наличии семантического калькирования в чешском языке, оно обычно присутствует и в словацком. В украинском наличие семантических калькирований обусловлено польским влиянием. В самом польском в одних случаях наблюдается совпадение с немецким, в других – с русским, что объясняется тем, что Польша долгое время была поделена между Россией, Пруссией и Австро-Венгрией, и польский язык находился в интенсивном контакте не только с немецким, но и с русским языком.

В-третьих, в некоторых случаях при семантическом калькировании с немецкого в одних славянских языках, имеет место заимствование в других. Выявление каких-либо закономерностей в этом вопросе в рамках данной статьи представляется невозможным ввиду малого объема языкового материала.

Если исходить из того, что описанное нами развитие субстанциональной полисемии в славянских языках по немецкому образцу представляет собой незначительную часть семантических изменений, произошедших в них при контакте с немецким, то можно предположить, что для Центральноевропейского языкового союза характерно наличие не только общих фонетических, просодических, грамматических

черт, ряда лексических заимствований и фразеологизмов, но и сближение семантических систем, что открывает обширное поле для дальнейших исследований в этой области.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вайнрайх У.* Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования : пер. с англ. – Киев: Вища школа ; Изд-во при Киев. ун-те, 1979. – 283 с.
2. *Зубов Н. И.* Славяно-немецкие межъязыковые параллели: из наблюдений над лексико-семантической типологией германизмов : доклад к XV Международному съезду славистов. – Минск, 20–27 августа 2013 г. – 55 с.
3. *Кондратенко М. М.* О семантических параллелях и заимствованиях в немецких и славянских диалектах // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – № 3 – Т. 1. – С. 133–136. – (Гуманитарные науки).
4. *Трубецкой Н. С.* Вавилонская башня и смешение языков // Н. С. Трубецкой. Наследие Чингисхана. – М. : Инфра-М., 1999. – 267 с.
5. *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. – 3-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1999. – Т. 1: А – Пантомима. – 624 с.
6. *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. – 3-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1999. – Т. 2: Панцирь – Ящур. – 560 с.
7. *Betz W.* Deutsch und Lateinisch. Die Lehnbildungen der althochdeutschen Benediktinerregel. – Bonn : H. Bouvier, 1949. – 227 S.
8. *Kurzová H.* Mitteleuropa als Sprachareal // Acta Universitatis Carolinae – Philologica 5. Germanistica Pragensia XIII. – Praha, 1996. – S. 57–73.
9. *Martins E.* Studien zur Frage der linguistischen Interferenz. Lehnprägungen in der Sprache von Franz von Kazinczy (1759–1831). – Stockholm : Almqvist & Wiksell, 1970. – 373 S.
10. *Newerkla S.* Arealtypologie und Sprachbundtheorie // Pospíšil, Ivo (Hg.): Crossroads of Cultures: Central Europe (=Perekrestki kul'tury: Srednjaja Evropa/ Křižovatky kultury: Střední Evropa). – Brno : Masarykova univerzita, 2002. – S. 211–236. – (Litteraria Humanitas XI).
11. *Reiter N.* Deutsche Lehnübersetzungen im Tschechischen. – Berlin : In Kommission bei Otto Harassowitz, 1953. – 244 S.
12. *Rejzek J.* Český etymologický slovník. – Český Těšín, LEDA, 2001. – 752 S.
13. *Skalička V.* Zum Problem des Donausprachbundes // Ural-altaische Jahrbücher 40. – 1968. – S. 3–9.
14. Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS). – URL : <http://dwds.de/wb/FI%C3%BCgel>
15. Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS). – URL : <http://dwds.de/wb/Kr%C3%B6te>

16. Wörterbuch der deutschen Sprache. Dudenverlag // Duden.de. – URL : <http://dwds.de/wb/Feder>
17. Wörterbuch der deutschen Sprache. Dudenverlag // Duden.de. – URL : <http://www.duden.de/rechtschreibung/Fluegel>
18. Wikipedie. Otevřená encyklopedie // cs.wikipedia.org. – URL : https://cs.wikipedia.org/wiki/Ko%C4%8Di%C4%8D%C3%AD_hlavy

УДК 811.162.1

Ж. И. Ерома

кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области медиатехнологий ИМО и СПН МГЛУ; e-mail: eromaz@mail.ru

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КОЛОРИТА ПОЛЬСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ В МОЛОДЕЖНОМ СЛЕНГЕ

Статья посвящена проблемам методики преподавания иностранных языков (на примере польского языка). В центре внимания стоят вопросы развития прагматической компетенции и умения варьировать регистры речевого общения в иноязычной коммуникативной деятельности, ориентированной на участие в реальной межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: польский язык; молодежный сленг; межкультурная коммуникация; функциональный стиль; прагматика.

Zh. I. Eroma

Ph.D. (Philology), Associate Professor, Department of Linguistics and Professional Communications in the Field of Media Technologies, Institute of International Relations and Socio-Political Sciences, MSLU; e-mail.ru: eromaz@mail.ru

REFLECTION OF THE NATIONAL COLOR OF THE POLISH LINGUISTIC CULTURE IN YOUTH SLANG

The article addresses the problems of foreign language teaching methods (using Polish language as an example). It focuses on learning of pragmatic competence and different styles of spoken language in foreign language communication in intercultural interaction.

Key words: Polish language; youth slang; intercultural communication; functional style; pragmatic didactics.

Овладение иноязычной коммуникативной компетенцией позволяет обучаемым адекватно участвовать в реальной межкультурной коммуникации в зависимости от ситуации общения. При этом важно соблюдение соответствующего функционально-стилистического регистра речевого общения (формального, нейтрального, неформального) [1]. Для процесса обучения иностранным языкам в университетской практике характерны преимущественно формальный и нейтральный регистры общения, поэтому в реальном общении студентам бывает трудно выстраивать свое речевое поведение в неформальном речевом

стиле, тем более, если речь идет о молодежном сленге. В связи с тем, что сленгизмы всё чаще встречаются в разного рода текстах, в том числе газет и журналов, с которыми работают студенты, возникла необходимость прагмадидактического осмысления данного факта.

В 1989 г. начался новейший этап развития польского языка. В течение последних лет этот язык претерпел значительные изменения, в результате появились новые слова, часто используемые как в официальной, так и разговорной речи. Появлению новых слов и выражений в польском языке способствуют изменения в политической и социальной жизни общества, технический прогресс, развитие средств массовой информации, а также тесно связанное с указанными выше процессами влияние других культур. За последние годы был издан ряд словарей, фиксирующих слова и выражения, отражающие постоянную эволюцию лексики польского языка [2; 4; 6; 7; 9; 11–15]. Часть из них включает лексику молодежного сленга: S. Kania, L. Kaczmarek, T. Skubalanka «Słownik gwary studenckiej» [8], H. Zgólkowa, K. Czarnecka «Słownik gwary uczniowskiej» [3], M. Czeszewski «Słownik slangu młodzieżowego» [5]. В интернет-пространстве были созданы словари, представляющие особую ценность, поскольку они постоянно обновляются, являются источником «живого» сленга [10].

В текстах, опубликованных на страницах газет и журналов, с которыми работают студенты, преобладает нейтральная стилистика. Сленгизмы, характерные для идиостиля автора, встречаются в высказываниях во время интервью, в письмах от читателей, комментариях к фотографиям, в фельетонах и рекламных слоганах. Они имеют экспрессивную коннотацию с целым спектром экспрессивно-оценочных обертонов (фамильярным, шутливым, ироническим, саркастическим). Достигается это с помощью различных приемов прагматизации: путем образования новых слов, использования аббревиатур, просторечных фразеологических оборотов, трансформации, заимствования из других языков.

Современный польский язык располагает многими способами **образования новых слов**, которые успешно использует молодежный сленг. К их числу принадлежат:

1) аффиксация:

superancko, superowo (← *super*) «очень хорошо»,
oszukista (← *oszukiwać*) «обманщик»;

2) обратное словообразование:

wczuwa (← *wczuwać się*) «интерес к чему-либо»;
ściema (← *ściemniać*) «неправда, вранье»;
beznadzieja (← *beznadziejny*) «негативные эмоции, негативная оценка чего-либо»;

3) словосложение:

hasiosznupel «бомж»; *babochłor* «трансвестит»;

4) конверсия:

whita «обидное, язвительное высказывание в чей-то адрес»;
walony «счастливчик»;

5) сокращение:

spoko (← *spokojnie*) «все в порядке»; *pozdro* (← *pozdrowić*) «передать привет»; *pnż* (← *ponieważ*) «потому что»; *rela* (← *religia*) «предмет религия в школе»; *kom* (← *telefon komórkowy*) «сотовый телефон»;

6) чередование звуков:

obrasiać się (← *obrażać się*) «обижаться»;
babibasy (← *adidas*) «подделанная спортивная обувь».

Польский молодежный сленг использует много **аббревиатур**, имеющих оценочную семантику. Определенный регистр речевого общения иногда маркирует преимущественное употребление одного-двух типов аббревиатур. В польском молодежном сленге популярны акронимы, появившиеся на базе заимствований из английского языка:

Lol (← *lot of laugh*) – «очень смешно»;
Yolo (← *you only live once*) – «рискованная ситуация»;
Omg (← *O, my god!*) – выражение сильных эмоций.

Отмечен ряд акронимов польского происхождения:

WWW (← *witam wszystkich niewitanych*) – «приветствую всех, кого не поприветствовал»; *Cr* (← *co robisz*) – «что делаешь»; *Ci* (← *co tam*) – «что там (происходит), как дела»; *Msh* (← *tam swój honor*) – «у меня есть чувство собственного достоинства».

В неформальном речевом регистре акронимы обладают большой словообразовательной активностью. Например, чрезвычайно продуктивным является акроним *DB сленг*. [*debest*]:

debest → *debestowy* «лучший, самый лучший» → *debestowo* «лучше, лучше всех»;

debest → *debest* «то, что лучше всего»;

debest → *debeściak* «1. кто-то лучше всех, 2. фаворит, 3. специалист в какой-то области» → *debeściakowy* → *debeściakowo*;

debest → *debesiak* «1. кто-то лучше всех, 2. фаворит, 3. специалист в какой-то области» → *debesiacki* → *debesiacko*;

debest → *debesiara* «кто-то лучше всех» → *debesiarski*.

Фразеология молодежного сленга быстро меняется. Фразеологизмы, собранные в словарях второй половины XX в., часто соотносятся с устойчивыми словосочетаниями нейтрального регистра. Они образованы путем переосмысления, изменения или замены одного из компонентов словосочетания. Например, фразеологизм *być na fali* «быть пьяным» возник в результате переосмысления устойчивого словосочетания из нейтрального регистра *być na fali, utrzymać się na fali* «достичь успеха, иметь успех», а фразеологизм *mieć w czubie* «быть пьяным» является результатом замены одного из компонентов устойчивого выражения *mieć w głowie* «быть умным».

В «живом» польском молодежном сленге, который отражен в интернет-словарях, фразеологизмы не переключаются с фразеологизмами нейтрального регистра, являются противопоставлением идеально правильному, образцовому стандарту речевого общения:

bez jaj «в самом деле»; *a weź idź spać* «отстань»; *ciąć komara, wbijać gwóźdź* «спать»; *wbijać łaskę* «игнорировать, относиться легкомысленно»; *jechać na wolnym* «импровизировать»; *czaić bazę* «понимать»; *iść na Basha* «сказать глупость».

Трансформация является еще одним способом образования новых слов в сленге, когда происходит: расширение значения (*rzeźnia* «что-то экстремальное, приносящее острые ощущения»), сужение значения (*amigo* «шутник»), перенос значения слова (*wyczesany* «великолепный, замечательный», *kozacki* «классный»). В результате молодежный сленг отличает обширная синонимия, например:

привлекательная молодая девушка – *laska* («высокая, стройная»); *towar* («продажная»); *focзка* («милая, пухленькая»); *suczka* («самка»); *niunia* («миленькая»).

Заимствования также являются средством прагматизации речи. В польском молодежном сленге преобладают англицизмы, они адаптированы фонетически, морфологически и др.:

bajo (← *bye*) «пока»; *lofciać* (← *love*) «любить»; *bejbasek* (← *baby*) «ребенок»; *fifciak* (← *five*) «оценка пять».

В процессе работы с аутентичными текстами возникает необходимость разработки специальных упражнений, заданий, тренингов, цель которых состоит в том, чтобы научить студента варьировать употребление слов и выражений в соответствии с характером ситуации и регистром общения. Методически правильным представляется выстроить работу в соответствии с алгоритмом *образование – распознавание – использование*. На первом этапе целесообразно выполнить упражнения, которые тренируют конструирование самостоятельных языковых единиц вне контекста. Затем – задания, имеющие прагматическую направленность, формирующие умение распознавать по стиливым маркерам (новые слова, аббревиатуры, фразеологические обороты, трансформации, заимствования из других языков) регистры речевого общения и определять характер коммуникативной ситуации. Коммуникативные задачи на третьем этапе работы – создавать определенное прагматическое коммуникативное пространство, с тем чтобы студенты овладевали умением выбирать речевой регистр в соответствии с ситуацией общения и уместно использовали языковые средства прагматизации. Тренинги моделируют максимально приближенные к реальности ситуации, обеспечивают развитие прагматической компетенции и умение варьировать регистры речевого общения в иноязычной коммуникативной деятельности студентов.

Иностранный язык имеет устойчивые тенденции к трансформациям и новообразованиям, которые должны быть учтены при отборе лингвистического материала для развития у студентов умения ясно и логично выражать мысли, адекватно используя различные языковые средства в соответствии с регистрами общения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Акопянц А. М.* Современный английский язык в контексте прагмалингводидактики [Текст] : монография. – Пятигорск : Изд-во ПГЛУ, 2007. – 182 с.
2. *Anusiewicz J., Skawiński J.* Słownik polszczyzny potocznej. – Warszawa-Wrocław : PWN, 1996.

3. *Czarnecka K., Zgółkowa H.* Słownik gwary uczniowskiej. – Poznań : Kantor Wywadniczy SAWW, 1994. – 254 s.
4. *Czeszewski M.* Słownik polszczyzny potocznej. – Warszawa : PWN, 2012.
5. *Czeszewski M.* Słownik slangu młodzieżowego. – Pila: Ekolog, 2001.
6. *Grochowski M.* Słownik polskich przekleństw i wulgaryzmów. – Warszawa : PWN, 1995. – 185 s.
7. Inny słownik języka polskiego : t. 1–2 / red. M. Bańko. – Warszawa : PWN, 2000.
8. *Kaczmarek L., Skubalanka T., Grabias S.* Słownik gwary studenckiej. – Lublin : Wydawnictwo UMCS, 1994.
9. *Kania S.* Słownik argotyzmów. – Warszawa : Wiedza Powszechna, 1995.
10. Miejski słownik slangu i mowy potocznej. – URL : <http://www.miejski.pl/> (дата обращения: 20.09.2016).
11. Słownik polskich leksemów potocznych : T. 1–6. – Kraków : LEXIS, 2009–2016.
12. Słownik współczesnego języka polskiego / red. B. Dunaj. – Warszawa : Wilga, 1996.
13. Uniwersalny słownik języka polskiego: T. 1–4 / red. S. Dubisz. – Warszawa : PWN, 2003.
14. Wielki słownik frazeologiczny PWN z przysłowiami / red. A. Stankiewicz, E. Sobol, A. Kłosińska. – Warszawa: PWN, 2013.
15. Wielki słownik języka polskiego PAN / red. P. Żmigrodzki. – URL : <http://www.wsjp.pl> (дата обращения: 20.09.2016).

УДК 81'342.1

Ю. А. Корыткин, С. В. Андросова

Корыткин Ю. А., магистрант кафедры иностранных языков
филологического факультета
ФГБОУ ВПО «Амурский государственный университет»;
e-mail: korytkin76@mail.ru

Андросова С. В., доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры иностранных языков филологического факультета;
ФГБОУ ВПО «Амурский государственный университет»;
e-mail: androsova_s@mail.ru

ПРОСОДИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ФУТБОЛЬНОМ КОММЕНТАРИИ

Исследование посвящено динамике F0, интенсивности, длительности и темпа при варьировании эмоциональности фраз на материале британского и российского футбольного комментария. Были выполнены замеры 60 фраз, одна половина которых носила ярко выраженный эмоциональный характер, другая – нейтральный. Результаты показали более важную роль F0 и темпа в выражении эмоциональности. Изменения интенсивности не были выявлены и не являлись статистически значимыми.

Ключевые слова: футбольный комментарий; эмоциональность; F0; интенсивность; темп артикулирования.

Yu. A. Korytkin, S. V. Androsova

Korytkin Yu. A., Master Student, Department of Foreign Languages,
Philological Faculty, Amur State University;
e-mail: korytkin76@mail.ru

Androsova S. V., Advanced Doctor (Philology), Ass. Prof.;
Prof., Department of Foreign Languages, Philological Faculty,
Amur State University; e-mail: androsova_s@mail.ru

PROSODIC MEANS OF EXPRESSING EMOTIONS IN ENGLISH AND RUSSIAN FOOTBALL COMMENTARY

The current paper aims at demonstrating the dynamics of F0, intensity, duration and tempo at varying emotional level of phrases from British and Russian football commentaries. The measurements from the total of 60 tokens were made; one half of them were highly emotional, another half – neutral. The results show more important role of F0 and tempo in expressing emotionality. Intensity changes were not either notable or statistically significant.

Key words: football commentary; level of emotions; F0; intensity; speech tempo.

1. Введение

Спортивный комментарий по праву считается особым типом дискурса, а футбольный комментарий – его самая весомая составляющая в мировых СМИ. Между тем, нельзя сказать, что проведен глубокий лингвистический (и особенно фонетический) анализ данного типа дискурса; имеются некоторые работы, посвященные, в частности, общим характеристикам и исследовательским задачам в области его изучения [5], лексическим способам выражения эмоций [3; 4], роли спортивного комментирования в телевизионной медиатизации [2].

Футбольный комментарий обладает, пожалуй, самой высокой степенью эмоциональности, сравнимой, возможно, лишь с комментарием такого вида спорта, как хоккей, для России, Северной Америки и ряда стран Европы. Репортажи о других видах спорта (например, баскетболе, волейболе, гандболе) в целом менее эмоциональны, что обусловлено с одной стороны, меньшим спектром игровых действий в схеме данных игр, с другой – гораздо большим количеством результативных действий (атак, забитых мячей), в связи с чем эмоциональность не может постоянно поддерживаться на высоком уровне.

Безусловно, важным элементом, во многом определяющим привлекательность и качество футбольного комментария, является эмоциональность (в некоторых исследованиях, посвященных спортивному комментарию, используется термин «эмотивность» – способность выражать эмоциональное отношение к предмету комментирования, проявляемая в речи в виде эмоционально окрашенных языковых единиц [3]). Выражение эмоциональных значений и общей эмоциональной окраски является одной из функций интонации, причем, по словам Н. Д. Светозаровой, в первом случае данная функция лингвистична, а во втором – нет [12, с. 39–40]. Согласно Л. Р. Зиндеру, для выражения экспрессивности, эмоциональности речи используются следующие просодические компоненты: 1) частота основного тона голоса (высотный или мелодический компонент); 2) интенсивность (динамический компонент); 3) длительность и темп (временной, темпоральный компонент); 4) пауза; 5) тембр; все они обязательно присутствуют в любом высказывании и тесно взаимодействуют между собой [6, с. 273]. И. Г. Торсуева называет их первичными параметрами и на их основе выделяет дифференторы – относительные изменения указанных параметров, которые и являются лингвистически

релевантными [14]. Особенности динамики первых трех показателей при варьировании эмоционального уровня реплик мы попытались определить на материале британского и российского футбольного комментария. Такой выбор обусловлен тем, что именно эти компоненты чаще используются для выражения различных смысловых отношений и эмоциональной окрашенности (см. об этом, например, на материале русской устной монологической и диалогической речи труды Л. А. Пиотровской [10; 11]).

2. Эксперимент

2.1. Материал и методика исследования

Для выявления основного просодического компонента, определяющего эмоциональность комментария, и зависимости просодических компонентов от степени эмоциональности нами было проведено экспериментальное исследование (частично данный эксперимент был реализован ранее и описан в статье «Спортивный дискурс и его интонационные особенности» [8]). В качестве материала для исследования были использованы аудиозаписи английского и русского комментариев футбольного матча (со статьями и интервью о характеристиках и особенностях футбольного комментария можно ознакомиться на сайте Footballtop.ru [17]), состоявшегося 8 июля 2014 г. в городе Белу-Оризонте, в Бразилии, в рамках XX Чемпионата мира по футболу, между сборными командами Бразилии и Германии. Матч транслировался в прямом эфире на телеканалах BBC Sport [16] и Спорт 1 [13]. Статус матча был предельно высоким – полуфинал чемпионата мира, при этом итоговый результат оказался беспрецедентным – победа сборной Германии со счетом 7:1. Репортаж на английском телеканале вели два комментатора, постоянно проживающих в Великобритании: СВЕ-1, 1967 года рождения – профессиональный футбольный комментатор, постоянно работающий на BBC (в данном репортаже он выступал в качестве основного комментатора), и СВЕ-2, 1966 года рождения – бывший профессиональный футболист, игрок сборной Англии и лондонского «Арсенала», сотрудничающий с британскими футбольными каналами в качестве эксперта. На российском телеканале матч комментировал CR-1, 1980 года рождения, профессиональный футбольный комментатор и телеведущий, постоянно работающий на спортивных каналах ВГТРК.

С помощью программы PRAAT [15] были подготовлены 60 коротких фрагментов из обоих репортажей, по 20 фрагментов речи каждого комментатора. При этом одна их половина носила ярко выраженный эмоциональный характер (фразы, произносимые во время голевых атак и непосредственно после их завершения). Вторая половина выбранных отрывков не имела какой-то особенной эмоциональной окраски.

Приведем содержание одной неэмоциональной и одной эмоциональной фразы из речи CBE-1 и CBE-2 (полный перечень см. [8, с. 27–30]) и все анализируемые фрагменты речи российского комментатора CR-1.

Неэмоциональная фраза британского комментатора CBE-1

№ 6. «Captain for the ninth time of his country is David Luiz in the absents of Thiago Silva».

Эмоциональная фраза британского комментатора CBE-1

№ 20. Klose! Brilliant save! Klose scores! Historic goal!

Неэмоциональная фраза британского комментатора CBE-2

№ 7. Hulk should do better with the cross though.

Эмоциональная фраза британского комментатора CBE-2

№ 18. What a finish that is! Goes like an arrow.

Неэмоциональные фразы российского комментатора CR-1

1. Я знаю, как играют немцы, потому что я играю за «Баварию», – сказал Данте.
2. Луис. Отбрасывает Жулио Сезару.
3. Справа сейчас оказался Бернар. Поменялись они флангами с Халком, что наверняка будут проделывать а... по ходу всего матча.
4. И один совершенно был Мюллер, никто его не прикрывал, внимательно а... разглядывал экипировку Мюллера Давид Луис.
5. Два удара у Хуммельса по чужим воротам – два забитых мяча. Ну и в обороне, в обороне очень хорош.
6. Выдающийся футболист, наблюдает за тем, что происходит. А происходит полное преимущество сборной Германии на поле, полное.

7. Поражение от сборной Уругвая, то самое, в финале в пятидесятом году, известно у бразильцев как «Мараканасо», это, в общем, трагедия бразильского футбола. Но если бразильцы сейчас не начнут творить чудеса, то мы сегодня увидим, не знаю, «Минейранасо», или как это называть.
8. Кстати, Жозе Моуриньо очень понравилась такая схема, а вот Феликс Магат её критиковал. Ну и сегодня, да, Лам появился на правом фланге, но вот слева играет Хёведес.
9. Не было нарушения правил со стороны Хёведеса, уверен мексиканский арбитр.
10. Пять голов в шести матчах. Я бы еще на Крооса обратил ваше внимание, осмелился. Аа... Кроос здесь стал, на этом Чемпионате мира, твердым игроком основы. Когда он не был, кстати, игроком, стандарты исполнял Швайнштайгер.

Эмоциональные фразы российского комментатора CR-1

11. Передача в штрафную. Опасный момент!
12. Подача. Момент! Один – ноль в пользу Германии! Мюллер! Да, он наследник, наследник Мюллеров! Их много было у немцев!
13. И опять-таки стандарт приносит успех сборной Германии. Один – ноль!
14. И еще один момент! Ну, бразильцы, они как будто говорят немцы... немцам, как мы, «Herzlich willkommen» в нашу штрафную площадку. Немцы приходят и забивают.
15. И пас в штрафную! Завершать нужно, какой момент! Еще два – ноль! Изумительно все было! И, конечно, Мюллер, вы видели передачу Мюллера?!
16. Блестящее начало, блистательное начало немецкой сборной! Бундесманшафт в порядке, с характером и с игрой!
17. И снова опасный момент. Удар! Три-ноль! Феерия! Немцы, немцы – это, это не, не пв..., не выразимо словами!
18. И еще одна атака, Хедира! Пустые ворота, четыре – ноль! Да шо ж вы творите-то!?
19. Еще один удар, пять – ноль! Тут уже на трибунах творится невероятное. Пять – ноль!

20. Сборная Германии издевательски обыгрывает бразильцев. Какой чемпионат мира – в полуфинале пять – ноль!

Для каждого фрагмента были посчитаны значения основного тона (F0) и интенсивности: минимальные, максимальные и средние на участке. Затем определены соответствующие общие средние показатели для каждого диктора отдельно по эмоциональным и неэмоциональным фрагментам.

3. Результаты

3.1. F0 и интенсивность

3.1.1. Акустическая обработка параметров

Результаты по средним минимумам, максимумам и общим средним значениям представлены в таблице 1.

Таблица 1

**Средние значения основного тона и интенсивности
(по трем дикторам)**

Значение показателей основного тона, Гц						
Диктор	Неэмоциональные фразы			Эмоциональные фразы		
	Min	Max	Average	Min	Max	Average
СВЕ-1	143	281	213	238	401	341
СВЕ-2	125	208	161	159	258	207
CR-1	118	329	215	181	402	315
Значение показателей интенсивности, дБ						
Диктор	Неэмоциональные фразы			Эмоциональные фразы		
	Min	Max	Average	Min	Max	Average
СВЕ-1	64	76	72	68	77	74
СВЕ-2	65	75	71	66	76	72
CR-1	73	82	79	73	83	79

Как видно из таблицы 1, в речи СВЕ-1 средние показатели F0 эмоциональных фраз значительно превышают аналогичные показатели неэмоциональных фраз. Минимум основного тона эмоциональных

фрагментов больше соответствующего минимума неэмоциональных фрагментов на 95 Гц или в 1,7 раза; максимум – на 120 Гц или в 1,4 раза; средний показатель – на 128 Гц или в 1,6 раза. При этом если сравнивать все выбранные фрагменты, то даже условно наименее эмоциональный фрагмент из эмоциональных по показателям основного тона превышал условно наиболее эмоциональный из неэмоциональных: минимум – 220 Гц, максимум – 315 Гц, средний – 275 Гц против соответственно 207 Гц, 306 Гц, 264 Гц (несмотря на то, что отнесение к эмоциональным и неэмоциональным было осуществлено достаточно однозначно, уровень эмоций (восторга) в тот момент, когда немецкие футболисты забивали второй и третий мячи, был заметно выше, чем когда были забиты шестой и седьмой, т. е. по сути исход игры был уже всем ясен).

В речи СВЕ-2 также имеет место превышение средних показателей F0 эмоциональных фраз соответствующих показателей неэмоциональных фраз. Но при этом абсолютные значения данного превышения были меньше, чем у СВЕ-1 комментатора. Минимум основного тона эмоциональных фрагментов больше соответствующего минимума неэмоциональных фрагментов на 34 Гц (в 1,3 раза), максимум – на 50 Гц (в 1,2 раза), средний показатель – на 46 Гц (в 1,3 раза). Меньший размер отклонений скорее всего связан с индивидуальными особенностями второго британского комментатора, который на протяжении всего репортажа менее ярко выражал свои эмоции, и в моменты взятия ворот был склонен не столько восторгаться мастерством атакующей команды, сколько разбирать ошибки защитников (возможно, поскольку сам в свою бытность футболистом играл в центре обороны).

Что касается интенсивности (см. табл. 1), то по этому показателю у СВЕ-1 эмоциональные и неэмоциональные отрывки отличаются незначительно. Интенсивность эмоциональных фраз превышает соответствующие показатели неэмоциональных фраз на 4 дБ, 1 дБ, 2 дБ (соответственно минимум, максимум, среднее). У СВЕ-2, как и у СВЕ-1, интенсивность эмоциональных участков незначительно превышает соответствующие показатели неэмоциональных фрагментов (в среднем на 1 дБ).

Схожую с речью британских комментаторов тенденцию можно наблюдать и в речи российского футбольного комментатора (см. табл. 1): средние показатели F0 эмоциональных фраз превышают аналогичные

показатели неэмоциональных. При этом у нашего соотечественника (CR-1) абсолютные значения данного превышения немного меньше, чем у СВЕ-1, и заметно выше, чем у СВЕ-2. Минимум основного тона эмоциональных фрагментов больше соответствующего минимума неэмоциональных фрагментов на 63 Гц (в 1,5 раза), максимум – на 73 Гц (в 1,2 раза), средний показатель – на 100 Гц (в 1,5 раза).

По данным таблицы 1 видно, что интенсивность эмоциональных фраз у российского комментатора практически не отличается от соответствующих показателей неэмоциональных фраз – средние и минимальные показатели равны. Превышение на 1 дБ наблюдается только у среднего максимального значения интенсивности эмоциональных фрагментов. Это полностью соответствует тенденции, выявленной при анализе речи обоих британских комментаторов.

Таким образом, вышеприведенные показатели говорят о том, что в изученной речи и британских, и русского футбольных комментаторов эмоциональные фрагменты характеризуются более высоким уровнем F0, а уровень интенсивности практически не зависит от эмоциональной окраски речевого фрагмента.

3.1.2. Статистическая обработка параметров

Для подтверждения статистической значимости полученных просодических параметров выражения эмоциональности выдвинем гипотезу о принадлежности средних к одной статистической совокупности (так называемую нулевую гипотезу), проверим ее путем расчета нормированной разности выборочных средних (Z_{ϕ}) и сравним ее с критическим значением (Z_q) [9, с. 174–177].

Предположительно, нулевая гипотеза должна быть опровергнута: данные должны принадлежать к разным генеральным совокупностям – «неэмоциональная речь» и «эмоциональная речь» соответственно.

Показатели основного тона и интенсивности (приводятся итоговые показатели (см. табл. 2)).

Как можно видеть из таблицы 2, значения Z_{ϕ} у всех комментаторов больше значения Z_q (берутся без учета знака). Соответственно, гипотеза о принадлежности средних к одной генеральной совокупности опровергается. Это означает, что подтверждается наш вывод о том, что эмоциональные фрагменты характеризуются статистически значимым более высоким уровнем F0.

Таблица 2

**Итоговые статистические показатели
по основному тону и интенсивности (по трем дикторам)**

Диктор	СВЕ-1		СВЕ-2		CR-1	
Фразы	Неэмоцио- нальные	Эмоцио- нальные	Неэмоцио- нальные	Эмоцио- нальные	Неэмоцио- нальные	Эмоцио- нальные
Основной тон						
Средние	213	341	161	207	215	315
Кол-во измерений	10	10	10	10	10	10
Дисперсия	10409	10595	1909	2680	1736	10390
Z _ф	-2,8		-2,2		-2,9	
Z _q	2,1		2,1		2,1	
Интенсивность						
Средние	72	74	71	72	79	79
Кол-во измерений	10	10	10	10	10	10
Дисперсия	13	9	14	3	3	4
Z _ф	-1,3		-0,8		-0,8	
Z _q	2,1		2,1		2,1	

Из таблицы 2 также видно, что значения Z_{ϕ} у всех комментаторов меньше значения Z_q . Следовательно, гипотеза о принадлежности средних к одной генеральной совокупности подтверждается, что соответствует нашему выводу о том, что уровень интенсивности не зависит от эмоциональной окраски речевого фрагмента.

3.2. Темп артикулирования

3.2.1. Акустический анализ параметров

Для сравнения темпа артикулирования эмоциональных и неэмоциональных фраз была измерена «чистая» длительность каждой фразы (были удалены длительные паузы между словами в случае наличия

таковых) в секундах, посчитано количество фонем, содержащихся во фразе, определены значения темпа каждой фразы. Затем были вычислены средние значения темпа для каждого диктора отдельно по эмоциональным и неэмоциональным фразам (см. табл. 3).

Таблица 3

Средний темп артикулирования (по трем дикторам, ед./с)

СВЕ-1		СВЕ-2		CR-1	
Неэмоциональные фразы	Эмоциональные фразы	Неэмоциональные фразы	Эмоциональные фразы	Неэмоциональные фразы	Эмоциональные фразы
12,4	10,0	13,6	13,2	15,3	10,7

Как видно из таблицы 3, темп речи СВЕ-1 на эмоциональных участках немного ниже (на 2,4 фонемы в секунду или в 1,24 раза). Однако данные таблицы 3 показывают, что темп речи СВЕ-2 на эмоционально нагруженных участках практически не отличается от неэмоциональных (разница между средними показателями темпа составляет 0,4 фонемы в секунду или 3 % «в пользу» неэмоциональных участков). Но здесь следует отметить, что СВЕ-2 не был основным комментатором матча и, как уже отмечалось выше, оставался менее эмоционален, чем его коллега. Это, судя по всему, отражает и темп его речи, практически одинаковый на эмоциональных и неэмоциональных участках. Показатели темпа российского комментатора CR-1 наиболее наглядно демонстрируют различия между эмоциональными и неэмоциональными фразами (см. табл. 3). На неэмоциональных участках скорость его речи выше на 4,6 фонемы в секунду, или на 43 % (почти в полтора раза).

Анализ показателей темпа речи трех комментаторов говорит о том, что эмоциональные фразы в целом характеризуются более медленным произнесением.

3.2.2. Статистическая обработка параметров

Для подтверждения этих выводов также проверим нулевую гипотезу о принадлежности средних к одной статистической совокупности. **Показатели темпа** (приводятся итоговые показатели (см. табл. 4)).

Таблица 4

**Итоговые статистические показатели по темпу
(по трем дикторам, ед. / с)**

Диктор	СВЕ-1		СВЕ-2		CR-1	
Фразы	Неэмоцио- нальные	Эмоцио- нальные	Неэмоцио- нальные	Эмоцио- нальные	Неэмоцио- нальные	Эмоцио- нальные
Средние	12,4	10,0	13,6	13,2	15,3	10,7
Кол-во измерений	10	10	10	10	10	10
Дисперсия	44,2	27,5	40,1	17,6	34,3	30,9
Z_{ϕ}	0,9		0,2		1,8	
Z_q	2,1		2,1		2,1	

Согласно таблице 4, значения Z_{ϕ} у всех комментаторов меньше значений Z_q . Соответственно, гипотеза о принадлежности средних к одной генеральной совокупности подтверждается, что говорит о том, что наблюдаемые нами различия в показателях темпа эмоциональных и неэмоциональных отрывков носят случайный характер. Тем не менее, если принимать во внимание только средние показатели темпа без дополнительных статистических расчетов, то у основных комментаторов репортажей (как английского (СВЕ-1), так и русского (CR-1)) разница в темпе составляет 24–43 %, что позволяет говорить о явной тенденции к замедлению темпа на эмоциональных фрагментах. Наличие тенденции к замедлению темпа на информативно нагруженных участках и некоторому ускорению на малоинформативных частях текста подтверждают данные других исследований (в частности, политического дискурса на примере британских политиков [7], американской спонтанной речи [1, с. 365–415], русской речи [11, с. 73]).

4. Заключение и перспектива исследования

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы. Роль изученных просодических параметров в выражении эмоций в футбольном комментарии, являющимся особой разновидностью спортивного дискурса, неодинакова.

Во-первых, мелодический компонент на изученном материале играет более важную роль, что подтверждается статистически значимыми отличиями параметров основного тона эмоциональных и неэмоциональных фраз – соответственно более высокие и низкие значения F0.

Во-вторых, имеются заметные, хотя и статистически несущественные отличия темпа артикулирования, позволяющие говорить о тенденции к некоторому замедлению темпа на эмоциональных фразах футбольного комментария по сравнению с неэмоциональными. Наконец, изменения интенсивности эмоциональных и неэмоциональных фраз не носят выраженного характера и не являются статистически значимыми.

Таким образом, на данный момент систематическое повышение значений F0 на эмоциональных участках можно считать универсальной чертой для английской (в британском варианте) и русской речи исследуемых дикторов. Дальнейшее изучение будет посвящено балансированию английского и русского материала (добавлению речи еще одного российского футбольного комментатора). Однако значительная общность результатов по трем дикторам (носителям разных языков) уже сейчас позволяет говорить о большой вероятности проявления аналогичных тенденций в речи других дикторов в указанной сфере. В дальнейшем планируется провести подобное исследование и на материале китайского спортивного комментария.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андросова С. В.* Акустические и перцептивные корреляты цельнооформленности слога (экспериментально-фонетическое исследование на материале американской спонтанной речи) : дис. ... д-ра филол. наук. – Благовещенск : Амур. гос. ун-т, 2012. – 535 с.
2. *Гутцайт Р. Л.* Спортивное комментирование и его роль в телевизионной медиатизации (на примере спутниковой телекомпании «НТВ-Плюс») : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М. : РУДН, 2012. – 18 с.
3. *Гутцайт Р. Л.* Эмотивность и оценочность телевизионного футбольного комментария [Электронный ресурс] // Медиаскоп. – 2011. – Вып. № 4. – Режим доступа : <http://www.mediascope.ru/node/951>
4. *Гутцайт Р. Л.* Языковая игра в речи спортивного комментатора [Электронный ресурс] // Медиаскоп. – 2012. – Вып. № 1. – Режим доступа : <http://www.mediascope.ru/node/1022>

5. Зильберт Б. А., Зильберт А. Б. Спортивный дискурс: базовые понятия и категории; исследовательские задачи // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : МАКС Пресс, 2001. – Вып.17. – С. 45–55.
6. Зиндер Л. Р. Общая фонетика // Общая фонетика и избранные статьи. – СПб. : Филол. фак. С.-Петерб. гос. ун-та ; М. : Академия, 2007. – С. 7–354.
7. Иванашко Ю. П. Фонетическая организация политического дискурса (экспериментально-фонетическое исследование на материале речей британских политиков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Благовещенск, 2015. – 21 с.
8. Корыткин Ю. А. Спортивный дискурс и его интонационные особенности // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2015. – Вып. 1. – № 2. – С. 21–35.
9. Лялин В. С., Зверева В. Г., Никифорова Н. Г. Статистика: теория и практика в Excel : учеб. пособие. – М. : Финансы и статистика ; ИНФРА-М, 2010. – 448 с.
10. Пиотровская Л. А. Интонация текста и речевая деятельность: психолингвистический анализ // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2015. – Вып. 1. – № 4. – С. 52–63.
11. Пиотровская Л. А. Монотонная vs выразительная устная речь // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2015. – Вып. 1. – № 4. – С. 64–75.
12. Светозарова Н. Д. Просодическая организация высказывания и интонационная система языка : дис. ... д-ра филол. наук. – Л. : Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова, 1983. – 514 с.
13. Спорт 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://sportodin.ru/>
14. Торсуева И. Г. Интонация и смысл высказывания. – 2-е изд. – М. : Либроком, 2009. – 112 с.
15. Программа для обработки звукового сигнала PRAAT. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.fon.hum.uva.nl/praat/>
16. BBC Sport [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.bbc.com/sport/live/football/28151201>
17. Footballtop.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.footballtop.ru/tags/kommentatorskaya-budka>

УДК 81'255.2

А. П. Люсий

кандидат культурологии, ст. научный сотрудник
Центра фундаментальных исследований культуры
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва;
e-mail: allyus1@gmail.com

ПЕРЕВОД КАК КУЛЬТУРНАЯ ПРАКТИКА РЕФЛЕКСИИ, В ЧАСТНОСТИ ФИЛОСОФСКОЙ

Переводоведческая комедия

В статье сопоставляются разные концепции перевода и межкультурной коммуникации. Показан путь рождения философской рефлексии в процессе переводоведческой деятельности, что подтверждает идею того, что любая интеллектуальная идентичность – это саморасчлененность, дифференциация и познавательный синтез. Вместо утопического всеобщего языка обосновывается идея бесконечной сети всеобщего перевода.

Ключевые слова: переводоведение; интерпретация; сообщество; дискурс; коммуникация; диалог.

A. P. Liusyi

Ph.D. (Cultural Studies), Senior Research Fellow,
Centre for Fundamental Research of Culture,
Russian Scientific Research Institute for Cultural
and Natural Heritage named after D. S. Likhachev;
e-mail: allyus1@gmail.com

TRANSLATION AS A CULTURAL PRACTICE OF REFLECTION, IN PARTICULAR, PHILOSOPHICAL

Translational comedy

Mapped to different concepts of translation and intercultural communication. Shows the way for the birth of philosophical reflection in the process of translational activity, which confirms the idea that any intellectual identity is camerasdirect, differentiation and cognitive synthesis. Instead of the utopian universal language substantiates the idea of an infinite network of universal translation.

Key words: translation; interpretation; community; discourse; communication; dialogue.

Россия по-прежнему находится в ситуации переводческого выбора. «Кто-то скажет: перевод тем лучше, чем больше он смог учесть

всего понемножку: немножко автора, немножко читателя, немножко ситуацию создания, немножко ситуацию рецепции и так далее», – отталкивается автор книги «Познание и перевод» Н.А. Автономовой от непродуктивной на ее взгляд переводческой позиции. Не грех вспомнить по этому поводу размышления Агафьи Тихоновны из гоголевской «Женитьбы»: «Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича, да взять сколь-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазаровича, да, пожалуй, прибавить к этому еще дородности Ивана Павловича – я бы тогда тотчас же решилась. А теперь – поди подумай!» [3, с. 379].

Тогда получается, что Россия по-прежнему находится в ситуации переводческого выбора философского «мужа», и книга Н. Автономовой, размышление над которой составляет основную часть статьи, вольно или невольно приобретает характер особой познавательной комедии (каковая, согласно Гегелю, представляет собой высший жанр художественного познания). Вот если бы, продолжим и мы в отмеченной модальности, книга начиналась с того, чем она заканчивается, – с изложения краткой истории переводческой деятельности на Руси и определения места перевода в структуре познавательной деятельности как таковой, она выглядела бы как «традиционная» научная монография.

«Но, – как утверждает один не удостоившийся переводческого внимания Н. Автономовой французский философ, – вещи нашли способ избежать диалектики смысла, которая им докучала: пролиферируя до бесконечности, потенциализируясь, превосходя свою сущность, доходя до крайностей и *обсценности*, отныне ставшей их имманентной финальностью и безрассудным обоснованием» [2, с. 6]. Перевод выделенного слова как «непристойность» для данного текста не всегда подходит, – поясняет переводчик книги Ж. Бодрийяра (речь о нём!) «Фатальные стратегии». Это скорее бесстыдство, но агрессивное бесстыдство: такова обсценная лексика. К тому же автор обыгрывает в этом термине еще и слово «сцена», т. е. отсутствие сцены, неуместность. Вселенная не диалектична – она обречена на крайности, а не на равновесие. Обречена на радикальный антагонизм, а не на примирение и синтез.

В то же время в духе нашего знаменитого ерофеевского «медленно и неправильно», Бордийяр находит *медлительность* – не

ностальгическую медлительность духа, а непреодолимую неподвижность, медленнее всего медленного: *инертность* и безмолвие. Инертность, непреодолимую усилием, безмолвие, непреодолимое диалогом. По Бордийяру, обценная форма антитеатра (по сути – особой степени экстатического театра) – повсюду так же, как антипедагогика с антипсихиатрией, где знание и безумие теряются в психодраматическом сговоре, как антипсихоанализ, где аналитик и анализант, в итоге, меняются ролями. То есть происходит повсеместное исчезновение сцены. Повсюду возникают свои, нетеатральные полюса, порождающие напряжение или различие, поражены инертностью.

Н. Автономова в первом разделе своей книги «Познание и язык» тоже погружает читателя в атмосферу конкретных переводческих страстей, нередко замешанных на инертности, органично «вплетая» сюда, впрочем, и свой личный сюжет непростого, поначалу вынужденного приобщения филолога по базовому образованию к переводу философской литературы, а потом и к философской интерпретации.

Любите ли вы, позволю я себе высокий стиль, Мишеля Фуко, которого Ж. Бордийяр призывает «забыть», так, как я люблю его, т. е. всеми силами души вашей, со всем энтузиазмом? Первым из «женихов», несмотря, или скорее даже теперь благодаря его «нетрадиционности», на нашу воображаемую сцену / антисцену выходит именно он, что вполне соответствует и реальной истории «сватовства». Вы же, конечно, помните, кем был некогда преподнесен он нашему интеллектуальному сообществу в виде его «Слов и вещей»? Ею же, сразу же вполне обессмертившей тем самым свое переводческое имя Наталией Сергеевной. Значение появления этой книги в 1977 г. для интеллектуального сообщества вполне сопоставимо в литературной сфере с публикацией «Одного дня Ивана Денисовича» или «Мастера и Маргариты», и сама история опубликования выглядит, пожалуй, едва ли не более невероятной, во всяком случае, имеющей свою «детективную» составляющую.

Сейчас, конечно, более актуальным предстает описание самой переводческой работы над этим произведением философа, а потом и другими его работами. Поучительна изложенная в особом разделе книги история личных отношений переводчицы с оказавшимся таким «роковым» для отечественной гуманитарной мысли (наверное, как некогда табак для Европы, если не касаться специфических

внебрачных болезней) терминологическим заимствованием «дискурс» (*discours*). И для нее самой слово это стало средоточием ряда сложностей. Дело в том, что именно в творчестве Фуко запечатлелись два важнейших этапа существования этого французского понятия, с фактическим раздроблением при этом на два разных понятия: с одной стороны, логико-лингвистическая развертка представления, последовательное выражение мысли посредством слов и предложений; с другой – социально-регламентированное высказывание, совокупность социальных и идеологических ограничений, определяющих, кто, что, кому, каким образом и при каких обстоятельствах может или не может говорить. Преобладающий в «Словах и вещах» *discours* (1) был переведен как «дискурсия», а *discourse* (2) – как речь, реже – как собственно «дискурс». «Как это ни парадоксально, этот социально-идеологический дискурс как раз “недискурсивен”: во всяком случае, он противоположен “дискурсивности” в логико-лингвистическом смысле слова. А потому к этому новому дискурсу следовало бы применять скорее прилагательное “дискурсный”, оставив прилагательное “дискурсивный” для обозначения логико-лингвистического упорядочения речи, рассуждения...» [1, с. 379]. Однако добиться такого различения в русском языке Автономовой пока не удалось. В результате «первый, логиголингвистический дискурс умер неестественной смертью, а второй, языково-социальный, превратился в слово-“зонтик”, который может значить все на свете», как бы вернувшись к исходному латинскому слову *discurro* – разбегаться в разные стороны.

Что же касается общего урока, так или иначе переведенного, шедшего от «археологии знания» к «генеалогии власти» Фуко для России, – он заключается в том, что знание – это не убежище от социального порядка, но его средоточие. То же относится и к человеку, суверенный внутренний мир которого оказывается весьма иллюзорным укрытием, поскольку и тело, и «душа» планируются и порождаются механизмами власти именно в качестве воображаемых убежищ от системы «всепопнадзорности». Может быть, стоило бы также отметить значение российского исторического опыта для идеи «дисциплинарных пространств» Фуко [4, с. 106–107].

Осознанию того, что неким дисциплинарным пространством, топосом, местом является сама метафизика, способствует Жак Деррида, появляющийся на обозначенной выше сцене переводного

«сватовства» – вторым. Теперь ключевым для проблемы адекватного понимания стал неологизм *differAnce* (различАние), означающий двоякую деформацию пространства и времени как опор восприятия и осознания. «Иначе говоря, различАние – это промедленность, отсроченность, постоянное запаздывание во времени и отстраненность, смещение, разбивка, промежуток в пространстве» [1, с. 162]. Проблемы различия превращаются в основу таких привычных вопросов, как общество, национальное государство, демократия – во всех этих случаях концептуальная связка-противоречие между единством и множественностью сразу же указывает на их принципиальную неразрешимость. Возникает своего рода «идеал внятности», утверждающий не множественность как таковую, а гетерогенность, предполагающую различие, разделенность как условие отношений между людьми. Однородные же единства, принимающие вид органических целостностей, внутри которых не остается места для ответственности, личных решений, этики и политики, опасны. Основной пункт рассуждений Деррида, согласно Автономовой, – невозможность быть в единстве с самим собой. Любая идентичность – это саморасчлененность и дифференциация. И для существования сообщества нужно умение вычленять себя и другого как «абсолютно другого».

Деррида, сквозь призму Автономовой, в поисках «инфраструктуры несистематической мысли» демонстрирует, как теория определяется не только методом, но и предметом, даже если он еще и не сложился в знании. У него нет своего объекта в том смысле, в каком это был ритуал и миф у К. Леви-Стросса, литературные произведения и феномены массовой культуры у Р. Барта или история у М. Фуко. Его материал – это «языковые обнаружения философии». При этом за феноменальным уровнем этого языкового материала он обнаруживает метаязыковой предмет. «...Если взять язык “как он есть”, то мы увидим систему достаточно устойчивых и заранее заданных категориальных расчленений, навязываемых языком всякой мысли (например, систему бинарных оппозиций типа: присутствие – отсутствие, белый – черный и т.д.). Если же взять философию “как она есть”, то она должна будет раскрыться перед нами как самодостаточная и самообоснованная система устоявшихся категорий. Деррида рассматривает и язык, и философию в особом повороте, где за языком и в языке просвечивает то, что можно было бы назвать чистым “письмом”, а за

“полнотой присутствия” объекта в философии обнаруживаются “различия”, “следы”, “программы” и т. д. и т. п., образуя сами условия возможности акта мысли, означения, смыслополагания» [1, с. 175].

За занавесом слышна мягкая поступь, кажется, даже не переодетшего домашние тапочки Зигмунда Фрейда. Руки не руки, но всего остального от советской России 1920-х гг. он вполне успешно добился, но позже получил решительную идеологическую отставку и теперь сам вводится за руку – нет, не Юнгом, а своим верным французским последователем Жаком Лаканом. Собственно, сначала, в четвертой главе «Бессознательное структурировано как язык», согласно внутренней логике книги, Лакан выступает самостоятельно, выглядя в области познания символа продолжателем, скорее, Гегеля и Кассирера. О втором пришествии в Россию отца психоанализа речь идет в пятой главе «Фрейд, Лакан и другие: в спорах о теории и практике психоанализа». При этом, как показали научные встречи, французы пришли в изумление от того иррационального контекста, в котором расцвел у нас текущий интерес к душе, телу и бессознательному, приобретая оккультный, магический характер, к чему трезвый, хотя и увлекающийся ум француза может относиться либо иронически, либо сочувственно, как к проявлению душевной болезни общества.

Как философ Наталия Автономова далеко не всегда является сторонницей идей переведенных ею авторов. Во втором разделе книги «Познание, рецепция, перевод» она выступает, с одной стороны, за адекватность передачи их смыслов, с другой – за уместную вписанность этих смыслов в российский контекст. «Эстетических экспериментов на российской земле, – полагает она, – всегда было в избытке, а понятийной мысли – не хватало». В частности, творчество Деррида было не столько фонтанированием литературного таланта, сколько реализацией поистине каторжного труда концептуально-критического замысла. Автор выражает надежду, что острая, цепкая, отточенная мысль философа будет участвовать в создании профессионально зрелого философского сообщества.

Обозревая карту нынешнего философского перевода, Автономова скептически оценивает попытки Елены Гурко связать не переводимый, а выдвигаемый в качестве элемента сакрального языка термин «difference» с традициями русского имяславия. Подлинным же переводческим антигероем, эдаким сватом-соблазнителем из упомянутой

«Женитьбы», предстаёт ставший в последние годы весьма модным переводчиком Деррида Дмитрий Кралечкин, порождающий педалированием «безумия» и безотчетной «игры» переводимого философа «новых метафизических монстров». «Кажется, он видит на месте мысли одно только руководство к действию. И это – печальный русский обычай. Так некогда читали Маркса, не думая, что Маркс – это тоже движение интеллектуальной традиции» [1, с. 433–434]. Не лучше тенденция прямо противопоставить утерянной идеологической опоре новую – фрейдистскую. При этом в истории есть немало примеров, когда в процессе перевода сам язык, прежде литературы как таковой, становился объектом культурного творчества. Особую роль в этом процессе сыграло освоение европейского романтизма – именно на российской почве он, по словам Густава Шпета, «превращался из чувства в философскую задачу».

Перевод, по мнению Автономовой, первичен по отношению к диалогу, являясь условием его возможности, а не наоборот. Ведь любой диалог возникает лишь при наличии общего языка, для выработки которого и нужен перевод. Коммуникация также является частным случаем перевода (именно перевод позволяет ввести в процесс коммуникации динамику интерпретации, взаимодействие семиотических систем).

Непосредственный диалог невозможен, как невозможно и непосредственное чтение. Всякое стремление опереться на так называемое непосредственное сознание иллюзорно. Ведь Маркс, Ницше, Фрейд, ссылаясь Автономова на Рикера, уже научили разоблачать уловки такого ложного сознания. Рефлексия как процесс перевода символических пластов культуры в формы более строгого знания усиливает отчуждение и требует «ресимволизирующей» подпитки. «...Перевод как культурная практика рефлексии, осуществляемой в постоянном контакте с мыслью, выраженной в другом языке, способствует расщеплению идеологических кристаллизаций. И прежде всего – тех склеек между формами и содержаниями родного языка, которые нередко приводят к гипертрофированию идеи самоценности самобытного и становятся отправной точкой для более жестких идеологических построений» (так что философично настроенный Подколесин опять в ужасе убегает).

На месте утопического всеобщего языка точнее будет представить бесконечную сеть всеобщего перевода. В (Анти)Вавилонской

библиотеке мир предстает как бесконечно разветвленная сеть переводов всех произведений на все языки. Своеобразную «этику перевода» Наталия Автономова видит в отказе от «своецентричного» присвоения и в готовности к совместным действиям на основе фактического, а не только вербального признания Другого. Однако сфера совместных действий оговорена только как переводной диалог России с Западом. Между тем наша школа перевода с восточных языков тоже богата. Порождает ли она свои философские смыслы? Это заслуживает особого разговора.

В целом самим названием своей книги Н. Автомомова задала парадигму осознания перевода как основы нашей языковой идентичности. А из языка не выпрыгнешь, его можно только дополнить другими, чтобы посредством перевода сложился подлинный философский диалог, как внутренний, так и межкультурный.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Автономова Н. С.* Познание и перевод. Опыты философии языка. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 704 с. – (Humanitas).
2. *Бордийяр Ж.* Фатальні стратегії / пер. Л. Канонович. – Киев : Кальварія, 2010. – 192 с.
3. *Гоголь Н. В.* Собр. соч. : в 3 т. – Т. 2, кн. 4–6. Повести. Комедии. Драматические отрывки и отдельные сцены. – М. : Гос. изд-во худ. лит-ры, 1931. – 460, 3 с.
4. *Люсый А. П.* Нашествие качеств: Россия как автоперевод // Философские науки. – 2008. – № 6. – С. 155–158.

УДК 81'34

Тэн Хай, С. В. Андросова

Тэн Хай, аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета ФГБОУ ВО «Амурский государственный университет»; e-mail: tenghai123@mail.ru

Андросова С. В., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета ФГБОУ ВО «Амурский государственный университет»; e-mail: androsova_s@mail.ru

ОБЩИЕ И СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА ХЕЗИТАЦИОННОГО УДЛИНЕНИЯ В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ

Статья посвящена акустическим параметрам сегментов, подвергшихся хезитационному удлинению: F-структуре и длительности. В ходе исследования выявлены процентное соотношение удлинённых гласных и согласных и некоторые признаки слов, в которых происходит удлинение, формантные характеристики конечных удлинённых и эпентетических гласных. На исследуемом русском и китайском материале выявлены общие и специфические черты удлинения и эпентезы.

Ключевые слова: просодическая интерференция; русский язык; китайский язык; удлинение; гласный; сонорный; эпентетический гласный.

Teng Hai, S. V. Androsova

Teng Hai, Post-graduate Student, Department of Foreign Languages, Philological Faculty, Amur State University; e-mail: tenghai123@mail.ru

Androsova S. V.,
Prof., Ph.D. (Philology), Ass. Prof., Prof.,
Department of Foreign Languages, Philological Faculty,
Amur State University; e-mail: androsova_s@mail.ru

COMMON AND SPECIFIC PATTERNS OF HESITATION LENGTHENING PHENOMENON IN RUSSIAN AND CHINESE SPONTANEOUS SPEECH

The current paper focuses on the acoustic features of segments influenced by hesitation lengthening – F-structure and duration. The results show the percent of lengthened vowels and consonants, some features of words that undergo lengthening, formant values of lengthened and epenthetic vowels. Common and specific patterns of lengthening and epenthesis in Russian and Chinese are viewed.

Key words: native language negative prosodic effects; the Russian language; the Chinese language; lengthening; vowel; sonorant; word-final epenthetic vowel.

1. Введение

Общеизвестно, что просодическое оформление подготовленной и спонтанной речи существенно отличается. Н. Д. Светозарова [7, с. 226–235] отмечает следующие просодические черты спонтанной речи: постоянное «переплетение» синтагматического членения с хезитационным, большая дробность в силу непринужденности, хезитационное удлинение, нередуцированные служебные слова и наполнители типа -э-э, разница в мелодическом рисунке и акцентной структуре, значительное количество оформленных ровным тоном синтагм и отсутствие явно выраженного нисходящего тона, объясняющееся установкой на связность речевого акта и некоторые другие особенности.

Характерной чертой последней является феномен хезитации, который может быть выражен посредством специфических пауз, нестандартного увеличения длительности (хезитационных «затягиваний»), изменения стандартного мелодического рисунка. Эти особенности могут по-разному проявляться в речи на родном или неродном языках, т. е. в ситуации естественного и искусственного билингвизма или даже многоязычия, к которым в настоящее время проявляется повышенный интерес (см. об этом в работе Т. И. Шевченко [10, с. 278–280]). Указанные феномены относятся к явлениям просодической интерференции (подробнее о просодической интерференции на материале русского, английского и бурятского языков (см., например, в работе Е. А. Бабушкиной [1]).

Задачей настоящего пилотного эксперимента является акустический анализ так называемых затягиваний, характерных для речи носителей разных языков, в том числе в ситуации многоязычия, и выявление их универсальных и типологических характеристик.

Гипотеза состояла в следующем.

1. Носители русского и китайского языков в родной и акцентной речи будут удлинять схожее количество конечных гласных.
2. Носители китайского языка в русской речи будут употреблять большее количество гласных вставок после конечных согласных в словах, что обусловлено влиянием слоговой структуры китайского языка (о слоговых языках в целом и структуре слога китайского языка см., например, в трудах В. Б. Касевича [3, с. 115–133]): китайские слова никогда не заканчиваются на шумные согласные, а количество слов, заканчивающихся на

сонорные согласные, ограничено. Ожидается, что эта особенность будет переноситься на русскую речь китайцев.

3. Качество конечных гласных вставок в русской речи носителей русского языка и китайцев будет отличаться.

2. Эксперимент

2.1. Материал и методика исследования

Материалом для исследования послужили записи:

- 1) русской речи китайцев;
- 2) русской речи носителей русского языка;
- 3) китайской речи носителей китайского языка.

Все речевые образцы носили спонтанный характер. В эксперименте участвовали четыре диктора: по два носителя китайского (Dc1, Dc2) и русского (Dr1, Dr2) языков. Дикторы Dc1, Dc2, помимо русских, произносили китайские тексты. Ни один из них не сослался на нарушения речи или слуха. Дикторы-китайцы изучали русский язык в университете: Dc1 – 8 лет, Dc2 – 5 лет.

Запись осуществлялась в лаборатории экспериментально-фонетических исследований Амурского государственного университета через микрофон на микшерный пульт звуковой платы компьютера. Использовались стандартные параметры оцифровки: частота дескрипции – 44 кГц, разрядность – 16 бит, моно.

В ходе записи были получены образцы спонтанной речи общей длительностью звучания 16 мин. 23 сек. (русская речь Dc_r1 – 17 мин. 18 сек., Dc_r2 – 5 мин. 15 сек.; китайская речь Dc1 – 14 мин. 53 сек., Dc2 – 9 мин. 33 сек., Dr1 – 6 мин. 55 сек., Dr2 – 2 мин. 28 сек.).

2.2. Обсуждение результатов эксперимента

Результаты слухового и акустического анализа позволили выявить три типа хезитационного удлинения: конечного гласного, конечного сонорного и появление эпентетического гласного (см. подробнее об эпентезе, например, у Ю. С. Маслова [5, с. 70–71], Ю. А. Клейнера [4, с. 174–180]) в конце слов, заканчивающихся на шумные согласные. В таблице представлены количественные характеристики полученных результатов: типы удлинения на фоне общего количества слов и слов, заканчивающихся на гласную и согласную (для китайского языка – слов, заканчивающихся на носовые сонанты /n/, /ŋ/).

Таблица

Типы удлинения и конечная эпентеза

Параметры	Дикторы					
	Dc_r1	Dc_r2	Dr_1	Dr_2	Dc_1	Dc_2
Общее кол-во слов	1295	427	674	176	3451	1720
Слова на гласную	774	360	448	112	2742	1254
Слова на согласную	521	67	226	64	709	466
Удлинение гласного	37	21	20	10	44	17
	4,8%	5,8	4,5%	8,9	1,6%	1,4
Удлинение сонорного	0	0	2	0	8	1
	0%	0%	0,9%	0%	1,1%	0,2%
Конечная эпентеза	58	6	3	13	0	0
	11,1%	9%	1,3%	20,3%	0%	0%

2.2.1. Хезитационное удлинение в речи носителей русского языка

Из 674 слов, реализованных Dr1 в спонтанных текстах, в 25 имело место хезитационное удлинение. В 20 из них происходило удлинение конечного гласного (4,5 % от общего количества слов, заканчивающихся на гласную), в двух – удлинение конечного сонорного /m/ (0,9 % от общего количества слов, заканчивающихся на сонорный). Все эти слова были одно-, двух- или трехсложные. Кроме того, в трех словах после конечного шумного появлялись довольно длительные (277–423 мс) эпентетические гласные разной формантной структуры (1,3 % от общего количества слов, заканчивающихся на гласный).

Удлинению были подвержены конечные гласные /i/, /i/, /a/, /o/, /u/, /e/. Среди них были как ударные (/a/, /i/, /i/ – в многосложных словах, /a/, /o/, /i/, /u/ – в односложных словах), так и безударные (/i/, /e/, /a/, /u/). Из 20 удлинённых гласных четыре было ударные, а остальные – безударные. При хезитационном удлинении длительность конечных

ударных гласных варьировала в пределах 361–710 мс, а конечных безударных (заударных) – 200–770 мс. Указанные цифры на данном этапе не дают возможность определить степень влияния фактора ударения при хезитационном удлинении. Следует особо отметить, что в каждом конкретном случае длительность безударных удлинённых гласных превышала среднюю длительность ударных гласных (по данным В. В. Потапова и Р. К. Потаповой, она составляет 122,7 мс в односложных и 118,9 мс в многосложных словах [6, с. 112]), при том что в русской речи средняя длительность безударных гласных должна составлять 48–64 % от длительности ударных гласных (в зависимости от расположения по отношению к ударному слогу) [там же, с. 120].

Удлинение могло способствовать «прояснению» заударного гласного в его основной аллофон. Так происходило, например, в словах *дальше*, *го́да* и ряде других.

Удлинение сонорного /m/ было зафиксировано в односложном слове *там* (690 мс) и двусложном *потом* (342 мс).

Эпентетический конечный гласный реализовался после твердого взрывного в слове *том*, мягкого взрывного в слове *сходитъ* и шумного щелевого в предлоге *в* (звонкость сохранилась). В словах *том* и *в*, по слуховым впечатлениям, гласный выглядел похожим на /i/, как в словах *ты* и *вы*. Акустический анализ показал наличие выраженных переходных участков, свойственных данному гласному.

Из 176 слов, реализованных Dr2 в спонтанных текстах, в 23 имело место хезитационное удлинение. Учитывая объёмы текстов, это существенно больше, чем в речи Dr1. В десяти из них происходило удлинение конечного гласного (8,9 % от общего количества слов, заканчивающихся на гласный). В оставшихся 13 после конечного шумного согласного появлялся эпентетический гласный (20,3 % от общего количества слов, заканчивающихся на согласный), что в три раза превышает показатель Dr1. В отличие от речи Dr1, удлинения конечного сонорного не встретилось. Количество слогов в словах с хезитационным удлинением варьировало от 1 до 5.

Удлинённые гласные были только безударными, при этом в одном случае – в слове *какие-то* – к конечному безударному гласному (каноническому [э]) добавлялся гласный совершенно другого качества – [u]. Скорее всего, это индивидуальная особенность данного диктора. Кроме того, было отмечено удлинение целого заударного комплекса

[iju]. Вместо канонического [iju] был реализован звуковой комплекс [ʲlu], общая длительность составила 435 мс (первый компонент [ʲl] 222 мс, второй [u] – 213 мс). При затягивании длительность конечных безударных гласных варьировала в пределах 175–495 мс. Эти показатели ниже, чем у Dr1; однако, как и у Dr1, у Dr2 в каждом конкретном случае длительность безударных затянутых гласных превышала среднюю длительность ударных гласных.

Эпентетический гласный появлялся в словах, заканчивающихся на твердые (чаще) и мягкие (реже) согласные; одни из них были взрывными, а другие – шумными щелевыми: *институт, к, сказать, сейчас, занимаюсь* и др. Формантные характеристики конечных гласных вставок указывают на реализацию средне-закрытых и средне-открытых гласных центрального или заднего продвинутого ряда.

Возникновение эпентетического гласного для данной позиции – после одиночного конечного шумного – не характерно для русской речи. Упоминается появление гласной вставки, похожей на нейтральный гласный, внутри двух- и более элементных консонансов [9, с. 90]. Однако появление данного гласного в указанной позиции у обоих русских дикторов может свидетельствовать о соответствующей тенденции именно в спонтанной речи.

2.2.2. Хезитационное удлинение в русской речи носителей китайского языка

Из 1295 слов, реализованных Dc_r1 в спонтанных текстах, в 37 случаях имело место хезитационное удлинение (4,8 % от всего количества слов, заканчивающихся на гласный). Из 427 слов, реализованных Dc_r2, в 21 имело место хезитационное удлинение (5,8 % от общего количества слов, заканчивающихся на гласный). У обоих дикторов затягиванию подвергались только гласные. Как и у русских дикторов, длительность каждого затянутого гласного, как ударного, так и безударного, превышала приведенные выше средние показатели по ударным гласным: 267–782 мс.

В русской речи китайских дикторов периодически появлялся эпентетический гласный в абсолютном конце слов, заканчивающихся на согласный. Однако вопреки ожиданиям, самое большое количество случаев конечной эпентезы отмечено у одного из русских дикторов – Dr2. Возможно, это было проявлением его индивидуальных

речевых привычек. У другого русского диктора (Dr1) эпентезы было мало (1,3 %), что более типично. В русской речи обоих китайских дикторов Dc_r1 и Dc_r2 процент конечной эпентезы оказался весьма схожим (11,1 % и 9 % соответственно от всех слов, заканчивающихся на согласный).

Качественные характеристики конечных гласных вставок существенно варьировали. При всем разнообразии эти гласные можно свести к четырем основным типам: 1) *a*-образные, варьирующие по степени открытости и отодвинутости от [Λ] до [ɤ] (последние по слуховым впечатлениям имеют некоторую схожесть с русским [i/]), 2) *u*-образные ([i]), 3) *y*-образные ([u]), 4) *o*-образные ([o]). Первый тип встретился после слов, заканчивающихся на твердые согласные: *из, например, этот, работает, проверяет, насчет, работает, курс, с, ведет, оказывает, институт, хочет, будет*. В речи Dc_r1 было отмечено 32 подобных словоупотребления, из них 15 пришлись на гласный среднего подъема центрального ряда [ɤ] (средние значения F1 и F2 составили соответственно 567 Гц и 1344 Гц.), остальные 17 – на чуть более открытый и более задний [Λ] (F1 – 593 Гц, F2 – 1256 Гц). В речи Dc_r2 встретилось всего три примера такой эпентезы: два [ɤ]-образных (F1 – 583 Гц, F2 – 1414 Гц) и один [Λ]-образный гласный (F1 – 627 Гц, F2 – 1348 Гц).

Гласные первого типа подтипа [ɤ] схожи с последним гласным, как в китайском слове *yisi* (= смысл). Такой гласный встретился, например, в словах *из, работает, курс, наш* и ряде других перед паузой. Слуховые впечатления о сходстве с */i/* не подтвердились: выраженного перепада по F2 от меньшего значения к большему, характерного для русского */i/* (об акустических характеристиках данного гласного см., например, у Л. В. Бондарко [2, с. 64]) не выявлено.

Следует отметить, что [ɤ]-образный гласный был ранее отмечен нами и как возможный вокалический заполнитель пауз в русской речи китайцев [8, с. 110–111]. Это, безусловно, специфическая черта, являющаяся результатом влияния родного – китайского – языка.

Второй тип – [i] – встречался только у Dc_r1 в конце слов (в восьми случаях), заканчивающихся на мягкие согласные: *перерабатывать, установит, рассказывать, есть, контроль, работать*. Средние формантные значения составили: F1 – 295 Гц, F2 – 2231 Гц. У русских дикторов подобных вставок не отмечено.

Два последних типа – огубленные закрытые и средне-закрытые гласные заднего ряда – были характерны для слов, оканчивающихся на губные согласные: *переводим, там, будем, приглашаем, привлекаем, вдвоем, специалистов, в, работодателем, поменяем, потом* (18 примеров у Dc_r1 и три примера у Dc_r2). Средние формантные значения составили: для Dc_r1 F1 – 350 Гц, F2 – 859 Гц; для Dc_r2 F1 – 386 Гц, F2 – 1006 Гц.

2.2.3. Хезитационное удлинение в китайской речи носителей китайского языка

В китайской речи носителей китайского языка также были обнаружены случаи хезитационного удлинения, которому подвергались как служебные, так и знаменательные слова. В силу специфики китайского слога (преимущественно открытые слоги; закрытые могут заканчиваться на носовые сонанты) удлинялись только конечные гласные и носовые сонанты. Конечные гласные в речи Dc_1 и Dc_2 удлинялись примерно с одинаковой частотностью (1,6 % и 1,4 % соответственно). Среди удлиненных конечных гласных встречались как монофтонги, так и дифтонги. Чаще всего удлинялся монофтонг [i], в таких словах, как *zongshi* («постоянно, часто»), *yeshi* («также»), *jiushi* («именно»), *banji* («класс, группа»), а также монофтонг традиционно обозначаемый в китайской транскрипции как [e] (акустически [ɤ]), например, *qule* («поехали»). Среди дифтонгов удлинялись [ou], [iu], [ai], [ao] соответственно в словах *xiaoshihou* («детство»), *wojiu* («я сразу»), *houlai* («потом»), *xiexiao* («школа»).

Необходимо особо отметить, что в основной массе примеров происходила модификация канонического тона, чаще всего – четвертого (нисходящего) на первый (ровный), кроме слов *banji* (со второго на первый), *qule* (с нулевого на первый). В двух словах (*houlai* и *xiexiao*) в целом канонический тон не менялся (соответственно второй и четвертый), однако в обоих случаях на удлиненной терминаторе в течение значительного времени сохранялся ровный тон.

Количество удлинений конечных сонорных оказалось существенно меньше, чем гласных. У Dc2 процент удлинения сонорных от общего количества слов, заканчивающихся на сонорный, также оказался заметно ниже, чем процент удлинения конечных гласных (0,2 % и 1,4 % соответственно). У Dc1 процент удлинения конечных сонорных мало отличался от конечных гласных (1,1 % и 1,6 % соответственно).

Среди носовых сонантов удлинению подвергался, в основном, конечный заднеязычный [ŋ] (Dc1 – 7 примеров, Dc2 – 1 пример). В одних случаях происходило изменение тона уже на гласном (с четвертого на первый как в *zheyang* «таким образом» и *jueding* «решение»), а в других – на гласном сохранялся канонический тон, а на удлинённом носовом сонанте – ровный (четвертый + первый в *xiang* «похож» и второй + первый в *erling* – «первые две цифры числительного 2012»). Второй тон иногда, как и в описанных выше случаях с гласными, мог оставаться неизменным (например, *keneng* «может быть»). Первый тон всегда оставался неизменным, как, например, в словах *Beijing* «Пекин» и *jiedusheng* «ученик, обучающийся в школе не по месту жительства платно». Лишь однажды в речи Dc1 был зафиксирован случай затягивания переднеязычного [n] в слове *zan* «временно» (в речи Dc2 подобных примеров не оказалось), при этом, на гласном сохранялся канонический четвертый тон, а на удлинённом сонанте реализован первый. Ни в одном случае после удлинённого сонанта эпентетического гласного отмечено не было. Во всех случаях длительность удлинённого сонорного превышала длительность предшествующего гласного.

3. Выводы

Проведенный пилотный эксперимент позволил сделать ряд предварительных выводов об универсальных и специфических проявлениях хезитационного удлинения в исследуемом материале.

1. Хезитационному удлинению и в русской (неакцентной и акцентной), и в китайской речи подвергались как служебные, так и знаменательные слова. Количество слогов в них варьировало от одного до пяти. Удлинению подвергались гласные и сонорные. Удлинение русских конечных шумных согласных происходило редко и всегда сопровождалось эпентезой (даже у целевых, которые в силу ингерентных свойств способны к самостоятельному удлинению).

2. В количественном отношении в русской и китайской речи носителей обоих языков – в неакцентной речи – хезитационному удлинению чаще всего подвергались гласные, чем сонорные; эта же особенность характерна для процентного соотношения количества удлинений соответствующих сегментов (гласных и сонорных) к общему количеству слов, заканчивающихся на эти сегменты, за

исключением одного китайского диктора, где это соотношение для гласных и сонорных оказалось практически одинаковым. В русской акцентной речи китайцев удлинений сонорных не отмечено.

3. Из сонорных в неакцентной русской и китайской речи удлинению подвергались только носовые сонанты, но их состав оказался разным: в русской неакцентной речи затягивался [m:], а в китайской – [ŋ:].

4. Явления конечной эпентезы в словах, заканчивающихся на носовые сонанты, в китайской речи не обнаружено. Вопреки ожиданиям, самое большое количество случаев конечной эпентезы наблюдалось в речи одного из русских дикторов, что, возможно, связано с «неразговорчивостью», обусловленной боязнью микрофона либо иными причинами. Процент появления эпентетического гласного в речи другого русского диктора оказался малым. В русской речи обоих китайских дикторов, как и ожидалось, процент конечной эпентезы был заметно выше, чем у одного из русских дикторов. В русской речи обоих китайцев качественные характеристики эпентетических конечных гласных были намного больше привязаны к качественным характеристикам конечных согласных (дифференциальным признакам твердости / мягкости, огубленности / неогубленности), чем в русской речи обоих носителей русского языка.

Полученные данные говорят о том, что помимо фонологической системы родного языка, на частотность и характер хезитационных удлинений, включая конечную эпентезу, влияют индивидуальные особенности, например, насколько хорошим рассказчиком является данный диктор. Безусловно, для более объективного акустического анализа требуется расширение исследовательского корпуса; кроме того, необходимо изучение особенностей восприятия удлинённых и эпентетических гласных носителями указанных языков, что и составит перспективу настоящего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бабушкина Е. А.* Билингвизм и просодическая интерференция // Социофонетика звучащей речи. – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – С. 9–21. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та ; вып. 1 (607). Сер. Языкознание).
2. *Бондарко Л. В.* Звуковой строй современного русского языка : учеб. пособие. – М. : Просвещение, 1977. – 175 с.

3. *Касевич В. Б.* Фонологические проблемы общего и восточного языкознания // Труды по языкознанию. – СПб. : Филол. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2006. – С. 10–238.
4. *Клейнер Ю. А.* Очерки по общей и германской просодике. – СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2010. – 240 с.
5. *Маслов Ю. С.* Введение в языкознание : учеб. для филол. спец. вузов. – 3-е изд., испр. – М. : Высш. шк., 1998. – 272 с.
6. *Потапова Р. К.* Речевая коммуникация. От звука к высказыванию. – М. : Языки славянских культур, 2012. – 464 с.
7. *Светозарова Н. Д.* Просодическая организация высказывания и интонационная система языка : дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1983. – 514 с.
8. *Тэн Хай.* Универсальные и типологические черты паузации в спонтанной речи носителей разных языков // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2015. – Вып. 1. – № 2. – С. 105–113.
9. *Черемисина-Ениколопова Н. В.* Законы и правила русской интонации : учеб. пособие. – М. : Флинта, 2015. – 520 с.
10. *Шевченко Т. И.* Актуальные проблемы социофонетического исследования просодии // Социофонетика звучащей речи. – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – С. 273–282. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 1 (607). Сер. Языкознание).

УДК 808.51

М. С. Фирстов

ст. преподаватель кафедры перевода немецкого языка
переводческого факультета МГЛУ; e-mail: mfirstov@mail.ru

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ УСТНОЙ МОНОЛОГИЧЕСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ В СИСТЕМЕ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЕЙ: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена диахроническому аспекту развития устной публичной монологической речи в системе функциональных стилей и предлагает новую классификацию для такого рода текстов на основе феноменов мифологии и ритуала. Дихотомия миф – ритуал, а также информационный жанр – социально-ритуальный жанр имеет практическую ценность и может быть использована для первичного прагматистического анализа текста.

Ключевые слова: устная монологическая публичная речь; функциональный стиль; мифология; ритуал.

M. S. Firstov

Senior Lecturer, Department of Translation and Interpreting
(the German Language), the Faculty of Translation and Interpreting, MSLU;
e-mail: mfirstov@mail.ru

ADDRESSING THE ISSUE OF PLACING MONOLOGIC PUBLIC SPEAKING IN THE SYSTEM OF FUNCTIONAL STYLES: DIACHRONIC ASPECT

This article focuses on the diachronic development aspect of monologic public speaking in the system of functional styles and offers a new classification for this kind of texts, based on mythology and ritual phenomena. A dichotomy between myth and ritual as well as one between the information genre and social and ritual genre are of great practical value and can be used to do the initial pragmatic and stylistic analysis of the text.

Key words: oral monologic public speaking; functional style; mythology; ritual.

В одной из предыдущих статей [21, с. 89–91] мы уже кратко останавливались на необходимости при попытках соотнесения речевых жанров, функционирующих в сфере социального общения, с тем или иным функциональным стилем учитывать сам процесс становления системы функциональных стилей. Как отмечает М. Н. Кожина, «стиль – понятие историческое, тем более это относится к понятию функционального стиля» [11, с. 83].

Очевидно, что устная речь (в том числе и устная монологическая публичная речь, далее УМПР) возникла значительно раньше письменной и гораздо раньше того, как сложилась система функциональных стилей в ее нынешнем виде. Соответственно, анализировать исторически более раннее явление (устную речь, в том числе УМПР) с точки зрения нынешней, возникшей позже рассматриваемого явления, системы координат (т. е. системы современных функциональных стилей и речевых жанров), не вполне корректно.

Очевидно, что развитие отдельных функциональных стилей и речевых жанров обусловлено потребностями общества в обслуживании той или иной сферы жизни и социальных отношений. Исходя из этого, генетической основой для развития всей системы функциональных стилей стал обиходно-разговорный стиль, обслуживающий базовые потребности человека в коммуникации, существующий в силу своего первоначального назначения (обеспечить взаимодействие) исключительно в диалогической форме (см. [18, с. 29]).

Еще несколько десятилетий назад считалось, что способность к членораздельной речи является одним из основополагающих признаков, отличающих *homo sapiens sapiens* от других представителей рода *homo*. В последние годы, однако, генетикам, биологам и антропологам удалось убедительно продемонстрировать, что как минимум предпосылки для начала формирования речи возникли у представителей рода *homo* задолго до появления анатомически современного человека. Здесь достаточно упомянуть о стремительном росте зон головного мозга, отвечающих за восприятие и производство речевой информации (зона Вернике и зона Брока), еще у *homo erectus*, а также о наблюдавшейся около одного миллиона лет назад у общего предка *homo sapiens* и неандертальца специфической модификации гена FOXP2, открытого в 2001 г. генетиками Оксфордского университета (см. [1, с. 166]).

При этом вопрос о том, какие представители рода *homo* и когда именно начали широко использовать возможности вербальной коммуникации, до сих пор вызывает споры антропологов. Не выяснено также, в какой конкретной сфере деятельности владение членораздельной речью обеспечивало человеку эволюционное преимущество, необходимое для закрепления этого признака (здесь, в частности, можно привести трудовую гипотезу, гипотезу полового отбора, гипотезу социального взаимодействия и ряд других, см. [4; 1] и др.).

Данные новой дисциплины, получившей название антропологистики, свидетельствуют, что «нечто эквивалентное современному языку появилось у древнейших *Homo sapiens* (неандертальцев) менее 400 тыс. лет назад, а достаточно развитый язык сформировался около 200 тыс. лет назад» [6, с. 37].

На начальном этапе развития речь имела комплексный кинетический характер, что предполагало активное использование жестов, звукоподражаний и различных окказиональных вербальных или невербальных элементов (о вторичности вербального компонента в подобного рода коммуникации см., например [4]. Разумеется, здесь мы не можем говорить о какой бы то ни было функционально-стилистической дифференциации.

Функционально-стилистическая дифференциация возникает в тот момент, когда потребности человека и общества в коммуникации выходят за рамки обеспечения взаимодействия непосредственно «здесь и сейчас» и начинают включать в себя фиксацию некоего знания и последующую его передачу. «Житейский опыт, который, несомненно, был наиболее ранним основанием рассуждений, впоследствии был дополнен предметными технологическими знаниями, выходящими за рамки повседневного опыта и давшими начало специализации знаний, а затем мифологическим попыткам рационализации мира» [6, с. 67]. Вероятно, именно здесь мы можем говорить о выделении вербальной коммуникации из всего комплекса коммуникативных средств, находящихся в распоряжении человека, ведь когда предмет коммуникации находится вне наблюдаемой в данный момент объективной действительности, возможности для невербальной коммуникации (применения жестов) ощутимо сокращаются.

Некоторые исследователи, в частности С. З. Агранович и С. В. Березин, считают, что «роль вербального языка заключалась не столько в обобщении и фиксации трудового опыта и согласовании совместных действий, сколько в формировании прототеоретического мышления», поскольку «для трансляции трудовых навыков было вполне достаточно непосредственной включенности реципиента в совместную трудовую деятельность, демонстрации операции, показа, т. е. жеста» [1, с. 182, 185; 4]. Столь же необязателен язык и для организации совместных действий, например, в ходе коллективной охоты [4].

Здесь важно отметить, что если взаимодействие предполагает диалог, то трансляция знания осуществляется преимущественно в форме

монолога. Таким образом, логично предположить, что устная монологическая речь возникает именно в процессе трансляции знания, причем знания прототеоретического (т. е. той информации, для передачи которой недостаточно включенности реципиента в процесс и жестов, сопровождаемых отдельными окказиональными вербальными элементами). Подтверждение этой гипотезе находим у И. П. Павлова, писавшего, что именно речь допускает отвлечение от действительности и дает возможность обобщения, что представляет собой основу для человеческого мышления, порождающего сначала «общечеловеческий эмпиризм», а затем и науку как «орудие высшей ориентировки человека в окружающем мире и себе самом» (цит. по: [14]).

Соответственно, мы можем предположить, что выделение вербальной коммуникации шло рука об руку с появлением монологической речи и с развитием прототеоретического знания, оформленного в виде мифологии и ритуалов. С. Бурлак отмечает: «Весомым свидетельством существования языка считаются погребения – если люди были способны хоронить покойников, снабжая их припасами для предполагаемого посмертного существования, соблюдая при этом ритуалы, значит, вероятно, их коммуникативная система должна была обладать свойством перемещаемости, то есть давать возможность говорить о вымышленной (т. е. в любом случае недоступной наблюдению “здесь и сейчас”) реальности – потустороннем мире» [4].

Расцвет мифологии, по мнению исследователей, приходится на начало позднего палеолита (30–40 тыс. лет назад) [6, с. 67–69]. «Мифология (мифологические представления) – это исторически первая форма коллективного сознания народа, целостная картина мира, в которой элементы религиозного, практического, научного, художественного познания еще не различены и не обособлены друг от друга» [15, с. 83]. Похожее определение дает мифу И. М. Дьяконов: «Миф, в нашем понимании, есть способ массового и устойчивого выражения мироощущения и миропонимания человека, еще не создавшего себе аппарата абстрактных обобщающих понятий и соответственной техники логических умозаключений» [7, с. 9].

Наконец, более широкую дефиницию мы находим у С. З. Агранович и С. В. Березина: «Миф – чисто человеческий способ переживания, осмысления и освоения мира в форме его моделирования» [1, с. 54].

Именно с зарождением мифологии закладывается фундамент для отражения в языке коллективных представлений об окружающем мире (что можно рассматривать как протонаучный стиль) и о правилах общежития (основы официально-делового стиля).

Абсолютно ошибочным было бы рассматривать мифологию на начальном этапе развития как форму фольклора, то есть продукт протолитературного творчества. Во-первых, миф для человека периода предыстории не имеет ничего общего с литературным вымыслом, это было единственно возможное для него отражение реальности. Во-вторых, если рассматривать эстетическое воздействие на реципиента как основную и единственную цель коммуникации в художественном стиле, то здесь мы должны констатировать, что в доисторической мифологии (как и, строго говоря, в мифологии вообще) эстетическая составляющая (если и присутствует) играет лишь подчиненную роль. Основная цель состояла не в том, чтобы доставлять реципиенту эстетическое удовольствие, а в фиксации и трансляции информации (в самом широком смысле) и, тем самым, в формировании картины мира реципиента. Художественные средства были призваны лишь обеспечить и усилить эффект. «Архаические мифы не были искусством. Мифы представляли собой серьезное, безальтернативное и практически важное знание древнего человека о мире» [15, с. 86]. «Миф организует мыслительное восприятие действительных явлений мира в их движении при отсутствии средств абстрактного мышления» [7, с. 12].

Отметим, что сам факт существования многих продуктов устного коллективного творчества в стихотворной, а не прозаической форме, в первую очередь объясняется отнюдь не эстетическими, а вполне утилитарными соображениями: рифмованный текст проще запоминается, что немаловажно в условиях отсутствия письменности. «При отсутствии тех искусственных средств передачи информации во времени, которые появляются после изобретения письменности, эта передача в основном осуществляется посредством запоминания и повторения сочетаний слов устного языка. Лучше всего они запоминались в составе поэтического сочинения, которое исполняли под музыку» [8, с. 154].

По мнению С. З. Агранович, именно «смерть мифа» (в архаическом смысле этого термина) и его разложение привело к появлению на

его основе науки (научный стиль), искусства (художественный стиль) и религии (экклезиальный стиль, выделяемый некоторыми учеными, например, И. В. Квасюком [10, с. 47]). «Истолкованный миф являет собой протонауку, протоискусство, проторелигию, но уже не миф в его целостном выражении». [1, с. 55]. «Из мифолого-религиозного сознания развилось все содержание человеческой культуры, постепенно приобретавшее семиотически различные формы общественно-го сознания (такие, как обыденное сознание, искусство, этика, право, философия, наука)» [15, с. 36].

Абсолютной ошибкой было бы считать мифологию принадлежностью лишь начального этапа развития человечества. Картина мира человека по природе своей мифологизирована. При этом функция мифологии в моделировании действительности человеком двояка: с одной стороны, мифология позволяет преодолеть пробелы в знании человека об окружающем мире при недостатке информации. С другой стороны, в обратной ситуации – при избытке информации – мифология как модель действительности помогает упорядочить хаотичный информационный поток (как правило, путем отсеивания того, что не укладывается в прокрустово ложе предлагаемой мифом модели). К. Мангем отмечает, что для человека, в том числе современного, «... жизнь без коллективных мифов трудно переносима» (цит. по: [19, с. 341]). Ту же мысль высказывает антрополог Владимир Соколов: «Миф как таковой – понятие очень широкое. <...> Способность создавать мифы – неотъемлемое свойство человеческого мозга, в жизни и развитии *homo sapiens* оно играет крайне важную роль. <...> Без мифов жить невозможно, они экономят силы, затрачиваемые на мыслительный процесс. <...> Научные идеи сложны, и только сильно упрощенные – попадают в массовое сознание. Упрощение необходимо при популяризации, но оно и есть первый шаг к рождению очередного мифа» [17].

Очевидно, что строго научный и объективный взгляд на действительность во всем ее многообразии в реальности невозможен хотя бы потому, что сама наука находится в постоянном поиске истины, что неизбежно ведет к тому, что одни мифы сменяют другие. «То, что в нынешнем научном понимании не вызывает сомнения, через сто лет будет считаться заблуждением, а через триста лет может снова быть реабилитировано» [2]. А. Ф. Лосев отмечает: «Всякая реальная

наука мифологична. <...> Когда “наука” разрушает “миф”, то это значит только то, что одна мифология борется с другой мифологией» [13, с. 41]. Г. Лебон справедливо подчеркивает: «Принадлежать к какой-нибудь научной школе – это значит необходимым образом разделять все ее предрассудки и предубеждения» [12, с. 14].

В связи с мифологической природой науки А. Ф. Лосев приводит пример из области физики: «Недаром на последнем съезде физиков в Москве пришли к выводу, что выбор между Эйнштейном и Ньютоном есть вопрос веры, а не научного знания самого по себе» [12, с. 43]. То же, по всей вероятности, можно сказать о геометрии Эвклида и Лобачевского. Что же до популяризации науки, то тут абсолютно неизбежно дополнительное вторичное искусственное упрощение и моделирование, что также создает почву для мифологизации [17]. В еще большей степени это проявляется в гуманитарных науках. Г. Лебон, в частности, отмечает, что «история может увековечивать только мифы» [12, с. 55] и что «в истории кажущееся всегда играло более важную роль, нежели действительное, и нереальное всегда преобладало в ней над реальным» [там же, с. 74] (см. также [3]).

Аналогичные явления мы наблюдаем и в сфере политики: «Замена одних мифов другими – явление закономерное для периодов революций и реформаций, так как политические цели меняются коренным образом и требуют обеспечения веры в ту или иную идею, а также поддержки соответствующих политических акций со стороны народа» [19, с. 341].

При этом интеллектуальные и временные ресурсы индивида по природе своей ограничены, что неизбежно ведет к тому, что люди многое вынуждены принимать на веру, а трансляция знания, особенно при коммуникации, направленной на неподготовленного реципиента, неизбежно предполагает упрощение и искажение (т. е. более или менее адекватное моделирование в форме мифа, как это было продемонстрировано выше; см., в частности, [12, с. 73]).

В этих условиях нельзя исключать ситуации, когда инициатор коммуникации и адресант искренне заблуждаются, либо когда первый, злоупотребляя своей ролью, преследует при изменении картины мира второго свои более или менее благовидные цели, т. е. использует коммуникацию для манипуляции сознанием и последующими действиями реципиента.

В частности, в политике обращение к мифам «связано с особыми социально-политическими условиями, которые не позволяют решать сложные проблемы за счет реально существующих средств и вынуждают политиков с помощью мифов воздействовать на массовое сознание людей и тем самым отвлекать их хотя бы на время от назревших и трудно разрешимых противоречий» [19, с. 341]. «В тяжелые для страны времена значение мифов трудно переоценить», – эту фразу приписывают Черчиллю.

Еще одним основополагающим явлением человеческой культуры, сложившимся в столь же глубокой древности, что и мифология, является ритуал. По своей природе он неразрывно связан с мифологией: по мнению ряда исследователей, он представляет собой инсценировку («внешнее отыгрывание») мифа, уже известного участниками, а тот, в свою очередь, – содержательно-информационную основу ритуала (т. е. миф и ритуал соотносятся друг с другом как текст пьесы и театральная постановка). При этом вопрос о том, что первично, миф или ритуал, в философии и социологии до сих пор не решен. Очевидно, что ритуал должен быть основан на некоей картине мира, но отнюдь не факт, что для этого она должна быть вербализована в форме мифа. Известно, в частности, что в целом ряде случаев ритуалы у первобытных народов не сопровождаются мифологическими текстами. Приобщение к ритуалу в этом случае носит «в основном наглядный, ситуативный характер» [1, с. 181–182].

По данным антропологов, мы можем также говорить о существовании первых ритуалов в предыстории человечества еще до появления *homo sapiens* (достаточно упомянуть о доказанном наличии погребального обряда, охотничьей магии и культа пещерного медведя у неандертальцев).

Ю. Н. Триль определяет ритуал следующим образом: «...Ритуал по своей сути всегда есть коллективное действие. Его коллективный характер обусловлен его общественной природой. Это особая программа поведения, с помощью которой коллектив преодолевает кризисные ситуации. Это значит, что каждое общество, заботясь о своей целостности и единстве, стремится выработать единообразные формы поведения» [20, с. 266–267].

При этом ритуал может включать в себя все знаковые системы, известные данному обществу, а, значит, и вербальную (хотя вербальная

составляющая в ритуале опять-таки вторична, на чем мы остановимся позже).

Отметим, что при всей взаимосвязанности и взаимообусловленности мифа и ритуала, их функции кардинально отличаются: миф формирует картину мира членов общества, то есть несет информацию о внешнем мире и его организации (внешняя направленность). Ритуал же организует само общество (внутренняя направленность), обеспечивая социальную сплоченность на основе *уже усвоенных* членами общества ценностей и знаний о мире. То есть миф ориентирован на содержание, а ритуал – на форму. Или, если исходить из классификации общения на материальное, когнитивное, кондициональное, мотивационное и деятельностьное, в случае с мифом мы можем говорить преимущественно о когнитивном общении (трансфер знаний, представлений, логики мышления), а в случае с ритуалом – о кондициональном общении (приведении реципиента в определенное физическое либо психическое состояние). Мотивационное общение характерно и для ритуала, и для мифа, поскольку при общении всегда преследуется некая цель, лежащая вне пределов коммуникации (см. [16, с. 60]). В мифе мотивация осуществляется через новую информацию, а в ритуале – через воздействие на состояние реципиента.

Решающий вклад в изучение ритуала внес Э. Дюркгейм, в частности, в работе «Элементарные формы религиозной жизни». Функции ритуала, по Дюркгейму: оживлять коллективные чувства, усиливать социальную сплоченность, чтобы люди при его осуществлении ощущали принадлежность к некоему социальному целому, будь то клан, племя или общество более широкого масштаба [5].

Функции ритуала, очевидно, в наиболее общем виде восходят к фатической (контактоустанавливающей) функции языка, направленной на поддержание сплоченности членов коллектива. Здесь можно вспомнить о гипотезе Робина Данбара, в соответствии с которой язык в человеческом обществе возникает как замена грумингу в группах приматов, в том числе ранних гоминид [4].

Л. Г. Ионин отмечает: «Реальные жизненные взаимодействия всегда ритуализованы, когда в большей, когда в меньшей степени. И чем образованнее, культурнее (в общепринятом смысле этого слова) человек, тем большую роль в его жизни играют ритуальные моменты» [9].

В общем и целом можно утверждать, что любой ритуал в человеческой культуре связан с идеей границы [1, с. 136]. При этом часто сам

факт пересечения границы становится составной частью и даже кульминацией ритуального действия, завершающего речь: перерезание ленточки, предание тела земле, вручение диплома (аттестата) и т. п.

Цель коммуникации в рамках ритуала состоит в поддержании социальной сплоченности, в подтверждении приверженности общим ценностям и поддержании взаимоотношений.

Как правило, коммуникация происходит по формальному поводу или, иными словами, основная прагматическая задача здесь содержится в самом факте коммуникации или в реакции на формальный повод. «Во многих ритуалах вербальная часть явно вторична и необязательна» [15, с. 51].

* * *

Подводя итог вышеизложенному, рискнем утверждать, что для наших целей имеет смысл предложить классифицировать жанры УМПР, разделив их на две базовые группы: жанры, генетически связанные с мифом, и жанры, генетически связанные с ритуалом. Первые мы можем условно назвать информационными (поскольку именно мифология и жанры, восходящие к ней, несут реципиенту информацию об окружающей действительности), а вторые – социально-ритуальными (так как их цель и предназначение – поддержание сплоченности социума).

Вслед за С. З. Агранович мы исходим из того, что сознание современного человека отнюдь не в меньшей степени основано на мифе и ритуале, нежели в прошлом. Просто «современные ритуалы, как и современные мифы нами не ощущаются. Человечество осмыслит их как мифы и ритуалы только пережив их, выйдя за их пределы. <...> Тогда можно будет оглянуться на них и полностью их осмыслить. Впрочем, выходя из старых мифов и ритуалов, человечество войдет в новые, очередные, которые тоже не будет ощущать как мифы и ритуалы до тех пор, пока снова не перерастет их, не сбросит их, не оглянется на них и не войдет в новую стадию развития, которая тоже неизбежно будет мифологизирована и ритуализирована» [1, с. 54].

Соответственно, подобная дихотомия (миф *vs.* ритуал, информационный жанр *vs.* социально-ритуальный жанр) несет в себе вполне практическую пользу и может быть использована для первичного прагматилистического анализа текста, в том числе в рамках обучения переводу.

Более подробное рассмотрение стилевых черт, присущих информационным и социально-ритуальным речевым жанрам УМПР, представляет собой предмет для дальнейшего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агранович С. З., Березин С. В.* Homo amphibolos: Археология сознания. – Самара : БАХРАХ-М, 2005. – 344 с.
2. *Аузан А. А. и др.* (сборник). Почему наш мир таков, каков он есть. Природа. Человек. Общество. – М. : Сноб Медиа, 2015. – 216 с.
3. *Булычева М. Д., Фирстов М. С.* Прагматика учебного текста (на материале разделов «История» немецких школьных учебников 1911 и 1936 гг.) // Тетради переводчика. Научно-теоретический сборник / под ред. И. М. Матюшина. – Вып. 28. – М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016. – С. 86–96.
4. *Бурлак С. А.* Происхождение языка: Факты, исследования, гипотезы. – М. : Астрель: CORPUS, 2011. – 464 с. ; URL : <http://libatrium.net/read/243555/>.
5. *Гофман А. Б.* Ритуал в теории Дюркгема : Текстовые данные и видео. – URL : <https://postnauka.ru/video/17420> (дата обращения: 14.09.2013).
6. *Гринев-Гриневиц С. В., Сорокина Э. А., Скоток Т. Г.* Основы антропологистики. – М. : Академия, 2008. – 128 с.
7. *Дьяконов И. М.* Архаические мифы Востока и Запада. – М. : Наука, 1990. – 247 с.
8. *Иванов Вяч. Вс.* Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. – Советское радио, 1978. – 186 с.
9. *Ионин Л. Г.* Социология культуры [Текст]: учеб. пособие для вузов / Л. Г. Ионин ; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. – 427 с.
10. *Квасюк И. В.* Учебное пособие по теме «Стиль и перевод» : для студ. старших курсов переводческого факультета. – Ч. II. – М. : МГЛУ, 1999. – 54 с.
11. *Кожина М. Н.* Стилистика русского языка. – М. : Просвещение, 1983. – 223 с.
12. *Лебон Г.* Психология масс. – СПб. : Питер, 2016. – 224 с.
13. *Лосев А. Ф.* Диалектика мифа. – М. : Мысль, 2001. – 429 с.
14. *Мартинович Г. А.* Из истории изучения вопросов взаимоотношения языка и мышления (Вопросы взаимоотношения языка и мышления в работах И. М. Сеченова и И. П. Павлова) // Г. А. Мартинович. Лингвистические этюды. – СПб., 1992. – С. 56–84.
15. *Мечковская Н. Б.* Язык и религия. Лекции по филологии и истории религий. Язык и религия : пособие для студ. гуманитарных вузов. – М. : Агентство «ФАИР», 1998. – 352 с.

16. Немов Р. С., Алтунина И. Р. Социальная психология : учебное пособие. – СПб. : Питер, 2010. – 432 с.
17. Соколов А. Без мифов жить невозможно. Интервью : текстовые данные. – URL : http://rara-rara.ru/menu-texts/aleksandr_sokolov_bez_mifov_zhit_nevozmozhno
18. Солганик Г. Я. Основы лингвистики речи. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2010. – 128 с.
19. Теория политики : учебное пособие / под ред. Б. А. Исаева. – СПб. : Питер, 2008. – 464 с.
20. Триль Ю. Н. Ритуал в традиционной культуре // Известия российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена / под ред. проф. Х. М. Казанова. – 2008. – В. 61 – С. 263–268
21. Фирстов М. С. Ораторский гиперстиль в системе функциональных стилей // Разновидности профессионального дискурса в обучении иностранным языкам. – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2014. – С. 89–97. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та ; вып. 8 (694). Сер. Педагогические науки).

Ф. Я. Хабибуллина, Г. А. Трапезникова

Хабибуллина Ф. Я., доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры фундаментальной медицины ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»; e-mail: khflora@yandex.ru

Трапезникова Г. А., доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры английской филологии ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»; e-mail: galinatra@gmail.com

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АФОРИЗМОВ-ЛОЗУНГОВ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ**

Статья посвящена изучению реализации функционального аспекта афоризмов-лозунгов в политическом дискурсе разноструктурных языков – английского, русского, французского и татарского. Особое внимание уделено номинативной, информационной, побудительной, или директивной, коммуникативной, аттрактивной, персуазивной, эмотивной, или оценочной, кумулятивной, эстетической функциям афоризмов-лозунгов на примере лексико-семантической группы «Выборы» концепта «Власть».

Ключевые слова: политический дискурс; афоризм-лозунг; лексико-семантическая группа «Выборы»; функциональный аспект; разноструктурные языки (английский, французский, русский, татарский).

F. Ya. Khabibullina, G. A. Trapeznirova

Khabibullina F. Ya., Ph.D. (Pedagogy), Associate Professor, Department of Fundamental Medicine, Mari State University; e-mail: khflora@yandex.ru

Trapeznirova G. A., Ph.D. (Pedagogy), Associate Professor, Department of English Philology, Mari State University; e-mail: galinatra@gmail.com

**APHORISM-SLOGANS FUNCTIONING
IN POLITICAL DISCOURSE OF LANGUAGES
WITH DIFFERENT STRUCTURES**

The article is dedicated to the study of the functional aspect of aphorisms-slogans in the political discourse of various structural languages (English, French, Russian, Tatar). Special attention is paid to nominative, communicative, directive, attractive, informative, cumulative, persuasive, aesthetic, emotive or estimated functions of aphorisms-slogans on the basis of lexical-semantic group «Elections» and the concept «Power».

Key words: political discourse; aphorism-slogan; lexical-semantic group «Elections»; functional aspect; various structural languages (English, French, Russian, Tatar).

Основной функцией политической коммуникации является борьба за политическую власть. Поэтому реализация функций коммуникации – коммуникативной, побудительной, эмотивной, метаязыковой, фатической и эстетической (Р. Якобсон) – в политической речи подчинена данной цели [11]. В ее достижении используются различные средства, в том числе афористические изречения.

В рамках политической афористики традиционно выделяют: собственно афоризм, пословицу, заголовок, лозунг, девиз, программное заявление, фразу-символ и др. Лозунги, наряду с пословицами и поговорками, крылатыми словами, призывами, девизами, общественно-научными формулами, естественно-научными формулировками и т. п., относят к языковым афоризмам (В. Г. Костомаров, Е. М. Верещагин).

Политический лозунг – это краткое, сжатое выражение, отражающее политические, идеологические принципы, выдвигаемые некой политической силой (движением, партией, государством) или отдельно взятым политиком в качестве основы своей деятельности в некий период времени [7].

По мнению Ф. Н. Ильясова, политический лозунг рассматривается как призыв или обращение в лаконичной форме, выражающий руководящую идею, концепцию, основное требование партии, политического движения, политического лидера, кандидата и др. Именно данная особенность позволяет отличать лозунг от девиза, слогана, призыва [4].

В статье используется термин «афоризм-лозунг», введенный Н. Т. Федоренко и Л. И. Сокольской. Авторы различают афоризм как «слово» и афоризм как «жанр» и выделяют следующие его жанровые черты: наличие определенного автора, мудрость, смысловая завершенность, образность и краткость выражения. Указывается на разнотипность афоризмов, в том числе существование афоризмов-лозунгов. Давая характеристику вводной статье Г. Нойманна к книге избранных теоретических исследований в области преимущественно немецкой афористики, изданной в 1976 г., авторы подчеркивают роль конфликтной двойственности афоризмов и указывают, что именно этот двойственно-противоречивый характер открывает широкие перспективы их применения, в первую очередь, в общественно-политической сфере, потому что именно в ней резко выражен конфликт между действительностью и проектом, между тем, что есть, и тем, что должно быть, между топией и утопией [8, с. 15, 16, 29, 171]. Особенно

актуально это уточнение в контексте реализации функционального аспекта афоризмов-лозунгов в период электоральных кампаний.

В статье рассматривается функционирование афоризмов-лозунгов в политическом дискурсе разноструктурных языков (русского, татарского, английского и французского языков) на примере лексико-семантической группы (ЛСГ) «Выборы» концепта «Власть» [9, с. 188–189; 13, с. 65].

Выбор данного концепта не случаен. 2016 год был отмечен активизацией политической деятельности в связи с выборами в Государственную Думу Российской Федерации 7-го созыва, в органы местного самоуправления субъектов РФ, предвыборных президентских кампаний в США и Франции. Выборы в Государственную Думу состоялись 18 сентября 2016 г. ЦИК РФ определила 14 политических партий: Гражданская платформа, Гражданская сила, Единая Россия (ЕР), Зеленые, Коммунисты России, КПРФ (Коммунистическая партия Российской Федерации), ЛДПР (Либерально-демократическая партия России), ПАРНАС, Партия роста, Патриоты России, Родина, Российская партия пенсионеров за справедливость, Справедливая Россия, Яблоко. В этот же день во многих регионах России прошли выборы в органы местного самоуправления [1]. 8 ноября 2016 г. избран 45-й президент Соединенных Штатов Америки [2]. Президентские выборы во Франции будут проводиться 23 апреля 2017 г. (первый тур) и станут одиннадцатыми выборами на пятилетний срок следующего президента Пятой французской республики. С января по октябрь 2016 г. состоялись Первичные партийные праймериз по выдвижению кандидатов от основных политических партий Франции [14; 15].

При отборе афоризмов-лозунгов из предвыборных текстов мы пользовались методом сплошной выборки. Затем был проведен их количественный анализ, систематизация и классификация.

Отечественные и зарубежные исследователи и аналитики, занимающиеся вопросами теории и практики выборных технологий, активно осваивают историю и актуальное состояние политического лозунга в мировой и российской PR-практике (Е. Блажнов, Т. Гринберг, А. Зверинцев, Т. Лебедева, А. Мирошниченко, И. Морозова, Д. Ольшанский, Г. Почепцов и др.).

Предвыборный лозунг – это речевой жанр, который реализуется в устной и письменной форме как афористичное воплощение идеи

рекламной предвыборной политической кампании: ее основная мысль, выраженная в краткой, лаконичной форме, рассчитанная на неоднократное повторение в различных средствах, используемых в кампании [5, с. 216].

Предвыборный лозунг обычно функционирует в коммуникативном направлении «институт – общество» как призыв к обществу голосовать за определенную политическую программу. Он выражает намерения кандидата, суть его планов [3].

Собственно афоризм и лозунг выполняют схожие, но не идентичные функции.

Среди функций, которые присущи афоризмам и афористическим высказываниям, выделяют коммуникативную (адресант – текст – адресат), номинативную (констатация определенного положения дел, явлений), эстетическую (эстетическое воздействие на адресата), директивную (побуждение к определенному образу действия или поведения), дефиниционно-оценочную (обобщение знаний о предметах и явлениях путем дефиниций), кумулятивную (возможность с помощью языка хранить и накапливать знания, передавать народную мудрость из поколения в поколение) и др.

Афоризмы, являющиеся частью политического дискурса, обладают собственным функциональным потенциалом, который выходит за пределы функционального поля политического дискурса и соответственно расширяет его за счет таких конкретных функций, как моделирующая и кумулятивная. Эти две функции увеличивают функциональный потенциал политического дискурса и могут менять свое положение в иерархии функций (репрезентативная, регулятивная, акциональная, прогнозирующая, дидактическая, интеграционная, идентифицирующая, экспрессивная, моделирующая, кумулятивная) в зависимости от насыщенности текста афоризмами [6, с. 9].

В политической риторике лозунг реализует функции призыва, побуждения к определенным действиям, а также знамени, символа, вокруг которого консолидируются определенные силы. Основная задача лозунга – изменить мнение адресата в пользу адресанта.

На специфические функции политического лозунга указывает Е. И. Шейгал: 1. теоретико-концептуальная – формулировки основных положений, которые раскрывают интересы и идеалы определенного класса, сословия, нации, государства; 2. программно-

политическая – перевод социально-философских принципов и идеалов в программы, лозунги и требования политической элиты; эта функция непосредственно связана с деятельностью политических партий, союзов, объединений и избирательных блоков; 3. функция овладевания массовым политической сознанием [12, с. 336].

Политический афоризм-лозунг в определенной степени выполняет функции как афоризма, так и лозунга. Во время предвыборной кампании он является обязательным жанром, реализующим достаточно специфические функции:

номинативная (обеспечивает констатацию определенного положения дел, явлений);

информационная (содержит информацию, отражающую в одной короткой фразе основную идею, которую хочет донести);

побудительная, или **директивная** (функция воздействия на адресата, форма прямого донесения мысли, мобилизации избирателей для проведения конкретных акций);

коммуникативная (ориентирована на передачу информации, призванной оказать воздействие на преобразование существующей в сознании адресата картины политического мира, призывая потенциального избирателя к диалогу, обсуждению важных вопросов);

аттрактивная (способствует привлечению внимания избирателей и запоминанию ими электоральной информации);

персуазивная (призвана убеждать избирателя);

эмотивная, или **оценочная** (ориентирована на выражение эмоций автора и возбуждение эмоций адресата);

кумулятивная (обеспечивает возможность с помощью языка хранить и накапливать знания, передавать народную мудрость из поколения в поколение);

эстетическая (ориентирована на первостепенное внимание к форме сообщения, к тому, как выражена мысль).

Материалом для исследования послужили 94 афоризма-лозунга предвыборных кампаний 2016 г., представленные на официальных сайтах российских, французских, американских и региональных периодических изданий, а также публикации в ведущих печатных изданиях на русском, английском и татарском языках: американские и французские политические ежедневные издания, еженедельники

и новостные журналы The New York Times, Le Monde, Le Figaro; российские общественно-политические издания: Аргументы и факты, Информационный бюллетень «Единая Россия», Газета ЛДПР, Информационный бюллетень ЦК КПРФ, Голос правды (печатный орган КПРФ в Республике Марий Эл), Информационный бюллетень партии Справедливая Россия, Ватаным Татарстан (Моя родина Татарстан) – общественно-политическая газета на татарском языке, издающаяся в РТ.

Проанализируем некоторые из них в аспекте функциональности.

Яркими примерами реализации **номинативной функции** стали афоризмы-лозунги партии «Единая Россия» (ЕР). Для агитации были выбраны цитаты действующего президента РФ В. В. Путина. Они нацелены на констатацию определенных явлений, фактов, положения дел на внутренней и международной политической арене, внутрипартийной жизни:

рус.: Точкой сборки страны стала «Единая Россия»; В основе политики партии – «глубокое понимание государственных интересов страны».

Эти фразы В. В. Путин произнес на июньском съезде партии говоря об условиях создания ЕР, ее роли в консолидации России на современном этапе ее развития.

Целый ряд предвыборных лозунгов партии имели целью сделать своими сторонниками разные социальные слои российских граждан: учителей, врачей, аграриев, представителей малого бизнеса и др. Для ее реализации ЕР руководствовалась следующими высказываниями президента России:

рус.: Без достойной зарплаты не повысить престиж учителя, этой профессии, важнейшей в любом обществе; Рост отечественного агропромышленного комплекса прямо зависит от тех, кто трудится в поле, на земле; Важнейшая из тем – это подготовка кадров и социальные гарантии, уровень заработной платы медицинских работников; Мы все нуждаемся в успехах малого бизнеса: и сам малый бизнес нуждается в них, и страна нуждается; Действовать в интересах людей – наша задача, Слышать голос каждого – наша обязанность;

англ.: We would get along with Putin. I'd managed to deal with Russia. – «Мы бы поладили с Путиным. Я бы сумел вести дела с Россией» (Д. Трамп, Республиканская партия).

Побудительная, или директивная, функция предполагает прямое побуждение к определенному образу действия или поведения,

которое выражается либо императивно, либо через совет, рекомендацию, пожелание и т. п. Основной путь для ее реализации – это непосредственные призывы к политической активности. Функция носит директивный, т. е. предписывающий характер. Она реализуется, например, в следующих афоризмах-лозунгах, с которыми ЛДПР и ее лидер В. Жириновский, шли на выборы в ГД:

рус.: Не мешайте работать! Ударим по бюрократам! Хватит унижать русских! Раскрепостить труд! Всю казну на производство! Хватит грабить бедных!

Лозунги-директивы активно использовались и другими партиями:

Вернуть бесплатное и доступное образование!; Отменим (Долой) кредитное рабство!; Стоп – поборам за капремонт!; Защитим русского учителя!; (Требуем) Вернуть доступную и бесплатную медицину (для всех)!; Чиновник, проживи на мою пенсию!; Правительство, делай или уходи!; За достойную и бесплатную медицину!; Зарплату врачу – как у госслужащего! Хватит экономить на тех, кто в ответе за здоровье страны!; Не допустим конфискации пенсий!; Обезжирим олигархов! (*партия «Справедливая Россия»*).

Мы должны сделать всё возможное, чтобы люди старшего возраста были здоровы, чувствовали себя комфортно, чтобы выход на пенсию не снижали их социальный статус; У нас очень интересные, целеустремлённые дети и молодёжь. Мы должны сделать всё, чтобы у ребят были равные возможности для успешного жизненного старта (*ЕР*).

Хватит уже сопли на кулак наматывать! (*В. Иванов, партия «Родина»*)

фр.: Libérons Nos Convictions. – «Освободим наши убеждения» (*Ж.-Ф. Пуассон, Республиканская партия*).

англ.: Let's Make America Great Again. – «Сделаем Америку снова великой» (*Д. Трамп, Республиканская партия*).

Интересны афоризмы-лозунги с ярко выраженной **кумулятивной функцией**. Речевые афоризмы как компоненты общего афористического фонда, обладая этой функцией, способны аккумулировать и обобщать в себе экстралингвистическую информацию, в том числе культурно значимую, отражающую общечеловеческие, исконно национальные, индивидуальные ценности, и выражающую не только взгляды авторов, но и мировоззрение эпохи. Хороший лозунг содержит определенный набор ценностей, которые соответствуют ожиданиям

электората и устремленности кандидата: общечеловеческие, социоцентристские, патриотические, либеральные, человеческие качества.

Как показали Выборы-2016, ценностной платформой, объединяющей большинство российских политиков в современных условиях, является патриотизм. Например, афоризмы-лозунги кандидатов в Государственную Думу от различных партий включают в себя семантический компонент, связанный с национальной окрашенностью:

рус.: Единая Россия – сильная Россия (ЕД);
Сила России в Гражданской СИЛЕ! (партия «Гражданская сила»);
Вставай, великая Россия! (ЛДПР);
Создать и защитить будущее России – наша цель (ЕР).

Особым приемом привлечения внимания электората выступает опора на национальный стереотип, апелляция к национальным ценностям и архетипам. Одной из наиболее значительных черт национального характера американцев считается «американский шовинизм», доминирование идеи великой роли Америки. Это находит свое выражение в регулярных обращениях к чувствам рядового американца как части нации, к его национальному сознанию и в утверждениях превосходной степени при номинациях страны, нации, ее экономики, природных богатств и т. д.

англ.: Hillary for America. – «Хиллари для Америки» (Демократическая партия США);
Let's Make America Great Again. – «Сделаем Америку снова великой» (Республиканская партия США).

Частотны номинации через местоимения *we* / *мы*, *us* / *нас*:

Fighting for us! – «Борьба за нас!» (Демократическая партия США).

Местоимение первого лица множественного числа широко используется и в других анализируемых языках:

фр.: Nous avons changé le monde. – «Мы изменили мир» (Н. Косьюско-Моризе);
рус.: Победа будет за нами! (партия «Справедливая Россия»);
тат.: Без булдырабыз! – Мы сможем! (М. Шаймиев, ЕР).

В нашей выборке встречаются афоризмы-лозунги, выполняющие **коммуникативную функцию**. Ставя злободневные вопросы, авторы как бы вызывают собеседника на их обсуждение.

рус.: У государства должны быть зоны, куда вход рынку строго воспрещён! Здравоохранение – такая зона! (*партия «Справедливая Россия»*);

Политика большинства должна побеждать; Судьба Родины в руках народа!; Опираясь на молодых, мы вернем стране уверенность в завтрашнем дне! (*КПРФ*).

Как содержательную разновидность афоризмов-лозунгов коммуникативной направленности можно выделить проблемные лозунги:

рус.: Путин – пожарник. А чем занимается правительство? (*КПРФ*).

Эмотивная, или оценочная, функция обусловлена тем, что предвыборный политический лозунг – это всегда эмоционально окрашенное, оценочное высказывание, воздействующее на эмоциональную сферу адресата и подготавливающее благоприятную почву для продвижения новых установок. Это эмоционально окрашенный посыл кандидата своему электорату. Таковы лозунги с вопросительными предложениями, при помощи которых констатируется наличие проблемы:

рус.: Где взять деньги на выход из кризиса? Чем «Справедливая Россия» отличается от «Единой России»? За что и против кого «Справедливая Россия?» (*партия «Справедливая Россия»*);

Как жить? Решайте! Сами! (*С. Леонов, ЛДПР*).

Эстетическая функция призвана придать лозунгу экспрессивность и выразительность. Во многих случаях лингвистическое оформление лозунга, его афористичность, красота и оригинальность привлекают слушателей не в меньшей степени, чем само содержание. При создании предвыборных афоризмов-лозунгов 2016 г. партиями и кандидатами активно использовались различные языковые и риторические приемы:

– эпитеты, метафоры, сравнения:

рус.: «Левый поворот» – спасение страны (*Г. Зюганов, КПРФ*);
Сильная женщина – сильная Россия! (*Н. Погорелова, партия «Родина»*);

фр.: La France apaisée – Успокоенная (спокойная) Франция (*М. Лё Пен, партия «Национальный фронт»*);

La France insoumise – Мятежная Франция (*Ж.-Л. Малешон, партия левых*);

Le courage de la vérité – Мужество (храбрость) истины (*Ф. Фийон, правая партия*).

- языковые игры (каламбуры и т. п.):

фр.: *Agir* pour la France, *AJ* pour la France (Alain Juppé) – Действовать во имя Франции, АЖ за Францию (Ален Жюппе);

рус.: *Партия народной свободы* («ПАРНАС») (выделено нами. – Ф.Х., Г.Т.).

- элементы ритмизации и рифма:

фр.: Le renouveau, c'est Bruno
La primaire, c'est Le Maire (Bruno Le Maire). – Обновление – это Брюно. Предварительные выборы (праймериз) – за Лё Мером (Брюно Лё Мер);

рус.: Андрей Кабанов – за поваров! (А. Кабанов, ЛДПР).

– риторические вопросы. Включение риторических вопросов в афоризм-лозунг обеспечивает создание эффекта непосредственного общения с адресатом. Примером вовлечения избирателя в «псевдо-диалог» может служить отрывок из лозунга Андрея Митрофанова, кандидата от КПРФ в Смоленской области:

рус.: Нам врут, а мы боимся? Нам говорят: «Чиновники не воруют» – верим? «Зарплата учителя 35 000 рублей» – верим? «Зарплата медика 40 000 рублей» – верим? «Трудимся всю жизнь – достойная пенсия» – верим? (А. Митрофанов, КПРФ);

- повтор:

рус.: Мы дома. Мы вместе. Мы – Россия! (С. Савченко, ЕР, Крым);
Сильная женщина – сильная Россия! (Н. Погорелова, партия «Родина»).

- антитеза:

Нищают больницы – богатеет кладбище! (партия «Справедливая Россия»);

- контекстные антонимы:

Правительство, делай или уходи! (ЛДПР);

- инверсия:

Природе нужен твой голос (партия «Зеленые»);

- хиазм:

Северяне за КПРФ, КПРФ за северян (КПРФ);

– параллелизм:

«Единая Россия» – не партия Путина, «Единая Россия» – партия Медведева (*партия «Справедливая Россия»*).

Наиболее частотными грамматическими средствами выразительности являются, например, эллиптические конструкции:

рус.: Единая Россия – сильная Россия (*ЕР*); Родина – национальный фронт (*партия «Родина»*); Партия роста – рост будет (*Партия роста*); Гражданская Платформа – правая партия (*«Гражданская Платформа»*) и т. д.

Используются грамматические конструкции с существительными в винительном надеже и приставками «за» или «против»:

рус.: За партию трудового народа! (*КПРФ*);

Российская партия пенсионеров за справедливость (*партия «Российская партия пенсионеров за справедливость»*);

За – Путина! Против правительства Медведева! Справедливая Россия против антинародной политики правительства! (*Справедливая Россия, Марий Эл*);

фр.: Pour un sursaut français! – «Для (за) французского скачка» (*Ж.-Ф. Коне, Республиканская партия*);

Грамматическими средствами экспрессивности лозунгов являются:

- восклицательный знак: *Раскрепостим труд!* (*ЛДПР*);
- эллиптическое тире: *Вложения в каждого человека – основа общего будущего!* (*ЕР*);
- формы императива: *Не допустим конфискации пенсий!* (*партия «Справедливая Россия»*);
- формы двухчленного: *Труд и достаток* (*С. Казанков, КПРФ, Марий Эл*);
- трехчленного номинатива: *Свобода, уважение, ответственность* (*«Яблоко»*).

Проанализировав афоризмы-лозунги выборов регионального уровня, можно указать, что в них активно реализуются **аттрактивная** и **персуазивная функции**. «Команда Татарстана», представляющая штаб ЕР в регионе по выборам в ГД России, использовала перифраз главного афоризма-лозунга партии «Единая Россия»: «Көчле Татарстан – бердәм Россия» («Сильный Татарстан – Единая Россия»).

На выборах в Госсовет Республики региональное отделение КПРФ выступило с лозунгом «Мы правы!! Мы можем!». Первая часть лозунга «Мы правы!» созвучно словосочетанию «правые партии», в то время как избиратели привыкли к тому, что КПРФ – «левые». Вторая часть – «Мы можем!» – знакомо избирателям по популярнейшему высказыванию одного из самых известных единороссов, первого Президента РТ Минтимера Шаймиева, ныне госсоветника РТ, «Без булдырабыз!», которое являлось своеобразным афоризмом-лозунгом регионального отделения партии. Это – имплицитное утверждение о том, что задача партии в условиях кризиса – не просто выжить и переждать, а выйти из кризиса сильными и окрепшими. И партия уверена: «Так и будет – мы сможем!». В то же время лозунг «Мы можем!» – это слоган президента США Барака Обамы («We can»)¹.

В Республике Марий Эл избранный по одномандатному округу в ГД РФ депутат от КПРФ Сергей Казанков шел на выборы с лозунгом «Труд и достаток». Он был поддержан большинством избирателей, так как отразил их конкретные потребности и был доступен для быстрой меморизации. Лозунг кандидата от ЕР Ларисы Яковлевой «Хочу быть полезной людям!» не имел конкретной электоральной направленности на целевую аудиторию в РМЭ. Ряд исследователей утверждает также, что отечественная традиция не предполагает лозунгов от первого лица, либо они должны быть подкреплены очевидной и своеобразной харизмой претендента. Несмотря на то, что кандидат употребил форму простого личного предложения со сказуемым-глаголом в первом лице без местоимения «я», в целом, он не смог убедить избирателя голосовать за свою кандидатуру [10].

Опора на местную тематику, использование названий местных жителей, топонимов демонстрирует интерес к жизни того или иного региона:

рус.: Возродим нашу Смоленщину вместе! (А. Митрофанов, КПРФ);

Командой Дона, командой перемен; Любим Россию – гордимся Пермью; Пермь: любим и гордимся (ЕР); Сила Урала (ЕР в Свердловской области)²;

фр.: Tout pour la France. – «Всё для Франции» (Nicolas Sarkozy);

¹ m.business-gazeta.ru/article/320814/

² www.znak.com/2016-08-5/edinaya_rossiya_vybrala_slogany_dlya_agitacii

Le projet France. – «Проект – Франция» (А. Монтебург, Социалистическая партия).

Нередки случаи, когда в лозунгах наряду с названиями населенных пунктов используются имя или фамилия кандидата. Так, в лозунг «Голосуй за товарища Максима!» включено имя Максима Сурайкина, лидера партии «Коммунисты России», политическим кредо которого были «Десять сталинских ударов по капитализму». Использование личного имени выполняло наряду с побудительной и аттрактивной **информативную функцию**, так как снабжало потенциальный электорат дополнительной информацией о кандидате, а сочетание «товарищ Максим» создавало аллюзию на советское прошлое России периода гражданской войны.

Преимущество данного приема заключается в том, что избиратель запоминает лозунг вместе с фамилией. Например:

фр.: Le renouveau, c'est Bruno. La primaire, c'est Le Maire (Bruno Le Maire). – «Обновление – это Брюно Предварительные выборы – за Лё Мером» (Брюно Лё Мер).

Упоминание личного имени кандидата стало основным средством оформления предвыборных лозунгов Демократической партией Соединенных Штатов Америки в 2016 г. В США на пост президента традиционно претендуют представители от Демократической и Республиканской партий. Демократическая партия выдвинула своим лидером Хиллари Клинтон и в качестве главного лозунга выбрала: *Хиллари для Америки (Hillary for America)*, а также *Готовы к Хиллари (Ready for Hillary)*, *Борьба за нас (Fighting for us)*, *Я с ней (I'm with her)* и *Вместе сильнее (Stronger together)*. Имя *Хиллари (Hillary)* выступает в качестве своеобразного символа и знамени партии, ведь Хиллари Клинтон – опытный политик, в ее резюме – сенаторство в Конгрессе, должность госсекретаря и участие в президентской гонке 2008 г. [2].

Республиканец Дональд Трамп (Donald Trump) выбрал афоризм-лозунг Рональда Рейгана *Сделаем Америку снова великой (Let's Make America Great Again)*. Его главный соперник по президентской гонке, Хиллари Клинтон, раскритиковала этот лозунг Трампа, указывая, что Америка и не переставала быть великой. Задача настоящего момента: сделать Америку целостной, вместо того, чтобы строить стены, нужно разрушать барьеры (намек на предложение Трампа построить стену

между США и Мексикой («*Build the Wall!*»)), так как оттуда прибывают «наркоторговцы и преступники». Среди кандидатов в президенты США Д. Трамп – единственный, кто поддерживает Россию:

«Мы бы поладили с Путиным. Я бы сумел вести дела с Россией» («*We would get along with Putin. I'd managed to deal with Russia*») [2].

Предвыборные афоризмы-лозунги кандидатов в президенты Франции различных эпох во многом перекликаются между собой и остаются востребованными новыми политическими силами [15]. Так узнаваемы *La force tranquille* (*Спокойная сила*, Ф. Миттеран, 1981), заимствованная у Жана Жореса (1859–1914), французского философа, историка, деятеля французского и международного социалистического движения, борца против колониализма и милитаризма. Марин Лё Пен (Marine Le Pen), кандидат на пост президента от ультраправой партии «Национальный фронт» (Front national), идет на выборы с лозунгом *La France apaisée* (*Успокоенная (спокойная) Франция*), напоминающим лозунг Ф. Миттерана, и объясняет выбор данного лозунга:

Aujourd'hui, nous sommes obligés de constater que le laxisme crée le chaos, que l'autorité apaise, que la nation unit, que le communautarisme divise. Il y a une grande opération de réconciliation à opérer dans notre pays [14]. – «Сегодня мы вынуждены констатировать, что распушенность создает хаос, что власть успокаивает, что нация объединяет, а общинность разделяет. Большой путь к примирению для работы в нашей стране» (*перевод наш. – Ф. Х., Г. Т.*)

Франсуа Фийон (François Fillon), представитель правой партии, выбрал лозунг *Le courage de la vérité* (*Мужество (храбрость) истины*). Тем не менее это высказывание было уже использовано в 1997 г. Арно Монтебургом (Arnaud Montebourg).

Самой многочисленной по количеству заявленных кандидатов на президентские выборы-2016 стала Республиканская партия. Это – Жан-Франсуа Копе (Jean-François Copé) с лозунгом *Pour un sursaut français ! / Для (за) французского скачка (движения вперед)*, Ален Жюпе (Alain Juppé) – *Agir pour la France, AJ pour la France* (*Действовать во имя Франции, АЖ за Францию*), Натали Косьюско-Моризе (Nathalie Kosciusko-Morizet) – *Nous avons changé de monde* (*Мы изменили мир*), Брюно Лё Мер (Bruno Le Maire) – *Le renouveau, c'est Bruno, La primaire, c'est Le Maire* (*Обновление – это Брюно, Предварительные*

выборы – за Лё Мером); Жан Фредерик Пуассон (Jean-Frédéric Poisson) – *#LibéronsNosConvictions* (Освободим наши убеждения), Николя Саркози (Nicolas Sarkozy) – *Tout pour la France* (Всё для Франции).

Ж.-Л. Малешон (Jean-Luc Mélenchon), представитель левых сил, выбрал новый лозунг: *La France insoumise* (Мятёжная Франция), который воплощает *la France insoumise et fière de l'être* (Францию непокорную и гордою быть таковой).

Партия «Зелёных» (экологическая партия) будет представлена на выборах Сесиль Дюфло (Cécile Duflot) с афоризмом-лозунгом *Demain nous appartient* / Будущее принадлежит нам. Социалист А. Монтебург (Arnaud Montebourg) выбрал лозунг *Le projet France* (Проект – Франция).

Итак, в нашем исследовании афоризмы-лозунги рассматриваются как самостоятельный жанр, тип малоформатного текста. Они являются обязательным элементом предвыборной кампании всех партий в различных странах и регионах и реализует специфические функции.

В ходе анализа афоризмов-лозунгов нами был выявлен комплексный характер реализации их функционального аспекта, оказывающий синергетический эффект за счет одновременной интеграции нескольких функций. Отмечен большой потенциал мегаязыков в экспликации афоризмов-лозунгов предвыборного периода. Создание политических слоганов в региональных языках, например, в татарском, обеспечивается в большей степени интертекстуальностью, т. е. опорой на прецедентные тексты и калькирование преимущественно с языков международного значения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Выборы депутатов в Госдуму в 2016 году. – URL : <http://2016-god.com/vybory-deputatov-v-gosdumu-v-2016-godu/>
2. Выборы президента США 2016 – кто Вы, № 45? – URL : <http://2016-god.com/vybory-prezidenta-ssha-2016-kto-vy-45/>
3. Гринберг Т. Э. Политическая реклама: портрет лидера. – М. : Возрождение, 1995. – 104 с.
4. Ильясов Ф. Н. Политический маркетинг. Искусство и наука побеждать на выборах. – М. : ИМА-пресс, 2000. – 200 с.
5. Костарев Е. С. Предвыборная листовка и лозунг как жанры политического дискурса // Мова. – 07/2012. – № 18. – С. 215–218. – URL : <http://liber.onu.edu.ua/opacunicode/index.php?url=/notices/index/IdNotice:491350/Source:default>

6. *Патрушева Е. В.* Лингвокультурологический и функционально-прагматический аспекты афоризмов в политическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2011. – 247 с.
7. Политический лозунг. – URL : <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
8. *Федоренко Н. Т.* Афористика / Н. Т. Федоренко, Л. И. Сокольская. – М. : Наука, 1990. – 419 с.
9. *Хабибуллина Ф. Я., Иванова И. Г.* Политическая лексика в татарском и марийском языках: синхронный анализ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2014. – № 1 (31) : в 2 ч. – Ч. 1. – С. 186–190.
10. Хватит уже сопلي на кулак наматывать // Lenta.ru. – URL : <https://lenta.ru/articles/2016/08/31/viborivibori/>
11. *Чудинов А. П.* Современная политическая коммуникация : учеб. пособие. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2009. – 292 с.
12. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. – Волгоград : Перемена, 2000. – 452 с.
13. *Khabibullina F. Ya., Ivanova I. G.* Particularities of Political Vocabulary in Tatar and Mari Mass Media: Synchronic and Diachronic Analysis // Review of European Studies. – 2015. – Vol. 7, No. 8. – P. 65–77.
14. Les slogans politiques // 20 minutes. – URL : <http://www.20minutes.fr/politique/diaporama-2000-photo-697444-slogans-politiques>
15. Présidentielle 2017 : Tous les candidats à l'élection // EVOUS. – URL : <http://www.evous.fr/Presidentielle-Qui-est-candidat-Qui-a-les-500-signatures-1174286.html#2TO8M1rOmFQYx5S9.99>

УДК 811.112.2

О. М. Шишова

преподаватель кафедры лексикологии и стилистики
немецкого языка факультета немецкого языка МГЛУ;
e-mail: o.m.shishova@yandex.ru

**КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ НОРМА ПОВЕДЕНИЯ
УЧАСТНИКОВ ВИРТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ
(на примере немецкоязычного сетевого дневника)¹**

Статья посвящена изучению и классификации вербальных средств реализации этикетных и экспрессивно-оценочных речевых действий в личном сетевом дневнике. К этикетным речевым действиям относятся приветствие, прощание, пожелание, поздравление. Экспрессивно-оценочными речевыми актами являются комплимент, благодарность, порицание, извинение. Особое внимание уделено прагматической направленности данных типов экспрессивов и их конкретной лексической реализации.

Ключевые слова: блог; сетевой дневник; этикетный речевой акт; экспрессивно-оценочный речевой акт; коммуникативная норма.

O. M. Shishova

Lecturer, Department of German Lexicology and Stylistics,
Faculty of German, MSLU; e-mail: o.m.shishova@yandex.ru

**COMMUNICATIVE-PRAGMATIC NORM OF BEHAVIOR OF
PARTICIPANTS OF VIRTUAL COMMUNICATION
(ON THE EXAMPLE OF THE GERMAN-SPEAKING WEBLOG)**

The article dwells on the study and classification of verbal means of implementation of etiquette and expressive-evaluative speech acts in a personal weblog. Etiquette speech acts include greeting, goodbye, wish, congratulation. To the expressive-evaluative speech acts belong compliment, expression of gratitude, reprimanding, apology. Particular attention is given to the pragmatic orientation these types of expressives and their specific lexical realization.

Key words: weblog; personal journal; etiquette speech act; expressive-evaluative speech act; communicative norm.

Сетевые дневники являются не просто новым средством коммуникации, но и новой социокультурной средой. В них стихийно

¹ Статья публикуется в рамках реализации проекта РНФ № 14-48-00067 «Взаимодействие вербальных и невербальных средств конструирования событий в разных языках».

складываются формы и нормы поведения, частично путем переноса существующих в данной культуре норм, частично выведенные из практики общения в виртуальной среде. Выражение симпатии, интереса играет важную роль в поддержании взаимодействия, в установлении и подтверждении контакта. Взаимный доброжелательный настрой находит конкретное вербальное выражение.

Участники виртуальной коммуникации должны владеть соответствующей компетенцией, т. е. знаниями, умениями и навыками, необходимыми для успешного общения в рамках данной ситуации. Пишущему требуется наиболее точная и адекватная передача эмоциональных компонентов речи для правильной интерпретации сообщения реципиентом [2, с. 16].

Целью нашего исследования является выявление вербальных средств реализации этикетных коммуникативных действий. Особое значение для сетевой коммуникации приобретает класс экспрессивов, поскольку они связаны с эмоциональным отношением говорящего к адресату.

Экспрессивы являются частью коммуникативно-прагматической нормы, которая «объединяет лингвистические и паралингвистические правила построения текстов в определенной типовой ситуации с определенной интенцией для достижения оптимального прагматического воздействия на адресата» [1, с. 9]. Класс экспрессивов распадается на этикетные и экспрессивно-оценочные речевые акты.

В основе каждого ритуального вербального действия лежит прототипичный экспрессивный вариант речевого действия. Этикетные речевые акты имеют особую социальную значимость в межличностной коммуникации. Они могут служить для инициации диалогического общения или быть частью реакции на внешний стимул, при этом каждое речевое действие имеет ведущую интенцию.

Приветствие / прощание. Приветствие как способ установления контакта играет важную роль в коммуникации. Несмотря на то, что в рассматриваемой коммуникативной среде оно является факультативным, о чем свидетельствует значительное количество лишенных его диалогических единств, часть коммуникантов включает его различные формулы в свою речь.

Выбор конкретных лексико-грамматических средств напрямую зависит от коммуникативной ситуации и социальных ролей участников

коммуникации. Общий принцип заключается в том, что чем более кратким является приветствие, тем оно менее формально [3, с. 183]. Следует отметить, что комментарии, начинающиеся с приветствия, по форме и стилю в большей степени напоминают короткое письмо или открытку. В зависимости от желаемой тональности общения коммуниканты могут использовать различные стилистически маркированные формы приветствия:

Gaade Morgen, Hexle! Auweia! Hallo meine Gute! Ach liebe C!
Hi etoile!

По окончании контакта в устном дискурсе собеседники используют разнообразные формулы прощания. Применительно к немецкоязычному сетевому дневнику можно выявить следующие употребительные способы завершения контакта.

1. Намерение продолжения контактов: *Bis dann, / what about..;*
2. Выражение дружественного отношения: *LG; Ganz herzliche Grüße / Dein blog-Freund rolf der nero; Liebe Grüße; Herzlichst;*
3. Пожелание: *Ich wünsche Dir also auch einen Strahl Sonne und Lebensfreude! Alles Gute!*
4. Выражение сочувствия, заботы о партнере: *Aber hoffen wir mal das es alles besser wird...*
5. Позитивная оценка содержимого публикации, благодарность: *Das Gedicht ist sehr lieb, danke♥.*

Пожелание. Лексемы со значением пожелания могут выступать как десемантизированные единицы в клишированных фразах, например в прощании. В то же время они могут являться самостоятельным речевым актом.

В немецкоязычном личном сетевом дневнике можно выделить следующие мотивы пожеланий.

Встреча / расставание. Данный речевой акт может присутствовать как в иницирующей записи сетевого дневника, так и в комментариях к ней:

Traumfaenger71 Pro / 2014-02-05 @ 11:45:17 / Wünsche Dir viel Kraft und Sonnenschein! / Alles Gute! / Traumfaenger71.

1. Начало трапезы: *ist jetzt mittagszeit / guten appetit / jens / an der ostsee.*
2. Болезнь: *Och Patze ☹ Gute Besserung Liebes!*

3. Отход ко сну: *Nun wünsche ich Dir eine gute Nacht und träum was schönes.* / *Liebe Grüße* / Traudl.
4. Начало или конец деятельности: *Das D aufgehört hat zu rauchen ist toll ... Glückwunsch an ihn* 😊.
5. Праздник: *Ich wünsche Dir auch ein ganz tolles neues Jahr. Mit vielen spannenden Augenblicken, Gesundheit und vielen neuen Erfahrungen!* / *Herzliche Grüße* / Eva.

В диалогическом единстве речевой акт пожелания обнаруживается как в иницирующей взаимодействии, так и в реагирующих репликах. Инициативное пожелание возникает в ответ на внешние обстоятельства, сложившуюся ситуацию или внешний стимул (праздник, болезнь, начало деятельности и т. п.). Под реагирующей репликой понимается иницированное в предшествующем сообщении конвенциональное пожелание. Таким вербальным стимулом служит прямая просьба о поддержке или сообщение об особых обстоятельствах, которое ожидаемо повлечет соответствующую реакцию пользователей. В ответ обычно следует выражение благодарности.

Пожелания в личном сетевом дневнике выражены различными лексико-грамматическими средствами.

1. Конструкция: глагол *wünschen* + дополнение: *Deshalb wünsche ich Dir einfach ganz viel Kraft!*
2. Глагол в сослагательном наклонении как выражение не категорической, но желаемой, предпочитаемой необходимости (импликация «я бы хотел, чтобы так и было»): *Es wäre so schön; das wäre TOLL; Dann wäre ja endlich Ruhe!*
3. Модальный глагол + инфинитив: *Jetzt mache ich erstmal Feierabend und lasse den lieben Gott einen guten Mann sein; Möge es nun wirklich besser werden und der Hausbesitzer nicht umschwenken!*
4. Высказывания с показателем «желаю»: *Aber hoffen wir mal das es alles besser wird...* (в значении «желаю тебе, чтобы все стало хорошо»); *Dir auch eine feine Woche.*
5. Косвенные оптативы: *Also eine Daumen hoch, dafür das dich dieses Thema interessiert und du es auch ansprichst!!!; Auf weitere 6 Jahre, lieber Herr Kugel.*

Поздравление. Поздравление является действием, регулирующим межличностные отношения собеседников, оно осуществляет функцию

создания атмосферы вежливости, доброжелательности в процессе общения. Его целью является выражение положительного эмоционального настроения, а также выполнение и сохранение конвенциональных речевых ритуалов.

Коммуникативная ситуация поздравления предполагает, что говорящий адекватно оценивает некие события из жизни адресата как положительные и поздравляет его в соответствии с этикетом. Поздравление является реактивным речевым актом, стимулом для которого являются самые разнообразные жизненные ситуации [5, с. 116]. В ответ ожидается выражение благодарности и / или ответное поздравление.

Поводами для поздравления могут служить следующие.

1. Праздники (личные, семейные и религиозные): *GLG und frohes Neues! Weihnachtsgruß zurück.*
2. Особые успехи участника коммуникации: *...zum Aufhören vom Rauchen – GRATULATION!*
3. Счастливые события: *Jetzt treibe ich schon seit 6 Jahren hier mein Unwesen. Wie die Zeit vergeht ... – Tja, dann gratuliere ich dir mal dazu.*

Языковая реализация поздравлений может быть различной, но чаще всего она включает в себя устойчивые фразы из единиц различного уровня.

1. Глаголы *gratulieren* / *beglückwünschen* и их производные с положительно-оценочными наречиями и прилагательными: *Ich wünsche dir nachträglich alles liebe zu deinem Geburtstag.*
2. Косвенные поздравления, содержащие извинение (*Sorry, dass ich erst jetzt gratuliere. Lag zu dem Zeitpunkt deines Eintrages auf der Intensivstation*), выражение радости по поводу наступившего события (*Freut mich für Dich!*).

Таким образом, поздравление является особым речевым актом, имеющим формализованное языковое воплощение. Специфика коммуникативной ситуации накладывает ограничение на способы и формы вербального выражения интенций коммуниканта. Кроме того, данный речевой акт тесным образом связан с речевыми актами пожелания как необходимой составляющей поздравления и благодарности как ожидаемой на него реакции.

Социальная функция стандартной этикетной формулы состоит в том, чтобы создать заведомо благоприятные условия для развития

коммуникации. Правильное применение ритуальных клише свидетельствует о том, что говорящий позиционирует себя как полноценного члена общества. Произнесенные в типичных ситуациях формулы вежливости являются ожидаемыми, их употребление относится к правилам хорошего тона, поэтому их появление в процессе коммуникации является в определенной мере предсказуемым событием. Знание норм вербального поведения в определенной степени становится необходимым условием для успешного взаимодействия не только в реальной, но и в виртуальной коммуникации.

Экспрессивно-оценочные речевые акты служат для выражения отношения и эмоционального воздействия, к которым говорящий прибегает как к санкциям, регулирующим исполнение слушающим своих социальных и коммуникативных ролей [5, с. 22–23]. Интенцией говорящего является коррекция негативного или поощрение позитивного поведения реципиента.

Комплимент. Под комплиментом понимается всякое направленное на адресата высказывание искреннего восхищения его положительными качествами или их ритуальная положительная оценка, выражаемая говорящим с целью убедить собеседника в своем уважении [5, с. 131]. Посредством комплиментов может быть создана атмосфера взаимного участия и доверия, говорящий показывает адресату, что он уважает и ценит его, заинтересован в нем и в хороших с ним отношениях; таким образом, с помощью комплимента коммуниканты устанавливают и поддерживают социальные связи. Поскольку положительная оценка непосредственно влияет на самооценку адресата, комплимент становится также средством манипуляции поведением коммуниканта.

Комплимент направлен на различные качества, свойства объекта.

1. Особенности внешности, характера или поведения собеседника:

Und dein Mann müsste sich doch auch über eine ausgeglichene Frau freuen; Man, man, man... da warst Du echt fleißig...

2. Умственные, интеллектуальные способности собеседника:

Ein toller Text, steckt voller Weisheit!; Interessante Gedankenspiele!.

3. Прочие способности и умения человека:

Du hast wirklich ein Händchen, sie auch schön zu fotografieren; Da hast du aber ganze Arbeit geleistet.

4. Внутренние, моральные качества человека:

Gut, dass es noch Exemplare gibt, denen es nicht nur um Profit geht!;
ich kenne Dich auch als einen humorvollen und tierlieben Menschen.

5. Собственность, жилище собеседника:

Aber dein Baum sieht auch schön aus.

6. Родственники или близкие люди собеседника:

So gar nicht mein Essen, aber typisch für meine Sippe – Deine Sippe
weiss, was gut ist.

Специфика функционирования комплимента заключается в том, что он может находиться практически в любой части диалога: в иницирующей реплике диалога как ответ на внешние события; в реагирующей реплике как реакция на предшествующее сообщение. В то же время существуют строгие правила, определяющие для реципиента возможность реакции на комплимент.

Благодарность. Благодарность – это вежливое ответное действие коммуниканта на положительное действие, оказанное собеседником по отношению к говорящему. Формулы благодарности могут быть распространены прилагательными и наречиями, а также усиливаться положительными оценочными репликами в адрес реципиента, комплиментами, эмотиконами.

Поводы выражения благодарности в сетевом дневнике могут быть следующими.

1. Предоставленная информация:

Guter Tipp, die haben ein paar Sachen, die exakt auf der Wunschliste
einer guten Freundin stehen. Danke! 😊; Wir werden das noch ändern.
Danke für den Hinweis.

2. Поздравление:

hab Dank für Deine lieben Wünsche! – Danke auch dir liebe Rika.

3. Помощь / совет:

Trotzdem danke, ich mach mich ienfach mal schlau 😊.

4. Еще не оказанная услуга:

Ich verwende „Paint“, um meine Bilder zu bearbeiten. / Hat jemand
ein paar Tipps für mich? / Danke / Tina.

5. Внимание / интерес:

Ich bedanke mich also für den so vortrefflich ergänzenden Kommentar; Danke für deine Antworten.

6. Compliment:

cool... 🏊 / Die gefallen mir sehr!!! – Danke! 😊.

7. Пожелание:

Wünsche Euch allen mal gute Besserung!!! – Danke dir 😊; Ja, so was geht schnell... 😊 / Gute Besserung! 🙌 – Das hab ich gemerkt 😊 / Danke.

8. Сочувствие / поддержка:

Das tut mir leid, MrsJones. – Danke Milla 😊; ich drück dir die Daumen – Danke 😊.

9. Вербальная и невербальная деятельность в дневнике:

Was kann man einem Menschen sagen, der so ein Herz für Tiere hat wie DU? DANKE, DANKE, DANKE!!!; ich wollte mich auf diesen weg mal bei Euch, den Leuten aus meiner „Freundeliste“ bedanken; Grüße in die Berge mit einen DANKE für Schmunzelblog; Lachen hält gesund! Danke für den lustigen Eintrag!

10. Внешние стимулы, не связанные с деятельностью в сетевом дневнике:

Ich bin sehr dankbar für das Dach über dem Kopf, den Strom, die Heizung und vieles mehr, was viele andere nicht haben; Bei manchen Dingen bin ich schon dankbar für Online-Shops.

Речевой акт «благодарность» может выполнять в коммуникации различные функции. В зависимости от испытываемых коммуникантами чувств благодарность может быть *ритуальной*, т. е. наиболее формализованной, конвенциональной (*hab Dank für Deine lieben Wünsche! – Danke auch dir liebe Rika*), *эмоциональной* (DANKE, DANKE, DANKE!!!) и *лично значимой* (*Das tut mir leid, MrsJones. – Danke Milla 😊*).

По степени выраженности она может быть эксплицитной (*Danke!* 😊) и имплицитной (см. ниже). В зависимости от адресата благодарность делится на адресованную конкретному лицу (*Danke dir*), группе

лиц (*ich wollte mich auf diesen weg mal bei Euch, den Leuten aus meiner "Freundeliste" bedanken*) и обстоятельствам / высшим силам (*ich bin Jesus dankbar*).

Речевой акт «благодарность» находит различное языковое выражение. Наиболее частотным лексическим средством являются конструкции «Dank / Danke» и их производные. Их распространенность объясняется внеконтекстуальностью данных вербальных средств, являющихся лексически нейтральным показателем интенции благодарения.

Порицание. Порицание понимается как отрицательная оценка действий / деятельности партнера коммуникации, призванная воздействовать на его чувства и скорректировать нежелательное поведение. Таким образом, порицание выполняет не только аксиологическую функцию, но также служит средством воздействия на участников коммуникации и способом выражения эмоционального настроения говорящего.

В основе порицания лежит некая ситуация (положение дел, нарушение правил и норм и т. д.), за которую один из участников коммуникации несет ответственность, а другой оценивает ее негативно.

Рассмотрим пример из сетевого дневника пользователя *esther-blaesing*.

Widerprüchliche Welt (Narzissmus) und Sozialverhalten (Liebe)

von estherblaesing

Pro

2012-12-20 – 11:47:43

<...>

Normalo73 (Besucher)

2014-05-30 @ 13:26:40

Hallo,

Schilderungen von Erlebten und Selbsteinschätzungen treffen auf meinen damaligen Kumpel zu. <...> Aber wir lassen den Schmerz, die Wut, die Trauer und die Enttäuschung zu, denn sie vergeht. Tut mir leid für die Narzissten dieser Welt, aber euch braucht kein NORMALER Mensch.

PsychopathenSindAuchMenschen (Besucher)

2014-11-21 @ 03:19:04

Wenn man sich deinen Beitrag durchliest und den letzten Satz sieht, kann ich nur den Kopf schütteln. <...> Deshalb rate ich dir deine persönlichen

Gefühle und deine Enttäuschungen, die du durch einen Narzissten erfahren hast, wegzulassen. tust du das nicht <...> bist im wesentlichen nicht viel besser, ja sogar schlechter, als der Psychopath. denn du bist in einer besseren Position als er. wenn du andere zu einer Zielscheibe machst, oder gar zu einem Lebewesen dritter Klasse, dann muss ich davon ausgehen, dass die Geschehnisse vollkommen zurecht passiert sind. und dieses heuchlerische „tut mir leid“ kannst du dir da wirklich sparen. ein urteil über andere zu fällen und die Schuld immer beim anderen zu suchen, ist menschlich. aber ist sie auch richtig? und was ist mit deiner eigenen schuld? denk mal drüber nach Du „guter Mensch“!

Данный отрывок из диалога демонстрирует возможность сочетания в одной реплике нескольких способов воздействия на адресата, реализация которых в комплексе должна привести к достижению желаемого эффекта. Комментарий пользователя *PsychopathenSindAuchMenschen* начинается с безличного предложения, в котором содержится указание на возможное неодобрение со стороны потенциальных реципиентов, прочитавших комментарий пользователя *Normalo73*. Пишущий при этом выступает в роли наблюдателя, который не оценивает, а сообщает об оценке, даваемой третьими лицами, что в результате должно служить большей объективности представленного суждения. Тем самым пользователь *PsychopathenSindAuchMenschen* предотвращает возможность направленного на него лично недовольства реципиента, с одной стороны, и усиливает собственную негативную оценку – с другой.

Затем пишущий дает совет относительно того, что следовало бы изменить реципиенту в собственном восприятии. Он делает это в косвенной форме, как некой гипотетической ситуации, которая, возможно, еще не произошла. В данной части пользователь еще сохраняет нейтральный тон и не переходит к прямым упрекам в адрес собеседника. Совет выступает как действие, направленное на обучение менее компетентного адресата. Лишь в последней части комментария пользователь лично обращается к коммуникативному партнеру с обвинением в лицемерии и утверждает, что тот заслужил выпавший ему на долю негативный опыт.

Таким образом, порицание является полиинтенциональным речевым актом. Помимо функции информирования о нежелательном положении вещей и выражения негативных эмоций пишущего, оно также призвано скорректировать поведение адресата и является поэтому

важным инструментом воздействия на межличностные отношения в ходе коммуникации.

Извинение. Извинение как особый речевой акт также имеет свои особенности в условиях интернет-коммуникации. С его помощью говорящий стремится исправить или предотвратить ситуацию, в которой его авторитету будет нанесен ущерб несовпадением с ожиданиями партнера. Извинения приносятся для восстановления или сохранения гармонии в отношениях коммуникантов, и для их реализации требуется выполнение ряда условий [4, с. 14]:

- коммуникант рассматривает свое поведение как ошибочное и признает, что причинил некоторый вред;
- он считает свои действия простительными и произносит слова, соответствующие речевому акту извинения.

Степень интенсивности выражения извинения зависит от коммуникативной ситуации и социального статуса участников коммуникации. Временной фактор также играет немаловажную роль.

Для успешности данного речевого акта также необходимо, чтобы вербальное извинение было соразмерно причиненному ущербу. Языковая реализация извинения при этом может быть различной.

Эксплицитные извинения включают в себя лексическое поле «Entschuldige/ung» («Tschuldigung!»), генетически связанное со словом *Schuld* (вина), *Verzeihung*, *Sorry*, *Leid*. Названные лексемы являются также минимальными самостоятельными формулами извинения, однако, их могут сопровождать различные дополнения:

- указание на повод для извинения:

Wir haben an einigen Stellen lesen müssen, dass unsere Kommunikation als nicht ausreichend empfunden wird. Dafür möchten wir uns entschuldigen.

- объяснение причины:

Verzeihung, ich muss jetzt schlafen; Entschuldige, ich krieg nicht immer alles sofort mit. 😊

- обозначение говорящего:

Bitte verzeih mir; Möchte mich entschuldigen, dass ich gestern hier nicht mehr geantwortet hab.

- указание на то, что обида была нанесена не намеренно:

Wenn nein, verzeih mir bitte meine direkte Frage, verletzten wollte ich Dich nicht.

- вопрос о последствиях / возможности исправить ситуацию:

Ich bin ganz entsetzt über mich. Hab ganz vergessen, gestern auf eure Guten Morgen zu antworten. Bitte verzeih mir 😞 Darf ich es nachholen?

- выражение сожаления:

Bitte verzeih mir, dass ich gestern nicht drauf geantwortet hab. Es tut mir Leid 😞

Осознание вины является предпосылкой для всякого извинения, поэтому возможно также его косвенное выражение с помощью обозначения собеседником раскаяния в совершенном действии. Тогда эксплицитное обвинение говорящим самого себя (*Es ist meine Schuld. Ich ganz alleine bin dafür verantwortlich und träge die Schuld. ICH war es, ich blöde Kuh!!!!!!!!!!*), негативная оценка себя или совершенного поступка (*du glaubst gar nicht wie es mir im herzen weh tut zu sehen wie ich es doch schaffe wo es mir selber so schlecht geht andere auch noch so zu verletzen!*), выражение раскаяния и смущения (*So peinlich wie es mir ist, muss ich zugeben, dass ich mich nicht mit den einzelnen Blumen auskenne*), просьба не обижаться (*Bitte sei nicht böse, dass ich jetzt erst antworte. Hab ich ganz verschwitzt.*) могут заменять формулы извинения.

Извинение не является адекватным и успешным, если говорящий не проявил признаков искренности или же если причиненный ущерб оказался слишком большим. В таком случае на высказанное извинение адресат ответит отказом или поучением / оскорблением. Если же реципиент готов принять извинение, возможны различные типы реакций: минимизация ущерба, принятие извинения, взаимные извинения.

Таким образом, экспрессивные высказывания позволяют говорящему реализовать различные интенции, а также являются частью негласного свода правил вежливости, сетевого этикета. Несоблюдение этих правил приводит к коммуникативной неудаче, вызывает протест со стороны коммуникативных партнеров, что ведет к необходимости разрешения возникающего конфликта.

Этикетные речевые акты реализуются клишированными вербальными формулами, поскольку интенция говорящего должна получить однозначное выражение. Эти речевые акты наиболее важны для социального взаимодействия коммуникантов. С их помощью выражается готовность к контакту, а также принадлежность к социальной группе.

Экспрессивно-оценочные речевые акты содержат оценку реципиента и получают различную вербальную реализацию. Эксплицированная оценка сопровождается выражением эмоций, при этом эмоциональные состояния варьируются от сдержанного выражения до яркого всплеска.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анисимова Е. Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) : учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. – М. : Академия, 2003. – 128 с.
2. *Анищенко А. В.* О некоторых особенностях реализации эмоциональных концептов в компьютерно-опосредованной коммуникации // Вестник Моск. гос. лингв. ун-та. – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – Вып. 624. – С. 15–22.
3. *Ларина Т. В.* Категория вежливости и стиль коммуникации. – М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 516 с.
4. *Ратмайр Р.* Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры / пер. с нем. Е. Араловой. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 272 с.: ил. – (Studia philologica. Series minor).
5. *Трофимова Н. А.* Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ : монография. – СПб. : Изд-во ВВМ, 2008. – 376 с.

УДК 81-114.2

А. О. Эзех

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания МГЛУ;

e-mail: fionezehonyeka@gmail.com

КОММУНИКАТИВНОЕ СМЯГЧЕНИЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ ДЕФОКУСИРОВАНИЯ В ДИРЕКТИВНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТАХ¹

В статье явление митигации рассматривается на примере директивных речевых актов, в ходе которых осуществляется дефокусирование за счет использования одним из коммуникантов ксеноденотативной речевой тактики.

Ключевые слова: директивный речевой акт; конфликтная ситуация; смягчение (митигация); событие; дефокусирование; ксеноденотативная тактика.

A. O. Ezeh

Postgraduate, Department of General and Comparative Linguistics, MSLU;

e-mail: fionezehonyeka@gmail.com

MITIGATION AS THE RESULT OF DEFOCUSING OF DIRECTIVE SPEECH ACTS

In this article, we examine “mitigation” in the directive speech acts where there is a defocusing of attention by one of the speakers using xenodenotative tactic.

Key words: directive speech act; conflict situation; mitigation; event; defocusing; xenodenotative tactic.

Данная статья посвящена одному из аспектов проблемы оптимизации речевого общения, а именно – снятию напряженности между коммуникантами, возникающей как следствие директивности реплики одного из участников диалога. Директивный речевой акт – одно из понятий теории, сложившейся еще в середине прошлого столетия и направленной на изучение иллокутивной силы высказывания, которая заключается в коммуникативной цели говорящего.

К этой проблеме обращался целый ряд ученых. Так, Дж. Серль и Д. Вандервекен в статье «Основные понятия исчисления речевых актов», отталкиваясь от понятия иллокутивной цели высказывания,

¹Статья публикуется в рамках реализации проекта РНФ № 14-48-00067 «Взаимодействие вербальных и невербальных средств конструирования событий в разных языках».

определяющей содержание речевого акта, выделяют пять иллокутивных целей, одна из которых – директивная. Авторы пишут, что она «состоит в том, чтобы попытаться заставить кого-то другого (других) сделать нечто: в произнесениях, имеющих директивную цель, говорящий пытается побудить слушателя реализовать линию действий, репрезентированную пропозициональным содержанием» [4, с. 252]. Российский лингвист Б. Ю. Городецкий в предисловии к выпуску «Нового в зарубежной лингвистике», посвященному теории речевых актов, отмечал, что исследования в области коммуникативно-целевой семантики характеризуются тем, что «в качестве единицы, служащей объектом анализа, выступает лишь отдельное высказывание ... вне диалога, и содержание анализа зачастую не учитывает всего многообразия факторов реального общения» [1, с. 5].

Мы полагаем, что для более глубокого исследования директивности целесообразно выйти за границы высказывания, так как вне контекста, вне диалога, частью которого является директивная реплика, невозможно говорить о митигации как коммуникативной стратегии. Изолированной реплики не всегда достаточно, чтобы понять причину конфронтативной реакции одного из участников общения, приводящей к возникновению конфликтной ситуации. К тому же коммуникативное смягчение может нарастать по мере развития диалога и отражаться в речевом поведении как говорящего, так и слушающего. Более того, цель нашего исследования диктует не исключение из рассмотрения факторов реального общения, а обращение к ним, то есть анализ ситуации, порождающей директиву.

Что касается понятия директивного речевого акта, то в большинстве современных работ исследуемый феномен характеризуется без его четкой дефиниции. В данной статье за основу берется определение М. А. Кульковой, рассматривающей директивный речевой акт как «выражение волеизъявления говорящего, направленное на каузацию деятельности адресата» [3, с. 467–468].

Анализ художественных текстов, содержащих описание конфликтной ситуации, сопровождающейся директивной диалогической репликой, позволяет сделать следующий вывод: в указанной ситуации возможно два варианта развития событий – конфликт или его устранение. На основе этого директивные речевые акты могут быть разделены на две группы.

В *первую группу* входят директивные речевые акты, отражающие ситуации, в которых использование директивов оправдано и не требует никакого смягчения. Например, если ребенок после школы гуляет до позднего вечера, не сделав уроков, резкий тон матери (приказ, возможно, с угрозами) вполне уместен, так как ребенок должен почувствовать всю серьезность ситуации с невыполненным домашним заданием. В другой ситуации директива «Немедленно прекратить драку!» также не предполагает необходимость ее смягчения.

Ко *второй группе* мы относим те ситуации, когда необходимо смягчить директиву, чтобы избежать срыва коммуникативного процесса. В дальнейшем будут рассмотрены именно такие конфликтные ситуации, представленные директивными речевыми актами, в которых отношения между участниками диалога или полилога обостряются и могут привести к открытому столкновению. При этом один из коммуникантов прибегает к тактике отвлечения внимания от спорного момента, переводя разговор в иную плоскость. Отметим, что смягчение директивного речевого акта, независимо от того, в какой форме он представлен – прямой и косвенной угрозы, приказа, предупреждения и т. п., в лингвистике обозначается термином «коммуникативное смягчение», или «митигация» (mitigation).

Впервые термин «митигация» был введен американским социолингвистом Б. Фрейзером, видевшим в митигации языковые приемы, направленные на устранение возможных нежелательных эффектов, которые он назвал «unwelcome effects» [8, с. 341]. В своем исследовании ученый детально анализирует нежелательные эффекты, которые возникают при общении в тех ситуациях, когда речевое поведение говорящего может разрушить коммуникативный процесс.

Хотя Б. Фрейзер в своей работе «Conversational mitigation» отмечает, что снижение потенциальных коммуникативных рисков не является актом вежливости, мы полагаем, что категория смягчения, будучи разновидностью гиперкатегории «вежливость», теснейшим образом связана и с толерантностью, которая направлена на обеспечение эффективности речевого контакта между адресантом и адресатом [там же]. Таким образом, мы можем исходить из того, что речевые функции митигативных средств обусловлены теми же функциональными характеристиками, которые используются в категориях вежливого обращения к адресату.

Помимо Б. Фрейзера, изучением митигации занимается целый ряд лингвистов. Так, К. Каффи определяет митигацию как зонтичную категорию, включающую широкий набор стратегий, с помощью которых говорящий ослабляет или смягчает интеракционные аспекты (*interactional parameters*) своей речи для снижения потенциальных коммуникативных рисков [7, с. 41–42].

Немецкий ученый М. Лангнер видит в митигации речевую стратегию, используемую говорящими для минимизации нарушения «территории» партнера по коммуникации, то есть частный случай так называемой негативной вежливости [9, с. 22].

Из российских лингвистов указанной проблемой занимается С. С. Тахтарова. Она определяет митигацию как «коммуникативную категорию, основным содержанием которой являются стратегии интенционального смягчения, направленные на сохранение коммуникативного баланса в общении, тем самым на обеспечение эффективности речевого контакта» [6, с. 277–278]. С. С. Тахтарова разрабатывает понятие коммуникативного смягчения с опорой на основные положения теории речевых актов и теории речевой деятельности. Смягчение с точки зрения прагматики определяется как снижение интенсивности иллокутивной силы высказывания, обусловленное определенными параметрами речевого контакта – как индивидуально-психологическими, связанными с личностными характеристиками собеседников, так и социальными, т. е. теми нормами и правилами, которые регулируют речевое поведение коммуникантов, обеспечивая успешность и эффективность общения [там же].

Важным моментом в концепции С. С. Тахтаровой, на который мы опираемся в данной работе, является утверждение, что все исследователи феномена митигации «едины в признании того факта, что причины, побуждающие говорящего варьировать категоричность своих высказываний, обусловлены определенными прагматическими характеристиками ситуации общения, формирующими интерперсональную составляющую речевого контакта, которая зачастую играет решающую роль в процессе отбора конкретных языковых форм» [5, с. 9]. Именно ситуация общения, в данном случае – конфликтогенная, находится в центре нашего внимания с целью выявления митигаторов, то есть средств смягчения.

Использование митигативной стратегии изменяет отношения между коммуникантами, которые трансформируются в более позитивный,

неагрессивный контакт. При этом митигация определенным образом связана с понятием «событие», если рассматривать последнее в трактовке К. Каффи, как состояние, являющееся результатом некоторой деятельности [7]. Действительно, вербальное воздействие на автора директивной реплики, понижающие степень напряженности между коммуникантами, представляет собой событие, оказывающее позитивное влияние на участников диа- или полилога.

Достижение подобного результата невозможно без обращения к тактикам смягчения. С. С. Тахтарова выделяет следующие тактики, с помощью которых реализуется митигация в директивных речевых актах:

- тактика позитивной эмоциональной настройки, заключающаяся в использовании разнообразных апеллятивов, направленных на приведение собеседника в состояние, благоприятное для восприятия и изменения поведения.
- тактика аппроксимативной инверсии, снижающая точность количественной характеристики предмета речи;
- ксеноденотативная тактика, состоящая в переключении, переадресации смысловых компонентов лексем с одного денотата на другой [6, с. 283].

Из вышеперечисленных тактик рассмотрим только одну – ксеноденотативную.

Отметим, однако, что наша трактовка сути этой тактики несколько отличается от точки зрения С. С. Тахтаровой. В нашем случае речь идет не об изменении значения одной лексемы, а о том, что адресатом переноса может быть какой-либо другой предмет или один из собеседников, что переводит разговор в иную плоскость, отвлекает от сути конфликта и способствует снижению напряженности. Подобный когнитивный процесс, позволяющий «уклоняться от неприятного, отдалять нежелательное и подразумевать очевидное», О. К. Ирисханова называет дефокусированием [2, с. 132].

По мнению автора, при дефокусировании происходит выведение из фокуса внимания определенных свойств объектов или ситуаций, которое осуществляется коммуникантами с помощью языковых единиц. В известном смысле дефокусирование, лежащее в основе ксеноденотативной тактики, сближает последнюю со стратегией уклонения, несомненно, имеющей митигативную составляющую.

Обратимся к анализу конкретных конфликтогенных ситуаций.

В одном из романов Т. Устиновой главный герой Боголюбов назначается новым директором музея изобразительных искусств провинциального городка. Окружающие встречают это назначение в штыки, всячески подчеркивая уважение и любовь к прежней директрисе Анне Львовне. При встрече Боголюбова с сотрудниками музея происходит следующий полилог:

Анна Львовна: Надеюсь, что под вашим руководством музей будет процветать по-прежнему.

– А он процветает? – не удержался Боголюбов.

Нина: Да, представьте себе! Если вам не придет в голову на самом деле им руководить, он продолжит процветать.

Анна Львовна: Нина!

Нина: Анна Львовна, я не святая! Мне кажется, после всего, что произошло, навязываться к нам в компанию неприлично.

Дмитрий: Нина – научный сотрудник и один из лучших экскурсоводов.

Анна Львовна: Извините ее, Андрей Ильич, она всего лишь неравнодушна.

Т. Устинова. Чудны дела твои, Господи!

В приведенном разговоре коммуникативное смягчение происходит в результате дефокусирования, т. е. переключения внимания с дерзости и невоспитанности девушки на ее положительные профессиональные качества.

Довольно часто, стремясь уйти от острой темы, говорящие выводят из коммуникативного фокуса нежелательный компонент, переключая разговор на что-то приятное. Примером использования ксеноденотативной тактики может служить следующий диалог, предшествующая часть которого протекала достаточно остро:

Ася: Ах ты, господи! Ну что ты передо мной-то притворяешься? Может быть, все ваши необъяснимые ЧП – это трагедия?

Тойво: Давай лучше чайку попьем.

Ася: Нет, ты мне, пожалуйста, приведи пример счастливого, жизнеутверждающего чрезвычайного происшествия.

– Хорошо, – сказал Тойво. – Но потом мы попьем чайку. Договорились?

– Да ну тебя, – сказала Ася.

Братья Стругацкие. Волны гасят ветер

В приведенном отрывке серьезный и принципиально важный разговор прерывается неоднократным предложением попить чай, что является неким «отвлекающим маневром» со стороны Тойво.

Рассмотрим ситуацию, в которой журналисты в беседе с профессором-патологоанатомом Бескудниковым сообщают ему о том, что подписанная им экспертиза сфальсифицирована.

– Алкоголь, который вы нашли у нее в крови, американские эксперты не обнаружили. Эксгумацию и вскрытие проводили лучшие специалисты из Вашингтона. Чем вы можете объяснить такое расхождение?

Бескудников побледнел. Он гневно взглянул на посетителей.

– Уходите! – закричал вдруг громко. – Уходите отсюда!

Дронго ожидал чего угодно, но только не этого.

– Убирайтесь! – продолжал бушевать профессор. – Вы меня обманули. Это подло, гадко! Уходите отсюда немедленно.

Дронго взял свой плащ и обернулся к профессору:

– Погибшая девушка болела особой формой аллергии и вообще не притрагивалась к спиртному. Боюсь, что вас обманули, профессор, и вы исследовали не то тело, о каком давали свое заключение, подписывая акт экспертизы.

– Уходите, – устало попросил профессор, словно умоляя больше его не беспокоить.

Ч. Абдуллаев. Линия аллигатора

В данном случае событием, повлиявшим на поведение профессора, являются аргументы, приведенные Дронго. Будучи профессионалом, Бескудников осознал необоснованность своей агрессии по отношению к журналистам, поэтому средством коммуникативного смягчения в данном случае выступает переключение внимания с назойливости и наглости журналистов (с точки зрения профессора) на факт необъяснимой ошибки, которой он совершить не мог и действительно не совершал, доверившись своему близкому родственнику и одновременно коллеге и подписав поддельную экспертизу.

Ярким примером ксеноденотативной тактики в полилоге может служить следующий фрагмент.

Весной 1940 г. на подмосковной даче, где проживают приемная мать личного референта Сталина Ильи Крылова со своим мужем, во время обеда речь заходит о том, что мать в Москве боялась ходить в церковь из-за угрозы доноса.

– Мамаша, ты прости, но тут тем более стукнут, – осторожно заметил Илья.

– Не смей! – крикнула мамаша, гневно сверкнув глазами. – Никогда ни один батюшка стукачом не станет, на мучение, на казнь пойдет, а грех такой на душу не примет!

– Настя, так ведь обязаны они, – робко возразил Евгений, – попробуй не сообщи.

– Нынче все обязаны, но не все сообщают! – рявкнула мамаша, – а из батюшек так вообще никто ... И ты со мной не спорь, сынок!

– Не спорю. – Илья поднял руки, сдаваясь. – Но ты, мамаша, все-таки осторожнее там исповедуйся.

– Где там?

– Ну, куда ты к заутрене бегаешь?

– Некуда больше бегать, – проворчала мамаша, остывая, – в Благовещении Пресвятой Богородицы теперь склад вторсырья.

– Давно закрыли? – сочувственно спросила Маша.

П. Дашкова. Соотношение сил

Приведенный выше разговор происходит на Страстной неделе, за несколько дней до Пасхи, являющейся, как известно, главным христианским праздником. Этим объясняется болезненная реакция матери Крылова на высказанную им мысль о возможности доноса священнослужителями на граждан, посещающих церковь. Коммуникативное смягчение происходит в результате переноса внимания с обсуждения моральных качеств батюшек на судьбу церкви, превращенную в склад.

Вышеприведенные примеры содержат директивные реплики, необходимость смягчения которых осознается говорящими, вследствие чего один из коммуникантов прибегает к ксеноденотативной тактике, и в результате осуществляется митигация. Однако во многих случаях директива не эксплицируется, но говорящий сознательно избегает создания конфликтной ситуации.

В частности, это может быть следствием учета особенностей коммуникативного поведения людей, относящихся к различным этническим коллективам. Так, например, жители юга Нигерии при общении с представителями севера страны должны тщательно обдумывать каждое слово, стараясь не раздражать собеседников, отличающихся чрезвычайной обидчивостью. Причиной такого поведения является различие мусульманского Севера и более подвижного христианского

Юга в уровне образования населения, степени развития промышленности и т. д.

Таким образом, коммуникативное смягчение является условием осуществления эффективного интра- и интеркультурного общения. Изучение различных аспектов смягчения с использованием митигативных тактик позволит выявить набор языковых средств, способствующих предотвращению и устранению конфликтных ситуаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Городецкий Б. Ю.* От редактора // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. Теория речевых актов. – М. : Прогресс, 1986. – С. 5–6.
2. *Ирисханова О. К.* Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. – М. : Языки славянской культуры, 2014. – 320 с.
3. *Кулькова М. А.* Народные приметы через призму теории речевых актов // Предложение и слово: Межвузовский сборник научных трудов под ред. О. В. Мякшевой. – Саратов : Изд-во Саратовского университета, 2006. – С. 467–478.
4. *Серль Дж. Р., Вандерекен Д.* Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 18. Логический анализ естественного языка. – М. : Прогресс, 1986. – С. 242–263.
5. *Тахтарова С. С.* Категория коммуникативного смягчения (когнитивно-дискурсивный и этнокультурный аспекты) : автореф. дис... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2010. – 38 с.
6. *Тахтарова С. С.* Коммуникативное смягчение в директивных речевых актах // Логический анализ языка. Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее. – М. : Индрик, 2011. – С. 277–287.
7. *Caffi C.* Mitigation. – Amsterdam : Elsevier, 2007. – 342 p.
8. *Fraser B.* Conversational mitigation // Journal of Pragmatics 4(4). – North-Holland : 1980. – P. 341–350.
9. *Langner M.* Zur kommunikativen Funktion von Abschwächungen: Pragma- und soziolinguistische Untersuchungen. – Münster : Nodus, 1994. – 311 S.

УДК 378

Т. В. Анисимова, А. И. Горожанов

Анисимова Т. В., кандидат исторических наук, доцент,
начальник управления по УМР и ТСОП МГЛУ;
e-mail: anistv@yandex.ru

Горожанов А. И., кандидат филологических наук, доцент,
директор центра дистанционного обучения МГЛУ;
e-mail: gorozhanov@linguanet.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В УСЛОВИЯХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ВУЗА

В статье описывается опыт организации дистанционного обучения по образовательным программам дополнительного образования в ФГБОУ ВО МГЛУ. Авторы приводят ссылки на нормативные документы; описывают ключевые этапы подготовки к реализации дистанционных образовательных программ; освещают результаты анализа методов обучения иностранным языкам с целью выбора подходящих в условиях обучающей виртуальной среды, а также результаты анализа современных программных средств дистанционного обучения; кратко рассказывают о структуре типовых дистанционных курсов иностранных языков, разработанных в МГЛУ в 2016 г.

Ключевые слова: дистанционное обучение; иностранный язык; лингвистический вуз; организация учебного процесса.

T. V. Anissimova, A. I. Gorozhanov

Anissimova T. V., Ph.D. (History), Ass. Prof., Head of Department
for Management of the Learning Process
and Its Technical Support, MSLU; e-mail: anistv@yandex.ru

Gorozhanov A. I., Ph.D. (Philology), Ass. Prof.,
Director of the e-Learning Centre, MSLU;
e-mail: gorozhanov@linguanet.ru

ABOUT THE PROBLEM OF FOREIGN LANGUAGE DISTANCE LEARNING AT A LINGUISTIC UNIVERSITY

The paper touches upon the experience of organizing e-learning educational programs of additional education at the MSLU. The authors provide references

to the legislative framework; describe the key stages of preparation for the implementation of the e-learning programs; highlight the results of the analysis of foreign language teaching methods in order to select a suitable one for the virtual learning environment, as well as the results of the analysis of the modern e-learning software; they also briefly tell us about the structure of the typical foreign language e-learning courses, developed at the MSLU in 2016.

Key words: e-learning; foreign language; linguistic university; learning process organization.

Современный уровень развития средств вычислительной техники позволяет коренным образом изменить характер дистанционного обучения. Если раньше оно заключалось лишь в пересылке информации от преподавателя к обучающемуся, без прямого человеческого контакта, то сегодня – благодаря использованию новых информационных и коммуникационных технологий – дистанционное обучение в силах обеспечить визуальное взаимодействие тьютора (преподавателя) и обучающегося в режиме реального времени. При такой организации дистанционного обучения можно говорить о его некотором приближении к очному обучению, принимая во внимание факт важности качественной работы тьютора во время его общения с обучающимся.

Федеральный Закон «Об образовании в РФ» предоставляет организациям, осуществляющим образовательную деятельность, право применять электронное обучение, дистанционные образовательные технологии при реализации образовательных программ [10, ст. 16]. При этом «при реализации образовательных программ или их частей с применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий организации самостоятельно определяют объем аудиторной нагрузки и соотношение объема занятий, проводимых путем непосредственного взаимодействия педагогического работника с обучающимся, и учебных занятий с применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий; <...> допускается отсутствие аудиторных занятий» [7, п. 5]. В методических рекомендациях Минобрнауки РФ закрепляются следующие модели обучения: «1) полностью дистанционное обучение (повышение квалификации, профессиональная переподготовка) обучающегося (слушателя); 2) частичное использование дистанционных образовательных технологий, позволяющих организовать дистанционное обучение (повышение квалификации, профессиональная переподготовка) обучающегося (слушателя)» [4, п. 2.1].

Основным локальным нормативным актом, регламентирующим реализацию дистанционных образовательных программ образовательной организацией, является Положение о применении электронного обучения и дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ. Документ был разработан в Центре дистанционного обучения Московского государственного лингвистического университета в соответствии с тремя цитируемыми выше документами [6].

После установления нормативной базы в МГЛУ была начата реализация первой фазы развития дистанционного обучения, предусматривающая создание и выпуск на рынок образовательных услуг линейки образовательных программ дополнительного образования (дистанционных курсов) иностранных языков, в том числе русского как иностранного.

В качестве типового дистанционного курса иностранного языка общего назначения был разработан и зарегистрирован курс немецкого языка (начальный уровень) [1]. В качестве типового курса специального назначения был создан курс письменного перевода с немецкого языка на русский текстов средств массовой коммуникации (СМИ). В ходе работы над указанными курсами был решен ряд практических и теоретических задач, в частности:

- уточнены основные положения концепции обучающей виртуальной среды (ОВС) для изучения иностранного языка;
- произведен анализ методов обучения иностранным языкам с целью выбора подходящих в условиях ОВС;
- разработаны макеты двух типовых курсов иностранного языка: общего и специального;
- сформулированы общие требования к онлайн-тьюторам – преподавателям дистанционных курсов;
- разработан инструментарий для изготовления и реализации дистанционных курсов, в том числе выбрана платформа (оболочка) и произведена ее настройка.

Остановимся подробнее на изложенных выше пунктах.

1. Обучающая виртуальная среда определяется как «населенное организованное и организующееся динамичное профессиональное информационное пространство, которое служит цели приращения положительного знания, состоит из связанных узлов, размещенных

в Интернете и доступных через авторизованную учетную запись с распределением ролей, предусматривает саморазвитие, улучшает свое качество при увеличении количества пользователей и остается индивидуализированным инструментом повышения профессионализма на протяжении всей жизни пользователя» [2, с. 23]. Разрабатываемые нами дистанционные курсы можно считать узлами ОВС, так как они предусматривают авторизованную учетную запись и распределение ролей между участниками, а улучшение их качества зависит от количества пользователей в том смысле, что авторы курса могут улучшать его, принимая во внимание результаты обучения и отзывы обучающихся.

2. В качестве ведущего при дистанционном обучении иностранным языкам был выбран отечественный сознательно-сопоставительный метод, опирающийся на шесть основных принципов:

- осознание языковых явлений в период их усвоения и способов использования;
- связь содержания с языковой формой;
- сопоставительное изучение языковых явлений;
- одновременное развитие всех видов речевой деятельности;
- разграничение активного и пассивного языкового материала;
- использование отрицательного языкового материала [9, с. 285].

Кроме того, для создания пошаговой структуры курсов был применен так называемый линейный алгоритм Скиннера, согласно которому учебный материал разбивается на небольшие «шаги», и переход к следующему шагу возможен только после полного выполнения предыдущего [14, с. 306–307]. Отсюда можно заключить, что в основе наших дистанционных курсов лежит «смешанный» метод с сознательно-сопоставительной доминантой.

3. Макеты общего и специального курсов иностранного языка представляют собой достаточно объемный материал и по этой причине не могут быть представлены в настоящей работе целиком. Оба курса предусматривают поурочную структуру с пошаговым выполнением заданий. Принципиальной чертой является то, что их нельзя рассматривать в качестве самоучителя. Неотъемлемым компонентом каждого дистанционного курса ЦДО МГЛУ являются консультации с тьютором в режиме видеоконференцсвязи. Их количество закрепляется рабочей программой конкретного курса – как правило, не реже одного раза в две недели.

Исходя из специфики иностранного языка как объекта изучения, все курсы можно рассматривать как достаточно интенсивные, предусматривающие ежедневные самостоятельные занятия продолжительностью не менее 60 мин. Используются задания: на фонетическую тренировку (имитация); тестовые задания; задания: с проверкой по текстовому или звуковому ключу; открытые задания с проверкой преподавателем. Специальный курс отличается от общего большей долей участия тьютора в процессе обучения, что обусловливается необходимостью непосредственной передачи опыта от профессионала (преподавателя) к начинающему (обучающемуся).

4. Несмотря на наличие в вузе достаточного количества высококвалифицированных преподавателей иностранного языка, работа в ОВС без наличия специальной подготовки представляется для последних трудновыполнимой. Не случайно в ведущей мировой педагогической практике имеют место многочисленные курсы подготовки преподавателей к работе он-лайн, например представленные на платформе Coursera Virtual Teacher Specialization [15], Learning to Teach Online [12], K-12 Blended & Online Learning [11] и др. Дополнительным условием успешной работы в сфере дистанционного обучения является высокая ИКТ-компетентность преподавателя, его инициативность и самоорганизованность в сочетании с мобильностью в плане определения времени проведения занятий в режиме видеоконференц-связи и умение работать в ОВС для эффективного консультирования обучающихся не только по учебным вопросам, но и некоторым техническим проблемам, которые неизбежно будут возникать в процессе дистанционной работы. Оптимальным вариантом для реализации того или иного дистанционного курса является, на наш взгляд, совмещение в одном лице авторской и преподавательской деятельности.

5. Важнейшими критериями при выборе платформы (оболочки) для реализации дистанционных курсов являются: соответствие нормативной базе; стоимость и удобство пользования; возможность реализации требуемых методических принципов; положительные оценки со стороны профессионального сообщества преподавателей. В этой связи нами была выбрана система управления обучением (*англ.* Learning Management System – LMS) Moodle, которая на сегодняшний день является стандартом в своей области и насчитывает более 91 млн пользователей в 233 странах мира [13]. Поскольку стандартная

инсталляция LMS Moodle является базовым вариантом платформы, призванным удовлетворить потребности некоего абстрактного «усредненного» процесса обучения, нами был произведен ряд внутренних настроек, а также настроек параметров интерфейса, которые позволили больше ориентировать систему на потребности процесса обучения иностранным языкам. В частности, был настроен мобильный и планшетный интерфейс; усилена защита данных пользователей; импортированы несколько дополнительных модулей (для проведения онлайн-консультаций, составления тестовых заданий с пропусками и др.); расширен набор языков интерфейса.

На финальной стадии разработки курса представляется важным составление ряда документов, необходимых для реализации образовательной программы. Обозначим те из них, которые рекомендуется предоставить в открытый доступ на веб-странице курса для предварительного ознакомления потенциальных обучающихся. Следуя принципу информационной открытости, будущий клиент должен иметь возможность, прежде всего, ознакомиться с образцом договора на оказание образовательной услуги (содержащим точное указание ее стоимости), программой курса и инструкцией по работе с ним. Все представленные на веб-странице курса документы должны быть приведены в строгое соответствие друг с другом.

Программа курса, утвержденная в установленном порядке, должна содержать: указание на нормативные документы; перечень планируемых результатов обучения; объем дисциплины; содержание дисциплины (включая список тем и подтем, а также количество часов, необходимых для их освоения); информацию о фонде оценочных средств; методические указания для обучающихся; порядок проведения, содержание и критерии выставления оценки для итогового экзамена по курсу. Последний пункт должен быть максимально прозрачен и не допускать разночтений.

Инструкция по работе с курсом представляет собой подробное иллюстрированное описание основных действий, совершаемых обучающимся в ходе освоения учебного материала. В частности, в инструкции к курсу немецкого языка (начальный уровень) содержатся следующие пункты:

- вход в обучающую виртуальную среду и основные элементы интерфейса (выход на веб-страницу ОВС, ввод имени

- пользователя и пароля, выбор курса, устройство панели навигации, просмотр оценок);
- темы, уроки и их элементы (содержание основного поля интерфейса, активация глоссария, доступность и недоступность элементов урока);
 - виды элементов урока (знакомство с различными типами заданий, управление аудиоплеером, добавление ответа на открытое задание, просмотр ключей, навигация по тесту, просмотр правильных ответов к тестовым заданиям);
 - карточки вокабуляра (загрузка карточек, их содержание);
 - работа с текстами (прослушивание текста, просмотр вокабуляра к тексту).

Объем инструкции составляет 31 страницу, в том числе 35 иллюстраций. Дополнительно к этому полезной для интересующихся может быть аннотация к курсу, составленная простым и понятным языком в нескольких пунктах. Также рекомендуется обеспечить наличие демонстрационной версии курса, позволяющей изучить его первый раздел (с некоторым ограничением функциональности). Демоверсия нужна в первую очередь для общих курсов иностранного языка, в которых велика доля самостоятельной работы обучающегося.

Для записи на курс важно предусмотреть несколько способов, например, по телефону, по электронной почте или с помощью интерактивной формы. Последняя представляется нам наиболее адекватной, так как позволяет предусмотреть обязательную отметку об ознакомлении с образцом договора на оказание образовательной услуги и согласии на обработку своих персональных данных.

В целом можно заключить, что сформулированные выше задачи были решены нами в полном объеме. Изготовленные макеты дистанционных курсов формируют стандарт представления учебного материала, который предполагается использовать при разработке заявленной линейки курсов иностранных языков (включая курсы русского языка как иностранного).

Сегодня развитие дистанционного обучения нельзя больше рассматривать как новаторство само по себе – это требование времени, которое органично вписывается в картину мира участника современного информационного общества. Распространение знаний через Интернет коснулось уже всех сфер деятельности человека – от бытовых занятий до решения сложных научно-теоретических проблем.

Положительной тенденцией является поддержка развития электронных образовательных ресурсов и дистанционных образовательных технологий со стороны государства – в частности, Министерством образования и науки РФ. 13 сентября 2016 г. на III Всероссийском съезде сельских учителей в г. Чебоксарах министр О. Ю. Васильева высказалась об использовании электронных образовательных ресурсов как о важном аспекте современного образования [5]. Тремя годами ранее премьер-министр России Д. А. Медведев призвал педагогическое сообщество обобщить и внедрить лучшие практики дистанционного обучения: «Нужно обобщить все лучшие практики, существующие в стране ... потребность в современном дистанционном образовании сохранится, и наоборот, будет даже увеличиваться» [3]. В том же году Президент России В. В. Путин в Послании Президента Федеральному Собранию подчеркнул, что «следует ускорить принятие правовых актов, которые позволят российским вузам активно развивать массовое дистанционное образование» [8].

В этих условиях миссия вузов, в том числе лингвистических, заключается в том, чтобы стать лидерами в области приумножения и распространения качественных знаний по всему миру, не допуская присутствия в этой нише некомпетентных лиц, рассматривающих дистанционное обучение только как чисто коммерческий проект и тем самым понижающих имидж такого обучения в глазах общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Волина С. А., Горожанов А. И., Зайцева А. А.* Курс немецкого языка (начальный уровень) // Хроники объединенного фонда электронных ресурсов Наука и образование. – М. : Ин-т управления образованием РАО, 2016. – № 6 (85). – С. 47.
2. *Горожанов А. И.* Обучающая виртуальная среда для изучения иностранного языка: проблемы разработки и развития : монография. – М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016. – 110 с.
3. Медведев: в образовании надо использовать опыт дистанционного обучения / РИА НОВОСТИ, 17.01.2013. – URL : <https://ria.ru/society/20130117/918520725.html>
4. Методические рекомендации по реализации дополнительных профессиональных программ с использованием дистанционных образовательных технологий, электронного обучения и в сетевой форме // Приложение к Письму от 21 апреля 2015 г. № ВК-1013/06 Министерства образования и науки Российской Федерации.

5. Ольга Васильева: Сельская школа – социокультурный центр / Российская Газета, 13.09.2016. – URL : <https://rg.ru/2016/09/13/olga-vasileva-selskaia-shkola-sociokulturnyj-centr.html>.
6. Положение о применении электронного обучения и дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ в ФГБОУ ВО МГЛУ // Утверждено приказом ФГБОУ ВО МГЛУ от 30 июня 2016 г. – № 483.
7. Порядок применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ // Утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 9 января 2014 г. № 2.
8. Послание Президента Федеральному Собранию, 12 декабря 2013 года / kremlin.ru [Электронный ресурс]. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19825>.
9. Рахманов И. В., Гез Н. И., Зимняя И. А. Основные направления в методике преподавания иностранных языков в XIX–XX вв. / И. В. Рахманов, Н. И. Гез, И. А. Зимняя, С. К. Фоломкина, А. Я. Шайкевич. – М. : Педагогика, 1972. – 320 с.
10. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2016).
11. K-12 Blended & Online Learning / Coursera. – URL : <https://www.coursera.org/learn/k-12-online-education>
12. Learning to Teach Online / Coursera. – URL : <https://www.coursera.org/learn/teach-online>.
13. Moodle Statistics / Moodle.net. – URL : <https://moodle.net/stats/>
14. Stern H. H. Fundamental Concepts of Language Teaching. – Oxford : Oxford University Press, 1983. – 582 p.
15. Virtual Teacher Specialization / Coursera. – URL : <https://www.coursera.org/specializations/virtual-teacher>.

УДК 378

Ю. В. Манухина

кандидат педагогических наук, доцент,
доцент каф. английского языка ФГБОУ ВО КГУ им. К. Э. Циолковского;
e-mail: julia.victor@rambler.ru

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ПРОЦЕССЕ ОВЛАДЕНИЯ ФОРМУЛАМИ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ С ОПОРОЙ НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК

Статья посвящена проблеме формирования социолингвистической компетенции у студентов, изучающих два иностранных языка (французский и английский). Методика, предложенная автором статьи, представляет собой поэтапную организацию овладения формулами английского речевого этикета, ориентированную на формирование социолингвистической компетенции в английском языке на основе другого иностранного языка (французского). В статье обосновывается продуктивный характер взаимосвязанного обучения иностранным языкам и культурам.

Ключевые слова: социолингвистическая компетенция; формулы речевого этикета; взаимосвязанное обучение языкам и культурам.

Y. V. Manukhina

Ph.D. (Pedagogy); Ass. Prof., English Department,
KGU named after K.E. Tsiolkovsky, e-mail: julia.victor@rambler.ru

THE DEVELOPMENT OF SOCIOLINGUISTIC COMPETENCE BY MASTERING POLITE FORMULAS IN ENGLISH BASED ON LEARNING FRENCH

This article deals with the development of sociolinguistic competence acquired by the students learning the two target languages (English and French). The methods described by the author of the article represent a systematic mastering of English polite formulas oriented towards the development of sociolinguistic competence in English based on acquiring the other target language (French). The author states that foreign language and culture teaching should be of a constructive production mode.

Key words: sociolinguistic competence; polite formulas; foreign language and culture teaching.

В настоящее время политика государства в области образования состоит в том, что современное общество требует от образовательных учреждений формирования целостной личности посредством раскрытия индивидуальных способностей и дарований человека

и воспитания на этой основе профессионально и социально компетентной, мобильной личности, способной делать профессиональный и социальный выбор и нести за него ответственность.

Формирование социолингвистической компетенции (далее – СЛК) посредством овладения формулами речевого этикета происходит главным образом в процессе диалогического общения, поэтому здесь важно развивать такие свойства и умения личности, как:

- коммуникативность;
- умение контактировать и сотрудничать;
- умение самостоятельно критически мыслить и принимать самостоятельные решения;
- умение грамотно работать с информацией;
- умение выявлять и решать проблемы;
- исследовательские и творческие умения;
- способность адаптироваться к меняющимся жизненным ситуациям; сохраняя при этом социальную устойчивость;
- способность выступать активным субъектом социальной деятельности;
- способность к саморазвитию и самообразованию;
- доброжелательность;
- воспитанность;
- способность к поиску компромиссных решений;
- терпеливость и сдержанность при «коммуникативной неудаче» [1].

Тот факт, что обучающиеся при овладении формулами речевого этикета в английском языке на основе французского с учетом родного языка должны апеллировать к трем языковым картинам мира, дает основание полагать, что развитие данных качеств очень важно в процессе формирования основ социолингвистической компетенции.

Также необходимо уделять внимание развитию познавательных способностей студентов, поощрять их интерес к изучению культуры стран изучаемых языков, к разнообразным аспектам жизни, традициям, истории наций. Обучающиеся должны знать, кем и как решаются политические, экономические, расовые, этнические и религиозные проблемы; должны быть знакомы с национально-маркированной лексикой, распространенными обычаями, фольклором, особенностями национального юмора, типичными свойствами национального

характера. Кроме того, следует стимулировать размышления студентов о методах, принципах и приемах освоения иностранных языков, о самостоятельной работе по изучению иных лингвосоциумов.

Для понимания иноязычных лингвокультур обучающиеся должны быть готовы принять иной взгляд на жизнь, преодолеть культурные стереотипы, проявить эмпатию, осознавая разницу между своей собственной картиной мира и картинами мира инофонов. Необходимо развивать у них потребность к сравнению и анализу лингвокультурных феноменов родного и изучаемых языков, что особенно актуально в контексте современной политики в области образования, ориентированной на поликультурность и многоязычие.

Предлагаемая методика формирования социолингвистической компетенции в английском языке предполагает достаточно высокий начальный уровень сформированности данной компетенции в первом иностранном языке обучения – французском, поэтому она ориентирована на студентов четвертого курса, изучающих английский язык третий год. Преподаватель, осуществляющий реализацию данной методики на практике, должен владеть двумя иностранными языками: английским и французским. Важными звеном этого процесса также являются личностные характеристики обучающихся.

Данная методика заключается в следующей поэтапной организации овладения формулами речевого этикета, ориентированного на формирование социолингвистической компетенции в английском языке на основе французского:

- подготовка к общению;
- практика в общении.

Вводная беседа является важным этапом, предвещающим реализацию этой методики в курсе обучения иностранным языкам. В ходе беседы следует обсудить понятие социолингвистической компетенции как аспекта коммуникативной компетенции. Затем надо предложить студентам на основании определения СЛК самостоятельно определить компонентный состав данной компетенции, учитывая тот факт, что они уже четвертый год изучают первый иностранный язык – французский, и третий год – английский в качестве второго иностранного языка, опираясь на их опыт в межкультурном общении. После этого следует перечислить составляющие социолингвистической компетенции, сравнивая их с ответами обучающихся. Необходимо выделить

речевой этикет как один из важнейших компонентов СЛК и объект дальнейшего изучения в процессе обучения.

Беседу целесообразно проводить на русском языке, поскольку она содержит достаточно сложный для понимания на иностранном языке (учитывая небольшой языковой опыт обучающихся в английском языке) теоретический материал по методике преподавания иностранных языков. Рекомендуемая форма беседы – проблемная ситуация.

На следующей ступени происходит ознакомление обучающихся с понятием «этикет», которое включает в себя понятие «речевой этикет». Поскольку термин «этикет» заимствован из французского языка, то его целесообразно семантизировать путем толкования на французском, а затем дать задание студентам самостоятельно привести его определение на английском, обязательно подкрепив свое мнение примерами из обоих изучаемых иностранных языков. После этого студентам предлагается задание подготовить доклады на темы «История развития этикета во Франции», «История этикета Великобритании» с целью выявления основных этапов становления и развития этикета в указанных инокультурных социумах. В процессе обсуждения докладов необходимо ориентировать обучающихся на анализ общих и различных черт в этикетных системах двух лингвосоциумов, выявление случаев культурных заимствований.

Введение понятия «речевой этикет» должно сопровождаться ознакомлением обучающихся с некоторыми важными, на наш взгляд, теоретическими вопросами, относящимися к данному языковому феномену, а именно – кратким обзором трактований речевого этикета в свете современных лингвистических и пограничных с ними научных направлений. Таким образом, следует отработать следующие понятия: теория вежливости; коммуникативные, социальные и психологические роли языковой личности; сферы общения; параметры ситуации общения; невербальные средства коммуникации.

Также необходимо обсудить культуру речи и аспект вежливости, который, способствуя бесконфликтному, успешному общению, имеет свою национальную специфику. Пусть обучающиеся приведут примеры, иллюстрирующие не только национально-культурные различия французского и английского языков, но и отличные точки зрения на одну и ту же ситуацию общения в рамках одной культуры.

Далее студентам надо указать на то, что единицы речевого этикета всегда соотносятся с конкретной ситуацией общения, произносятся

с определенной интонацией в зависимости от коммуникативного намерения, должны быть правильны с точки зрения нормы языка, грамматического и лексического наполнения, могут быть выражены различными частями речи и представлять собой отдельные слова, словосочетания, предложения.

Наиболее типичная реализация речевого этикета в реальной коммуникации – диалог. Речевой этикет представляет собой систему единиц, которые упорядочены в парадигматическом отношении. Ознакомление с различными классификациями формул речевого этикета в английском языке следует начать с того, что изначально все они группируются по тематическому признаку. Таким образом, каждая группа формул речевого этикета состоит из синонимических единиц, закрепленных за определенными социально обусловленными речевыми ситуациями.

Ознакомление с вариантами языкового оформления английских этикетных речевых единиц должно осуществляться в рамках различных тематических групп речевого этикета, выбор которых обуславливается следующими причинами.

1. Единицы речевого этикета данных тематических групп являются одними из самых широко употребительных в исследуемых языках и имеют большое количество синонимов внутри тематических групп.

2. Данные тематические группы речевого этикета могут использоваться на различных этапах речевого контакта: при его установлении, продолжении и поддержании, прерывании.

3. Этикетные речевые единицы, принадлежащие к данным тематическим группам, могут функционировать в составе диалогического единства как самостоятельные, пограничные, комбинированные и сопутствующие.

4. Количество и качество ситуаций общения, которые обслуживаются с помощью представленных тематических групп речевого этикета, варьируется; кроме того, некоторые этикетные единицы являются безэквивалентными.

5. Существуют ограниченные временные рамки, поскольку опытное обучение является включенным в естественный учебный процесс.

Процесс ознакомления с английскими формулами речевого этикета должен происходить на основе сравнительного анализа их функционирования с аналогичными французскими формулами в рамках выбранных тематических групп речевого этикета.

В качестве примера приведем фрагмент работы над тематическим циклом «Обращение», а именно – над его подтемой «Обращение к незнакомому человеку». Сначала обучающимся дается задание подготовить теоретический материал на тему «Обращение к незнакомому человеку на французском языке», проиллюстрировав его примерами из современных драматургических текстов, новелл, рассказов, аудиозаписей, кинофильмов, собственного опыта межкультурного общения.

На первом занятии, посвященном этому тематическому циклу, преподаватель представляет студентам список формул речевого общения, реализующих коммуникативное намерение – обращение к незнакомому человеку – на английском языке. По ходу объяснения правил употребления английских формул речевого этикета обучающиеся под контролем преподавателя для каждой этикетной речевой единицы английского языка, закрепленной за определенной ситуацией общения, подбирают французский эквивалент из составленного ими заранее списка.

Поскольку в пределах одной общей темы (подтемы) количество ситуаций общения может варьироваться в зависимости от их параметров, тональности общения, коммуникативных, социальных и психологических ролей коммуникантов, целесообразно сравнивать лексико-грамматические характеристики и синтаксический статус этикетных речевых единиц в исследуемых языках в рамках одинаковых микроситуаций общения в пределах одной общей темы.

Например, в английском языке нейтральной общепринятой этикетной формулой привлечения внимания незнакомого взрослого человека в официальной / неофициальной обстановке общения, к которому обращаются с просьбой дать разъяснение по какому-либо вопросу, является *Excuse me, (please)*. Во французском языке в подобном случае употребляется нейтральная этикетная формула *Pardon!* В контексте предложенной ситуации английское выражение *Pardon me* является одновременно и вежливой формой обращения, и извинением за беспокойство, которое можно причинить своим вопросом или действиями. Во французском языке вежливой формой привлечения внимания является выражение *Excusez-moi!*, которое, как и другие этикетные формулы данной тематической группы, традиционно сочетается с формами обращения *Monsieur / Madame / Mademoiselle*.

Для лучшего понимания употребления этикетных формул в обоих языках следует предложить студентам несколько ситуаций, в которых

собеседники обладают различными социальными и коммуникативными характеристиками, и попросить представить их коммуникативное решение в обоих языках.

Затем весь проработанный по теме материал обобщается и группируется. Подобная систематизация формул речевого этикета в обоих языках создает прочную основу для овладения английскими формулами речевого этикета в тесной взаимосвязи с французскими. Обучающиеся на этом этапе не должны быть пассивными слушателями, а наоборот играть активную роль. Для этого преподавателю необходимо ставить проблемные вопросы, побуждать студентов к высказыванию аргументированных предложений, делать выводы на основе сравнений. При этом контролировать полноту и правильность изложения материала, а также делать необходимые добавления по ходу ответов обучающихся.

Комплекс упражнений для опытного обучения был разработан на основе зарубежных и российских методических материалов, основная часть которых составлена автором статьи. Все используемые на данном этапе упражнения носят коммуникативную направленность. Наиболее целесообразно, по нашему мнению, представлять формулы речевого общения на синтаксическом уровне, т. е. в предложениях или микротекстах. Предполагается использовать упражнения на воспроизведение готовых образцов, подстановочных, трансформационных, творческих, прогностических, в субституции, в драматизации. Отличительной особенностью многих упражнений является то, что они направлены, прежде всего, на использование адекватных меняющимся основным параметрам коммуникации формул речевого общения, реализующих одно и тоже коммуникативное намерение. В ходе выполнения данных упражнений обучающиеся приобретают умения и навыки адекватного употребления формул речевого общения. Для достижения эффективных результатов опытного обучения каждый комплекс заданий включает в себя три группы упражнений:

- 1) повторение употребления французских этикетных речевых единиц, принадлежащих к определенной тематической группе;
- 2) коррекция и закрепление умений использования известных английских этикетных речевых единиц, а также овладение новыми этикетными речевыми единицами английского языка, принадлежащими к изучаемой тематической группе;

- Данный этап работы – упражнения – включает в себя тренировочные и коммуникативные упражнения на французском и английском языках. За время учебы на факультете иностранных языков это будет первый опыт студентов использования обоих иностранных языков обучения на занятии по практике устной и письменной речи по второму иностранному языку.

Exercice 1. Vous êtes arrivé en France pour passer les vacances ici. Vous vous trouvez dans l'embarras très souvent et il vous faut adresser une demande de vous aider à une personne inconnue. Retenez bien que vous êtes obligé d'être poli.

Exercice 2. Imaginez que vous vous sentez mal et vous avez besoin de l'aide médicale. Adressez-vous à:

- Exercice 3.** Imaginez que vous vous êtes trouvé dans les situations suivantes. Jouez les scènes avec votre amie devant vos copains pendant la leçon en employant les répliques dans cette table et des formules de l'attirance de l'attention.

1. Le train pour Lyon, à quelle heure arrive-t-il?
2. Combien y a-t-il d'ici à Strasbourg?
3. Avez-vous une chambre libre?

- 160

Вторая группа упражнений является самой большой. Она направлена на коррекцию и закрепление уже известных английских этикетных речевых единиц, а также овладение новыми английскими этикетными речевыми единицами определенной тематической группы. В качестве примеров приведем следующие.

Exercise 1. You have come to England for two months. You are staying with your friends. Imagine – two months of fun, entertainment, learning new things, sightseeing, walks round the city, travelling. Find the way out from the situations you may come across. Remember to be polite while addressing English people.

Situation 1. You've made up your mind to visit Cambridge. Why not go there by bus? You are looking through the time schedule at the bus-station. Oh, which of them goes to Cambridge?

Exercise 2. Look through the mini-dialogue in the table paying attention to everyday expressions. Make up similar dialogues with the expressions in the box instead of the italicised ones and role-play them with your partner in front of your classmates.

1.
A: Excuse me!
B: What can I do for you?
A: Could you tell me where the *shoe department* is, please?
B: Yes, of course. It's *on the third floor*.

post office
 chemist's
 fast-food restaurant
 over there
 at the corner of the street
 next to the bus stop

Exercise 3. Imagine you've found yourself in the following situations. Use your English to come up with a solution.

Situation 1. You want to ask the receptionist at your hotel a question but she is talking to someone else.

Exercise 4. Work in pairs / groups. Look through both columns of the table and match a line in A with a line in B. Then make them into longer dialogues using the expressions of attracting somebody's attention. Perform the dialogues in front of your classmates.

- A**
 1. Can I have a book of stamps, please?

- B**
 1. Yes, that's fine. I'll give you a label for it.

A

2. Have you got any shampoo for greasy hair?
3. Could I take this bag as hand luggage?
4. Would you tell me where platform six is, please?

B

2. Yes. There is a wide choice of shampoos of this kind on sale. Which one do you prefer?
3. It's over there. Will you come with me? I'll show you the way.
4. I'll check, but I think we don't have any of them in store.

Как видно из приведенных примеров, типы упражнений первой и второй групп могут совпадать.

Что касается *упражнений третьей группы*, то, на наш взгляд, они являются наиболее трудными, с одной стороны, и самыми интересными – с другой. Однако стоит отметить, что студенты обычно не выполняют подобных двуязычных упражнений на уроках по второму иностранному языку. Среди упражнений третьей группы выделим следующие.

Exercise 1. Imagine you've come to France on a business trip. Your French is as good as your English. You won't need the services of an interpreter. Ask for help in French in the following situations.

1. Excuse me, could you possibly tell me how I could get to the Eiffel tower?
2. Pardon me, can you tell if there is a bus from here to the Latin Quarter?
3. I'm sorry to trouble you, could you move aside a little?

Exercise 2. You are going on a journey to England. Your friend who's accompanying you knows only French. Your English is quite essential for communication with the natives. Be your friend's guide and help her in the following situations.

1. Pardon, Monsieur. Vous ne savez pas où je peux trouver le kiosque à journaux?
2. Excusez-moi du dérangement, Madame! Pouvez-vous me dire comment s'appelle cette tour?
3. Excusez-moi de vous déranger, Monsieur. Il me semble que vous avez pris ma place. Ne pourriez-vous pas vérifier votre billet, s'il vous plaît?

Exercise 3. You are invited to Switzerland to work for an English company. The natives of the town speak French, but plenty of Europeans nowadays

speak English as well. You will have to use both languages in different situations. Are you ready?

1. Простите, сколько стоит это пальто?
2. Извините, пожалуйста, как пройти на рынок?
3. Не могли бы вы показать мне несколько пар перчаток?

Работа над другими циклами этикетных единиц должна быть построена аналогичным образом. При выполнении заданий внимание обучающихся необходимо обращать на возможность выбора различных решений тех или иных задач, на необходимость учета влияния сформированных в родном языке стереотипов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ворошилов В. В.* Организационные и педагогические условия освоения педагогами способов проектной работы : дис. ... канд. пед. наук. – М., 2000. – 149 с.
2. *Колкер Я. М., Устинова Е. С.* Обучение восприятию на слух английской речи: Практикум : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М. : Академия, 2002. – 336 с.
3. *Колкер Я. М. и др.* Практическая методика обучения иностранному языку : учеб. пособие / Я. М. Колкер, Е. С. Устинова, Т. М. Еналиева. – М. : Академия, 2000. – 264 с.
4. *Синица Ю. А.* Формирование социолингвистической компетенции в процессе обучения устному иноязычному общению студентов неязыковых вузов (в контексте национальной культуры Франции) : дис. ... канд. пед. наук. – М., 2000. – 337 с.
5. *Соколова Н. Л.* Английский речевой этикет : монография. – М. : Изд-во Ун-та Дружбы народов, 1991. – 90 с.
6. *Формановская Н. И.* Речевой этикет. Русско-английские соответствия: Справочник / Н. И. Формановская, С. В. Шевцова. – 2-е изд., испр. – М. : Высшая школа, 1992. – 79 с.
7. *Формановская Н. И.* Речевой этикет. Русско-французские соответствия: Справочник / Н. И. Формановская, Г. Г. Соколова. – 3-е изд., испр. – М. : Высшая школа, 2003. – 95 с.
8. *Формановская Н. И.* Русский речевой этикет: Норматив. социокультур. контекст. – М. : Рус. яз., 2002. – 160 с.
9. *Щукин А. Н.* Методика обучения иностранным языкам: учебник для студ. учреждений высшего образования / А. Н. Щукин, Г. М. Фролова. – М. : Академия, 2015. – 288 с. – (Сер. Бакалавриат).

УДК 378

Л. В. Яроцкая

доктор педагогических наук, профессор МГЛУ;
профессор кафедры лингвистики и профессиональной
коммуникации в области права юридического факультета МГЛУ;
e-mail: Ivyar@yandex.ru

РАЗВИТИЕ КОНЦЕПТА «УПРАВЛЕНИЕ» В СОВРЕМЕННОЙ ПАРАДИГМЕ ЛИНГВОДИДАКТИКИ

В статье обосновывается необходимость развития концепта «управление» посредством приведения инструментов управления в соответствие с актуальным социальным заказом, зафиксированным в цели обучения иностранному языку. В рамках концепции продуктивного образования модель управления может и должна превратиться в фактор личностного развития субъекта учебной деятельности, обеспечить переход педагогического управления в самоуправление личности и коллектива. Данные положения иллюстрируются на примере авторской проектно-ревизионной технологии.

Ключевые слова: продуктивное управление; продуктивный контроль; ситуация развития; проектно-ревизионная технология.

L. V. Yarotskaya

Professor, Advanced Doctor (Pedagogy);
Professor at the Department of Linguistics
and Professional Communication in the Field of Law,
Law Faculty, MSLU; e-mail: Ivyar@yandex.ru

DEVELOPING THE CONCEPT OF GUIDANCE IN THE PRESENT-DAY LANGUAGE PEDAGOGY PARADIGM

The article focuses on providing arguments in favour of developing the concept of guidance through transforming present-day guidance instruments in compliance with the current social demand reflected in the goal of foreign language teaching. Within the framework of productive education theory, guidance activity has every opportunity and, thus, is expected to become a factor of a learning individual's development situation, conducive for evolving from pedagogic guidance to a learning individual's self-control and collective guidance of the learning process. The conclusion is supported by a description of the author's revision-of-project technology.

Key words: productive guidance; productive controlling activity; a development situation; revision-of-project technology.

Анализ научных источников последних лет [11] показывает, что, несмотря на значительное количество работ, посвященных поиску

эффективных путей обучения межкультурной коммуникации, концепт «управление» не получил должного внимания со стороны исследователей. Наблюдается очевидное противоречие между сформулированными исходя из актуального социального заказа целями обучения иностранному языку (далее – ИЯ) в неязыковом вузе и инструментами управления, заимствованными из образовательных парадигм прошлого. Предпринимаемые некоторыми коллективами преподавателей усилия механически совместить существующие в этой области «наработки разных лет» часто оказываются нерезультативными, поскольку вся система обучения межкультурной профессиональной коммуникации, в отсутствие адекватной требованиям времени модели управления, переходит в состояние разбалансированности: приемы и средства педагогического управления превращаются в набор обособленных структур, утративших функциональные связи с элементами других уровней. Более того, например, из-за неадекватности применяемых инструментов контроля возникают сомнения в валидности получаемых с их помощью результатов, а следовательно, обоснованности и эффективности предлагаемых технологий обучения. Все это, с нашей точки зрения, свидетельствует о том, что при существующем положении дел выполнение социального заказа, сформулированного обществом в отношении системы высшего образования, становится весьма проблематичным.

В данной статье предпринята попытка конкретизировать концепт «управление учебным процессом» в контексте личностного развития обучающегося. В качестве методологического фундамента применяемого нами лингводидактического проектирования мы принимаем положение об основополагающей роли коллективной деятельности в становлении индивида, обоснованной создателем культурно-исторической теории психического развития человека Л. С. Выготским. В соответствии с этой теорией, переход от коллективно-социальной к индивидуальной деятельности является, по существу, процессом интериоризации, ибо функции сначала складываются в коллективе в виде отношений, а затем становятся психическими функциями личности [3, с. 145]. Аналогично оценивает роль коллективного субъекта и В. В. Давыдов, признавая его изначальным и подлинным субъектом всех форм деятельности, в том числе предметно-практической и коллективно-познавательной [4]. Эти

выводы, а также установленные закономерности эффективного управления учебным процессом [11] позволяют нам спроектировать *модель педагогического взаимодействия* в виде кооперативной деятельности субъектов учебного процесса, организованной как продуктивное сотрудничество преподавателя со студенческой группой и каждым студентом в отдельности, а также студентов группы между собой. Совместная деятельность вовлеченных в нее субъектов направлена на создание *поливариантной образовательной среды*, обеспечивающей личностное, социальное, профессиональное развитие всех участников процесса.

В качестве *объекта управления* выступает учебная среда, не только проектируемая, но и контролируемая *субъектами учебного процесса* (коллективными и индивидуальными). При таком подходе *профессионально ориентированная компетенция* обучающегося (в наиболее общем плане понимаемая нами как способность и готовность к воздействию на внешнюю по отношению к личности среду, в известном смысле ее преобразованию [11]) является одновременно как *средством*, или механизмом, создания определенного социального, в данном случае образовательного, контекста, так и *целью*, для достижения которой этот контекст непрерывно трансформируется. Таким образом, управление функционирует как инструмент продуктивного преобразования студентом образовательной среды, частью которой, наряду с преподавателем, он является; происходит активный процесс «самостроительства» обучающегося.

Изменение статуса студента с его переходом из управляемой системы в управляющую позволяет кардинальным образом пересмотреть роль студента и студенческой группы в реализации контроля, превратить контроль в фактор личностного развития. В результате подобного реформатирования в качестве *приоритетных объектов контроля* выступают не «традиционные» (регулярные) объекты обучения – знания, умения, навыки, – которые в новом лингводидактическом контексте получают исключительно функциональную детерминацию, а *продуктивные возможности совместно созданной учебной среды* (то, насколько эффективно происходит развитие мотивации учения, формирование способности и готовности личности к самообразованию и самосовершенствованию в процессе формирования межкультурной иноязычной профессиональной коммуникативной

компетенции), *личностная составляющая продукта, производного от регулярного объекта обучения, и адекватность индивидуально выстраиваемого студентом образовательного конструкта формируемому образу результата, зафиксированному в цели обучения* [11].

При проектировании стратегии продуктивного управления процессом формирования межкультурной иноязычной профессиональной (коммуникативной) компетенции (далее – МИПК) представляется стратегически важным уточнить понятие «развитие», относящееся к числу базовых педагогических категорий. По данному вопросу мы принимаем аргументацию В. И. Андреева. Отталкиваясь от общепедагогического определения развития как «необратимого, направленного, закономерного изменения материальных и идеальных объектов» и учитывая тот факт, что «только одновременное наличие всех трех указанных свойств выделяет процессы развития среди других изменений» [9, с. 561], этот автор делает, на наш взгляд, важный в методологическом плане вывод относительно наиболее общей закономерности, характеризующей необратимость позитивных изменений в педагогической системе: для образования – это переход в самообразование, для воспитания – в самовоспитание, для обучения – в самообучение, для социализации – в самореализацию, для развития – в саморазвитие. Таким образом, *развитие* рассматривается как «процесс и результат целенаправленного позитивного изменения системы, наиболее общей закономерностью которой является ее переход из состояния развития в саморазвитие» [1, с. 24]. На этом основании был сформулирован *принцип гарантированного качества образования*: только такое образование можно считать образованием гарантированного качества, которое переходит в самообразование [1, с. 262]. В этой связи представляется уместным вспомнить, что еще в 80-е гг. XX столетия М. Н. Скаткиным была обоснована необходимость дополнения выделенных на тот момент дидактических принципов *принципом перехода обучения в самообразование*, устанавливающим стратегически важный ориентир системы непрерывного образования как настоятельно го требования времени [8].

В свете выявленных закономерностей эффективного управления учебным процессом [11], а также обозначенного выше бинарного подхода в современной образовательной парадигме (базирующегося на единстве воспитания и самовоспитания, образования

и самообразования, обучения и самообучения, социализации и самореализации, развития и саморазвития) и учитывая роль коллективной деятельности в становлении индивидуального субъекта [3; 4], при разработке стратегии управления процессом формирования МИПК считаем целесообразным опереться на сформулированный В. И. Андреевым в качестве одного из принципов развития педагогической системы *принцип перехода педагогического управления в самоуправление личности и коллектива в процессе различной, в том числе учебно-творческой, деятельности* [1]. Реализация обозначенного в данной формулировке вектора развития, очевидно, возможна лишь в условиях системного подхода, что, в свою очередь, потребовало уточнения содержания и самой категории «управление» в русле концепции продуктивного образования. С учетом приведенных выше оснований предлагаем следующую трактовку понятия: **управление (в педагогике)** – это реализуемое в ходе педагогического взаимодействия сотрудничество всех субъектов учебного процесса (преподавателя, студента, студенческой группы), обеспечивающее полисубъектное регулирование процесса целенаправленного освоения социального опыта и обуславливающее развитие способности и готовности субъектов учения к самоуправлению на индивидуальном и коллективно-групповом уровнях. Появление у педагогического взаимодействия сверхзадачи, а именно – развитие способности и готовности субъектов учения к самоуправлению, требует интегрированного подхода к разработке системы объектов обучения и контроля, исходя из единства содержательной и процессуальной сторон обучения. При этом результатом освоения любого компонента содержания обучения должно быть приращение адекватного учебному материалу «контента самоуправления» – опыта эффективного самоуправления в ходе решения студентом учебных и учебно-профессиональных задач. Отсутствие подобного «контента» в структуре результата обучения, с нашей точки зрения, является признаком неполноценного педагогического управления и требует соответствующей коррекции. Очевидно, что в рамках обосновываемой концепции контроля освоение того или иного предметного содержания связывается не столько с объемом усвоенного материала (хотя для эффективной деятельности, безусловно, необходима определенная «плотность» знаний, сформированность умений), сколько с *формированием релевантной*

опытной базы специалиста – накоплением субъектами учения в ходе освоения предметного содержания опыта эффективного самоуправления, достаточного для формирования способности и готовности к реализации продуктивной деятельности в данной области знания [11]. Это позволяет обеспечить *переход к самоорганизации*, характерный для связей управления, реализующих тип развивающейся системы. Происходит смена уровня системной организации за счет присвоения субъектом учения функций субъекта преподавания, реализуется позиция «я – учитель» (в терминологии Ю. Н. Кулюткина [6]).

Сформулированные выше положения послужили теоретическим основанием для разработки авторской *проектно-ревизионной технологии* [11; 12]. Данная технология, интегрирующая поисковые, исследовательские, проблемные приемы обучения, применяемые в собственно проектной технологии, «диалогический тип поиска» в профессиональном поле при решении проблемной задачи, используемый в приеме case-study, а также лингводидактический ресурс ролевых / деловых игр, образует «новое измерение» коллективного взаимодействия субъектов обучения. Стратегическим ориентиром этой деятельности выступает постепенно «выстраиваемый» образ современного профессионала, актуальный как в социальном, так и в личностном плане. Подобное проектирование осуществляется благодаря рекуррентной «ревизии» создаваемой модели (в индивидуальном и коллективно-групповом режиме) в процессе освоения глобального контекста развития релевантной предметной области.

Проектно-ревизионная технология используется в комплексе с «Профессиональным профилем иноязычных потребностей» [12] и «Европейским языковым портфелем» [5]. При этом если «*Профессиональный профиль иноязычных потребностей*» является образовательно-инструментом, направленным на развитие рефлексивной самооценки как основы профессионального самоопределения будущего специалиста в условиях глобализованного информационно-коммуникационного пространства, и с его помощью в комплексе с технологией «*Европейский языковой портфель*» предполагается *осознание* будущим специалистом своих профессиональных иноязычных потребностей, целей и задач изучения ИЯ, способов их достижения (т. е. педагогически значимых объектов рефлексивной самооценки студентов), а также *прогнозирование* перспективных

профессиональных потребностей специалиста конкретного профиля и *определение индивидуальной траектории профессионального развития*, то **проектно-ревизионная технология** – это технология продуктивного контроля за процессом и результатом интернационализации профессиональной подготовки современного специалиста. Данная технология, реализуемая на основе собственно проектной технологии, приема case-study или ролевых / деловых игр, в дополнение к перечисленным приемам включает также в качестве обязательных компонентов следующие звенья, обеспечивающие необходимый в рамках предлагаемой лингводидактической модели «ревизионный» характер деятельности:

- *целенаправленную апробацию* субъектами учебной / учебно-профессиональной деятельности *моделируемого ими образа / сегмента образа* актуального глобального контекста профессиональной деятельности специалиста конкретного профиля (в том числе в отсутствие организованного учебного процесса) на предмет адекватности этого образа;
- *оценку результатов своей индивидуальной и коллективно-групповой деятельности* (на основе существующих эталонов / самостоятельно выработанных критериев эффективности деятельности);
- *коррекцию* образа актуального глобального контекста профессиональной деятельности специалиста данного профиля и своей траектории профессионального развития [11; 12].

«Ревизия» студентами результатов своей деятельности является компонентом динамического моделирования образа создаваемого в течение всего курса обучения продукта – актуального глобального контекста профессиональной деятельности, который включает в себя:

- контексты взаимосвязанного с другими областями знания развития осваиваемой предметной области с акцентом на ее «человеческом измерении»;
- различные профессионально релевантные социокультурные контексты;
- разнообразные образовательные контексты, которые студенты «открывают», знакомясь (при реализации индивидуальных и групповых исследовательских проектов, а также в ходе

- последующих зарубежных стажировок) с наиболее распространенными и признанными национальными моделями подготовки специалистов осваиваемой предметной области;
- би- / полилингвальные контексты профессионального общения, реализуемые на нескольких лингвокогнитивных (лингвокультурных) основаниях.

При этом в современных условиях апробация образа нередко «выходит за рамки» формально организованного учебного процесса (и это всегда приветствуется и поощряется преподавателем), однако для рефлексивной оценки «возвращается в аудиторию» в виде индивидуального опыта, готового найти отражение в коллективно проектируемой модели профессионального развития специалиста нового поколения. *Стратегической сверхзадачей* применения проектно-ревизионной технологии в процессе профессиональной подготовки специалиста неязыкового профиля является развитие регуляционных механизмов личности как основы самообразования, а также способности к конструктивному взаимодействию и самореализации в условиях коллективно-групповой деятельности. В качестве *практического результата*, или выраженного личностно значимого продукта, принимается конструктивное преобразование студентом образовательного, внутреннего и внешнего, контекста (в терминологии А. А. Вербицкого [2]), частью которого он является. В этой связи данная технология является технологией не столько педагогического контроля, сколько *взаимоконтроля и самоконтроля студентов*.

Подчеркивая значение развивающей и воспитательной функций продуктивного управления учебным процессом, в качестве исходного условия ситуации такого управления мы принимаем *ситуацию развития* [4; 7 и др.], обеспечивающую личностный рост студента, со специальным акцентом на *развитии его социальной активности* в результате конструктивного взаимодействия с другими субъектами образовательного процесса. Это позволяет сформулировать следующий комплекс базовых установок, составляющих каркас проектно-ревизионной технологии.

Ситуация продуктивного управления должна удовлетворять следующим условиям:

- во-первых, предусматривать интенсивное развитие интеллектуальной активности субъектов образовательного процесса;

во-вторых, способствовать реализации продуктивной деятельности студента, приводящей к созданию им личностного образовательного продукта;

в-третьих, обеспечивать развитие социальной активности студентов, готовности к конструктивному взаимодействию со всеми участниками образовательного процесса, приводящему к созданию продукта коллективной деятельности;

в-четвертых, связывать процесс овладения предметным знанием с реальным использованием этого знания в социально детерминированном контексте;

в-пятых, способствовать активному развитию механизма саморегуляции студента;

в-шестых, быть обеспеченной эффективной обратной связью.

Первые пять условий также актуальны при использовании широко применяемых в настоящее время проектной технологии и приема *case-study*, а также примыкающих к ним «активных» приемов (нередко называемых также «методами») обучения. Проектно-ревизионная технология учитывает все перечисленные положения.

Приведенные выше основания позволяют уточнить содержание профессионально релевантных ролевых ситуаций, принимающих такие формы, как «круглые столы», коллоквиумы, конференции; совещания, обсуждения проекта в рабочей группе, а также специфические для каждой профессии формы. Так, например, при моделировании научной деятельности, актуальной для разных категорий специалистов, наряду с этапом индивидуальной творческой активности личности, предполагающим создание письменного продукта, тщательно прорабатывается этап «диалогового типа поиска» – *апробации* продукта, существенными компонентами которого являются:

- представление работы в «группу экспертной оценки» (объединяющей 3–4 человек, включая других членов студенческой группы и преподавателя), изучение и «экспертная оценка» работы;
- доработка исследования его автором (в случае необходимости);
- публичная презентация и «защита» работы в студенческой группе.

По результатам апробации обязательно осуществляются *оценка результатов и коррекция / уточнение траектории профессионального развития* (как личности, так и коллектива).

«Экспертная оценка» является чрезвычайно важным компонентом проектно-ревизионной технологии. Внимательное прочтение «группой экспертной оценки» представленной работы, ее адекватная оценка, комментарии и рекомендации, а также определение вопросов для уточнения, последующего обсуждения не просто моделируют профессионально релевантный вид деятельности, но и реализуют взаимоконтроль студентов, а также являются средством активизации самоконтроля. «Экспертная оценка» осуществляется на основании как усвоенных ранее критериев успешности деятельности, так и критериев, самостоятельно выработанных экспертами, в том числе в ходе изучения рецензируемой работы; и эти критерии также могут стать объектом общей дискуссии, оценки и коррекции.

При моделировании научной деятельности / анализе деловых ситуаций, этап представления письменной работы в «группу экспертной оценки» может быть опущен, если, например, выполнение формальной письменной работы не предусматривается или характер работы не требует предварительного тщательного изучения «экспертами». В этом случае «экспертная оценка» проводится на основе устной презентации (желательно с использованием средств наглядности) и коллективного обсуждения работы. По результатам обсуждения может быть предпринята доработка проекта. Кроме того, как отмечалось выше, происходит *коррекция / уточнение траектории профессионального развития*. Если условия деловой игры / кейса / проекта предполагают выработку совместного решения или создание другого коллективного продукта деятельности, то доработка проекта предполагает всестороннее обоснование заключительной версии продукта и его оформление.

Использование того или иного варианта проектно-ревизионной технологии (на основе собственно проектной технологии, деловой игры или кейса; с представлением в «группу экспертной оценки» письменной работы или без такового; предполагающего создание индивидуального или коллективного продукта) зависит от уровня сформированности МИПК, специфики осваиваемого материала, а также субъективных предпочтений студентов. В целом вектор развития можно определить как движение от микроситуаций к макроситуациям, от имитационного моделирования к творческим работам, от относительно простых письменных произведений к развернутым. При этом

используемые инструменты контроля должны соответствовать логике учебного процесса, заключающейся в переходе *от преимущественного педагогического, внешнего по отношению к студенту контроля через многополярное квалифицированное восприятие* (когда каждый студент в отдельности и студенческая группа в целом становятся активными звеньями контролирующей деятельности), *к самоконтролю в контексте межкультурного иноязычного профессионального общения* как важнейшему «органичному» компоненту осваиваемой деятельности и фундаменту *процесса самообразования и самосовершенствования личности*.

Косвенное подтверждение своей позиции находим в диссертационном исследовании Н. П. Хомяковой, опытным путем подтвердившей возможность использования продуктивных педагогических технологий в функции контрольно-оценочных инструментов при обучении межкультурной иноязычной профессиональной коммуникации студентов, специализирующихся в области международного частного права и регулирования внешнеэкономических связей / права международной торговли [10]. Несмотря на то что при рассмотрении вопросов контроля этот автор сосредоточила свое внимание преимущественно на педагогическом контроле результата обучения в условиях зачета и / или экзамена, ею эпизодически с успехом использовались отдельные элементы взаимоконтроля студентов в ходе учебного процесса (например, презентация и последующее обсуждение в учебной группе студенческих исследовательских работ, предварительно подвергнутых педагогической проверке и последующей коррекции студентом).

Концепция продуктивного управления процессом формирования МИПК, изложенная в данной статье, прошла апробацию в Московском государственном лингвистическом университете в 1999–2013 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андреев В. И.* Педагогика высшей школы. Инновационно-прогностический курс [Текст] : учеб. пособие. – Казань : Центр инновационных технологий, 2006. – 500 с.
2. *Вербицкий А. А., Хомякова Н. П.* Структура содержания обучения иностранному языку специальности: контекстный подход [Текст] / А. А. Вербицкий, Н. П. Хомякова // Приоритетные направления в обучении иностранным языкам. – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – С. 61–71. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 12 (618). Серия Педагогические науки).

3. *Выготский Л. С.* Избранные психологические исследования : Мышление и речь : Проблемы психологического развития ребенка [Текст]. – М. : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1956. – 519 с.
4. *Давыдов В. В.* Теория развивающего обучения [Текст]. – М. : ИНТОР, 1996. – 544 с.
5. «Европейский языковой портфель» для филологов (преподавателей языка, письменных и устных переводчиков). – М. : МГЛУ, 2003. – 75 с.
6. *Кулоткин Ю. Н.* Личностные факторы развития познавательной активности учащихся в процессе обучения [Текст] // Вопросы психологии. – 1984. – № 5. – С. 41–43.
7. *Сериков В. В.* Образование и личность. Теория и практика проектирования педагогических систем [Текст]. – М. : Логос, 1999. – 271 с.
8. *Скаткин М. Н.* Предисловие [Текст] // Руководство самообразованием школьников : Из опыта работы / ред.-сост. Б. Ф. Райский, М. Н. Скаткин. – М. : Просвещение, 1983. – С. 3–8.
9. Философский энциклопедический словарь [Текст]. – М. : Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
10. *Хомякова Н. П.* Контекстная модель формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыкового вуза (французский язык) [Текст] : дис. ... д-ра пед. наук. – М., 2011. – 480 с.
11. *Яроцкая Л. В.* Лингводидактические основы интернационализации профессиональной подготовки специалиста (иностранный язык, неязыковой вуз) [Текст] : дис. ... д-ра пед. наук. – М., 2013. – 454 с.
12. *Яроцкая Л. В.* Технология интернационализации профессиональной подготовки будущего специалиста // Актуальные вопросы лингводидактических исследований в сфере межкультурной профессиональной коммуникации. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2015. – С. 245–256. – URL : <http://www.vestnik-mslu.ru/Vest-2015/Vest-17z.pdf> – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та ; вып. 16 (727). Сер. Образование и педагогические науки).

УДК 82.12

А. П. Бондарев

доктор филологических наук, профессор;
заведующий кафедрой литературы МГЛУ;
e-mail: literatura_mglu@mail.ru

ДИАЛЕКТИКА РОМАНТИЧЕСКОГО АБСОЛЮТА

Диалектика романтического абсолюта, определяемого Шеллингом как абсолютная полнота бытия, проявляется в том, что отчаяние, которое лирический герой переживает в обреченной на поражение борьбе за личное счастье, трансформируется в агрессию. Давая волю благородному негодованию, лирический герой превращается в демонического. Углубление конфликта между лиризмом и демонизмом – смиренными (христианскими) и захватническими (дьявольскими) импульсами – рождает феномен раздвоения личности и ее экстериоризацию, «двойничество» – гротескный переход от резиньции к деструктивизму. Лирический герой, инволюционировав в демонического, переживает нравственное перерождение, чтобы на новом гносеологическом уровне признать жизненную необходимость установления более гармоничных отношений с миром.

Ключевые слова: лирический герой; демонический герой; филистерство, идеальное «я»; реальное «я»; мазохизм; садизм; двойничество, защитная реакция; гротеск.

A. P. Bondarev

Advanced Doctor (Philology), Prof.,
Head of the Department of Literature, MSLU;
e-mail: literatura_mglu@mail.ru

THE DIALECTICS OF THE ROMANTIC ABSOLUTE

The dialectics of the romantic absolute, determined by Shelling as a plenitude of being, manifests that the despair, endured by lyric character in his doomed struggle for personal happiness, transforms into aggression. The lyric character, giving free rein to his noble indignation, changes into demoniacal character. The deepening conflict between lyricism and demonism – Christian submission and diabolic arrogance – provokes the split personality and his later exteriorization – grotesque transformation into destruction. On the other hand the lyric character

during his involution towards the demoniacal one, survives moral regeneration. On a new epistemological level of his consciousness, the lyric character recognizes the vital necessity to establish a more harmonic relationship with the environment.

Key words: lyric character; demoniacal character; philistinism; an ideal the I; a real the I; masochism; sadism; the split personality; protective psychological reaction; the grotesque.

Романтический абсолютизм

В трактате «Система трансцендентального идеализма» (1800) Шеллинг предпринял смелую попытку разрешить главную эпистемологическую проблему двух ведущих школ европейской философии – трансцендентальной и эмпирической. Он предложил рассматривать результат расхождения между субъективным и объективным как несовпадение «представлений с соответствующими им предметами»: «Либо мы принимаем в качестве первичного объективное и спрашиваем: как к нему присоединяется субъективное, которое с ним совпадает? <...> Либо в качестве первичного берется субъективное, и тогда задача заключается в том, чтобы объяснить, как к нему присоединяется объективное, которое с ним совпадает» [13, с. 232–234].

Приближение к истине осуществляется в первом случае со стороны объективного, во втором – субъективного. Так «конструируется система философии», состоящая из двух наук: 1) натурфилософии и 2) трансцендентальной философии, которые предполагают друг друга, являясь двумя сторонами нераздельного процесса «конструирования» истины. отождествив сознание и бытие в истине – критерии достоверного знания, – Шеллинг на интеллигибельном уровне снял противоречие между рациональным и чувственным: «Истина... состоит в совпадении представлений с соответствующими им предметами» [13, с. 232].

В результате эволюции от трансцендентального идеализма («Система трансцендентального идеализма», 1800) к философии тождества («Философия искусства», 1801–1810, опублик. в 1859 г.), Шеллинг постулировал: «Философия... обнаруживается в своем совершенном виде только в целокупности всех потенций: ведь она должна быть верным отображением универсума, а последний = *абсолютному, раскрытому в полноте всех идеальных определений*. – Бог и универсум – одно или только различные стороны одно и того же» [11, с. 64].

Эта аксиома вводит в гносеологическую модель романтического сознания представление о том, что присутствовать в *универсуме* в полной мере – *quantum satis* – значит, пребывать в средоточии жизни, вкушать блаженство абсолютного бытия. Однако идея абсолюта рождает психологический конфликт между идеальным «я», воплотившимся для современников в образах Наполеона и Байрона, и реальным «я», явленным филистером – новым действующим лицом буржуазного этапа мировой истории.

Адресуясь в стихотворении «Наполеон» («Чудесный жребий совершился», 1826) к новоявленному Цезарю, который претворил материальную ипостась абсолюта в волю к власти, А. С. Пушкин проницательно заметил:

Среди рабов до упоенья
Ты жажду власти утолил,
Помчал к боям их ополченья,
И цепи лаврами обвил.

Творца байронизма, масштаб личности которого персонифицировал созидательную ипостась абсолюта, Гете прославил песней античного Хора в трагедии «Фауст»:

Был ты зорек, ненасытен,
Женщин покорял сердца,
И безмерно самобытен
Был твой редкий дар певца.

Пер. Б. Пастернака

Идеальное «я» вдохновляет романтика на подвиг тотальной самоактуализации. Реальное «я» грозит ему бесславной гибелью в рутине повседневности. Драматическое противостояние реального и идеального провоцирует конфликт между эросом и танатосом, навязывая романтику выбор между волей к жизни и волей к смерти – борьбой за самореализацию или уходом из жизни: достойнее погибнуть, чем до гробовой доски влачить убогое существование трусливого ничтожества.

Так объективная историческая реальность опровергла шеллингианский трансцендентализм, который предстал не более, чем логической процедурой отождествления априорных и эмпирических знаний. На практике порождающее «истину» тождество субъективно-трансцендентального и объективно-эмпирического вновь распалось на

кантовскую антиномию ноуменального и феноменального. Романтический герой раздваивался на идеального и демонического. Априоризм возвращал его к традиции философского трансцендентализма, эмпиризм – к традиции философского материализма. Умозрительные построения лирического героя разрушались не контролируемыми его сознанием внутренними (психологическими) и внешними (социальными) конфликтами, препятствующими обретению абсолютной истины.

Упрочивающаяся пореволюционная действительность побуждала лирического героя адаптироваться к узаконенным буржуазией формам жизни – конкуренции и частному предпринимательству. Возмущенное этим требованием идеальное «я» выстраивало защитную реакцию деструктивного демонизма. Метаморфоза лиризма в демонизм отразила эпохальную смену культурной парадигмы – отказ от просветительской этики здравого смысла ради романтической эстетики возвышенного и ужасного. Предтеча романтизма, Э. Бёрк, в трактате «Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного» (1756), дедуцировал возвышенное из ужасного: «Все, что каким-либо образом устроено так, что возбуждает идеи неудовольствия и опасности, другими словами, все, что в какой-либо степени является ужасным или связано с предметами, внушающими ужас или подобие ужаса, является источником *возвышенного*» [2, с. 72].

Ужасное очаровывает воображение, принимая формы бунта против нормативной этики: от «неистовой литературы» маркиза де Сада («Философия в будуаре», «Жюстина, или Невзгоды добродетели», «История Жюльетты» и др.) до тираноборческих и богоборческих сюжетов П. Б. Шелли («Освобожденный Прометей», «Ченчи») и Д. Г. Байрона («Манфред», «Каин»). Тотальность притязаний демонического героя поэтизируется как более возвышенная, в сравнении с трусливым конформизмом филистера.

Полемика «неистового романтизма» с просветительской этикой здравого смысла возрождает ренессансный титанизм. В книге «Эстетика Возрождения» А. Ф. Лосев описал «оборотную сторону титанизма», которая «была аморальной и звериной в своем предметном содержании, но она же обладала всеми чертами самодовлеющей значимости, необычайной красочностью и выразительностью и какой-то, если выражаться кантовским языком, небывалой целесообразностью безо всякой цели» [7, с. 121].

Теория разумного эгоизма сложилась в XVIII в. как компромисс двух философских школ Нового времени – трансцендентальной и эмпирической. Однако уже готический роман «тайн и ужасов», воссоздав в неистовых сюжетах смертельную схватку порока с добродетелью, отверг возможность разрешения дуализма рационально-этического и чувственно-эстетического. Эпистемологический разрыв между сущностью и явлением получил понятийное выражение в *антиномиях* И. Канта. Кантовская «вещь в себе» (Das Ding an sich) была воспринята романтиками как непознаваемая агрессивность ноуменального мира.

Французские романтики, более тесно связанные с руссоизмом, чем с классической немецкой философией (с открытиями которой мадам де Сталь познакомила их в 1810 г. в трактате «О Германии»), отдавали предпочтение понятию «чувство». Таящиеся в «философии чувства» возможности снятия противоречия между интеллигибельным и эмпирическим обосновываются ими как более человеческий вариант актуализации романтического абсолюта. В трактате «О чувстве, рассмотренном в его соотношении с литературой и изящными искусствами» (1801) Симон Баланш провозглашал: «Чувство – это нравственная сила, которая инстинктивно, без помощи разума выносит суждение обо всем, что живет по законам нашей *животной, личностной и духовной* природы. Чувство никогда не разделяет эти три сферы: оно воспринимает их мгновенно и разом» [1, с. 37].

Чувство, «сплавляющее» до неразличимости природное, социальное и духовное, противопоставляется просветительскому варианту примирения интересов человека и гражданина в правильно понятом интересе: «Объяснять самопожертвование или эгоизм, преступление или добродетель, правильно или ложно понятым интересом, – резюмирует Жермена де Сталь, – значит стирать грань, отделяющую преступника от честного человека, подрывать самоуважение и ослаблять справедливое возмущение; если мораль сводится к правильному расчету, то всякий, пренебрегающий его требованиями, повинен лишь в совершении логической ошибки» [16, с. 145].

Сходную полемическую позицию в отношении предложенного Просвещением этического компромисса занял и Бенжамен Констан: «В наше духовное чувство, а не в правильно понятый интерес, вложила природа руководство к действию. Это чувство подсказывает нам, что хорошо и что дурно. Правильно понятый интерес учит нас лишь тому, что выгодно или вредно» [14, с. XIII].

Апологетике познания верой посвящен трактат Ф. Р де Шатобриана «Гений христианства» (1802). В нем «отец французского романтизма» (Белинский) утверждал, что не холодный расчет, а религиозная интуиция вдохновляла Мильтона и Корнеля, Паскаля и Расина на создание обессмертивших их литературных шедевров. Христианской вере дано воспринимать единство идеального и материального в образах Бога и человека: «Христианство – религия, можно сказать, вдвойне могущественная: ее заботят и наша духовная, и наша плотская природа; она сближает тайны Всевышнего и тайны человеческого сердца; открывая истинного Бога, она открывает истинного человека» [8, с. 111].

Романтический гений

Просветительская эстетика умалая гения до роли *посредника* между Разумом и чувством. Романтическая эстетика увидела в гении выразителя божественного Промысла. В трактате «Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах» (1809) Шеллинг, переводя образы духовных озарений на язык философских понятий, обосновывал возможность *свободы* человека в Боге и Бога в человеке: «Следование вещей из Бога есть самооткровение Бога. Но Бог может стать открытым себе лишь в том, что ему подобно, в свободных, действующих из самих себя существах, для бытия которых нет иного основания, кроме Бога, но которые суть так же, как есть Бог» [12, с. 97–98].

Природа, не извращенная цивилизацией, возникшей вследствие первородного греха Адама, воспринималась романтиками как божественная ипостась Творца. Немецкий христианский мистик Якоб Бёме в труде «Аврора, или Утренняя заря в восхождении» (1612) описывал природу как инкарнацию божественной сущности.

Пантеистическую эпифанию испытал «маг с Севера», Иоганн Георг Гаман, которому в 1758 г. в Лондоне довелось пережить мистическую «встречу с Богом».

Схожее озарение снизошло и на «короля романтизма» Людвиг Тика. Встречая 25 июня 1792 г. рассвет в горах Гарца (Harzerlebnis), он был потрясен надрассудочным единством духовного и материального, возвысившимся над антиномиями человеческого сознания. Обогадивший Тика мистический опыт получил художественное

воплощение в одном из ключевых эпизодов его романа «Странствия Франца Штернбальда» (1798).

В восприятии романтиков природа и гений тождественны, поскольку действуют в согласии с законом органической регуляции. Гений творит подобно тянущемуся из почвы растению или созревающему в «родимом чреве» (Тютчев) плоду. Его фантазия создает образы, подобно тому как природа порождает из себя свои создания. Образцом лирического гения, восстанавливающим тождество природы и человека, стал для европейцев герой романа Новалиса «Генрих фон Офтердинген» (1802). Творчество легендарного средневекового миннезингера приближало золотой век – царство всемирной Христианской монархии. Зачарованный речами *странника*, вестника прошлого и будущего, юный Генрих размышлял в ночи: «Я теперь лучше вижу, проницательней мыслю, давно знакомое мне теперь как бы открывается. Рассказывают, будто в старину звери, деревья и скалы говорили с людьми. Они, сдается мне, вот-вот опять начнут, и по ним я угадываю, что я услышал бы от них».

Биография гения претворяется в агиографию в процессе осуществления им метаисторического проекта преобразования преходящей жизни в вечный рай искусства: «Природа, как рождение всех вещей, есть вечная ночь, а как то единство, через которые вещи суть сами в себе, – афелий универсума, место наибольшего удаления от Бога как истинного центра. Жизнь и история, природа которых состоит в поступательном движении по ступеням, есть только очищение, переход к абсолютному состоянию. Последнее присутствует лишь в искусстве, предвосхищающем вечность, которое есть рай жизни и поистине пребывает в центре», – с воодушевлением провозглашал Ф. В. Шеллинг [10, с. 451].

Согласно эстетическим взглядам П. Б. Шелли поэт «не только ясно видит настоящее, как оно есть, и обнаруживает законы, по которым оно должно управляться, но и прозревает в настоящем грядущее; его мысли – это семена, в последующие эпохи становящиеся цветами и плодами» [9, с. 327].

В той мере, в какой природное, социальное и духовное отождествляются в абсолюте, гений как его непосредственный выразитель воплощает в своем творчестве эти три базовые психически функции: «Да не посягнет никто дерзновенно возвыситься над духом высочайших художников и снисходительно творить суд над ними!», – предостерегали

Вакенродер и Людвиг Тик во фрагменте «О том, каким образом следует созерцать творения великих художников для блага своей души» [4, с. 152]. В категориях спонтанной самореализации, которая и есть сама порождающая природа (*natura naturans*), мыслит герой романа Людвиг Тика «Странствия Франца Штернбальда»: «Каждый художник должен развиваться свободно, без насилия и внешнего принуждения, как благородное дерево со всеми своими ветвями и сучьями».

Просветительская целесообразность и романтическая спонтанность

На взгляд романтиков посредническое положение гения между этикой разума и эстетикой чувства таило в себе опасность умаления искусства до нравоучительной проповеди: просветительский утилитаризм стал восприниматься как препятствие для творческого самовыражения. Отправляясь от кантовского определения искусства как «целесообразности без цели», мадам де Сталь инвертирует просветительское соотношение морали и красоты, *выводя этику из эстетики*: «Отделив прекрасное от полезного, Кант убедительно показал, что цель искусства не в том, чтобы давать уроки. Все прекрасное рождает благородные чувства, которые, в свою очередь, побуждают к добродетели. Любое намерение сделать очевидным некое моральное правило неминуемо разрушит производимое искусством свободное впечатление, ибо цель, какова бы она ни была, ограничивает и стесняет воображение» [16, с. 145].

Просветительскому утилитаризму мадам де Сталь противопоставляет «наивное» (Шиллер) мироощущение, позволяющее воспринимать мир как явление поэтическое. Объектом художественного изображения должна стать не нравоучительная история потерявшихся и нашедшихся, а устремленный к идеалу душевный порыв: «В отличие от других, немцы отнюдь не считают, что имитация природы составляет задачу искусства. Принципом всякого художественного произведения представляется им красота идеала, и в этом отношении их поэтическая теория пребывает в полном согласии с их философией» [16, с. 189].

В вопросе о соотношении умозрительной этики и спонтанной эстетики Бенжамен Констан также опирается на учение Канта и Шиллера об искусстве «целесообразном без цели». В статье «О госпоже де Сталь и ее произведениях» (1829) Констан критикует морализирующего

автора с позиции общей философской эстетики: «Его персонажи перестают быть личностями, которым он, так сказать, повинуетя, ибо, однажды сотворив их, волею своего таланта дал им подлинную жизнь и в такой же степени не властен повелевать ими, в какой не властен повелевать людьми из плоти и крови» [6, с. 250].

Немецкая поэзия чувства породила новую жанровую разновидность – «роман от первого лица» (Ich roman), в котором биографический автор, описывая свою творческую эволюцию, обозначал тем самым этапы духовного пути человечества к земному раю «абсолютного состояния». Характеризуя созданный Новалисом и Тиком новаторский жанр «личностного романа», Жан Поль отмечал, что его авторы «в качестве изображаемого героя любят выбирать для себя поэта или живописца, или какого-нибудь другого художника, поскольку в его широкой, обнимающей все образы и картины художественной душе и в его художественных просторах они по всем правилам искусства могут запечатлеть и свое сердце, и всякое свое убеждение, и чувство, – поэтому они скорее согласятся явить нам поэта, чем поэму» [5, с. 66].

Преимущества автобиографической наррации обосновывались тем, что поскольку искусство – игра (Шиллер), творящий художник с исчерпывающей полнотой воплощает в себе «идею человека». Романтический гений возрождает древнегреческий архетип Андрогина, вытеснившего просветительского Гермафродита («Орлеанская девственница» Вольтера). Феноменологизируя вещь в себе, гений ретроспективно обесценивает рационалистические постулаты моральной философии XVIII в., не без основания уличая ученика просветительской школы подготовительной этики в филистерстве.

От лиризма к демонизму

Причину колоссальной популярности, которую обрел у современников роман «Страдания юного Вертера» (1774), следует искать в принципиальном отказе молодого Гете от этики просветительского утилитаризма. Охранительный индивидуализм Вертера, оскорбленный чванливым снобизмом гостей графа фон К., трансформируется в презрение к их сословному провинциализму. Эмоциональная реакция Вертера на пережитое им унижение проливает свет на механизм метаморфозы лиризма в демонизм. Инцидент в доме графа фон К.

пресекает неясные надежды поклонника Гомера и переводчика Осиана занять достойное место в среде мелкопоместного дворянства. Уязвленный разночинец готов вызвать на дуэль каждого, кто осмелится намекнуть ему о случившемся, и «проткнуть наглеца шпагой»: «Вид крови успокоил бы меня».

Крепнущее романтическое чувство отвергает и альтернативный вариант семейной идиллии – перспективу укрыться от честолюбивых страстей в семейной теплоте домашнего уюта. Эпизод с кормлением Лоттой канарейки, изложенный в письме от 12 сентября, – аллегорическое проявление ее сердечного чувства к Вертеру: «“Когда я даю ей хлеба, она машет крылышками и клюет очень послушно. И целует меня, смотрите! <...> Пусть поцелует и вас”, – сказала она и протянула мне канарейку». Однако наивное кокетство молодой женщины, оставаясь в подтексте эпизода, не получает фабульного развития. Вертер рационализирует свою сдержанность нежеланием разрушить семейный союз Лотты и Альберта и выбирает страдание как парадоксальный способ уберечь хрупкую целостность своей души от разрушительной односторонности выбора.

В остром диспуте с Альбертом Вертер аргументированно обосновывает глубоко продуманное им право душевно развитой и обладающей широким кругозором личности на самоубийство. Его завоженная идеалом абсолютного бытия лирическая душа, изнуренная требованиями практицизма, отстаивает свободу бросить вызов всем формам социального принуждения: «Друг мой! – вскричал я. – Человек всегда останется человеком, и та крупица разума, которой он, быть может, владеет, почти или вовсе не имеет значения, когда свирепствует страсть и ему становится тесно в рамках человеческой природы».

Предсмертное письмо Вертера несет на себе следы завладевших им садистских настроений: «О любимая, мое растерзанное сердце не раз язвила жестокая мысль... убить твоего мужа!.. Тебя!.. Себя!.. Да будет так!». Демонический нарциссизм не позволяет Вертеру предвидеть то неизбывное чувство вины, которым его мстительное самоубийство неизбежно омрачит жизни и Лотты, и Альберта: «О, пусть смерть моя принесет вам счастье! Альберт, Альберт, дай счастье этому ангелу! И да пребудет благодать Господня над тобой!»

Драма душевной жизни раскрылась перед романтизмом не как конфликт между долгом и чувством, а как результат интроспекции

социально-психологических антагонизмов. Осознание взаимообусловленности внутреннего (психического) и внешнего (социального) вызывает две противоположные реакции: воодушевление и ужас.

Воодушевление воплощается в литературе «бури и натиска» («*Sturm und Drang*»), в «благородном разбое» шиллеровских героев и демонизме восточных поэм Байрона. Неприязнь к буржуазным формам жизни провоцирует ожесточенную идеологическую полемику со срединной моралью филистерского конформизма.

Ужас мотивирует регрессию в преодоленный руссоистской чувствительностью рационализм, побуждая искать выход из тяжелого душевного конфликта в анализе его конкретно-исторического содержания.

Осознание неразрешимости любовной драмы ставит лирических героев романа мадам Коттен «Клер д'Альб» (1799) перед необходимостью отвергнуть прекраснодушную этику руссоизма, согласно которой любовный аффект способен трансмутироваться в «страсть к добродетели». Подобная психологическая трансформация не удалась юному Фредерику и его возлюбленной – добродетельной супруге господина д'Альба. Фредерик полагал, что обожествление любимой женщины способно сублимировать энергию вождения в восторженное поклонение: «Мог ли я позволить зародиться надежде, что вы откликнитесь на мою нежность? О, нет! Прочь подозрения! <...> Клер, заслуживающая презрения, недостойна любви; <...> перестаньте быть совершенством, и я разлюблю вас».

Однако взбунтовавшаяся страсть обесценила руссоистскую казуистику. Узнав, что Клер погибает в разлуке с ним, Фредерик дал волю охватившему его отчаянию: «Поверь, Клер, дружба, вера, честь – все это ложь и обман; истинна лишь моя любовь к тебе – необоримое чувство, не покидающее нас даже на пороге смерти».

Страдающая от неверности мужа героиня другого романа мадам Коттен, «Амели Менсфилд» (1802), гостит в замке дальней родственницы, графини Циммрен, и из беседы с ней узнает, что эта почтенная замужняя женщина имела любовника и не мучилась угрызениями совести. Графиня позволяет себе кощунственные суждения о тоскливом однообразии освященного церковью брачного союза. «О, Альбер, – пишет брату потрясенная Амели, – а что если это правда, и брак действительно убивает любовь? И Менсфилд разлюбил меня, потому что я не могла перестать принадлежать ему? Нежный брат, признаюсь:

эта никогда прежде не посещавшая меня мысль, судьба и раздумья мадам Циммрен ввергли меня в жесточайшее из сомнений – сомнение в добродетели. Эта женщина изменила долгу и была счастлива; она предпочла любовь благопристойности и была любима. Наказание порока, воздаяние праведности, где вы? Уж, наверное, не на земле!».

И хотя в ответном письме Альбер пытается укрепить веру сестры в конечном торжестве справедливости, разрушительное слово сомнения произнесено. И развязка – позорная смерть графини, брошенной сыном и друзьями, – не более, чем дань моралистической традиции Просвещения.

В борьбе с «наваждением страсти» лирический герой терпит поражение, жизнью расплачиваясь за «греховную» принадлежность должному миру. Такова судьба «знатного шведа», героя романа Юлии Крюденер «Валери» (1803), умирающего от безнадежной любви к жене своего друга.

Сакрализация обета безбрачия разрешается катастрофой в романе Франсуа Рене Шатобриана «Атала, или Любовь двух дикарей» (1801). Религиозное чувство, умиротворяющее бесчеловечные нормы морали и безнравственные требования плоти, призвано было осенить благодатью Шактаса и Атала в образе христианского миссионера Обри. Однако Атала, раздираемая противоречием между страстью и обетом целомудрия, приняла яд, опровергнув своим самоубийством постулат пелагианства, согласно которому аскетическая воля способна преодолеть наследственную тяжесть первородного греха. Пессимистическая развязка была внушена Шатобриану кровавыми событиями Французской революции («Опыт о революциях», 1797), воспринятой им как проявление метаисторического демонизма, омрачившего лирическую мелодию праведности роковой темой «*Dies irae*».

Роман «Рене, или Следствие страстей» (1802) был включен Шатобрианом в религиозно-философский трактат «Гений христианства» в качестве литературной иллюстрации главы «О беспредметности страстей» («*Du vague des passions*»), где страсти – тоска по абсолюту, гнушающемуся мелочностью преходящей жизни. Шатобриан в полной мере осознавал новаторство созданного им образа нового героя. В предисловии к отдельному изданию «Рене» (1805) писатель выразил удивление тем, что никто из его современников не попытался воссоздать своеобразное состояние души, охваченной той неопределенной страстностью, которая порождает страдания и несчастья.

Влияние «Рене» на французскую литературу сопоставимо лишь с влиянием гетевского «Вертера» на литературу европейскую. В книге «История романтизма» Теофиль Готье констатировал: «Родоначалником или, если угодно, саемом романтизма во Франции можно считать Шатобриана. В “Гении христианства” он реставрировал готический собор; в “Натчезах” вновь широко распахнул двери в царство девственной природы; в “Рене” изобразил меланхолию и страсть, как ее понимают в наше время» [15, с. 28].

Исторический демонизм разрушил интровертную самоизоляцию Рене. Пустившись в длительное паломничество по Европе за смыслом истории и не обретя его, он проникся тоской по самому близкому ему человеку – родной сестре, надеясь рядом с ней утешить свою израненную душу: «Чтобы представить, какой стала для меня в дальнейшем горечь страданий и какой восторг охватил меня при встрече с Амели, вы должны знать, что она была единственным в мире человеком, которого я любил, что мои чувства к ней соединялись с воспоминаниями детства. <...> Ведь так давно рядом со мною не было никого, способного выслушать меня, кому я мог бы излить свою душу». Однако осознав, что Амели пылает к нему греховной страстью, впал в безысходное отчаяние.

Концовка обрала лирическую повесть Шатобриана темой «кошунственных страстей», породившей готические романы Г. Уолпола, У. Бэкфорда, В. Годвина, А. Радклиф, М. Г. Льюиса, Ж. Казота, Ч. Р. Мэтьюрина, М. Шелли, Э. Т. А. Гофмана, Ж. де Нерваля и многих других. Мотив кровосмесительной связи брата с сестрой разрабатывался, в частности, в романе С. Мерсье «Дикарь». Однако новаторство Шатобриана состояло в том, что «беспредметность» охвативших Рене страстей принципиально отличала его от ориентированных на конечные цели прагматичных героев «неистовой литературы». В трактате «Гений христианства» Шатобриан нашел проникновенные слова для характеристики беспримерного состояния души своего лирического героя: «Пресыщенные жизнью, утраченные религией, они остались в свете, не веряясь ему, и стали добычей тысячи химер; тогда-то и возникла преступная меланхолия, порождаемая теми беспредметными страстями, что сжигают одинокие сердца» [8, с. 155].

Роман «Коринна, или Италия» (1807) был задуман Жерменой де Сталь как попытка эстетического выхода из лабиринта беспредметной меланхолии. Символическое имя героини отсылает к греческой

поэтессе, которая, по свидетельству Плутарха, наставляла в поэтическом искусстве Пиндара и даже побеждала его в состязаниях (Павсаний IX; 22, 3). Итальянка по матери и англичанка по отцу, «Новая Коринна» предпочитает жить в Италии, где находит признание ее огромный поэтический дар. В трактате «О Германии», в разделе, озаглавленном «О поэзии классической и романтической», мадам де Сталь выстроила парадигму ценностных корреляций, которые разрешали «спор романтиков с классиками» в пользу выбора не между классической и романтической литературой, а между подражательностью первой и самобытностью второй: язычество / христианство; Север / Юг; Античность / Средневековье; Римское право / рыцарская куртуазность; Англия, «любящая поэзию романтическую, рыцарскую» / Франция, «имеющая склонность к поэзии классической»; непосредственность древних / «беспокойная рефлексия» новых; событие, как предмет изображения в античной литературе / характер как объект пристального внимания литературы романтической.

Мадам де Сталь исследует перипетии разворачивающегося в душе Коринны конфликта между тоской по семейному счастью и потребностью в творческой самореализации. Любовь к Освальду, «мужчине ее жизни», пробуждает в ней страх впасть в зависимость от овладевшего ею чувства: «Коринна отнюдь не была ветреной, но она сознавала, что любовь к Освальду с каждым днем все больше ее порабощает, и вздумала попытаться ослабить силу этого ига».

Оужная чувственность борется в ней с нордической одухотворенностью, нежность к Освальду – с любовью к свободе. Порывистость ее натуры отвергает перспективу стать чопорной английской леди, хозяйкой светского салона: «Только в семейной жизни можно быть счастливой, дыша одною лишь привязанностью. Я же должна развивать мои способности, мой ум и фантазию, чтобы поддерживать то положение в обществе, которое я избрала себе, а любить так, как я люблю вас, это значит страдать и очень сильно страдать». Нерешительность, которой она отвечает на предложение Освальда выйти за него замуж, – не до конца осознаваемая ею попытка продлить состояние неопределенности, удерживающей в виртуальном единстве непримиримые варианты ее судьбы – женской и поэтической.

Между тем обстоятельства заставляют Освальда вернуться к своим обязанностям гвардейского офицера, лорда и пэра Англии и, во исполнение последней воли покойного отца, жениться на Сесиль.

Коринна тайно следует за ним, с несказанной мукой наблюдает сквозь разноцветные витражи собора за красочным обрядом венчания. Зрелище счастья, которое могло бы быть ее счастьем, но от которого она отреклась во имя права свободно распоряжаться собой, ввергает ее в невыразимое отчаяние. Убитая горем, она возвращается в опустыленную ей Италию, где, сломленная тоской, умирает от горячки.

Размышления над амбивалентностью витальной энергии приводят Коринну к разочарованию в достоинствах романтического *энтузиазма*: «Иногда я смотрю на себя со стороны, и мне становится жаль себя. Я была остроумна, правдива, добра, великодушна, чувствительна; почему же все это послужило лишь ко злу? Неужто люди и вправду так дурны? и высокие душевные качества вместо того, чтобы придавать нам силу, губят нас».

В трактате «О влиянии страстей на счастье отдельных людей и народов» (1796) писательница констатировала, что страсти, возвышающие творческую индивидуальность над растительным существованием, нередко становятся причиной ужасных несчастий. Судьбы страстных натур, как правило, трагичны.

На инверсию божественного дара в демоническое проклятие обратил внимание Бенжамен Констан в статье, посвященной разбору романа мадам де Сталь «Коринна»: «Нет произведения, которое с большей ясностью подтверждало бы ту важную истину, что чем больше у человека блестящих способностей, тем лучше надо уметь ими управлять; что когда такие широкие паруса подставляют буйным ветрам, нельзя держать хрупкий руль дрожащей рукой; что чем многочисленнее, ярче и разнообразнее природные задатки, тем осторожнее и сдержаннее должно вести себя в обществе; что борьба мятежного гения с глухим и суровым светом – борьба не равная и что, дабы избежать несчастия, глубоко чувствующим душам, гордым и впечатлительным натурам, пылкому воображению, разностороннему уму необходимы три умения: умение жить в одиночестве, умение страдать и умение презирать» [6, с. 251–252].

Судьба Коринны поведала о *невозможности выбора* между взаимоисключающими требованиями творчества и жизни. Образ героини, с одной стороны, воплотил романтический идеал гениальной личности, а с другой, – проиллюстрировал трагедию высокого художника, изгоняемого из царства идеальной свободы в мир материальной необходимости.

Сказочная новелла Людвига Тика «Белокурый Экберт» (1796) повествует о этапах и трагических последствиях перехода души из детского бытия во взрослое существование.

Сорокалетний рыцарь по прозвищу Белокурый Экберт уединенно живет в замке, в одном из отдаленных уголков Гарца, со своей женой Бертой. Общество супругов скрашивает друг Экберта, Филипп Вальтер, которому однажды, туманным осенним вечером у пылающего камина, Берта поведала о таинственной предыстории своей жизни.

Родившись в семье нищего пастуха, Берта страстно мечтала разбогатеть, чтобы осчастливить своих раздавленных нуждой и непосильным трудом родителей. Когда девочке минуло восемь лет, она, гонимая чувством собственной *бесполезности*, покинула родной дом и, преодолевая страх, вступила в мир роковых испытаний. В горах у водопада ей повстречалась таинственная старуха, которая провела ее через большой красивый луг и лесную чащу к своей хижине, где позволила жить, наслаждаясь райским уединением.

Райское уединение символизирует возможность слияния социального «я» индивида с догреховным наивным бытием: «Все кругом было облитое нежнейшим пурпуром и золотом, вершины деревьев пылали в вечернем зареве, и на полях лежало восхитительное сияние, леса и ветви деревьев колыхались, ясное небо подобно было отверстому раю, и в ясной тиши нежно и печально звучали колокола далеких деревень». Этот эпизод полемически направлен против традиции немецкого воспитательного романа: вечный рай бытия, любовно принимающий человека таким, каков он *есть*, Л. Тик противопоставляет требовательному социальному миру, понуждающему всех непременно кем-то *стать*. Волшебная птица в блестящей клетке воспекает преимущества модуса бытия перед модусом обладания:

Уединенье –
мне наслажденье.
Сегодня, завтра,
Всегда одно. Мне наслажденье –
Уединенье.

Сила роста изгнала Берту из рая бытия и, согласно общему закону, ввергла в ад социальности: «Мне минуло четырнадцать лет, и какое это несчастье для человека, что он, приобретая рассудок, теряет вместе с тем невинность души. Мне стало ясно, что только от меня

зависит в отсутствие старухи унести и птицу ее, и драгоценности и отправиться на поиски иного мира, о котором я читала. И тогда я, быть может, смогу найти того прекрасного рыцаря, который не выходил у меня из головы».

Воспользовавшись длительным отсутствием колдуньи, Берта привязала к крыльцу брехливую собачонку, взяла клетку с птицей, другой рукой обхватила сосуд с самоцветами и «пошла в противоположную сторону» – в заветный социальный мир: «Чем далее я шла, тем слабее становился лай собаки, и наконец он совсем замолк. Я плакала и чуть было не возвратилась, но жажда новизны влекла меня вперед».

Новизна явилась перед девочкой в образе истории, разрушительной изменчивости к худшему – «бытием к смерти» (Хайдеггер). Отыскав родную деревню и дом, она обнаружила в нем чужих людей, которые сообщили ей о смерти ее родителей. Сняв в городе по соседству небольшой дом с садом, Берта поселилась в нем со служанкой, забывая понемногу о старухе и о рае бытия, о котором ей напоминала время от времени своим пением птица.

Вальтер, внимая этой истории, неожиданно обнаружил поразительную осведомленность в ее деталях, припомнив даже кличку собачонки – Штромиан. Заподозривший неладное Экберт испугался Вальтера и смертельно ранил его на охоте стрелой из лука. Берта, не пережив этой утраты, умерла от горячки.

В свете романтического мистицизма гибель детской души Берты была предопределена пробудившемся в ней императивом полезности, разрушившим природную «целесообразность без цели».

Очутившись в полном одиночестве, Экберт зачастил в соседний город, где сблизился с молодым рыцарем Гуго фон Вольфсбергом. Как-то раз, в порыве тоскливой откровенности, Экберт поведал ему свою горестную повесть, желая, по-видимому, снять часть груза со своей исстрадавшейся души. Но вышло еще хуже: ему почудилось, что в лице Гуго он различает черты убитого им Вальтера.

Покинув замок, Экберт пустился в странствия и случайно набрел на те самые места, где много лет назад его покойной жене повстречалась зловещая старуха. Из ее уст он услышал разгадку своей жизни: «Принесли ты мою птицу? Мой жемчуг? Мою собаку? – закричала она ему навстречу. – Смотри же, как преступление влечет за собой наказание: это я, а не кто другой была твоим другом Вальтером, твоим Гуго».

Развязка раскрывает и эзотерический смысл старухино выражения – «уклоняться от прямого пути»: «А зачем она так вероломно покинула меня? Все кончилось бы хорошо; конец ее испытаниям приближался. Она была дочерью рыцаря, отдавшего ее на воспитание пастуху, – дочерью твоего отца». Данное старухой разъяснение предполагает возможность гармонии бытия и сознания, достижимой в эволюции от инстинктивного «бытия в себе» к ответственному «бытию для себя».

Просветительский утилитаризм стал главной мишенью романтической критики. В пятом акте комедии Л. Тика «Принц Цербино» (1799) комнатная мебель вдруг принялась рассуждать о том, насколько она теперь полезнее в качестве шкафов, столов и стульев, по сравнению со своим недавним бесцельным ростом в лесу рядом с другими деревьями. «Если мебель, – комментирует эту сцену Н. Я. Берковский, – на все голоса заверяет нас, как она счастлива работать на людей, то отсюда видна степень унижения, до которого довели независимую живую природу» [3, с. 83].

Немецкий романтизм интерпретировал шеллингианское учение об абсолюте как эзотерическое откровение о всевластии денег, этой, по выражению К. Маркса, «отчужденной мощи человечества». В контексте романтических сюжетов «продажа души дьяволу» означала неравноценный обмен модуса бытия на модус обладания. Бытие, определяемое предикатом потребительной стоимости, реально и достоверно; оно способно отбрасывать тень, как Петер Шлемиль до продажи своей души дьяволу в повести А. фон Шамиссо «Удивительная история Петера Шлемиля» (1814), тогда как предикатом социально-мифологического небытия выступает метафизическая абстракция меновой стоимости.

Иллюстрацией непознаваемой кантовской «вещи в себе», разрушающей законосообразность сознания и бытия, выступает мистическая повесть-сказка Э. Т. А. Гофмана «Крошка Цахес по прозванию Циннобер» (1819). Ее персонажи подразделяются на две группы соответственно способам постижения видимости и сущности.

Эмпирики «феноменологически» воспринимают действительное уродство Циннобера: «Голова его глубоко ушла в плечи, на месте спины торчал нарост, похожий на тыкву, а сразу от груди шли ножки, тонкие, как прутья орешника, так что весь он напоминал раздвоенную

редьку». Не искаженным видением недомерка наделена многострадальная мать Цахеса, бедная крестьянка фрау Лиза, восторженный студент Бальтазар и его друг, реалистически мыслящий Фабиан.

Трансценденталисты заворожены «ноуменальными» достоинствами Цахеса, высоко оцененными пастором, принявшим смышленного красавчика к себе на воспитание, а также всеми обывателями Керепеса: «Тот, кто прибыл на этой лошади, правда, маловат ростом, однако хорошо сложен, приятен лицом, и у него самые прекрасные выующиеся волосы, какие только бывают на свете». На взгляд преподавателя естествознания, профессора Моша Терпина, Цахес – «юноша, одаренный редчайшими способностями».

Как художественный образ Цахес являет собой романтическую реинкарнацию альрауна – низшего фольклорного духа. В повести Ахима фон Арнима «Изабелла Египетская, первая любовь императора Карла V» (1812) альраун, выращенный героиней из корня мандрагоры, действует как «денежный человечек», нечистый дух, ищущий клады для пополнения имперской казны.

Оскорбительное для эстетического чувства уродство Цахеса *переносится* на достойных людей, положительные качества которых, напротив, *приписываются* альрауну. Так, желая помочь подняться позорно свалившемуся с лошади Цахесу, Бальтазар случайно коснулся его головы. За исторгнутый уродцем кошачий визг все, в том числе и прекрасная Кандида, принялись укорять Бальзазара: «Каких бед натворили вы, господин Бальтазар, своим мерзким пронзительным мяуканьем», – обрушилась на него разгневанная красавица.

Вот Бальтазар написал аллегорическую поэму о любви соловья к розе и с воодушевлением прочитал ее, однако восхваления и почести достались Цинноберу: «Какое творение! Сколько мысли! Сколько фантазии! Какие стихи! Какое благозвучие! Благодарим, благодарим, любезный господин Циннобер, за божественное наслаждение!». Кандида с пылающим от волнения лицом встала на колени и наградила уродца поцелуем «прямо в синие губы». Постепенно тенденция предпочтения, оказываемого «ноуменальности» Циннобера в ущерб его «феноменальности», стала захватывать воображение всех обывателей Керепеса, так что даже здравомыслящий Фабиан подпал под воздействие колдовских чар оборотня. Ему тоже стало казаться, что Циннобер не так уж и уродлив, а его стихи и в самом деле превосходны.

Так художественными средствами Гофман интерпретирует антиномии Канта: ноуменальным предстает в буржуазную эпоху денежное могущество, а феноменальной – аберрация человеческого восприятия.

Ноуменальная мизантропия меновой стоимости лишает средств к существованию гениального английского поэта Томаса Чаттертона, героя одноименной драмы Альфреда де Виньи (1835). «Твоя душа гложет тело, – разясняет Квакер Чаттертону его положение художника-интроверта. – Постоянные мечтания убили в тебе способность к действию». Отчаянная попытка юного поэта вырваться из нищеты, обратившись за помощью к лорду Бэкфорду, оборачивается его последним унижением. Отвергая творческое предназначение юноши, Бэкфорд предлагает ему место старшего камердинера: «Ваша история – это история тысяч молодых людей. Вы оказались ни на что не способным, кроме как писать эти проклятые стихи, а кому они нужны, я вас спрашиваю? Настоящий англичанин должен быть полезен своей стране». В ответ на это оскорбление Чаттертон сжигает рукопись и принимает яд.

От интроверсии к двойничеству

Судьба демонического героя обрекает его на тяжелый агиографический кризис, разрешающийся преодолением социально-мифологических наваждений. Но нравственное перерождение может и не состояться. Герою поэмы Лермонтова «Демон» (1829–1839) отказано в нравственном перерождении самой логикой протекающих в нем психических процессов. Однажды выбрав в себе человеконенавистническую ипостась, он настолько сжился с ней, что даже любовь к грузинской княжне Тамаре не смогла возвратить его в Божий мир. И хотя он страстно молит красавицу откликнуться на пробудившееся в нем человеческое чувство, его усилия завоевать ее сердце по-прежнему несут на себе печать ложных представлений о всесиили земного могущества. Демон обещает сложить к ее ногам все столь ценимые смертными сокровища:

Я опущусь на дно морское,
Я полечу за облака,
Я дам тебе всё, всё земное –
Люби меня!..

Отождествившему себя со вселенским злом Демону не суждено нравственное перерождение. Предшествовавшее грехопадению раздвоение его личности разрешилось безоговорочным выбором «отрицанья». Тамара, очарованная гордой и величественной красотой искусителя, готова откликнуться на его властный призыв, но ее убивает источаемый «духом изгнания» смертоносный яд. Демон хотел бы не расставаться с ней и в своем аду, но ангел добра опережает его и возносит спасенную душу Тамары на небеса.

Двойничество подготавливается дифференциацией двух функций романтической души – лирической и демонической. Двоемирие получает наглядное воплощение в герое романа Ш. Нодье «Жан Сбогар» (1818). В нем нет еще той болезненной диссоциации, последствия которой изображаются в романе Э.Т.А. Гофмана «Эликсиры сатаны» (1815–1816), в повестях и рассказах Жерара де Нерваля «Король из Бисетра» (1839), «История халифа Хакима» (1849) и «Аврелия, или Мечта и Жизнь» (1854), в повести Ги де Мопассана «Орля» (1887), в «Странной истории доктора Джекила и мистера Хайда» (1886) Роберта Луиса Стивенсона, но тем нагляднее проступают *этапы* дифференциации автономных психических комплексов, конфликт которых интенсифицирует душевные переживания.

«Благородный разбойник» Жан Сбогар и рефлектирующий аристократ Лотарио – одно лицо, распавшееся не только для окружающих, но и для сознания самого героя. Он одинаково успешно чувствует себя как в роли благородного разбойника (шиллеровский тип), так и страдающего юноши (вертерианский тип). Он – первый из раннеромантических героев-двойников, живущих одновременно двумя жизнями. Его образ интегрирует две традиции европейского романтизма: революционно-байроническую и консервативно-лирическую. С одной стороны, он аристократ Лотарио, влюбленный в хрупкую и болезненную Антонию, с другой – главарь преступной банды, которая сообразно своим представлениям о социальной справедливости огнем и мечом вершит разбойничье правосудие. Любовь превращает его в рефлектирующего интроверта, неприятие вселенского зла обрекает на роль разбойника. Но вот люди его шайки случайно, и в этой случайности проявляется закономерность преступного экспансионизма, убивают госпожу Альберти, сестру Антонию, помутившийся разум которой не в состоянии объяснить логику гротескной метаморфозы ее возлюбленного. Давно

призываемая гибель настигает и самого Сбогара, арестованного французскими войсками. Противоречие вырастает до антагонистического: борьба за общественное благо благородна и справедлива, но, посягая на сложившийся порядок вещей, принимает преступные формы: «Будучи решительными врагами общества, люди эти открыто стремились к разрушению всех существующих установлений. На словах они сулили свободу и счастье, но путь их сопровождался пожарами, грабежами и убийствами. Дым пожарищ в десяти сожженных деревнях возвещал о наводящем ужас приближении “братьев общего блага”».

Разочарование, сопровождающее «благородный» разбой Жана Сбогара, Карла Моора, графа Лары, Дубровского и других героев «революционного романтизма», – результат односторонности избираемых ими способов сопротивления. Радикальный реформатор, пытающийся реализовать ограниченную модель своего сознания в куда более сложно организованном миропорядке, обрекает на гибель и себя, и тех, кого он намеревался облагодетельствовать.

«Эликсиры сатаны» (1815–1816) Э. Т. А. Гофмана – роман о социально-психологическом конфликте, разрешившемся раздвоением личности брата Медарда. Его духовная и телесная ипостаси вступили в борьбу на взаимное уничтожение. Этически нейтральная жизненная энергия с равным безразличием насыщала и религиозное воодушевление, и дьявольскую гордыню талантливого проповедника. В таких понятиях осмысляет аббат Леонард, настоятель картезианского монастыря, генезис этико-эстетического дуализма своего воспитанника: «Я знаю, что ты в настоящую минуту несешь на себе последствия нашего порочного зачатия; оно открывает нам при каждом могущественном порыве в высь духовной нашей силы врата адовы, в которые, при необдуманном полете мы легко ввергаемся».

Сцилла добродетели и Харибда греха – два полюса, между которыми раздвоенному герою приходится прокладывать свой жизненный путь. Все встречающиеся ему предметы, люди и события отмечены этой двойственностью. Даже эликсир, которым дьявол искушал по преданию святого Антония, оборачивается то символом «таинственного сродства духа Медарда с силой природы», то обыкновенным сиракузским вином.

Раздваивается и анима героя, проецирующаяся и на его дневную музу Аврелию, и на ночную музу Ефимию – чувственную ипостась

плотских вожделений. И сам Медард распадается в труде интроспекции на преступного графа Викторина и на одухотворенного праведника, до которого ему суждено дорасти после чудесного избавления от нависшей над ним катастрофы. Настоятель Леонард, внимательно выслушавший историю его душевных мытарств, умозаключает в традиции немецкого мистицизма: «Всемогущество Божие проявляется именно в том, что нравственные принципы добра обусловлены в природе злом».

Судьба брата Медарда предстала литературной иллюстрацией учения гностицизма: утверждение ответственного добра невозможно без трудоемкого познания зла.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Балани С.* О чувстве, рассмотренном в его соотношении с литературой и изящными искусствами // *Эстетика раннего французского романтизма*. – М. : Искусство, 1982. – С. 33–70.
2. *Берк Э.* Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного. – М. : Искусство, 1979. – 237 с.
3. *Берковский Н. Я.* Романтизм в Германии. – Л. : Художественная литература, 1973. – 568 с.
4. *Вакенродер и Людвиг Тик.* Фрагменты // *Литературная теория немецкого романтизма*. – Л. : Издательство писателей в Ленинграде, 1934. – С. 149–152.
5. *Жан Поль.* Приготовительная школа эстетики. – М. : Искусство, 1981. – 448 с.
6. *Констан Б.* Статьи о литературе и политике // *Эстетика раннего французского романтизма*. – М. : Искусство, 1982. – С. 248–280.
7. *Лосев А. Ф.* Эстетика Возрождения. – М. : Мысль, 1978. – 623 с.
8. *Шатобриан Ф. Р.* Гений христианства // *Эстетика раннего французского романтизма*. – М. : Искусство, 1982. – С. 94–220.
9. *Шелли П. Б.* Защита поэзии // *Литературные манифесты западноевропейских романтиков*. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. – С. 325–348.
10. *Шеллинг Ф. В.* О Данте в философском отношении // *Философия искусства*. – М. : Мысль, 1966. – С. 445–456.
11. *Шеллинг Ф. В.* Философия искусства. – М. : Мысль, 1966. – 496 с.
12. *Шеллинг Ф. В.* Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах // *Соч. : в 2 т.* – М. : Мысль, 1989. – Т. 2. – С. 86–158.
13. *Шеллинг Ф. В.* Система трансцендентального идеализма // *Соч. : в 2 т.* – М. : Мысль, 1987. – Т. 1. – С. 227–489.

14. *Constant B.* De la Religion, considérée dans sa source, ses formes et ses développements : en 5 vols. – Vol. 1. – Paris, 1824. – P. XIII – 422 p.
15. *Gautier Th.* L'Histoire du romantisme : suivi de notices romantiques, et d'une étude sur la poésie française, 1830–1868. – Paris : Charpentier 1874. – 401 p.
16. *Stael Madame de.* De L'Allemagne : en 2 vols. – Paris : Flammarion, 1908. – Vol. 2. – 356 p.

Г. Н. Иванова-Лукьянова

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка и теории словесности МГЛУ;
e-mail: ivluk@inbox.ru

ЭНЕРГЕМЫ СЛОВА В УЧЕНИИ А. Ф. ЛОСЕВА

Статья основана на анализе труда великого русского философа А. Ф. Лосева «Философия имени», которая спустя десятилетия непонимания, отчуждения, вражды воспринимается сегодня как бесценный дар для будущих поколений лингвистов. Лингвистика в понимании А. Ф. Лосева неотделима от эстетики. Принцип эстетического заключен в соотношении смысловой и несмысловой сфер любого искусства. Каждое слово как продукт художественной формы несет в себе энергию, которую ученый назвал энергемой. Описанные здесь четыре энергемы соответствуют различным этапам восприятия слова: ощущению, раздражению, мышлению и пониманию идеи. Благодаря энергемам раскрываются тайны каждого слова и проясняется их глубокий смысл.

Ключевые слова: энергема; физическая энергема; органическая энергема; ноэтическая энергема.

G. N. Ivanova-Lukyanova

Advanced Doctor (Philology), Professor,
Professor of Department of Russian language
and Philology theory, MSLU; e-mail: ivluk@inbox.ru

ENERGEMA WORDS IN THE TEACHINGS OF A. F. LOSEV

The article is based on the analysis of the work of the great Russian philosopher A. F. Losev's "Philosophy of name", which, after passing through decades of misunderstanding, alienation, animosity, is seen today as a priceless gift for future generations of linguists. Linguistics in the understanding of A. F. Losev is inseparable from aesthetics. The aesthetic principle is enclosed in the correlation of semantic and meaningless areas of any art. Each word was a product of the art form carries energy, which the scientist called energema. Described here are four energema correspond to different stages of perception of speech: the sensation of irritation, thinking, and understanding ideas. Thanks energema reveals the secrets of each word is clear and its deep meaning.

Key words: energema; physical energema; organic energema; noetic energema.

«Философия имени» А. Ф. Лосева, вышедшая в 1927 г., является одной из основополагающих работ по лингвистике. В ней ученый постоянно говорит о тайне, заключенной в слове («имя» и «слово»

даются в синонимичном употреблении): «Тайна слова в том и заключается, что оно орудие общения с предметами и арена интимной и сознательной встречи с их внутренней жизнью» [1, с. 642].

Постижение этой тайны связано прежде всего с пониманием центрального момента слова – его корня, или *этимона*, по определению Лосева. Этимон – «это та элементарная звуковая группа, которая наделена уже определенным значением, выходящим за пределы звукового значения как такового. Этимон – начало и действительно “корень”, если хотите. Но жизнь слова только тогда и совершается, когда этот этимон начинает варьировать в своих значениях, приобретая все новые и новые как фонематические, так и семантические формы. Одним из ближайших орудий для жизненной вариации значения этимона является *морфема*, или *морфематический момент* в слове. Этимон перестает быть неподвижным в своем значении, он начинает принимать участие в жизни» [1, с. 633]. Действительно, какое разнообразие жизненных ситуаций возникает в сознании от одного только варьирования префиксов, присоединенных к одному корню: *поддержать* – *содержать* – *задержать* – *удержать* – *придержать* – *сдержать*.

«Еще более оживляется слово и становится еще более самым собою, когда начинает привходить момент *связанности одного слова с другим*. Слово усложняется, насыщается массой новых жизненных оттенков, приобретает ту жизненность, ради которой оно и существует на свете» [там же].

Из этих трех жизненных моментов слова – корня, наполненности слова морфемами и связанности его с другими словами – особая роль отводится этимону, который А. Ф. Лосев называет «зародышем слова» и который прорастает в любом слове, в каком бы морфемном окружении он ни оказался. Он несет в себе первоначальную энергию, полученную им при рождении слова, и не теряет ее в течение своей жизни.

Не эту ли тайну слова имел в виду Алексей Федорович? Да и можно ли раскрыть тайну, если даже сама внутренняя форма этого слова говорит об обратном? Ведь загадку можно разгадать (*загадка* – *догадка* – *разгадка*), а тайну нет, ибо нет такого морфемного преобразования этого корня, которое соответствовало бы понятию раскрытия тайны.

Но тайна обладает большой притягательной силой. Наверное, нет такого человека, который не задавался бы вопросами происхождения слов и игрой значений однокоренных слов. Например, корень *-рок-* от

ректи произвел слова: *рок, урок, срок, отрок, роковой, урочный час*, в каждом из которых заложена мысль о речевой заданности; к этому же ряду однокоренных слов относится и *речь*, и даже, может быть, *река* и *речка*, хотя в двух последних словах усмотреть действие этимона весьма непросто. И тогда вспоминаются слова Лосева-учителя, который говорил в таких случаях: «Ищите, случайных совпадений не бывает».

Значит, может быть, есть и этимологическая связь между словами *лететь* и *лето*, ведь не зря говорят: *лето пролетело*. В этимологическом словаре сказано, что происхождение слова *лето* не выяснено, и здесь подсказка А. Ф. Лосева оказывается как раз кстати. Действительно, почему *лето летит*, а *зима стоит*? Не потому ли, что наше лето так коротко? Ведь в жарких странах *лето не летит*, а именно *стоит*: итал. *Le stato* по древнейшей связи с глаголом *стоять*. Так и в нашем языке об изнурительном лете говорят: *жара стоит*.

О том, как прорастает «зародыш» слова – этимон, можно проследить на следующем примере. Возьмем два похожих корня: *рад* и *раз* / *раж*. От первого происходят слова: *радость, радуга, радушие* от второго – *разить, входить в раж, сражение, поражение*; от первого идет энергия радости, от второго – разрушение. Эта энергия пробивается даже в таких словах, где она глубоко запрятана под слоем морфем и, казалось бы, должна обозначать совсем иное понятие, например: *он был поражен ее голосом, поразительно прекрасная музыка*. Но даже и в этих словах энергия разрушения проходит сквозь обманную оболочку преобразованного корня.

Энергию, заключенную в слове, А. Ф. Лосев назвал *энергемой*. Он описал различные энергемы, которые соответствуют этапам восприятия слова – четырем «восходящим этапам диалектики имени». Это: 1) ощущение; 2) раздражение, или образное представление; 3) мышление и 4) сверхумное мышление, экстаз. Ученый пишет: «Вышеупомянутые моменты выведены строго диалектически, и в этом их огромное преимущество» [1, с. 750].

На этапе ощущения в слове воплощается *физическая энергема*, на этапе раздражения – *органическая энергема*, на этапе мышления – *нотическая энергема*. «Все эти энергемы, – пишет А. Ф. Лосев, – суть моменты и проявления первосущности, в которой они – абсолютно едины» [1, с. 677].

«Человеческое слово, как и человеческий субъект, есть результат всех энергем, которые только мыслимы. Это – та удивительная вещь, которую только теперь мы можем оценить во всей ее глубине» [там же, с. 747].

Понимание предметной сущности вещи идет от восприятия фоновы к пониманию идеи слова: «слово, имя вещи, взятые как идея, суть выражение и понимание вещи» [там же, с. 651]. «Стоит только произнести хоть одно осмысленное слово, как уже все энергемы сразу и целиком появились у произносящего и в произносимом» [там же, с. 749].

«Так воздвигается величественное здание диалектики, принципиально отождествляющей знание и бытие – в отличие от множества метафизических систем, спорящих о взаимном влиянии “сознания” и “бытия”. Они не *влияют* друг на друга, но они – изначально *тождественны*» [там же, с. 651].

Физическая энергема «создает физическую оболочку слова, значащую далеко не то, что она есть сама по себе. Тут она именно оболочка и покров всех таинственных глубин слова. Так и человеческое тело не просто физическая вещь, но орудие выражения неисповедимых тайн вечности. Тело и лицо человека – не физический факт, но зеркало всего бытия, откровение и выражение всех тайн, которые только возможны» [там же, с. 747–748].

«Слово есть ... некоторый легкий и невидимый организм, наделенный магической силой что-то особенное значить, в какие-то особые глубины проникать и невидимо творить великие события. Эти не-весомые и невидимые для непосредственного ощущения организмы летают почти мгновенно; для них (с точки зрения непосредственного восприятия) как бы совсем не существует пространства. Они пробиваются в глубины нашего мозга, производят там небывалые реакции, и уже по одному этому есть что-то магическое в природе слова, даже если брать его со стороны только физической энергемы» [1, с. 659].

Именно здесь, на этапе физической энергемы, и совершается рождение тайны слова. Звуки, из которых состоит слово, образуют такое смысловое единство, которое не тождественно количеству входящих в него звуков. И сам автор словно недоумевает, «как из отдельных звуковых значений появляется значение предмета, не имеющее ничего общего со звуковыми значениями отдельных элементов?» [1, с. 632].

Важно заметить, что уже в 1927 г. ученый высказал мнение, которое постоянно опровергалось и опровергается даже сегодня, что звуки сами по себе нечто обозначают.

На ощущение звуковой формы слова человек реагирует раздражением. Возникает энергия раздражения, и слово обретает **органическую энергему**. «Раздражается физическое ухо, а в сознании происходит таинство общения с миром звуков. Раздражается физический глаз, а в сознании творится видение мира и себя в мире. Органическая энергема в слове есть выразитель всех смысловых тайн слова вообще» [1, с. 748]. Органическая энергема возникает, таким образом, благодаря раздражению всех органов восприятия, в результате чего создается образ «вещи» в его чувственных ощущениях: зрительных, слуховых, обонятельных, осязательных, вкусовых. Именно так мы и воспринимаем «вещи», названные их именами и данные нам в ощущениях. Так, мы чувствуем влажную упругость кисти *сирени*, запах и цвет *черемухи*, а также всю полноту нашего знания об этих растениях.

А вот перед нами два слова – *смородина* и *сморд*. В. И. Даль утверждает, что у них один корень, что *смородина* «от душливого запаха ее» произошла от *сморда* [2, с. 103]. Но какие ощущения дает нам органическая энергема этих слов? Совсем не тождественные, ведь запах смородины вовсе не зловонный, и наши органы чувств передают разный характер раздражения: от приятного ощущения к неприятному. Разрыв этимологической связи между этими словами подтверждается еще и тем, что старославянским словам *сморд*, *смордний* нет полногласного эквивалента в древнерусском языке типа *смород*, там есть глагол *смердети* [3, с. 180]. В большинстве славянских языков тоже нет слова *смородина* с полногласным корнем; правда, народное название смородины в чешском языке – «смирадинка, смрадина», и оно как будто бы подтверждает этимологическую связь этих слов. Но это только единственный пример. Другой пример, напротив, подтверждает отсутствие этимологической связи слов *сморд* – *смородина*; он пришел от древнего названия маленькой речки на Юго-Западе Москвы – *Самородинка*. Если призвать на помощь органическую энергему, то она подтвердит одинаковость физических ощущений при восприятии слов *смородина* – *самородинка*. Оба слова несут с собой ощущение свежести, дикой природы, родины. Так органическая энергема может внести поправки в решение спорных вопросов происхождения слов.

Далее «ощущение переходит в восприятие, восприятие в образ, и образ – в мысль» [1, с. 748].

Возьмем, к примеру, немецкое слово *Berg*. Этот корень входит в слово *айсберг* и некоторые собственные имена: Кенигсберг, Вайнберг, Берггольц и др. Во всех этих словах восприятие их звуковой оболочки рисует образ горы, и одновременно идея горы соединяется с идеей других корневых морфем, входящих в эти слова, – создаются понятия ледяной горы, королевской горы, винной горы и т. д. Но русское языковое сознание извлекает из своей памяти и слова *берег* – *брег*. И тогда эта связь рождает мысль не просто о берегу реки, а о крутом, гористом берегу. Не случайно в деревнях сохранилось «идти горою», что значит: идти гористым берегом. Однако такие связи продиктованы чувством языка, которое формируется знанием его законов. Без такого знания возникают примеры народной этимологии, как например, в детской речи: ребенку предлагают пробежать по росе, а он говорит: «Мы что, поросята?».

«Природа имени, стало быть, магична». Именем мы и называем энергию сущности вещи, действующую и выражающуюся в какой-нибудь материи, хотя и не нуждающуюся в этой материи при своем самовыражении.

«Знать имя вещи значит быть в состоянии и в разуме приближаться к ней или удаляться от нее. Знать имя вещи значит уметь пользоваться вещью в том или ином смысле. Знать имя вещи значит быть в состоянии общаться и других приводить к общению с вещью» [там же, с. 763].

Попробуем проверить магию имени на грамматическом примере. В индоевропейских языках есть понятие активного и пассивного залога. Однако русская грамматика выбрала свой термин – «страдательный залог», и он неадекватен термину «пассивный». Своеобразие русского термина в его многозначности, а она выводится из тех смыслов, которые пришли от корней древнегреческого и латинского языков. От греческого *pahtos* со значением «страдание», «страсть» в русский язык вошли слова *пафос*, *пассив*, *патология*, а от латинского *passio* произошло соединение значений страдания и терпения. Такая многозначность явилась причиной большого количества значений возвратно-среднего залога, а также пристального внимания к контексту, в котором возникает подчас одно-единственное, неповторимое значение глагольной формы.

Есть даже такое слово, в котором все эти значения объединились, – «пациент». Для человека, не знакомого с древними корнями этого слова, пациент – это тот, кто обратился к врачу; для сведущего – это страдающий, терпящий, имеющий патологию, пассивный и немногopaфосный.

«Как вещь не мыслима без раздражения, а раздражение без ощущения, так ощущение не мыслимо без мысли. <...> Мышление есть результат **ноэтической энергемы**» [1, с. 664].

Ноэма – это общепринятое значение слова. А. Ф. Лосев пишет: «Античный термин *ноэма* я беру по примеру Гуссерля. Но в отличие от Гуссерля, у которого он обозначает смысловой коррелят предметности, ... у меня этот термин – диалектическое восхождение ноэмы к его пределу – к идее» [там же, с. 798].

Таким образом, понимание смысла слова проходит как бы слоями: от фонемы к семеме, затем к ноэме и, наконец, к идее. О том, как соотносятся эти понятия, читаем у А. Ф. Лосева: «Ноэма есть свет смысла, освещающий, то есть осмысляющий звуки и от значения звуков как таковых совершенно отличный. <...> Но теперь оказывается, что *самый смысловой свет*, превращающий звуки в слово, однородный в сравнении с разнообразием звуковых смыслов, входящих в фонему, *является сам по себе довольно сложной природы*; в нем сталкиваются два разнородных начала, результатом чего и является *семема* *hic et nunc* произнесенного слова. Однако и после исключения сематизма осталась – в ноэме – вне-субъективная и вне-индивидуальная стихия понимания, зависящая, однако, не только от предмета как такового. Мы же должны найти такой момент в слове, который бы исключал не только индивидуальную, но и всякую инаковость понимания и который бы говорил о полной адекватности понимания и понимаемого. В ноэме должна быть арена этой встречи адекватного понимания с адекватным понимаемым. Назовем эту арену полного формулирования смысла в слова *идеи*, считая, что этот слой – дальнейший за семемой вообще, символической и ноэматической, и дальнейший за самой ноэмой. Однако идея в слове становится понятной только в связи с ноэмой, и анализы обеих сфер существенно связаны один с другим» [там же, с. 644–645].

Попробуем разобраться в том, что такое *ноэма* и что такое *идея* слова. Если под ноэмой подразумевается общепринятый смысл слова, то под идеей, очевидно, следует понимать мысль, которая

соответствовала бы фазе сверх-умного мышления по поводу этого слова. Эту фазу (=этап, момент) А. Ф. Лосев развал *экстазом*. К сожалению, мы не располагаем примерами самого Алексея Федоровича, которые проливали бы свет на эти рассуждения, но мы хорошо помним ту свободу и легкость, которые были свойственны его рассуждениям и разговорам на наших аспирантских занятиях и которым он старался научить и нас. Воспользуемся его уроками.

Слово *дом* имеет общее понятие для всех говорящих по-русски – это и есть *ноэма*, она выражается даже в самом начертании буквы «Д», в котором можно различить основание и крышу, в отличие от других букв алфавита. Но основного понятия обиталища, жилища недостаточно, чтобы пользоваться этим словом для общения. И язык наделяет его множеством мыслей и знаний, накопленных поколениями и хранящихся в языковом сознании, – так слово обретает *идею*. А для говорящего раскрывается огромный, непостижимый мир, который несет в себе одно маленькое и великое слово.

А теперь обратимся к древнейшим русским корням, которые восходят к индоевропейскому праязыку. Русское слово *город*, происходящее от реставрированного индоевропейского корня **-gord-*, согласно формуле сравнительно-исторического метода в языкознании имеет такие соответствия в других языках: в восточнославянских языках – *gorod*, в южнославянских – *grad*, в западнославянских – *grod*, в языках романо-германской группы – *gard*. Значит, русское слово *город* мыслится как огороженное место, а в немецком языковом сознании *gorod* – *Stadt* – связывается с глаголом *стоять* – *steen*, а слово *Garten*, которое образовано от того же индоевропейского корня, обозначает не *город*, а *сад*, как в английском и французском языках, тогда как для русского *сад* – это место, где что-то посажено. Вспомним, как пушкинский Петр приказал заложить город, а не огородить место, чтобы *град стоял неколебимо* – совсем по-немецки. Так, идея «города» в разных языках исторически связывалась с действием людей по созданию городов, и поэтому ноэтическая энергема имени «город» неизбежно несет в себе это действие. От этого же древнейшего корня произошло и слово *гордый*, сохраняющее значение «огородившийся». Как показал С. Бурого, высказывание Ф. Достоевского «Смирись, гордый человек» обозначает: «Будь с людьми, огородившийся от людей» (из устных выступлений).

Другой корень **-molk-(melk)*: *молоко* – *млеко* – *мяко* (болг.) – *мелк* – *Milch* (нем.). В разговорном русском языке с недавнего времени стало употребляться слово *мелкий* для обозначения младшего в семье. Вообще слово *мелкий* обозначает «маленький, некрупный, неглубокий», восходит к корню *-mel-* (что и в *молоть*), поэтому для обозначения маленького ребенка это толкование не очень подходит, тем более что детей в школе или в детском саду так не называют; там другие определения: «маленький, младший». Поэтому напрашивается другая связь – со словом «молоко»: *мелкий* – *молочный*, у кого *молоко на губах не обсохло, молокосос*. Раньше о таких говорили: *мелочь пузатая* – и создавался образ ребенка, который уже бегают, но еще сосет молоко матери, а определение «пузатая» вполне соответствовало его внешнему виду.

Древние корни проявляют внутреннюю форму слов. Например, слово *палтус* своей звучащей формой, т. е. физической энергемой вызывает в сознании такой ряд: от древнего индоевропейского корня **-polt-* были образованы *рус.* полотно, *болг.* плат, *пол.* плот, *лит.* палтус. Теперь уже органическая энергема рисует образ рыбы, похожей на плот, платок, полотно. И, наконец, ноэтическая энергема связывает звучание слова и его образные представления с мыслью об имени вещи, которое и дает представление о самой вещи.

Имя *Балтика* восходит к индоевропейскому корню **-bolt-* и имеет такие соответствия: *рус.* болото, *ст.-слав.* блато, *пол.* блото, *лит.* балтас.

Немецкий глагол *warten* этимологически связан с русским словом *ворота* и старославянским *врата*, а в нашем сознании эти значения объединились и возник образ: «у ворот ждут».

Город *Нарва* имеет какой-то *нрав, норв, нерв*, а город *Варна* очертанием своего побережья напоминает крылья летящей *вороны* (*ворон – вран – врон – варн*).

Горох и *грош* – понимание историко-этимологической связи этих слов обогащает языковое сознание говорящих и уточняет их образные представления.

Уроки А. Ф. Лосева шли параллельно с уроками другого старейшего аспирантского учителя – Андрея Ивановича Павловича, на занятиях которого по «Сравнительной грамматике славянских языков» мы и постигали эти первейшие формулы сравнительно-исторического метода в языкознании.

Так в сознании начинающих ученых формировались связи истории и современности, философии и лингвистики, теории и практики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лосев А. Ф.* Бытие. Имя. Космос. – М. : Мысль ; Российский открытый университет, 1993. – 853 с.
2. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. – Т. 4. С–V. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 576 с.
3. *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. – Т. 2. – М. : Русский язык, 1994. – 560 с.

УДК 821.111

М. И. Крупенина

аспирант кафедры литературы МГЛУ;

e-mail: j.s.y.zero4@mail.ru

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ОБРАЗА ИНФАНТИЛЬНОЙ ЖЕНЩИНЫ КАК ОБЩЕПРИНЯТОЙ ФОРМЫ ЖЕНСТВЕННОСТИ В МЕНТАЛЬНОСТИ ВИКТОРИАНСКОЙ ЭПОХИ

В статье исследуется амбивалентность женского образа в викторианской литературной традиции. В викторианской литературе инфантилизм создает особое видение женщины и воспринимается как преимущество, нежели недостаток. Если мальчиков викторианской эпохи воспитывали в строгости, чтобы подготовить к ударам судьбы, то, согласно общепринятому викторианскому мировидению, девочки нуждались в защите и опеке.

Ключевые слова: инфантилизм; Ч. Диккенс; амбивалентность; викторианский роман; ментальность, Дэвид Копперфильд.

M. I. Krupenina

Postgraduate, the Department of Literature, MSLU;

e-mail: j.s.y.zero4@mail.ru

AMBIVALENCE OF THE IMAGE OF AN INFANTILE WOMAN AS A COMMON FEATURE OF FEMININITY IN THE MENTALITY OF THE VICTORIAN ERA

The article focuses on ambivalence of the image of an infantile woman in the Victorian literary tradition. Women's infantilism in Victorian literature creates a specific understanding of women and is perceived as an advantage rather than a disadvantage. While Victorian boys were brought up in severity, to be prepared for challenges of life, girls, according to the conventional Victorian vision of the world, were in need of protection and care.

Key words: infantilism; Ch. Dickens; ambivalence; Victorian novel; mentality; David Copperfield.

Самое знаменитое воплощение инфантильной женщины викторианского периода – литературный образ Доры в романе Ч. Диккенса *The Personal History of David Copperfield* [5]. Будучи центром безрассудной родительской опеки и любви, Дора не способна повзрослеть и совершенно не подготовлена к семейной жизни. Когда юный Дэвид впервые встречает ее, он говорит, что Дора подобна женщине-спектаклю, которая «поет очаровательные баллады на французском языке,

в сопровождении какого-то диковинного инструмента, напоминающего гитару»¹ (singing enchanted ballads in the French language accompanying herself on a glorified instrument resembling a guitar) [5, с. 361]. В том же романе тетя Дэвида, Бетси Тротвуд, называет его мать «милым ребенком» и, приветствуя ее, говорит:

Take off your cap child... and let me see you [там же, с. 4].

Снимите чепчик, дитя мое, позвольте мне взглянуть на вас.

Еще одним примером женского инфантилизма является образ миниатюрной мисс Маучер. Она кажется другу Дэвида Стрифорту «одним из семи чудес света» (*one of the seven wonders of the world*) [там же, с. 301] из-за своего по-детски маленького роста и совиной мудрости. Даже когда мисс Маучер говорит, что «человек с физическими недостатками не всегда должен непременно иметь и нравственные» (*not to associate bodily defects with mental*) [там же, с. 427], окружающие воспринимают ее лишь как «игрушку, которую можно выбросить, как только она надоест, и удивляются, когда видят, что она чувствует больше, чем картонная лошадка или деревянный солдатик» (*plaything ... a toy horse or a wooden soldier*) [там же, с. 424].

Из приведенных выше примеров становится очевидным, что окружающие даже и не подозревают о проявлении естественных чувств в таком крошечном существе, как мисс Маучер. Они видят в ней не больше, чем «большой зонтик, который, казалось, движется сам» (*great umbrella that appeared to be walking about of itself without the least appearance of having anybody underneath it*) [там же, с. 423–424].

Судьба инфантильных героинь в викторианских романах почти одинакова: сталкиваясь с жизненными трудностями, будучи неподготовленными к ударам судьбы, такие женщины с самого начала ведут жизнь, окутанную смертью. Их трагические судьбы в литературном дискурсе викторианской эпохи не столько выражают общепринятое видение образа женщины как ребенка, сколько служат цели вырастить инфантильных мужчин: неминуемая смерть инфантильных женщин в викторианской литературе позволяет мужчинам избавиться от налета детскости.

¹ Здесь и далее перевод наш. – М. К.

Согласно предисловию М. Ф. Дарби 1878 г. к книге «Девочка-жена» – сокращенной американской версии романа «Дэвид Копперфильд»:

The character of Dora in this little volume, although so lovable in its simplicity and childishness, teaches the great truth that a character so unformed, fails to satisfy the companion who has higher views of the duties and trials in life... We must unite a child-like spirit with a high purpose in life, or we shall fall for short of our desire to be useful, and to be best-loved [9, с. 72].

Образ Доры в этом маленьком сборнике, такой милой в своей простоте и инфантильности, учит нас великой истине, согласно которой столь несформированная личность как Дора не может соответствовать требованиям компаньона-мужчины с более возвышенными взглядами на семейные обязанности и жизненные испытания ... Необходимо объединить дух детскости с высокой жизненной целью, чтобы быть полезными и любимыми.

Из вышесказанного становится очевидно, что образ инфантильной женщины служит совсем иной цели в отличие от образа инфантильного мужчины. В XVIII в. появляется понимание того, что «синдром Питера Пена», нежелание взрослеть, представляет собой ностальгию мужчин по детству. И если на протяжении XIX в. такие инфантильные образы мужчин, как Поль Домби, Дик Балттиюд, Гарольд Скимпол Ч. Диккенса, Дракула и другие литературные герои с признаками атакизма, воспринимаются как чудачки или аномалия в развитии социума, то инфантилизм женщин викторианского периода является идеализированной и общепринятой формой женственности в ментальности тех времен.

Отметим, что в викторианскую эпоху широкая «популяризация инфантилизма» характерна не только для литературного женского образа, но и для образа мужчин. К. Робсон отмечает амбивалентность инфантилизма, свойственного именно мужчинам, которые либо намеренно ведут себя как дети, либо неосознанно впадают в инфантильное состояние: до 1850 гг. считалось, что невинный ребенок не может иметь ничего общего с преступным миром [10, с. 11]. Отрицательные образы Гарольда Скимпола, чудака Дика или доктора Стронга в романах Ч. Диккенса служат примерами таких героев.

Закономерно возникает вопрос, почему инфантильные женщины в отличие от подобных мужчин воспринимаются в обществе как нечто

само собой разумеющееся. Возможно, инфантилизм женщин служил средством поддержания образа сексуально-невинных, финансово-зависимых, безмерно-беспомощных вечных девочек, ибо мужское общество находило именно такой образ женщины желанным в сексуальном отношении. В то же время в литературных произведениях викторианского периода существуют примеры воинственных женщин, обладающих свойственной мужчинам стойкостью духа и независимостью. Однако образ инфантильных женщин в литературе XIX в. составляет огромный пласт. В романе Ч. Диккенса «Дэвид Коперфильд» герой находит Дору желанной именно в силу ее неспособности жить в браке, вести домашнее хозяйство, в конце концов, рожать детей. Известно, что в XIX столетии мальчиков и девочек не разделяли по гендерным особенностям: обучали вместе и облачали в одинаковую одежду, что доказывает, что лишь преодолев стадию женственности в своем развитии, мальчики становились мужчинами [1, с. 60–61]. Именно поэтому девочки представляли собой не только истинную сущность детства, но и возможность для взрослого мужчины воссоединиться с собственной некогда утраченной самостью – стадией женственности в мужском развитии. Если с преодолением женской стадии в мужском развитии мальчики выделяются на фоне взрослых мужчин, о чем свидетельствует пристальное внимание общества к их поступательному развитию, а также костюмам, то в отношении девочек такого разделения не происходило: с самого детства их одевали и воспитывали как взрослых женщин, что свидетельствует о том, что образ миниатюрной и инфантильной девочки представляет собой самый идеализированный объект мужского желания. Примерами поступательного развития мальчиков служат образы младшего Поля Домби из романа «Домби и сын», Дэвида Коперфильда Ч. Диккенса и др. Отлучение ребенка от матери, как правило, в семилетнем возрасте, начало школьного образования, одежда (штанишки) – конец детства для мальчиков. Не удивительно, что желание мужчин видеть в женщине инфантильного ребенка становится их своеобразным регрессом мужчин к детству.

Несмотря на общепринятый идеал женщины как весьма инфантильной особы литературные примеры брачных отношений с такими героинями неизбежно приводят к краху семейных уз. Брак с инфантильной женщиной для мужчины основан сугубо на ностальгии,

служит своего рода возвращением в вымышленное детство, которое представляет райскую идиллию по сравнению с суровой действительностью. Кроме того, такая регрессия не столько свидетельствует об изначальной инфантильности самого мужчины, сколько является недостижимым идеалом героя, поскольку в соответствии с культурными нормами эпохи предполагалось, что за мужчинами оставалась привилегия быть поборниками мира, труда, прогресса и мужества.

Такие противоречия в викторианской ментальности тесно связаны с пониманием романтической концепции детства, исходя из которой ребенок представлял собой духовно чистого и невинного ангела. Восприятие ребенка как священной сущности неминуемо привело к пониманию важности детства в жизни не только отдельного человека, но и человечества в целом. Идеализированным христианским домом и его жителями становятся «объекты идеализации и идолизации» (*objects of sentimentalization, bordering on worship*) [8, с. 86]. Со стремительным развитием индустрии кризис веры стал причиной того, что многие евангелисты отклонились от институциональной религии и нашли истоки божественного спасения в семье, особенно в детях, как центре семейного очага, ибо только ребенок был способен дать человечеству доступ к духовной чистоте и христианским добродетелям. Все же, несмотря на тот факт, что детство выносится на пьедестал человеческого поклонения, на более глубоком сознательном уровне, концепция невинного детства сталкивается с архаичным представлением о ребенке как о вместилище темных сил, так как согласно библейскому мифу об изгнании Адама из Рая, о чем свидетельствует Книга Бытия, именно в ребенке находится источник изначального греха, совершенного прародителями человечества. Тяга к изучению человеческой сущности привела к тому, что религиозные нарративы стали все более применимы к объяснению личностного роста человека: теперь, согласно Дж. Гиллису, присутствовала ли в жизни общества христианская вера или нет, Райский сад «перестал быть местом, а превратился в стадию жизни – детство» (*ceased to be a place, and became a stage of life, the time of childhood*) (цит. по: [7, с. 157]). Теперь именно взрослость воспринимается как грехопадение.

Возвращаясь к инфантилизации женщин как к культурной норме викторианской эпохи, отметим, что основным мотивом произведений, где фигурируют такие героини, становится столкновение

желания и отречения мужчин в отношении к таким женщинам. В статье Э. Л. Линтон *The Girl of the Period* (1868 г.) автор объясняет феномен инфантильности ранней потерей невинности девочками, что приводит к их ранней смерти (цит. по: [8, с. 73]). Именно ранняя смерть юных героинь становится сдерживающим фактором дальнейшего развития и, соответственно, взросления девушек.

Рассказы «Кому это на пользу, или история о Хлое Тендертен» Дж. Грэхэма [6] и «Дикая фиалка и резеда» Р. Вернона [11] подтверждают вышесказанное. Смерть главных героинь предотвращает их взросление. Как и в случае с Дорой Коперфильд, они не могут быть идеальными спутницами жизни в силу своей детской невинности. Мотив смерти, столь популярный в викторианской литературе, в значительной степени повышает романтическую притягательность инфантильных женщин для мужчин.

В отличие от романа Ч. Диккенса «Дэвид Копперфильд», в указанных рассказах заключаются неравные по возрасту браки. Хлое, главной героине рассказа Дж. Грэхэма, семнадцать лет, а ее опекуну и будущему мужу Джону Хоку – сорок. Даже после того, как они женятся, ее незрелость препятствует полноценной сексуальной жизни пары. И лишь когда она находится при смерти после столкновения поездов, его любовь обретает второе рождение. Овдовевший Джон женится на одной из подруг Хлои, но вскоре сам погибает в сражении. Перед смертью он просит своих товарищей похоронить его вместе с фотографией его умершей возлюбленной:

Yes, said he, with the joy of death in his eyes and flowing like moonlight over his face. Yes, we begin life anew – my girl and I [6, с. 69].

«Да», – сказал он с радостью смерти в глазах, проплывающий по его лицу словно лунный свет. – «Да, мы начнем жизнь с чистого листа – моя девочка и я».

Рассказ Р. Вернона рисует портрет семнадцатилетней Вайлет, которая, в отличие от своего мужа Евстаса Макгрейва, не интеллектуальна. После рождения двоих детей, он начинает ее презирать, в результате чего здоровье Вайлет резко ухудшается. Неудачный брак и незрелые чувства Евстаса заставляют героиню страдать, и вскоре она умирает, так как сердце ее разбито. Евстас женится на более интеллектуальной женщине, кузине Вайлет, когда, наконец, приходит к осознанию, что

именно из-за его презрения Вайлет, единственная женщина, которую он действительно любил, была столь несчастна.

Бинарную оппозицию *желание–отречение*, которая составляет главную суть рассказов, можно интерпретировать как проблему, суть которой сводится к сексуальной притягательности инфантильной женщины для мужчины. С одной стороны, источником мужского влечения к такой девушке является детская невинность, а в рассказе Р. Вернона даже ее подобие «домашнему животному» с «любящими щенячьими глазами, которые смотрели на него (Евстаса), довольствуясь самим понятием любви без ее истинного понимания. Инфантильная девушка рада простой возможности сидеть у его ног, испытывая счастье, заслужив ласку или легкое прикосновение руки» (*the loving dog-eyes that looked up at [Eustace], content to love without understanding; the girl-wife sitting at his feet and just happy there; how happy if a caress were yielded now and then, or if a hand were spared*) [11, с. 62]. С другой стороны, согласно Дж. Грэхэму, эмоциональная незрелость инфантильной жены представляет собой проблему. В образе Хлои «инфантильность является главенствующей характеристикой. Она прочитала много романов, и все ее чувства сконцентрировались на понятии романтической любви, выражающейся для нее в двух аспектах: послушании и повиновении» (*the child-side of this little child-woman came uppermost. She had read many novels, and had condensed the sentiments [on romantic love] contained in them into two, command and obedience*) [6, с. 61]. То же можно заметить и в образе Вайлет, имеющей «милые черты домашней кошечки, которые уже износились» (*pretty little petting ways that used to weary [Eustace]*) [11, с. 62] и не могут удовлетворить истинные желания ее мужа.

Джон и Евстас осознают, как прежде до них и Дэвид Копперфильд, что незрелость инфантильной женщины – не основа для брака. Тем не менее, женившись впоследствии на более опытных женщинах, они все же тоскуют по своим инфантильным женам, подарившим им возможность окунуться в детство. То, что в обоих случаях (вслед за повествовательной схемой романа «Дэвид Коперфильд») «замена жены» связана с дружбой и / или кровным родством жен и их подруг, наталкивает на мысль о том, что эти рассказы символичны и их следует анализировать именно исходя из данного аспекта. Столкновение поездов в случае с Хлоей или болезнь Вайлет – символ их ненормального

развития, инфантильности, где вышеуказанные обстоятельства свидетельствуют о том, что их привлекательность коренится в неспособности повзрослеть. Союз с более зрелыми женщинами, приводят героев к пониманию того, что такой брак не может осуществить их желания вернуться в детство. В результате они осознают никчемность своего бытия: Джон рассматривает смерть как прибежище для себя, а Евстас заикливается на прошлом.

...Оглядываясь на прошедшие годы, он сознает ошибки прошлых лет и понимает, что женщина соткана из нежности, которой мужчины не могут одарить своих жен. Угодливость и милость, слабость, даже некоторая глупость, присущая инфантильным женщинам, – вот, что он вспоминал, оглядываясь на ушедшие годы, которые уже не возвратишь никогда.

...looking into the years behind, remembering this as once his own; the tenderness which men cannot supply; the suppleness and sweetness, the weakness even, ay, even the somewhat of silliness, if it were so – these began to be tenderly recalled from the days that are no more [11, с. 62].

Мотив смерти, таким образом, символизирует невозможность счастливого брака с инфантильными женщинами и остается лишь догадываться об истинной готовности таких жен к сексуальной жизни.

Напротив, браки с развитыми не по годам девочками часто удачны, так как готовность к интимности является показателем зрелости. Романтические отношения мужчин с инфантильными особами, как Дора, фатальны для таких женщин. Несостоятельность Вайлет как жены связана с ее неспособностью рожать детей, а осознание Хлои «триумфа новорожденной любви» («the glory of a new-born love») [6, с. 66] является предзнаменованием ее приближающейся смерти. Так, их брачные узы – всего лишь фикция, даже принимая во внимание тот факт, что Вайлет, будучи матерью двоих детей, действительно любит своего мужа, в отличие от Хлои, не питающей никакой романтической привязанности к своему супругу. Как и желание Поля Келвера, героя одноименного автобиографического романа Джерома К. Джерома (1902), двигаться вперед, взрослеть и одновременно вернуться в детство, так и всё, что могут предложить такие инфантильные героини, как Вайлет и Хлоя, – лишь застой в лице смерти или заикленности на прошлом. И хотя такой брак изначально неудачен, он также более притягателен. Общепринятое желание продлить женское детство связано не столько

с осознанными потребностями девочки и даже женщины, сколько с нуждами взрослого мужчины.

Еще одним известным примером «феномена младенца» в женщине служит образ Ниннетты Крамльс в романе Ч. Диккенса «Жизнь и приключения Николаса Никльби» (1838–1839) [2], в котором родители-актеры намеренно задерживают духовное развитие и рост девушки-подростка, чтобы у нее оставалась внешность десятилетней малышки. Так, инфантильная женщина, будучи взрослой, может разыгрывать ребенка, что позволяет говорить о корреляции и расхождении таких понятий, как взрослость и детскость, которые могут перетекать друг в друга. Появление «феномена младенца» в балете под названием «Индийский дикарь и девушка» весьма символичен:

Предоставленный самому себе, дикарь один-одинешенек исполнил танец. Не успел он закончить, как девушка проснулась, протерла глаза, поднялась с насыпи и тоже исполнила танец одна-одинешенька – такой танец, что дикарь все время смотрел на нее в экстазе, а по окончании его сорвал с ближайшего дерева какую-то ботаническую диковинку, похожую на маленький кочан кислой капусты, и поднес его девушке, которая сначала не хотела брать этот кочан, но при виде проливающего слезы дикаря смягчилась. Потом дикарь подпрыгнул от радости; потом девушка подпрыгнула от восторга, вдыхая сладкий аромат кислой капусты. Потом дикарь и девушка исполнили вдвоем бешеный танец, и, наконец, дикарь упал на одно колено, а девушка стала одной ногой на другое его колено, закончив, таким образом, балет и оставив зрителей в состоянии приятной неуверенности, выйдет ли она замуж за дикаря, или же вернется к своим друзьям (*пер. А. Кривцова*) [2]

Being left to himself, the savage had a dance, all alone. Just as he left off, the maiden woke up, rubbed her eyes, got off the bank, and had a dance all alone too – such a dance that the savage looked on in ecstasy all the while, and when it was done, plucked from a neighbouring tree some botanical curiosity, resembling a small pickled cabbage, and offered it to the maiden, who at first wouldn't have it, but on the savage shedding tears relented. Then the savage jumped for joy; then the maiden jumped for rapture at the sweet smell of the pickled cabbage. Then the savage and the maiden danced violently together, and, finally, the savage dropped down on one knee, and the maiden stood on one leg upon his other knee; thus concluding the ballet, and leaving the spectators in a state of pleasing uncertainty, whether she would ultimately marry the savage, or return to her friends) [4, с. 217].

Нинетта – взрослая женщина, которая с помощью своих вычурных нарядов и миниатюрности очень походит на маленькую девочку. Действительно, она девочка, отец которой, согласно общепринятым нормам морали в викторианскую эпоху, обладает властью контролировать не только деятельность, но и рост своей дочери. На протяжении всего повествования отец Нинетты представляет ее как товар, который следует украсить, выставить напоказ, оценить, даже ощупать или ущипнуть, чтобы определить настоящая ли она. Любая балетная постановка, в которой она появляется, находится под руководством других людей, а ее единственная реплика на протяжении всего представления свидетельствует о ее «ненормальном» развитии. В свою очередь, пассивность героини, воспринимаемая как культурная норма XIX в., позволяет рассматривать ее как товар, а не живую девушку с присущими ей эмоциями и чувствами.

Хотя Ч. Диккенс язвительно описывает представление, в котором участвует героиня, он выражает желание эпохи: способность инфантильной девушки приручить дикаря с помощью своей сексуальной притягательности – вот интерес викторианской аудитории. «Приятная незавершенность», некая недосказанность постановки оставляет вопрос о сексуальном продолжении открытым. Безусловно, такую роль может исполнить и взрослая женщина, но именно девочка представляет собой сексуальное вожделение взрослого мужчины викторианской эпохи. Нельзя не согласиться с литературоведом М. Губар в том, что, представляя детей как актеров в XIX в., изображая:

...their prematurely developed skills and much-vaunted versatility enabled them to blur the line between child and adult, innocence and experience (цит. по: [3, с. 64]).

...их развитие не по годам навыки, восхваляемую многими переменчивость характера, позволили ступать грань между взрослым и ребенком, опытом и невинностью, так как это нравилось викторианской аудитории.

Как на сцене, так и за ее пределами, «феномен дитяти» (по крайней мере, по замечанию отца героини) – главная привлекательность всей актерской труппы Крамльс. И правда, она разбивает сердце коллеге по труппе, ставит в неловкое положение Николаса, который отказывается «сыграть какую-нибудь маленькую приятную роль, имея своим

партнером феномена» (*some nice little part with the infant*) [4, с. 373], полагая, что, пожалуй, лучше будет, если он сначала сыграет с кем-нибудь, кто одного роста с ним, чтобы не показаться неловким. Быть может, он бы себя чувствовал более непринужденно». Нинетта поражает аудиторию, от детей семьи Борум до театрального критика мистера Кедла, который утверждает, что ее представления отличаются:

...a unity of feeling, a breadth, a light and a shade, a warmth of colouring, a tone, a harmony, a glow, an artistical development of original conceptions, which I look for, in vain, among older performers [4, с. 386]

...единством чувства, художественного выражения, света и тени, оттенков цветовой гаммы, тона, гармонии, лучезарности и художественного развития концепций постановки, которые не сыскать среди взрослых актеров.

Комментарий мистера Кедла подразумевает, что он оценивает Нинетту по тем же критериям, что и вещь или красивую картину. На самом деле, ее роль в балетной постановке проходит практически в немом шоу. В отличие от всех остальных участников труппы – болтливового мистера Крамльса, мисс Сневиличчи, мистера Фулера, – она произносит лишь одно-единственное предложение, которое сам рассказчик затрудняется расшифровать. Однако в повествовании говорится, что она всегда выступает с речью на свадебных церемониях в Лилливик-Петовкер и даже плачет, когда Николас объявляет, что собирается покинуть труппу. Описание танца Нинетты и обращение с ней окружающих напоминают отношение детей Борум к мисс Маучер: они щипают ее, крадут ее зонтик и почти рвут ее на части, когда тянут в разные стороны в игре, чтобы испытать силу. При этом ничто не побуждает героиню произнести хоть слово; это означает, что они существуют лишь для того, чтобы на них смотрели, как на товар.

Визуальное выражение застоя в развитии инфантильных женщин – ключевой подход викторианцев к пониманию женской природы. Следовательно, такие женщины, как Нинетта Крамльс, мисс Маучер Ч. Диккенса, Оливия Ротсэй Д. Муллок, Гагуль Р. Хаггарда, и Вина Г. Дж. Уэллса, представлены как «карлики», у которых нет прав на собственные чувства или эмоции. Они существуют лишь для того, чтобы на них смотрели. Данное обстоятельство свидетельствует о культурной установке в ментальности викторианцев о прекращении развития женщин.

В современную эпоху перемен в технологиях, обществе, сексуальной сфере задержанное развитие женщин часто рассматривается как аномальное, хотя оно являлось предметом мужского вожделения в викторианскую эпоху.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аръес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при Старом Порядке / пер. с фр. Я. Ю. Старцева при участии В. А. Бабинцева. – Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 1999. – 416 с.
2. *Диккенс Ч.* Жизнь и приключения Николаса Никльби. – URL : http://royallib.com/read/dikkens_charlz/gizn_i_priklyucheniya_nikolasa_niklbi.html#1185970
3. *Denisoff D.* The Nineteenth-century Child and Consumer Culture. – Ashgate Publishing, Ltd., 2008. – 239 p.
4. *Dickens Ch.* The Life and Adventures of Nicholas Nickleby. – London : Chapman and Hall, 1839. – 624 p.
5. *Dickens Ch.* The Personal History of David Copperfield. – London : Bradbury & Evans, 1850. – 624 p.
6. *Graham J.* Cui Bono? Or, the Story of Chloe Tenderten. – *Belgravia Annual*, 34 (Christmas, 1877). – Pp. 45–70.
7. *Jensen An-M., McKee L.* Children and the Changing Family: Between Transformation and Negotiation. – London : Psychology Press, 2003. – 176 p.
8. *Koops W., Zuckerman M.* Beyond the Century of the Child: Cultural History and Developmental Psychology. – University of Pennsylvania Press, 2012. – 304 p.
9. *Nelson C.* Precocious Children and Childish Adults: Age Inversion in Victorian Literature. – USA: JHU Press, 2012. – 224 p.
10. *Robson C.* Men in Wonderland: The Lost Girlhood of the Victorian Gentlemen. – Princeton University Press, 2001. – 250 p.
11. *Vernon J. R.* Dog-Violet and Mignonette. – *Tinsleys' Magazine*, Jan. 1876. – Pp. 45–64.

Е. Ю. Перова

кандидат культурологии, доцент кафедры мировой культуры
ИМО и СПН МГЛУ; e-mail: eperova71@list.ru

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА
И ОТЕЧЕСТВЕННОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ В ПЕРЕЛОМНЫЕ ЭПОХИ
КАК ОТРАЖЕНИЕ ДУХОВНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ**

Статья посвящена выявлению и анализу различных аспектов и связей государственной политики и историко-краеведческих исследований в переломные эпохи отечественной культуры XX столетия. Внимание к традиции, истории и краеведению в подобные моменты бросает вызов разрушительным тенденциям и становится отражением начала духовного возрождения.

Ключевые слова: отечественная история и культура; XX век; краеведение; возрождение; патриотизм.

E. Y. Perova

Ph.D. (Culturology), Associate Professor;
Culture Studies Department, MSU;
e-mail: eperova71@list.ru

**STATE POLICY AND DOMESTIC REGIONAL STUDIES
IN THE CRITICAL EPOCH AS A REFLECTION
OF THE SPIRITUAL REVIVAL**

The article is devoted to the identification and analysis of various aspects of state policy and local history research in the crucial age of the national culture of the last century. Attention to history and local history in such moments defies destructive tendencies and becomes a reflection of the beginning of spiritual rebirth.

Key words: Russian history and Culture; the XX century; Regional Studies; revival; patriotism.

Ученые различных научных направлений подчеркивают мысль о том, что «сходство многих явлений, характерных для переломных эпох, создает исторические параллели, дает ключ к правильному пониманию... и научному осмыслению... той роли, которую они продолжают играть в современной жизни» [2, с. 26–27]. В настоящее время на фоне процессов глобализации, имеющих противоречивый характер (см.: [5, с. 56–68]), обостряется и интерес к самобытной истории и культуре народов. Культурное, мировоззренческое своеобразие народа складывается из калейдоскопа культур, дополняющих

образ единого государства. Другими словами, особенное значение в переломные эпохи имеет внимание к малой Родине, музейно-краеведческое направление исследований.

Можно заметить, что в переломные исторические периоды, которые, как правило, сопровождаются временным насильственным прерыванием предшествующей культурной традиции, начинает расширяться краеведческое движение и интерес к родной истории. Это определяется тревогой по поводу утраты культурных объектов и надеждой на возможность их сохранения. Не случайно период краеведения в тяжелейшие для отечественной истории 1920-е гг. получает название «золотого десятилетия».

Наряду с известными деятелями культуры, такими как П. А. Флоренский, Н. П. Анциферов, П. Д. Барановский и многими другими, подвижнической краеведческой деятельностью занимаются ученые, музейные сотрудники и простые люди, равнодушные к истории своего рода, города, Отечества. Их деятельность нельзя переоценить, она остается примером и в наше время, спустя почти столетие.

Многие из них пострадали за свою подвижническую деятельность, выбирая сохранение памятника, а не собственной жизни. В наше время множатся свидетельства того, как на склоне лет они или их потомки возвращают сохраненные такой ценой свидетельства прошлого в возрождаемые очаги культуры. Так, например, архитектор В. В. Кротков, курировавший в 1980-е гг. реставрационные работы в Николо-Угрешском монастыре, общался со многими старожилами и сообщает, что когда решили «очистить» монастырь для беспризорников, «стали выносить из храмов и монашеских келий иконы, киоты, разную утварь и жечь на костре. Местные жители смело выхватывали из костра иконы, книги и убегали домой. Наверное, эти иконы и книги еще хранятся в некоторых семьях... » [6, с. 134–135]. Часть памятников удалось передать в музей «Коломенское», которым руководил тогда Петр Дмитриевич Барановский.

Благодаря деятельности П. Д. Барановского и его сподвижников сохранена часть уничтожаемого в то время культурного наследия, в том числе на Соловках (например, Казанский собор на Красной площади). Возрожденному в наше время Соловецкому монастырю возвращено многое из вывезенного в 1923 г. подвижниками музейного дела. Среди сохраненных предметов – не только имеющие особую

культурную значимость, но и духовные святыни, такие как каменный крест преподобного Савватия, подглавный камень игумена Филиппа (впоследствии митрополита) и др.

Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН) парадоксальным образом в 1920–1930-е гг. становится одним из центров науки («самый северный в СССР форпост науки») и краеведения благодаря деятельности сосланных туда выдающихся людей.

Один из самых известных узников СЛОНа уже ближе к концу его трагической истории был отец Павел Флоренский, незадолго до первого ареста кропотливо описавший памятники ризницы Троице-Сергиевой Лавры. Через икону (преимущественно тип памятника ризницы) ученый раскрывает особенности русской культуры, национального сознания. На его памяти – ряд общественных мероприятий начала XX в., связанных с явлением иконы. В 1890 г. в Историческом музее в Москве была подготовлена выставка древних икон; в 1904 г. началось раскрытие «Троицы» прп. Андрея Рублева; в 1913 г. к 300-летию Дома Романовых на крупной выставке экспонируется большое количество «раскрытых» икон, отмечается небывалый интерес к этому явлению в русской культуре, учреждается Общество изучения древнерусской иконописи.

Отец Павел Флоренский рассматривает икону с позиций богослова, философа, искусствоведа и историка. Работы большей частью написаны приблизительно в одно время (изучение и подробное описание предметов ризницы Троице-Сергиевой Лавры ради ее сохранения в послереволюционные годы). В 1918–1919 гг. отец Павел был членом Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры, разрабатывал идею живого музея (которая перекликается с рассуждениями о необходимом поиске живого опыта религиозного переживания как возможности выхода из сложившегося кризиса). Его статьи («Моленные иконы преподобного Сергия», «Небесные Знамения» и др.) посвящены исследованию символики цвета, догматике церковного изобразительного искусства, проблеме подмены истинного смысла иконы, непонимания иконы в те годы и в наши дни, имеющей тенденцию обмирщения и упрощения смыслов. Из описания художественных приемов изображения лица (лика) выявляется психологизм и черты духовного плана: «высокая постановка» бровей над глазами «показывает на какую-то спокойную деятельность

мысли, на какое-то умиленное удивление созерцаемому... этот признак мысли подтверждается несколькими напряженными лобными мышцами» [13, с. 262]. С величайшей подробностью фиксируются детали изображений («большой палец: правая рука 23,3 мм, левая рука 22 мм – разница от разности ракурсов» [там же, с. 264]), через которые раскрывается смысловое начало.

Эти труды в наше время становятся предметом научных исследований, а через них и возможностью постепенного возвращения к мировосприятию ушедших поколений. Поскольку «атеистическая эпоха закрыла адекватное восприятие» культурных текстов прошлого, в 1920–1930-е гг. исследователи дореволюционной выучки подвергались репрессиям, в 1960–1970-е гг. «для искусствоведов, чье мировоззрение сформировалось в предшествующую эпоху, древнерусская иконопись на долгие годы стала чисто эстетическим объектом для теоретических изысканий, оторванных от смыслового первоисточника, искусством, отделенным от веры» [3, с. 3–4].

На Соловках в 1932 г. появляется рукопись Алексея Николаевича Греча «Венок усадьбам», подготовленная к печати в 1990-е гг., в которой автор, председатель Общества русской усадьбы, пишет о погибших очагах культуры: «В десять лет создан грандиозный некрополь... И нет над некрополем надгробного памятника...» [9].

Любое частное явление культуры, в том числе усадьба, начинает в кризисную эпоху восприниматься не только как комплекс памятников, отражающих черты данной эпохи, но и в широком контексте, как образ Дома. В отечественном самосознании это понятие связано, прежде всего, с трансцендентной реальностью, но находит отражение и в устройении человеком материального окружения: в истории храмовой архитектуры, на страницах литературных произведений, в русской усадьбе.

В переломные моменты истории понятие дома обретает свой первоначальный смысл убежища, укрытия, обители. Приходят на память образы из художественных произведений: дом, усадьба, сад, куда не долетал шум городской жизни (и предчувствие надвигающейся катастрофы в «Вишневом саде» А. П. Чехова). «Родовые имения похожи на маленькие островки вечности в мире непостоянства. Очевидно, создавая их, владельцы полагали, что главное не в условной и сиюминутной красоте архитектурных форм, а в надежной преемственности, когда

отец передает сыну дом в том виде, в каком получил его от своего отца. В этом залог нерушимости традиций, неизбежности уклада – консерватизм в высоком смысле слова ... вовсе не исключает внутренних улучшений, он лишь предполагает уважение к старине, которая может прекрасно уживаться с новизной, являясь тем полезным балластом, что придает устойчивость “кораблю” жизни» [11, с. 181].

В 1920-е гг. другой узник СЛОНа, Николай Николаевич Виноградов, описывает древнейшие археологические выкладки-«лабиринты» на островах, предлагая свою гипотезу об их предназначении, которая подтвердилась несколько лет назад, благодаря современным методам исследований. Н. Н. Виноградову удалось описать церковь Андрея Первозванного XVII в. на одном из островов архипелага не как культовый памятник, а как образец народного северного деревянного зодчества, и таким образом спасти его от разрушения. Отбыв трехлетний лагерный срок, ученый остался здесь вольнонаемным для того, чтобы по мере возможности сохранить часть удивительного культурно-исторического пространства этой святой земли, но в 1938 г. был расстрелян.

Заключенные Соловков были очень изобретательны в условиях советского лагеря. Так, например, под вывеской антирелигиозной пропаганды (чему начальство не противилось) был создан музей, в котором хранилось все самое ценное (частично вывезенное позднее на материк и сохранившееся до наших дней, в том числе мощи преподобных, основателей соловецкой обители). На фоне «безграничного произвола, абсолютного презрения к человеческой личности... непосильного, принудительного, часто бессмысленного труда» людям в лагере «не давали по-человечески жить, а заставляли по-звериному “выживать”» [8, с. 299], и вместе с тем, заключенные в большинстве своем показывали образец благородства и человеческой жертвенности.

Даже из этих отрывочных сведений становится понятным, что репрессиям в послереволюционные годы подвергались те ученые, которые занимались исследованиями своеобразия и традиции культуры, в том числе в области филологии и языкознания. Осенью 1933 г. было сфабриковано «дело славистов», по которому осудили более 70 человек, в основном из столичных городов, среди них были известные ученые, члены-корреспонденты Академии наук, сотрудники музеев, краеведы ... В 1964 г. дело пересмотрели, признали, что «Российской национальной партии» не существовало, но к

этому времени из московской группы арестованных по этому делу: 11 человек было расстреляно, один покончил самоубийством, двое умерли в тюрьме, остальные на многие годы были лишены возможности заниматься наукой [12, с. 134–136]. На Соловках в заключении также находились один из крупнейших отечественных лингвистов начала XX в. Н. Н. Дурново (свободно владея несколькими языками, посвятил свою жизнь науке о русском языке, диалектологии и истории русского языка, также древнерусской литературе; в лагере написал «Грамматику сербохорватского языка») и профессор-филолог Г. А. Ильинский (предметом научного интереса которого была славянская филология; защитил докторскую диссертацию по теме «Грамоты болгарских царей», опубликовал несколько десятков старославянских, среднеболгарских и сербских памятников; составил «Праславянскую грамматику», удостоенную в 1918 г. премии как «выдающееся явление в области изучения славянских языков»; лагерный срок закончился расстрелом) [там же, с. 135].

В междисциплинарном пространстве филологии и краеведения создавал свои труды Николай Павлович Анциферов, ученик И. М. Гревса, заложившего основы городского краеведения, историк и основатель экскурсионного дела в России; в 1922 г. вышла его книга «Душа Петербурга». В статье «Краеведение как историко-культурное явление» Н. П. Анциферов утверждал, что «от судьбы краеведческого движения зависит многое в судьбе нашей культуры» [там же, с. 131]. В 1929 г. был сослан на Соловки. По одному с ним делу отбывал срок и погиб в лагере в возрасте 41 года Алексей Петрович Смирнов, научный сотрудник Государственной академии истории материальной культуры, сотрудник Государственного русского музея, специалист в области топографии средневекового Константинополя, археологии Крыма византийского периода. А. П. Смирнов многое сделал для изучения и описания византийских памятников Эрмитажа.

Революционная эпоха XX в. на русской земле, как переломный момент истории, открыла современнику тех событий возможность иначе видеть мир, себя, исторический путь... «Революционный шок не мог не сказаться на русском самосознании. В значительной части общества шел процесс пересмотра своих убеждений. В советской России он искусственно стимулировался террором, голодом, информационной блокадой... и богоборческой пропагандой властей» [4, с. 359].

Наряду с историко-краеведческими, философскими, филологическими аспектами исследований, один из главных моментов понимания отечественной истории связан с тем, что парадоксальным и не всегда осознаваемым образом богатство народа пополняется в лице пострадавших и явивших своим подвигом образ Истины и повод для подражания. Среди таких людей много подвижников краеведения.

В последние годы продолжают пополняться свидетельства; мемуарная литература, письма из лагерей, которые продолжают издаваться в наши дни, передают черты той эпохи. В начале нового тысячелетия становятся доступными для исследования факты жизненных обстоятельств людей, которые разделили тяжесть трагического столетия. Их, на первый взгляд, неприметная жизнь открывается как драгоценный образ человеческих возможностей, воплощения вечных идеалов в исторической обстановке современной нам эпохи. Судьба этих людей осуществляет зримую связь поколений и непрерывность традиций.

С. С. Аверинцев писал: «Документы истории говорят с такой силой, что никакая позднейшая риторика ничего не может прибавить к их свидетельству <...> Документы приглашают задуматься над той реальностью, которая в них запечатлена, но не вмещена; над реальностью сугубо человеческой, конкретно-исторической и, одновременно, для верующего сердца, более чем человеческой, метаисторической, то есть эсхатологической» [1, с. 19–20]. В этом контексте особый смысл в послереволюционную эпоху приобретает изучение истории и памятников кладбищ.

«Кладбища – это особый мир, полный воспоминаний, полный острых или тихих примиренных сожалений» о тех, кто «какими-то невидимыми нитями привязывают живых к своим могилам», – писал в начале прошлого столетия один из собирателей материалов о кладбищах Алексей Тимофеевич Саладин. «Кладбища ожидают своего исследователя, для него там будет большая и благодарная работа. Хотелось бы, чтобы поскорее явился такой исследователь, пока не погибло обреченное гибели. В наши дни эти слова звучат с новой силой, – посетим могилы тех, чье имя, избежавшее тления, заставит нас задуматься и, быть может, лучше прожить остаток дней» [10, с. 5, 8].

В. В. Кротков отмечает о судьбе Николо-Угрешской обители: «Вся территория монастыря была покрыта могилами и памятниками. Особенно вокруг Преображенского собора до 50-х гг. XX в. стояли

дорогие памятники из гранита и мрамора, но потом стали исчезать... Тогда же осквернили усыпальницу-склеп купцов Александровых, выбросив их останки, а ведь они вложили огромные средства в строительство храмов монастыря...» [6, с. 135].

Изучением истории кладбищ, надгробных надписей и памятников занимались еще современники А. С. Пушкина, например, Александр Анфимович Орлов, Вадим Васильевич Пассек. Тогда были заложены основания научной систематизации и описания могильных памятников, которые являются знаками культуры, отражающими, может быть, самые важные ценностные категории. Ведь если умирает человек, близкие стараются сохранить лучшую память о нем, находят нужные слова, часто евангельские, чтобы увековечить память об усопшем через надгробный памятник. После революции в 1920-е гг. на фоне варварского разрушения, действовала особая Комиссия, регистрировавшая и охранявшая многие могилы, особое внимание уделялось историческим некрополям. Подобная деятельность всегда зависит от благодарных и благородных людей, а они всегда были и будут...

На протяжении XX в. противостояние продолжалось, «любое противоречие действиям властей было опасно для защитников наследия русской христианской культуры и наказуемо» [7, с. 7]. Известно несколько поколений защитников Древней Москвы: против разрушительного проекта реконструкции города в 1935 г. выступила группа ученых-историков во главе с И. Чаяновым (была репрессирована и погибла в лагерях); против второго проекта реконструкции в 1961 г. выступила группа ученых и журналистов во главе с П. Ревякиным; спустя десять лет потребовались усилия третьего поколения защитников [там же].

В наше время к историко-краеведческой деятельности привлекается подрастающее поколение, приобщаясь к традиции и культуре исследования (внимание к истории малой Родины, искренняя заинтересованность, обращение к архивам).

Представленный в статье, краткий обзор историко-краеведческой деятельности отечественных ученых в XX в., показывает, насколько разносторонним и в то же время целостным в традиции отечественной науки оставался исследовательский подход. Судьба многих подвижников в этом направлении была схожа; вместе с тем, репрессии и гонения способствовали возрождению патриотизма, жертвенного служения на пути изучения и сохранения памяти и памятников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аверинцев С.* «Имеющий ухо да слышит...» // Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / сост. Г. Штриккер. – Кн. 1. – М. : Пропилеи, 1995. – С. 19–28.
2. *Галушко Ю. А.* Тенденции геополитических устремлений России и Британии // Актуальные проблемы внешней и внутренней политики Российской Федерации. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2015. – С. 26–34. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; выпуск 2 (713); Сер. Общественные науки).
3. *Данилова Е.* Сквозь призму Русской Голгофы // Фрески Руси. Специальный выпуск. – М., 2012. – С. 3–4.
4. *Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский.* Самодержание духа. Очерки русского самосознания. – СПб. : Шестоднев, 2002. – 420 с.
5. *Касюк А. Я.* Направления глобализации в мире и в России // Актуальные проблемы внешней и внутренней политики Российской Федерации. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2015. – С. 56–68. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; выпуск 2 (713); Сер. Общественные науки).
6. *Кротков В. В.* Николо-Угрешский монастырь в 1920–1930-е годы (по воспоминаниям старожилов) // Историко-культурное наследие Николо-Угрешского монастыря. К 25-летию возрождения Николо-Угрешского монастыря : Труды V–VI Научных конференций. – Николо-Угрешская православная духовная семинария, 2015. – С. 134–135.
7. *Мокеев Г.* Небесный град Святой Руси. – М. : ИИПК «ИХТИОС», 2007. – 256 с.
8. *Осипенко М. В.* Соловецкая обитель: история и святыни : книга паломника. – Соловки : Издание Соловецкого монастыря, 2014. – 676 с.
9. Памятники Отечества. – Вып. 32. – М., 1994.
10. *Саладин А. Т.* Очерки истории московских кладбищ. – М. : Книжный сад, 1996. – 352 с.
11. *Соколова Е. Н.* Концепт «дом» и его развитие в национально-культурном контексте // Философские проблемы культуры XXI в. – М. : Рема, 2008. – С. 177–188.
12. *Сошина А. А.* Репрессированная наука: ученые в заключении на Соловках // Соловецкое море. Историко-литературный альманах. – Вып. 10. – Архангельск. – М. : Товарищество Северного Мореходства, 2011. – С. 128–140.
13. *Флоренский П. А., священник.* Избранные труды по искусству. – М., 1996. – 336 с.

УДК 808.51

И. В. Хорькова

кандидат исторических наук; доцент
кафедры классической филологии МГЛУ, e-mail: i@stauross.ru

ПРИЕМЫ АНТИЧНОЙ СУДЕБНОЙ РИТОРИКИ В ПРАКТИКЕ СУДА ПРИСЯЖНЫХ

Значение античного периода для судебной риторики трудно переоценить. Все основные понятия, концептуальные элементы, структура и терминология риторики были сформулированы и разработаны именно тогда. Автор не ставит цели подробно исследовать историю античной риторики, а выделяет общие черты судебного красноречия тех времен и рассматривает их влияние на практику суда присяжных в дореволюционной и современной России. В статье описывается система судопроизводства в Древней Греции и Риме как структурообразующий элемент судебной риторики, отмечается вклад выдающихся теоретиков и практиков античной риторики в разработку судебного красноречия; рассматривается ситуация в российских судах после комплексной реформы судопроизводства 1864 г. и создания института присяжных заседателей. При построении речей российские судебные ораторы широко используют богатое античное наследие. Отмечаются фигуры речи, характерные для знаменитых российских адвокатов, выделяются общие черты российского судебного красноречия: гуманность, глубокий психологизм, яркая художественность, эмоциональность. Большой интерес к методам и формам античной судебной риторики возникает в наше время в связи с возобновлением судопроизводства с участием присяжных заседателей. Неориторика по-своему перерабатывает античное наследие. Наиболее актуальным считается использование сторонами судебного процесса нейролингвистического программирования. Сравнение методов этого направления с приемами античной риторики приводит к заключению об их генетической преемственности.

Ключевые слова: античная риторика; античные ораторы; ораторское искусство; риторические приемы; судебное красноречие; суд присяжных; нейролингвистическое программирование.

I. V. Khorkova

Ph.D. (History), Ass. Prof., Classical Philology, MSLU;
e-mail: i@stauross.ru

METHODS OF ANTIQUE JUDICIAL RHETORIC IN PRACTICE OF JURY

The value of the ancient period to the judicial rhetoric can not be overestimated. All the basic concepts, conceptual elements, the structure and terminology of rhetoric have been formulated and developed in ancient period. The author makes

no attempt to investigate in detail the history of ancient rhetoric and highlights similarities judicial rhetoric in the ancient period and examines their impact on the practice of trial by jury in the pre-revolutionary and modern Russia. The article describes a system of justice in ancient Greece and Rome as a structure element of judicial rhetoric, the contribution to development of judicial eloquence of outstanding theorists and practitioners of antique rhetoric is noted. Further in article the situation in the Russian courts after complex reform of legal proceedings of 1864 and creation of institute of jurors is considered. At creation of speeches the Russian judicial speakers widely used rich antique heritage. The figures of speech characteristic of the famous Russian lawyers are noted, common features of the Russian judicial eloquence – humanity, deep psychologism, bright artistry, emotionality are distinguished. Great interest to methods and forms of antique judicial rhetoric arises in connection with renewal of legal proceedings with jury. The neorhetoric in own way processes antique heritage. Use of legal procedure of neurolinguistic programming by the parties is considered the most urgent. Comparison of methods of this direction with methods of antique rhetoric leads to the conclusion about their genetic continuity.

Key words: antique rhetoric; antique speakers; oratory; rhetorical methods; judicial eloquence; jury; neurolinguistic programming.

Присяжные, как и все люди, судят не по тому,
что есть в действительности, а по тому,
что представляется им в этой действительности.

П. Сергеев «Уголовная защита»

Значение античного периода для риторики вообще и судебной риторики, в частности, трудно переоценить. Все основные понятия, концептуальные элементы, структура и терминология риторики были сформулированы и разработаны именно в античный период. Сразу же следует отметить, что античная судебная риторика не является чем-то однородным и неизменным, на протяжении своей многовековой истории она прошла несколько серьезно отличающихся друг от друга этапов, для каждого из которых были характерны свои специфические черты и особенности. Однако в настоящей статье мы не предполагаем заниматься подробным изложением истории античной судебной риторики, поскольку исследование такого масштаба заняло бы не один том. Поэтому, с одной стороны, мы ограничимся выделением наиболее общих черт судебного красноречия в античный период, а с другой, – посмотрим, какое влияние они оказали и оказывают на практику суда присяжных в дореволюционной и современной России.

Структурообразующим элементом античной судебной риторики является система судопроизводства в Древней Греции и Риме.

В Греции значительный импульс развитию судебного красноречия был дан введением суда гелиастов в демократических полисах. Наибольшего расцвета суды гелиастов достигли к V в. до н. э., сосредоточив в своих руках почти все гражданские и уголовные дела. Гелиастом мог стать любой полноправный гражданин полиса, достигший тридцатилетнего возраста.

До нас дошел текст Клятвы, которую давал каждый афинский гелиаст. Он звучит так:

Я буду голосовать согласно законам и постановлениям афинского народа и Совета пятисот. Когда закон не будет давать указаний, я поступлю согласно с моей совестью, без пристрастия и ненависти. Я буду подавать голос только относительно тех дел, которые составят предмет преследования. Я буду выслушивать истца и ответчика с одинаковым чувством благосклонности. Клянусь в этом Аполлоном, Зевсом и Деметрой. Если я сдержу своё слово, да будет мне благо; если я нарушу его, да погибну со всем моим родом! (цит. по: [14, с. 373]).

Однако, невзирая на прекрасные слова этой клятвы, современники часто обвиняли гелиастов не только в пристрастности, но и в продажности.

В настоящее время принятие присяги выбранными присяжными является обязательным (само слово «присяжный» происходит от слова «присяга»), что закреплено в ст. 332 п. 42 УПК РФ. Председательствующий на суде зачитывает текст присяги:

«Приступая к исполнению ответственных обязанностей присяжного заседателя, торжественно клянусь исполнять их честно и беспристрастно, принимать во внимание все рассмотренные в суде доказательства, как уличающие подсудимого, так и оправдывающие его, разрешать уголовное дело по своему внутреннему убеждению и совести, не оправдывая виновного и не осуждая невиновного, как подобает свободному гражданину и справедливому человеку».

После чего каждый присяжный повторяет: «Клянусь». Как видим, процедура и текст клятвы мало изменились со времен Античности.

В суде гелиастов не была представлена ни общественная обвинительная власть в лице прокурора, ни институт адвокатуры в лице профессионального адвоката. Их функции выполняли сами граждане

полиса. Однако со второй половины V в. до н. э. существовала практика обращения к логографам для написания защитительной речи. Большинство знаменитых греческих ораторов в определенные периоды своей жизни занимались написанием таких речей для сограждан.

Социальный состав суда гелиастов был достаточно разнообразен, но абсолютное большинство составляли люди, не имевшие глубоких юридических познаний и даже малообразованные. Разумеется, это влияло на судебную риторическую практику.

Судебные речи изобиловали доводами к пафосу и этосу. Горгий вводит в судебную речь симметрично построенные фразы, получившие название горгиевых фигур. Лисий часто использует повторы, является мастером психологического портрета, закладывает композиционные основы судебной речи. Исократ известен как один из создателей риторических периодов. Демосфен мастерски пользуется градацией, метафорой, риторическим вопросом, а для достижения максимальной выразительности – пантамимикой. Софистические риторические школы разрабатывают систему ораторских упражнений в виде прений по вымышленным судебным делам.

Особое значение для судебной практики имели философские диалоги Платона с их сократической диалогической формой ведения полемики. Метод систематической постановки вопросов имел целью максимальное сближение позиций участников диалога. Этот метод оказал стимулирующее воздействие на разработку стиля аргументации в судебных диалогах истца и ответчика, прокурора и адвоката.

Аристотель разрабатывает теорию аналитического доказательства, вводит деление доказательств на искусственные и неискусственные, к которым относит свидетельства очевидцев, письменные документы, клятвы и показания, данные под пыткой. Важным компонентом убедительности речи Аристотель считает умение влиять на эмоциональную природу людей, их страсти. Поэтому вторая часть его знаменитой «Риторики» посвящена исследованию страстей и выбору ораторского стиля для их использования. В неориторике эти положения Аристотеля используются для разработки эмоционально-психологической и стилистической адекватности любой публичной речи.

Эпоха эллинизма внесла свой вклад в теорию судебной риторики. Гермагор разрабатывает систему «нахождения», в которой сводит судебные казусы к единой схеме статусов.

В римском судебном красноречии ясно прослеживается преемственность древнегреческой ораторской школы. Расцвет судебной риторики в Древнем Риме приходится на конец республиканского периода.

В 149 г. до н. э. были учреждены постоянные суды – *quaestiones perpetuae* – в связи с принятием закона Кальпурния о злоупотреблениях в провинциях. Члены суда избирались из сенаторского сословия по жребию и могли быть отведены как обвинением, так и защитой. Одновременно работало несколько таких судов, каждый из которых имел особую специализацию – обвинение в оскорблении величия римского народа, казнокрадство, взятки, убийство, прелюбодеяние, поджог и т. д.

В Риме, как и в Греции, не было государственных обвинителей, любой гражданин мог выступить в этой роли независимо от социального положения, имущественного состояния и наличия юридического образования. Обвинители имели право на четвертую часть штрафа, к которому присуждался обвиняемый, в случае успеха обвинения. Отсюда оскорбительное прозвище *quadruplator* (увеличивающий вчетверо), которое часто применялось к общественным обвинителям. Человек, подавший жалобу соответствующему магистрату, получал на время следствия полномочия судебного следователя: вызывать и допрашивать свидетелей, производить домашние обыски, работать с документами и вещественными доказательствами, при необходимости получать в свое распоряжение военный конвой. Среди обвинителей были и разорившиеся аристократы, и непопулярные или начинающие ораторы, и такие корифеи красноречия, как Катон Цензор и Цицерон. Обеспечение явки ответчика в суд и исполнения приговора было частным делом.

В отличие от греческой практики в римском суде важную роль играл институт адвокатуры. Адвокат представлял интересы клиента в суде, должен был хорошо разбираться в законах и быть убедительным оратором. После судебного заседания адвокаты в случае успеха получали за свои услуги вознаграждение – *honorarium*. Многие видные римские ораторы зарабатывали на жизнь адвокатской деятельностью.

Итак, две главные с коммуникативной точки зрения фигуры в судебном заседании – обвинитель и адвокат – должны были уметь говорить убедительно. Часто они добивались эффекта, рассказывая на

суде скандальные подробности личной жизни противной стороны, то что теперь называется «переходом на личности». Часто обвиняемая сторона вместо опровержения аргументов противника прибегала к такому приему, как восхваление своих заслуг перед отечеством. Некоторые ответчики демонстрировали шрамы от ран, полученных в многочисленных завоевательных походах Римского государства. Например, знаменитый полководец, разрушитель Карфагена Сципион Африканский, на предъявленные ему обвинения разразился похвальной речью своим подвигам, «которая заставила всех признаться, что они никогда еще не слышали столь красноречивого и искреннего панегирика» (*Тит Ливий Ab urbe condita* 38, 50–53). Обычной практикой для судебных ораторов было использование доводов к пафосу, усиленное приводом в суд престарелых родителей и детей обвиняемого.

Тем не менее римские ораторы внесли немалый вклад в практику судебного красноречия. Они значительно усовершенствовали использование в судебной речи естественных доказательств: свидетельских показаний, договоров и особенно правовых норм. Именно римские судебные ораторы придали ссылке на закон статус неоспоримого доказательства.

Цицерон, написавший несколько трактатов по теории риторики, среди которых, такие как «De oratore» (Об ораторе), «De optimo genere oratorum» (О наилучшем типе ораторов), «De inventione» (Об изобретении), «Brutus» (Брут) и «Orator» (Оратор), больше занимался прикладной стороной риторики, в частности, системой статусов. Основным предметом речи является *controversia* (спорный пункт). В зависимости от содержания контрверсии предмет речи относится к одному из статусов: *установления* (*coniecturalis*), *определения* (*definitivus*) и *законности* (*iudicialis*). В статусе установления ставится вопрос: имело ли место действие; в статусе определения: как определить это действие; в статусе законности: как расценить действие с точки зрения закона (Цицерон. *De oratore* 2, 112). Если обратиться к практике вынесения вердикта присяжными заседателями, то мы найдем здесь те же три вопроса: доказано ли, что деяние имело место; доказано ли, что это деяние совершил подсудимый; виновен ли подсудимый в совершении этого деяния. Это закреплено в ч. 1 ст. 339 УПК РФ.

Еще одной характерной чертой римского судопроизводства является ярко выраженный политический подтекст. Особенно это было распространено в период III–I вв. до н. э., когда Рим сотрясали громкие политические процессы. Естественно, что тесная связь с политикой накладывала отпечаток и на форму, и на стиль судебной речи. Судебная риторика обогащалась полемическими приемами, характерными для политической речи, приобретала ее злободневность и остроту.

На рубеже тысячелетий в римской судебной риторике встает вопрос о предпочтении справедливости закону. Цицерон считал, что слепое следование букве закона может привести к несправедливости. *Summum ius – summa iniuria* («Высшая законность – высшая несправедливость») (Цицерон. *De oratore*, 2,30). В то время некоторые знаменитости в области судебной риторики выигрывали процессы не благодаря доскональному знанию законов, а привлекая доводы к пафосу, призывы оценивать события справедливо (Цицерон. *Brutus* 39). Развитие этого направления в юридической риторике нашло свое отражение даже в практике риторических школ, где будущие судебные ораторы тренировались в произнесении речей по предложенным казусам, при этом одни защищали букву закона, другие – справедливость.

Итак, что же можно сказать об общих чертах судебной риторики в античный период? Прежде всего, следует отметить, что публичность судебного разбирательства в античности переносит акцент с юридического обоснования речи на воззвание, обращение к эмоциям присутствующих, аргументы к этосу и пафосу. Именно такими приемами чаще всего пользовались древнегреческие и римские представители судебной риторики. Ярко выраженная, порой шокирующая полемичность античной судебной речи рассчитана, прежде всего, на эмоции аудитории.

Форма диалога, развитая в философских диалогах Платона, оказала влияние на скрытую диалогичность судебной речи, что определяет присутствие в ней большого количества гипофор и риторических вопросов.

Сближение политической публичной речи с судебной риторикой, столь характерное для демократических периодов исторического развития Древней Греции и Рима, добавляет последней остроты, вводит в речевой судебный обиход полемические приемы политического дискурса.

Последнее, о чем следует сказать, – это разнообразие и значимость невербальных приемов воздействия на аудиторию, которые во многом были заимствованы из практики классического античного театра.

Теперь обратимся к практике суда присяжных в нашей стране. Как известно, суд присяжных в России был введен при императоре Александре II в ходе комплексной реформы судопроизводства, разработанной в 1861–1863 гг., утвержденной в 1864 г. и проведенной в 1866–1899 гг. Наиболее важными аспектами судебной реформы в свете развития судебной риторики являются декларация гласности и состязательности судопроизводства, учреждение адвокатуры и, как уже говорилось, создание института присяжных заседателей. Благодаря перечисленным нововведениям судебное красноречие в России за короткий промежуток времени достигает небывалого расцвета. Юриспруденция этого периода может похвалиться такими звездными именами, как А. Ф. Кони, Ф. Н. Плевако, А. И. Урусов, В. Д. Спасович, С. А. Андреевский, П. С. Пороховщиков, К. Ф. Хартулари и др. На практике введение суда присяжных значительно демократизировало судопроизводство, резко увеличило количество оправдательных приговоров в России. Как же это было достигнуто?

В судебном процессе с присяжными существенное значение приобрела коммуникация. Без преувеличения можно сказать, что огромная роль здесь принадлежит именно развитию судебного красноречия, производившего неотразимое впечатление на присяжных заседателей¹. Образовательный уровень и юридическая компетентность среднего присяжного не сильно отличала его от среднего афинского гелиаста. А потому и средства убеждения, применяемые судебной риторикой, были теми же. Разумеется, русские судебные ораторы, как прокуроры, так и адвокаты, широко используют богатое античное наследие при построении судебных речей.

Среди излюбленных приемов А. Ф. Кони при создании судебной речи можно назвать такие тропы и фигуры, как инверсия, антитеза, градация, перифраза, метонимия, метафора. Особое место в его творчестве занимают периоды, способствующие полному эмоциональному выражению мысли, а наиболее распространенной фигурой являются повторы.

¹ Пародию на это явление можно найти в рассказе А. П. Чехова «Случай из судебной практики».

Ф. Н. Плевако обращается к приемам эмоционального воздействия на аудиторию, используя доводы к сопереживанию и отвержению; ссылки на авторитет; топос свидетельства – пословицы и поговорки.

В. Д. Спасович, член психиатрического общества при Императорской военно-медицинской академии, был глубоким знатоком психологии и судебной психиатрии, мастером психологического портрета.

П. С. Пороховщиков (псевдоним П. Сергеич), написавший актуальное по сей день руководство для начинающих «Искусство речи на суде» (1910), уделял особое внимание созданию образности речи.

Анализируя речи мастеров русского судебного красноречия, можно выделить следующие характерные черты: гуманность, глубокий психологизм, яркая художественность и эмоциональность. Кроме того, русские судебные ораторы, как и представители античной судебной риторики, часто вскрывают политический подтекст рассматриваемых дел. Адвокаты широко применяют тропы и фигуры речи, а их негласным лозунгом становится тезис Цицерона о том, что слепое следование закону может привести к несправедливости. Многие судебные деятели отмечают большую роль невербальных методов воздействия на аудиторию и мастерски применяют их на практике.

Суды присяжных действовали в России до 1917 г., хотя законодательно были отменены только в 1922 г.

Большой интерес к методам и формам античной судебной риторики возникает в наше время в связи с возобновлением судопроизводства с участием присяжных заседателей, закрепленного в разделе XII Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 2001 г. В настоящее время суды присяжных функционируют в 88 регионах России, а потому идет творческий поиск средств оптимизации процедуры судебных прений в условиях состязательности уголовного процесса.

Неориторика по-своему перерабатывает античное наследие. Наиболее актуальным для нашего времени считается использование сторонами судебного процесса методов нейролингвистического программирования. Это направление прикладной психологии, которое изучает практический опыт достижения успеха в деловой сфере с тем, чтобы смоделировать процессы, приводящие к внутреннему усовершенствованию человеческой личности. Нейролингвистическое программирование базируется на том, что ментальная, внутренняя

модель мира человека, на которую он опирается при принятии важных решений, может быть изменена посредством коммуникации. То есть нейролингвистическое программирование является социальной технологией, оказывающей влияние на людей посредством коммуникации. В частности, в суде нейролингвистическое программирование может использоваться с целью убеждения присяжных. Наиболее эффективным его способом считается формирование при помощи риторических приемов в сознании аудитории образных представлений, подтверждающих точку зрения оратора и подталкивающих к принятию нужного решения. Образный ряд одновременно запускает деятельность левого и правого полушариев головного мозга, активизируя процессы восприятия информации и ее кодирования в нервной системе. Именно так действовали античные судебные ораторы и их последователи в дореволюционной России. Можно сказать, что античная риторика предвосхищает подход нейролингвистического программирования к судебной речи. Создавая яркие образные речи, давая рельефные психологические характеристики, Лисий и Демосфен, Катон и Цицерон, а вслед за ними – А. Ф. Кони и Ф. Н. Плевако, и не ведали, что пользуются методом нейролингвистического программирования сознания.

Вместе с тем, в настоящее время активно исследуется эффективность ритмического воздействия речи, столь характерного для античной как общей, так и судебной риторики. Современные авторы отмечают, что ритмически организованная речь лучше запоминается, обеспечивает наилучшее восприятие информации, а потому более эффективна в процессе внушения. Более того, ритмическая повторяемость речи создает гипнотический эффект и открывает путь к подсознанию адресата речи [9, с. 61].

Подведем итог. Можно констатировать, что античная риторика создала некий банк данных, куда вошли идеи, схемы, системы и их практическое воплощение в речах знаменитых ораторов древности. Этим банком данных активно пользуются представители судебного красноречия разных регионов и исторических периодов.

Диалогический и полемический характер судебной речи был всецело усвоен судебным дискурсом дореволюционной и современной России. В судебной риторике допускаются столь часто использовавшиеся в судах Древней Греции и Рима доводы к пафосу и этосу, хотя

степень и объем их использования значительно изменился. В судебной речи приветствуется использование разработанных античной риторикой тропов и фигур для создания образности речи. Современный метод нейролингвистического программирования сознания присяжных в ходе судебного разбирательства базируется на колоссальном античном опыте судебного красноречия. Признается высокая эффективность ритмического воздействия устной речи, начала которого также уходит корнями в античность. Дальнейшее развитие получили методы невербального воздействия на аудиторию, у колыбели которых стоял классический античный театр.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Баишева З. В.* Риторические аргументы в защитительных речах Ф. Н. Плевако // Правовое государство: теория и практика. – 2011. – № 4 (26). – С. 30–35.
2. *Баишева З. В.* Языковая личность судебного оратора А. Ф. Кони : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Уфа, 2007. – 46 с.
3. *Гаспаров М. Л.* Цицерон и античная риторика // Марк Туллий Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве / под ред. М. Л. Гаспарова. – М., 1972. – С. 7–73.
4. *Коренная О. Б.* Логико-этические аспекты использования НЛП в процессе судебного заседания с участием присяжных заседателей // Вестник Амурского государственного университета. – 2015. – № 68. – С. 31–37. – (Серия: Гуманитарные науки).
5. *Корнилова Е. Н.* Риторика – искусство убеждать. Своеобразие публицистики античного мира. – М., 2010. – 208 с.
6. *Сергеич П.* Искусство речи на суде. – СПб., 1910. – 389 с.
7. *Сергеич П.* Уголовная защита. Практические заметки. – СПб., 1913. – 248 с.
8. *Тронский И. М.* История античной литературы. – Л., 1946. – 483 с.
9. *Трунов И. Л., Мельник В. В.* Искусство речи в суде присяжных. – М., 2011. – 662 с.
10. *Утченко С. Л.* Политические учения древнего Рима. – М., 1977. – 257 с.
11. *Утченко С. Л.* Цицерон и его время. – М., 1986. – 352 с.
12. *Фолькманн Р.* Риторика греков и римлян. – Ревель, 1891. – 42 с.
13. *Штаерман Е. М.* Римское право // Культура Древнего Рима. – Т. 1. – М., 1985. – С. 210–247.
14. *Gilbert G.* Handbuch der griechischen Staatsalterthumer. – V. 1. – Leipzig, 1882. – 614 S.

УДК 327.83

Р. Э. Абгарян

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры политологии ИМО и СПН МГЛУ;
e-mail: kafedra.politologia@yandex.ru

КАТЕГОРИИ «ПРОТИВОРЕЧИЕ» И «КОНФЛИКТ» В ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

В статье раскрывается сущность категорий «противоречие» и «конфликт» в истории социально-политической науки, изучаются особенности различных этапов формирования конфликтологии как направления современной политологии; проводится сравнительный анализ методологических основ конфликтологии, структурного функционализма и функционального конфликта.

Ключевые слова: противоречие; конфликт; конфликтология; структурный функционализм; функциональный конфликт.

R. E. Abgaryan

Ph. D. (Philosophy), Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Political Science
of the Institute of International Relations and Social-Political Science, MSLU;
e-mail: kafedra.politologia@yandex.ru

THE HISTORY OF SOCIO-POLITICAL THOUGHT'S “CONFLICT” AND “CONTRADICTION” CATEGORIES

The article describes essence of the “conflict” and “contradiction” categories in the history of social-political thought; different conflict study stages formation characteristics as a part of the modern Political Science. The author makes a comparative analysis of methodological frameworks of the conflict study, structural functionalism and functional conflict.

Key words: contradiction; conflict; conflictology; functional conflict.

Исследования сущности противоречия и конфликта имеют давнюю историю. Еще в VIII–IX вв. до н. э. в Древнем Китае философы обсуждали бинарность окружающего их мира, которая проявлялась в существовании двух первоначал – инь и ян – света и тьмы, солнца

и луны, огня и воды, активности и пассивности, мужского и женского, неба и земли и т. п. Причем эти первоначала находились в постоянном взаимодействии и противоборстве: «ян, достигая предела, превращается в инь; инь, достигая предела, превращается в ян» [3, с. 6]. Это нашло свое отражение в гексаграммах «Ицзин», где целая черта (ян) и прерванная (инь), обретая характер космических сил и борясь друг с другом, создают и изменяют материальный мир, а также общество, культуру и мораль. Наиболее яркое свое воплощение эти идеи нашли в теоретических разработках школы иньянцзя, а также в творчестве Ван Чуна, Дун Чжуншу и других.

Выявление двойственного начала всего сущего характерно и для первых философских школ, например, Милетской. Анаксимандр (VII–VI вв. до н. э.) утверждал, что всё возникает и умирает в результате развития *апейрона* – единого материального первоначала, порождающего противоположности. Благодаря вечному движению апейрона и образованию противоположностей одни миры рождаются, другие уничтожаются, так происходит вечный круговорот миров во Вселенной, который не нуждается ни в каком содействии Богов [1, с. 105].

Чуть позже другой великий греческий философ Гераклит (VI–V вв. до н. э.), которого современники называли «Гераклитом тёмным из Эфеса», сделал попытку не только вскрыть источник движения (борьбу противоположностей), но и доказать, что борьба противоположностей всеобща и имеет необходимый, то есть закономерный характер. В одном из фрагментов работы «О природе», дошедших до наших дней, Гераклит утверждает: «... всё происходит через борьбу и по необходимости» [там же, с. 360].

Идеи противоречивой сущности бытия, которая является источником движения, развития и носит закономерный характер, можно встретить также в трудах пифагорейцев, Сократа, Платона, Эпикура, Зенона и многих других древнегреческих и римских философов.

В Средние века существование противоположностей трактовалось в соответствии с библейскими заповедями и религиозной идеологией. Так свет и тень, день и ночь, праведное и лживое, мужское и женское, любовь и ненависть, жизнь и смерть – все эти начала нашли свое отражение в творчестве Ф. Аквинского, Э. Роттердамского, Н. Макиавелли, Ф. Бэкона и других великих мыслителей.

Учения древних и средневековых мыслителей о противоположностях, их взаимодействии и борьбе получили дальнейшее развитие в трудах Георга Вильгельма Фридриха Гегеля (1770–1831), главным творческим достижением которого стала диалектика как учение (метод) о развитии природы, общества и сознания. В основе любого развития (движения) лежат три закона.

Первый закон диалектики – закон единства и борьбы противоположностей, раскрывающий *источник развития* (движения). Второй закон диалектики – переход количественных изменений в качественные – указывает на *механизм развития* (движения). Третий закон диалектики – отрицание отрицания – определяет *направление развития* (движения) от менее совершенного к более совершенному [6, с. 635].

Учение Гегеля о диалектике можно считать основой для появления целого направления современной политической мысли – конфликтологии.

Первый этап развития конфликтологии берет свое начало с середины XIX в. и связан с именами К. Маркса, М. Вебера и Г. Зиммеля, а также Г. Моски и В. Парето. Общим основанием теоретических изысканий этих ученых считается признание того, что противоречие и его апогей – конфликт – являются естественным проявлением функционирования и развития любых общественных отношений. Именно противоречия и конфликты обеспечивают прогрессивное движение общественной жизни, так как несовпадающие интересы различных групп, общностей и их организаций взаимно уравниваются в процессе возникновения и разрешения конфликтов, устанавливая тем самым динамичное равновесие сил в ходе общественного развития.

Второй этап становления конфликтологии (начало – середина XX в.) связан с формированием структурного функционализма, еще одного направления современной социально-политической мысли, трактующего противоречие и конфликт как аномалию, болезнь общества, которую необходимо преодолевать. Основоположник этого направления Т. Парсонс разрабатывает целый ряд мер, так называемых функциональных предпосылок, обеспечивающих сохранение стабильности общественной системы и предотвращающих появление конфликтов, которые, по мнению ученого, ведут к дезагрегации общества и всех его структур.

К таким предпосылкам Т. Парсонс относит:

- 1) удовлетворение основных биологических и психологических потребностей значительной части населения данного общества;
- 2) эффективную деятельность органов «социального контроля», воспитывающих индивидов в соответствии с господствующими в данном обществе нормами и ценностями;
- 3) совпадение индивидуальных мотиваций и общественных целей, следствием чего является неукоснительное выполнение индивидом предписанных ему обществом функций [4, с. 321].

Точку зрения Т. Парсонса разделял и профессор Гарвардского университета Э. Мэйо (1880–1949). Ученый считал конфликт опасной «социальной болезнью», которую нужно всячески избегать, стремясь к «социальному равновесию» и «состоянию сотрудничества» как главным условиям «общественного здоровья» [там же, с. 326].

Несмотря на серьезные теоретические изыскания представителей структурного функционализма, в 50–60-е гг. XX в. появляются новые концепции социально-политического конфликта. Наиболее значительный вклад в конфликтологию этого этапа внес Р. Дарендорф. В своей работе «Классовая структура и классовый конфликт», опубликованной в 1965 г., исследователь пишет: «Не наличие, а отсутствие конфликта является чем-то удивительным и ненормальным» [2, с. 191]. «Вся общественная жизнь является конфликтом, поскольку изменчива. В человеческих обществах не существует постоянства, поскольку в них нет ничего устойчивого. Поэтому именно в конфликте находится творческое ядро всяких сообществ и возможность свободы» [4, с. 192]. В книге «Социальный конфликт в современности» автор четко определяет то противоречие (конфликт), которое будет главной движущей силой общественного развития на ближайшую перспективу, это – противоречие (конфликт) между равным правом на обладание вещами и благами и неравной возможностью доступа к ним [там же, с. 191–192].

Серьезный вклад в конфликтологию второго этапа внес американский социолог и экономист К. Боулдинг. В своей работе «Конфликт и защита. Общая теория» (1963) ученый писал, что «все конфликты имеют общие элементы и общие образцы развития, и именно изучение этих общих элементов может представить феномен конфликта в любом его специфическом проявлении» [там же, с. 199].

Другой американский социолог А. Гоулднер (1920–1980) подверг резкой критике идеи бесконфликтного состояния общественного

развития. С его точки зрения, главная задача науки заключается в выявлении причин противоречий и конфликтов в обществе, а также в поиске путей преодоления кризисных ситуаций [5, с. 15].

Удачную попытку примирения позиций структурных функционалистов и конфликтологов предпринял американский ученый Л. Козер, который выдвинул и обосновал идею «функционального конфликта». В своей работе «Функции социального конфликта» (1956) исследователь утверждал, что социальные группы, как и общество в целом, не может существовать без конфликтов, но последние играют существенную роль в обеспечении общественного порядка и устойчивости всей социальной системы, так как представляют собой «страхующий клапан системы, позволяющий через реформы и интегративные усилия приводить в соответствие с изменившимися условиями весь социальный организм» [4, с. 201].

Третий этап развития конфликтологии начался в 70–80 гг. прошлого века и связан с новыми тенденциями в исследовании конфликтов. Классическая конфликтология стала считаться слишком абстрактной, так как часто не могла дать конкретных ответов на современные вызовы. Новые теории конфликтов, разрабатываемые П. Бурдьё, Э. Гидденсом, Н. Флигстайном, основываются на принципах институционализма. Любой конфликт объясняется соперничеством старых и новых социальных институтов. Столкновение интересов различных претендентов и их групп за получение власти, статуса, ресурсов является сущностью любого современного конфликта.

Таким образом, категории «противоречие» и «конфликт» в истории социально-политической мысли не изменили своей сущности. Противоречие – это совокупность двух или более противоположностей, а конфликт – апогей развития противоречия, столкновение разнонаправленных сил (противоположностей) с целью реализации своих интересов в процессе противоборства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов : пер. с др.-греч. – М. : Книжный клуб, 2009. – 608 с.
2. *Дмитриев А. В.* Конфликтология : учеб. пособие. – М. : Гардарики, 2000. – 320 с.
3. *Кальной И. И., Сандулов Ю. А.* Философия для аспирантов. – СПб. : Лань, 2003. – 512 с.

4. Киселев С. Г. Политология. – М. : Проспект, 2011. – 480 с.
5. Синчук Ю. В., Потапов А. С., Белозеров В. К. Конфликтология: теория и практика : учеб. пособие для студ., обуч. по специальностям «Политология», «Психология», «Психология и педагогика». – Ч. I. Научно-теоретическая база конфликтологии. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. – 361 с.
6. Философский энциклопедический словарь / под ред. Л. Ф. Ильичева. – М. : Советская энциклопедия, 1983. – 836 с.

Н. А. Елисеева

аспирант кафедры политологии Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: eliseeva4@rambler.ru

«НОВАЯ» РОССИЙСКАЯ ВНЕСИСТЕМНАЯ ОППОЗИЦИЯ

Статья описывает несистемную оппозицию после 2010 г. Также вводится термин «новая» внесистемная оппозиция, который определяет главные отличия между российской оппозицией до 2010 г. и после. Отдельное внимание уделяется методам, применяемым оппозицией в социальных сетях.

Ключевые слова: оппозиция; внесистемная оппозиция; НКО; политические технологии; социальные сети, выборы.

N. A. Eliseeva

Postgraduate, Faculty of Political Science,
Saint-Petersburg State University;
e-mail: eliseeva4@rambler.ru

THE NEW RUSSIAN NON-SYSTEMIC OPPOSITION

The article describes the non-systemic opposition in Russia after 2010. Also it introduces the concept of “new” non-systemic opposition, which reveals its basic differences from the opposition before 2010.

Key words: opposition; nonprofit organization; political technology; Internet; elections.

С недавнего времени оппозиционные общественно-политические объединения подверглись пристальному вниманию и анализу, что связано непосредственно с началом публичной деятельности внесистемной оппозиции в России, направленной на смену власти.

Тем не менее первоначально внимание было обращено на становление оппозиционных лидеров, затем на оппозиционные партии и общественно-политические организации. Особый научный интерес представляют не столько предпосылки появления новой внесистемной оппозиции, сколько методы ее становления как реально действующей силы, апогей ее влияния, а в дальнейшем – спад с попытками реформирования. Помимо вышеперечисленного не остаются без внимания способы и методы, применяемые в осуществлении оппозиционной деятельности.

Существует несколько определений понятия «политическая оппозиция». Анна Танова считает, что это организованная группа активных

индивидов, объединенных сознанием общности своих политических интересов, ценностей и целей и ведущих борьбу с господствующим субъектом за доминирующий статус в системе государственной власти [9, с. 70]. Оппозиция может быть системной (парламентской) и внесистемной (непарламентской). Для России институт политической оппозиции не является новым явлением, так как его основы были первоначально заложены еще в начале XX в., когда, подписав Манифест 17 октября 1905 г., царское правительство признало наличие в обществе политической оппозиции и институционализировало ее [8, с. 3]. Однако всё прошлое столетие политическая оппозиция видоизменялась, и сейчас мы наблюдаем абсолютно «новую» внесистемную оппозицию.

Возникновение новой внесистемной оппозиции сформировалось в 2011 г., точкой отсчета принято считать митинг в Москве на Болотной площади, прошедший 10 декабря, хотя сама по себе внесистемная оппозиция, как и системная, существовала в России задолго до этого дня [12].

В качестве примеров можно привести следующих наиболее ярких представителей внесистемной оппозиции до 2011 г.:

- Либеральная Россия – либеральная российская политическая партия первой половины 2000-х гг., финансируемая Б. Березовским;
- Национал-большевистская партия (НБП), известная в 2000-е гг., на основе которой сейчас действует партия «Другая Россия» во главе с известным политическим деятелем Эдуардом Лимоновым;
- Союз правых сил (СПС) – официально зарегистрированный российский избирательный блок и либеральная политическая партия, существовавшая в Российской Федерации в 1999–2008 гг. Стоит отметить, что некоторые ныне широко известные российские оппозиционеры начинали свою политическую карьеру в СПС (Борис Немцов, Никита Белых, Ирина Хакамада, Леонид Гозман и др.).

Ориентируясь на всё вышесказанное, необходимо уточнить термин «новая» оппозиция. Он включает в себя оппозицию, активно участвующую в политической деятельности (как в самом государстве, так и за его пределами), по смене политического режима в России

после 2010 г. Особо яркими ее представителями являются: Алексей Навальный, Борис Немцов, Михаил Касьянов, Михаил Ходорковский, Гарри Каспаров и другие. Некоторые из них уже принимали участие в политической деятельности, начиная с 1990-х гг., однако в данной статье мы рассмотрим только указанный период времени.

Главной особенностью «новой» оппозиции являются способы осуществления протестной деятельности, а именно осуществление политической агитации и координации через Интернет и социальные сети (Facebook, Twitter, Вконтакте). Рассматривая данную тему, необходимо уточнить, что образцом подобного рода деятельности послужила президентская избирательная кампания 2007–2008 гг. в США. Так, Интернет дал Баракку Обаме возможность победить, поскольку именно в Сети был организован сбор средств на ведение предвыборной кампании, созданы площадки для дискуссий и общения с кандидатом. Отличительной чертой данной кампании стал выбор целевой аудитории: (молодежь 18–30 лет). Такими же способами пользовалась «новая оппозиция» в своей протестной деятельности с 2011 г. Стоит отметить, что каждый второй оппозиционный деятель и оппозиционная партия имели аккаунт в социальных сетях, с помощью которых применялись следующие классические политические технологии (оранжевые), направленные на дестабилизацию ситуации в государстве, а также свержение центральной власти.

1. Десакрализация власти. Регулярно преподносились факты, наглядно демонстрирующие ее управленческую несостоятельность и моральную распущенность.
2. Внедрение в массовое сознание и закрепление нескольких простых стереотипов, отвечающих формуле «кто не с нами, тот против нас», «народ против преступной власти».
3. Создание и энергичное внедрение внешнего признака «наших»: ленточки, цвет и т. д.
4. Для сплочения «наших» внедрение в сознание образа «неминуемой победы».
5. Задолго до дня голосования подспудное нагнетание в народе убеждения, что выборы будут сфальсифицированы, что власть будет использовать самые подлые способы.
6. «Мирный» протест против нарушений на выборах: митинги, палаточные городки [4, с. 117–125].

Следует добавить, что если в России происходит свержение центральной власти, то наступает хаос, льется кровь, возникает угроза самому существованию нации. Смута на рубеже XVI–XVII вв., революции и Гражданская война в XX в. – впечатляющее и наглядное тому подтверждение. В этих условиях для захвата власти в России достаточным может оказаться свержение центрального правительства [1, с. 113].

Благодаря применению данных технологий именно в социальных сетях, «новая» оппозиция за короткое время в 2011–2013 гг. смогла собрать масштабное протестное движение в России, впоследствии получившее название «белоленточное» [2]. В свете данных фактов стоит отметить, что общее количество пользователей Интернета в России в 2011 г. составляло 70 млн чел. [11], а охват аудитории «В Контакте» – 34,3 млн активных пользователей, Facebook – 9,3 млн чел., Twitter – более 1,85 млн [7]. В дальнейшем эти цифры только увеличивались. Во-первых, как уже говорилось, вся координация акций и протестов велась исключительно посредством социальных сетей, во-вторых, создавался эффект близости к народу. В связи с этим можно утверждать, что ведение протестной деятельности в Интернете и в социальных сетях в России было не только новым, но и крайне успешным способом.

Окончанием «белоленточного» движения можно считать 2013 г., а именно выборы мэра Москвы, на которых оппозиционный лидер Алексей Навальный проиграл Сергею Собянину (хотя предвыборная кампания Навального была интересна с точки зрения нововведений, например, расстановку кубов).

После 2013 г. начался спад влияния внесистемной оппозиции, который можно разделить на несколько этапов.

1. Реакция оппозиции на украинские события, а также присоединение Крыма к РФ.
2. Убийство Бориса Немцова 27 февраля 2015 г.
3. Выборы в Костромскую областную думу 13 сентября 2015 г.
4. Скандалы, связанные с подготовкой к выборам в Государственную Думу в 2016 г.
5. Выборы в Государственную Думу 18 сентября 2016 г.

Стоит отметить сразу, что ключевые лица после убийства одного из лидеров оппозиции Бориса Немцова поменялись. На арену

вновь возшел Григорий Явлинский с партией «Яблоко», который еще в 1990 г. был заместителем председателя Совета министров РСФСР; более весомый статус приобрел Михаил Касьянов, который был председателем Правительства Российской Федерации с 17 мая 2000 г. по 24 февраля 2004 г., и партия «ПАРНАС». Алексей Навальный и другие лидеры Болотной площади (Илья Яшин, Евгения Чирикова) и все отошли от прямых политических действий.

Каждый из вышеперечисленных этапов серьезно отнимал у оппозиции процент поддержки населения. 4-й и 5-й этапы стали заключительными в существовании «новой» оппозиции в том виде, в котором ее привыкли воспринимать. Об этом можно сделать вывод из результатов выборов в депутаты Государственной Думы РФ, прошедших по всей России 18 сентября 2016 г. «ПАРНАС» набрал 0,73 %, «Яблоко» – 1,99 % [6].

Говоря о внесистемной оппозиции, нельзя не упомянуть роль некоммерческих организаций (НКО), не имеющих в качестве основной цели своей деятельности извлечение прибыли и не распределяющих полученную прибыль между участниками [10]. Большинство НКО, занимающихся политической деятельностью на территории России, финансировались из-за рубежа. В таких ситуациях они являются не столько фактором развития демократии и поддержки демократических институтов, хотя такое направление в их деятельности тоже есть, сколько фактором дестабилизации политической обстановки [5, с. 69]. После принятия Закона РФ о НКО («Закон об иностранных агентах»), вступившем в силу 20 ноября 2012 г., и закона о реестре нежелательных организаций, подписанного 23 мая 2015 г. Президентом Российской Федерации Владимиром Путиным, половина НКО отказалась от такого вида финансирования. Особо интересной была формулировка Закона: «Нежелательной может быть признана иностранная или международная, но только неправительственная организация, представляющая угрозу основам конституционного строя РФ, обороноспособности страны и безопасности государства» [3]. Одними из самых известных НКО в России выступают «Мемориал», «Московская Хельсинская группа», «За права человека», «Голос», активно поддерживающие внесистемную оппозицию в России.

Подводя итоги, можно сказать, что исследование внесистемной оппозиции в России – крайне сложная и актуальная задача, требующая

детального научного анализа. Традиционные определения теряют свою объяснительную способность и не могут в полной мере служить основанием для классификации. Введение термина «новой» оппозиции позволит не только обозначить четкие временные рамки протестной деятельности в России, но и обратить внимание на неклассические способы и методы ее осуществления, что в дальнейшем даст возможность последующего изучения именно данного феномена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белозёров В. К.* Государство и его альтернативы // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2013. – Т. 6. – № 4 (30). – С. 109–113.
2. *Васильева М.* «Белая ленточка»: недовольные выходят из сети на улицы // Русская служба BBC. – URL : http://www.bbc.com/russian/russia/2011/12/111208_white_ribbon_russia.shtml
3. Госдума приняла закон о «нежелательных организациях» // Политика. – URL : <http://tass.ru/politika/1979957>
4. *Гречишников С. Е.* Избирательные технологии : монография. – М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация, 2011. – 287 с.
5. *Лазичный К. И., Михеев А. В.* Деятельность некоммерческих организаций как угроза безопасности страны // Вологодские чтения. – 2009. – № 74. – 203 с.
6. Результаты выборов в Госдуму РФ 2016 // http://www.vybory.izbirkom.ru/region/region/izbirkom?action=show&root=1&tvd=100100067795854&vrn=100100067795849®ion=0&global=1&sub_region=0&prver=0&pronetv=0&vibid=100100067795854&type=233
7. Социальные сети – итоги 2011 года. – URL : <http://www.mia-grup.ru/socialnye-seti-v-rossii-itogi-2011goda.html>
8. *Танова А. Г.* Легальная оппозиция в политическом процессе современного российского общества : автореф. дис. ... канд. социол. наук. – 2003. – 24 с.
9. *Танова А. Г.* Политическая оппозиция: к определению понятия // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2003. – Сер. 6. Вып. 4. (№ 30). – 201 с.
10. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 30.12.2015) «О некоммерческих организациях». – Ст. 2. Ч. 1.
11. Число пользователей Интернет в России составило 70 млн человек // SCNC.ru : научно-популярный журнал. – URL : http://scnc.ru/page.php?al=chislo_polzovatelej_inte
12. “Putin Out”, Russian protesters chant // CNN. – URL : http://edition.cnn.com/2011/12/10/world/europe/russia-protests/index.html?hpt=hp_t1

А. А. Кравцов, С. С. Кондрашов, И. О. Жанкевич

Кравцов А. А., кандидат технических наук;
Почетный работник науки и техники РФ, член-корреспондент РАЕН;
профессор факультета информационных технологий
и управления информацией МГЛУ;
e-mail: kravtsov@linguanet.ru

Кондрашов С. С., магистр I курса факультета информационных
технологий и управления информацией МГЛУ;
e-mail: sergey1994kondrashov@yandex.ru

Жанкевич И. О., магистр I курса факультета информационных
технологий и управления информацией МГЛУ;
e-mail: dfyz-zhan@rambler.ru

**ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ПОДГОТОВКИ
СПЕЦИАЛИСТОВ КОНКУРЕНТНОЙ РАЗВЕДКИ В РОССИИ
КАК АДЕКВАТНЫЙ ОТВЕТ НАРАСТАЮЩЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЭКСПАНСИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН**

В статье проанализировано значение конкурентной разведки как стратегического инструмента для укрепления позиций и освоения Российской Федерацией новых рынков на международной арене. Авторы обосновывают необходимость формирования института подготовки специалистов данного направления в контексте стратегии национальной безопасности. Рассмотрена необходимость развития нормативно-правовой базы и установления этических норм относительно разведки открытых источников информации как основного метода ведения деловой разведки.

Ключевые слова: конкурентная разведка (КР); национальная безопасность; деловая разведка; разведка открытых источников информации (РОИИ); информационно-аналитический мониторинг.

A. A. Kravtsov, S. S. Kondrashov, I. O. Zhankevich

Kravtsov A. A., Ph.D. (Technical Sciences);
Professor of the Faculty of Information Technologies
and Information Management, MSLU;
e-mail: kravtsov@linguanet.ru

Kondrashov S. S., First-year master, Faculty of Information
Technologies and Information Management;
e-mail: sergey1994kondrashov@yandex.ru

Zhankevich I. O., First-year master, Faculty of Information
Technologies and Information Management;
e-mail: dfyz-zhan@rambler.ru

FORMATION OF THE INSTITUTION OF COMPETITIVE INTELLIGENCE SPECIALISTS TRAINING IN RUSSIA AS THE APPROPRIATE RESPONSE TO THE GROWING ECONOMIC EXPANSION OF FOREIGN COUNTRIES

The article analyzes the importance of competitive intelligence as a strategic instrument for strengthening of positions and opening up new markets by Russian Federation in the international arena. The authors prove the importance of training competitive intelligence specialists in relation to national safety. They study the necessity of the normative legal basis and ethical standards developing in respect to open source intelligence as the main competitive intelligence method.

Key words: competitive intelligence (CI); national safety (security); business intelligence; open source intelligence (OSINT); information-analytical monitoring.

В результате жесткой конкуренции в секторе крупного бизнеса и возрастающей в секторе среднего укрепление позиций на международной арене для экономики Российской Федерации приобрело одно из ключевых значений с точки зрения выживания в условиях современного рынка. Следовательно, целенаправленное развитие государством института конкурентной разведки (КР) имеет стратегическое значение для Российской Федерации, что в свою очередь находит отражение в стратегии национальной безопасности [4].

Термин «конкурентная разведка» является переводом зарубежного *competitive intelligence*, под которым понимается деятельность по сбору и обработке данных из разных источников, проводимая в рамках закона и с соблюдением этических норм, для выработки управленческих решений с целью повышения конкурентоспособности коммерческой организации.

Для устранения или предотвращения появления конкретной угрозы национальной безопасности приходится прибегать к той или иной защите (обеспечению безопасности). Методы защиты могут быть самыми разнообразными. Их главное свойство и направленность – это адекватность угрозам и снижение уровня их опасности. КР оказывает непосредственное влияние на совершенствование структуры производства и экспорта, антимонопольное регулирование и поддержку конкурентной политики, которая в свою очередь является частью государственной социально-экономической политики, цель которой – развитие государственных научных и научно-технологических организаций, способных обеспечить конкурентные преимущества

национальной экономики и потребности национальной обороны за счет эффективной координации научных исследований и развития национальной инновационной системы. Вышесказанное в полной мере позволяет считать КР одним из ключевых средств обеспечения национальной безопасности.

В свете такого события как вступление России во всемирную торговую организацию (ВТО) российскому бизнесу уже пришлось столкнуться с жесткой конкуренцией с зарубежными транснациональными корпоративными структурами, которые оттачивают технологии конкурентной борьбы уже не первый десяток лет. Конкурентное противоборство между хозяйствующими субъектами усиливается как внутри страны, так и на межгосударственном уровне, причем не только внутри, но и между отраслями экономики, в том числе с задействованием механизмов промышленного шпионажа.

Опыт показывает, что при слиянии национального рынка с международным происходит потеря национального контроля над целыми отраслями экономики. Одной из причин превосходства международных компаний, по мнению ведущих российских экспертов, является использование современных производственных и управленческих технологий. Важнейшая составляющая этих технологий – обеспечение конкурентоспособности за счет организации эффективной конкурентной разведки. Особо стоит выделить в данном аспекте Японию, в которой в направлении КР работают с конца пятидесятих годов прошлого столетия [3]. Американский, западноевропейский и интенсивно развивающийся китайский бизнес также достаточно давно определил для себя значение КР [2].

В частности, из числа 3 тыс. крупнейших компаний США большинство уже занимаются конкурентной разведкой. В данном контексте следует подчеркнуть, что Российская Федерация не выступает в роли догоняющего, так как имеет достаточный объем интеллектуальных и производственных ресурсов соответствующего профиля и их адаптация к условиям текущей мировой конъюнктуры является вопросом времени.

Эффективность ведения КР обусловлена кадровым потенциалом специализированных подразделений компаний и фирм, обладающих высокой профессиональной компетентностью. Несмотря на то, что в России формирование института подготовки специалистов КР

только начинается, целесообразно заметить, что в стране достаточно опытных высококвалифицированных специалистов, компетентных и имеющих отточенные навыки в смежных областях; в частности, деятельность существующих в компаниях подразделений КР в основном базируется на выходах из отечественных спецслужб. Это делает возможным использование теоретико-практических наработок в области военной и политической разведки и вносит положительные коррективы в скорость формирования института КР в России. В последнее время в нашей стране стали проводиться тренинги, семинары, различные курсы в основном в рамках специальностей «Информационная безопасность», «Экономическая безопасность хозяйствующего субъекта» и «Менеджмент и комплексная безопасность предприятия (организации)» и т. д.

Данная образовательная деятельность не отвечает объективно возникшим потребностям в подготовке кадров указанного профиля. Со стороны государства, безусловно, требуются системные иницирующие действия. В ближайшее десятилетие потребность в специалистах КР будет неуклонно возрастать, что обуславливает необходимость решения актуальной проблемы – расширения сети учебных заведений, создания многоуровневой системы профессионального образования и разработки эффективной междисциплинарной методологии подготовки высококвалифицированных компетентных профессионалов конкурентной разведки.

Среди методов КР присутствуют наблюдение, осведомление, экспертные оценки, использование маркетинговых технологий, прогнозирование, анализ рисков, использование сети межличностных контактов и др. Но основным инструментом КР является разведка открытых источников информации (РОИИ). Превалирующий объем сведений, добываемых органами КР, извлекается из открытых источников. В среднем из них может быть получено до 80 % требуемой разведывательной информации. Широкое внедрение систем информационно-аналитического мониторинга позволяет выводить эффективность работы на качественно иной уровень. Это обуславливается спецификой их возможностей, таких как постоянный сбор и обработка информации, гибкость настройки¹.

¹ <http://scip.org.ua/uk/node/361> (дата обращения: 18.02.2016).

В связи с вышесказанным нельзя не обратить внимание на необходимость развития нормативно-правовой базы и установления этических норм относительно КР. Конкурентная разведка в отличие от корпоративного шпионажа с уважением относится к законам, охраняющим чужие секреты и личные права. Но в этом заключается основная трудность – получить нужные сведения о конкурентах, не нарушая границу, разделяющие эти два понятия. Тем более это сложно в России, где правовая база для деловой разведки еще окончательно не сформировалась, границы весьма размыты. В настоящее время российское законодательство об охране служебной и коммерческой тайны представляет собой совокупность статей, которые содержатся в различных правовых актах, посвященных в целом регулированию иных общественных отношений. На Западе давно ведется работа в данной области. Strategic and Competitive Intelligence Professionals (SCIP) разработало Этический кодекс, который позволяет установить этические стандарты в области КР¹. Но принимая во внимание этические и законодательные нормы, нужно иметь в виду, что законодательство различных стран имеет довольно расхожие стандарты относительно доступности информации, что создает определенные трудности и ставит также проблему подготовки специалистов в области права в контексте КР. Отсутствие юридических трудностей позволяет достигать более высоких показателей эффективности.

В современную эпоху торговых войн роль и масштабы деловой разведки возрастают. Для того чтобы в условиях жесточайшей конкуренции сохранить и преумножить свое влияние на мировой арене, Россия нуждается в твердо стоящей на ногах экономике, существование которой невозможно без четко функционирующей системы конкурентной разведки. В текущих условиях конъюнктуры международного рынка это не просто вопрос благосостояния народа. Это вопрос выживания и сохранения государственной самостоятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурьяк А. Аналитическая разведка. – 2003. – URL : <http://analytical.narod.ru>
2. Кравцов А. А. Подготовка квалифицированных кадров по дисциплине «Конкурентная разведка» в России и других странах // НАУКОВЕДЕНИЕ :

¹ <http://www.scip.org> (дата обращения: 18.01.2016).

интернет-журнал. – 2013. – № 2. – URL : <http://naukovedenie.ru/PDF/43pvn213.pdf>

3. *Прилуков М. В.* Роль деловой (конкурентной) разведки в обеспечении национальной безопасности и политической стабильности в Российской Федерации : дис. ... канд. полит. наук. – М., 2006. – 351 с.
4. Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года».
5. *Managing Global Chaos: Sources of and Responses to International Conflict / Ed. by Ch. A. Crocker and F. O. Hampson with P. Aall.* – Washington D.C. : United States Institute of Peace Press, 1996. – 480 p.

УДК 34.096

И. Ю. Никодимов

доктор юридических наук, профессор,
кафедра правоведения, МИРЭА;
e-mail: inikodimov@rambler.ru

РАЗЛИЧНЫЕ МЕТОДЫ ОЦЕНКИ КОРРУПЦИИ КАК СПОСОБ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВА

Автор рассматривает коррупцию как социально-общественное явление, а также юридический подход и юридическую ответственность за данное правонарушение. Вместе с тем, автор обращает внимание на существование большого количества подходов и реальных индексов, которые пытаются оценить коррупцию с разных аспектов и в разных странах. Автор приходит к выводу, что все существующие индексы и подходы, осуществляющие оценку коррупции, производят это в интересах небольшого количества людей и не отражают реальную ситуацию с точки зрения большинства граждан. Кроме того, автор указывает на то, что в настоящее время не существует российского индекса, который отображал бы интересы большинства граждан РФ в отношении существующего состояния коррупции в государстве. Автор указывает на острую необходимость выработки такого критерия и утверждения такого индекса, чтобы больше не пользоваться индексами, спущенными нам иностранными заинтересованными лицами и совершенно не отражающими оценку коррупционной составляющей с точки зрения простых граждан РФ.

Ключевые слова: коррупция; противодействие коррупции; «Транспаренси интернешнл»; критерии оценки коррупции; индексы оценки коррупции.

I. Yu. Nikodimov

Advanced Doctor (Law), Professor, Law Department,
Moscow Technological University (MIREA);
e-mail: inikodimov@rambler.ru

VARIOUS METHODS OF CORRUPTION ASSESSMENT AS A MECHANISM FOR EVALUATION OF STATE FUNCTIONING EFFICIENCY

In this article, the author considers corruption as a social phenomenon. Examines the legal approach and legal responsibility for this offence. However, the author draws attention to the existence of many approaches and real indices that attempt to assess corruption from different angles and in different countries. Finally the author comes to the conclusion that all existing indexes and approaches involved in the assessment of corruption, make it narrowly in the interests of a small number of groups of interested individuals and do not reflect the real situation from

the point of view of most citizens. In addition, the author indicates that there is no the Russian index, which reflected the interests of the majority of citizens of the Russian Federation at the moment. The author points to the urgent need to develop such criteria and the adoption of an index in order to use indexes deflated us foreign interested parties and does not reflect the rating of corruption from the point of view of ordinary citizens of the Russian Federation.

Key words: corruption; combating corruption; “transparency international”; the evaluation criteria of corruption; the assessment indexes of corruption.

По мере выстраивания вертикали власти в Российской Федерации вопросы противодействия коррупции постоянно находятся в центре внимания. В 2008 г., уходя с поста президента Российской Федерации, В. В. Путин на вопросы журналистов о том, что удалось и не удалось ему сделать за два срока президентства сообщил, что в целом ходом развития страны он доволен, а из самых серьезных проблем отметил, что не удалось справиться с коррупцией. Именно с этого периода следует отмерять современный этап борьбы с коррупцией в Российской Федерации.

Никто не говорит, что коррупции до этого не было, или что с ней не боролись. Еще в Ветхом Завете говорится о коррупции, первыми еще древние евреи подняли этот вопрос. В России его впервые подставил Иван Грозный.

Именно в 2008 г. был сформирован совет при Президенте по противодействию коррупции, с большей силой продолжила формироваться современная законодательная база противодействия коррупции.

Прошло 6 лет, было проведено много работы и в законодательной сфере, и в оперативно-розыскных мероприятиях, и в сфере народного просвещения данной тематикой, и, как следствие, появилось много статей на данную тему.

Обращает на себя внимание тот факт, что практически все статьи начинаются с оценки коррупционной ситуации в нашей стране, затем авторы раскрывают обозначенную ими тему [3]. В 90 % статей авторы приводят статистику компании «Транспаренси интернешнл». По ее данным, РФ занимает одно из самых последних мест в мире на текущий момент. Но главное, все авторы обязательно скажут, что это место между Сальвадором и Гондурасом или между Верхней Вольтой и Бандустаном. Объем перепечаток подобной информации огромен, все авторы бездумно передают эту информацию из статьи в статью,

не задумываясь об объективности и корректности данной информации и тем более о логическом завершении фразы о Гондурасе. Далее авторы развивают и исследуют поднятую тему, но про Гондурас вставляют как вступление практически все.

Читая данные статьи, автору это показалось знакомым. Когда-то это мы уже проходили. Не это ли главное, что нужно сказать «Транспаренси интернешнл»? А наши авторы просто бездумно перепечатывают данную информацию или нет? Что это?

Попробуем разобраться.

Сначала нужно выяснить, что такое «Транспаренси интернешнл». Согласно тому, как они позиционируют себя, – это независимая, неправительственная, некоммерческая общественная организация, активная часть гражданского общества.

Выясняем, что «Транспаренси интернешнл» это частная организация. Акционерами являются две женщины. Одна – Елена Панфилова, которая уже 16 лет является бессменным руководителем, и бывшая сотрудница библиотеки госдепа США. Бюджет и финансирование этой организации выяснить не удалось. «Транспаренси» оказалось не «Транспаренси». Но, судя по тому, что правительство России данную организацию отнесло к «иностранным агентам», автор понимает, что у правительства есть информация о том, что заказчики данных отчетов находятся за рубежом, поэтому полученным результатам удивляться не приходится.

Автор далек от мысли, что эти две женщины так хорошо зарабатывают, что могут содержать такую организацию и платить целой армии экспертов для получения огромного количества работ по данной тематике [1].

В этой связи вспоминается работа В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература», где в 1905 г. он говорил, что литература, если она утверждает, что независима, то это означает, что она зависит от «толстого кошелька» (от олигархов, говоря современным языком).

Ничего страшного, что данная организация представляет интересы американских олигархов. Самое главное – мы должны это знать. Следовательно, если американские олигархи поставили Россию на 136 место, им не очень много досталось от России, а значит, досталось российскому народу или российским олигархам. Может это и лучше.

Проверим. В 1993 г. «Транспаренси» ставили Россию на 86 место. А как грабили Россию в 1993 г. это мы помним хорошо. Хотя бы по расстрелянному Дому правительства и тысячам жертв переворота. О хищениях в виде приватизации и говорить не приходится. Коррупция зашкаливала. Это сейчас признает весь мир, но только не «Транспаренси» – они считали, что всё хорошо, конечно, для американской олигархии был Клондайк. Помните, как Ходорковский чуть не продал всю нашу нефть американцам?

На самом деле они делают хорошее дело: все, что неявное делает явным – улучшает и демократизирует ситуацию. Просто нужно понимать, что это оценка американской олигархии. Поэтому нужно скорректировать ситуацию.

Следовательно, ни в коем случае нельзя ограничиваться только оценкой «Транспаренси», нужны еще и другие.

К данному типу оценок, которые являются экспертными, относится еще индекс NIT американской общественной организации Freedom House, индекс восприятия коррупции GDR Всемирного банка, индекс CPIA Всемирного банка и многие другие. Общим для всех этих индексов и оценок является то, что они отражают точку зрения международных (как правило американских) финансово-промышленных групп.

В связи с тем, что данные оценки являются экспертными, следует остановиться на основах математической статистики. А именно: собранный в процессе статистического наблюдения материал нуждается в определенной обработке, сведения разрозненных данных объединяются. Научно организованная обработка материалов наблюдения (по заранее разработанной программе), включающая в себя кроме обязательного контроля собранных данных систематизацию, группировку материалов, составление таблиц, получение итогов и производных показателей (средних относительных величин), в статистике называется сводкой.

Сводка представляет собой второй этап статистического исследования. Ее целью является получение на основе сведенных материалов, обобщающих статистических показателей, отражающих суть социально-экономических явлений и определенных статистических закономерностей.

Статистическая сводка осуществляется по программе, которая должна разрабатываться еще до сбора статистических данных,

практически одновременно с составлением плана и программы статистического наблюдения. Программа сводки включает определение групп и подгрупп; системы показателей, видов таблиц.

Группировка – это деление совокупности на группы, однородные по какому-либо признаку. С точки зрения отдельных единиц совокупности, группировка – это объединение отдельных единиц совокупности в группы, однородные по каким-либо признакам.

Устойчивое разграничение объектов выражается классификацией, которая основывается на самых существенных признаках (например, классификация опросных групп по профессии, классификация опросных групп по полу, возрасту, национальности, вероисповеданию и т. д.).

Кроме классификации следует обратить внимание на объем выборки. Если мы изучаем уровень коррупции в стране, то надо, чтобы выборка была репрезентативной и объективной. Необходимо осуществить опрос такого количества респондентов, которое признает наука статистика, и опросы должны обязательно осуществляться по вышеназванной классификации. Иначе результат будет некорректен с точки зрения математической статистики. Таким образом, оценки данного типа не могут быть признаны объективными и отражающими точку зрения всего населения страны. Данного вида оценки отражают точку зрения заказчика, а именно – финансово-промышленной группы США.

Кроме оценок данного типа существуют еще оценки международных государственных организаций. Например, оценки и рекомендации ГРЕКО.

Для этого наша страна вступила в ГРЕКО – группа государств по борьбе с коррупцией (GRECO – Group of states against corruption). Данная Организация была создана в 1994 г. министрами юстиции стран Европейского Союза. Россия присоединилась к ГРЕКО в 2007 г.

ГРЕКО опубликовала доклад об уровне коррупции в России, в нем говорится о том, что Россия прошла объединенную процедуру оценки. В состав Оценочной группы ГРЕКО (далее – ОГГ) вошли: Джозеф Ганглофф, заместитель директора Управления правительственной этики (США); Мартин Кройтнер, директор Федерального бюро внутренней безопасности, (Австрия); Георгий Рупчев, директор по международному сотрудничеству и европейской интеграции Министерства юстиции (Болгария); Пьер-Кристиан Соккожа из Министерства

иностранных дел (Франция). Делегация ОГГ, к которой присоединились также Вольфганг Рау, исполнительный секретарь ГРЕКО, Бьёрн Янсон, заместитель исполнительного секретаря, Майкл Янссен из секретариата ГРЕКО.

Эксперты ОГГ встретились с должностными лицами следующих государственных учреждений: Министерства юстиции, Администрации Президента Российской Федерации, Аппарата Совета безопасности, Министерства финансов, Министерства внутренних дел, Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, Высшей квалификационной коллегии судей, Верховного Суда, Высшего арбитражного суда РФ, Конституционного суда РФ, Министерства экономического развития и торговли, Федеральной службы по финансовому мониторингу, Федеральной налоговой службы, Правительственной комиссии по административной реформе, Федеральной службы безопасности, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Федеральной антимонопольной службы, Министерства иностранных дел, Счетной палаты, Федеральной таможенной службы, Общественной палаты и Генеральной прокуратуры, включая Следственный комитет. Кроме того, эксперты ОГГ встретились с частными аудиторами, представителями «Трансперенси Интернэшнл», фонда «ИНДЕМ» («Информатика для демократии»), межрегионального движения «Против коррупции, мошенничества и фальши», поволжского фонда «Антикоррупция», Торгово-промышленной палаты, а также представителями регионов и СМИ.

Доклад был подготовлен, главным образом, на основе ответов органов власти на вопросники, а также дополнительной информации, полученной во время непосредственного посещения страны. Основной целью доклада является оценка эффективности принимаемых российскими властями мер по противодействию коррупции. В докладе по каждой теме дана характеристика ситуации с последующим ее критическим анализом. В выводах приведен список рекомендаций, утвержденный ГРЕКО и направленный Российской Федерации в целях более полного соблюдения рассматриваемых положений.

По мнению ОГГ количество правонарушений, связанных с коррупцией, со времен СССР резко возросло – она стала широко распространенным социальным явлением. Нередко высказывалась точка зрения о

том, что коррупция является результатом перехода от прежней системы к построению новой России, в частности к созданию рыночной экономики, а также о том, что существующий масштаб коррупции – это цена, которую стране пришлось заплатить за такие преобразования. Кроме того, информация, которую получила ОГГ, указывает на то, что коррупция затронула почти все виды государственной власти, включая судебную. Некоторые представители заявили, что коррупцией поражена вся политическая система. Мнения о распространенности коррупции в России столь поразительно единодушны, что это явление, судя по всему, приобрело системный характер и затрагивает всё общество в целом, включая его основы. Высокий уровень коррупции, выявленный в секторе государственного управления и в частном секторе, характерен и для государственных структур, призванных противодействовать коррупции, в частности для правоохранительных органов. Хотя в отношении уровня и масштабов коррупции в России существует единое мнение, ОГГ не может не принимать во внимание тот факт, что имеющаяся информация об уровне коррупции носит довольно общий характер и во многом основывается на предположениях. Сложная ситуация, в которой оказалась Россия, нуждается, по мнению ОГГ, в более подробном изучении, например путем проведения углубленного исследования, которое дало бы более детальное представление о масштабах коррупции в стране как на общенациональном, так и региональном уровнях, о ее реальных формах и о том, какие сферы и учреждения ею затронуты. Более того, подобные исследования / обзоры для обеспечения высокой степени легитимности и объективности должны в идеале проводиться периодически с тем, чтобы выявлять изменяющиеся формы и тенденции, должны основываться на официальных данных и информации со стороны гражданского общества, а также на отработанной методике международного сообщества [2].

Представители ведомств, с которыми встретилась ОГГ, подчеркнули, что разработка программ по борьбе с коррупцией важна не только на внутригосударственном уровне, но и составляет часть внешней политики, поскольку коррупция признается фактором, наносящим урон репутации РФ в мире, препятствующим развитию предпринимательства и снижающим международную конкурентоспособность.

В этой связи недавнее присоединение к международно-правовым документам по борьбе с коррупцией, в частности к Конвенции

Организации Объединенных Наций против коррупции (КООНПК) и Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию, а также вступление России в ГРЕКО (2006–2007) являются важными шагами в верном направлении. Кроме того, внешнюю политику следует также рассматривать с точки зрения дальнейших перспектив присоединения России к Конвенции ОЭСР о борьбе с подкупом иностранных государственных должностных лиц в международных коммерческих сделках.

ГРЕКО неизменно придерживается той точки зрения, что краеугольным камнем в деле предотвращения коррупции является высокая степень прозрачности в системе государственного управления. ОГГ твердо убеждена, что в России обеспечению прозрачности системы управления и независимости средств массовой информации следует уделять особое внимание. В этой связи ОГГ приветствует тот факт, что эти компоненты включены в НППК. Однако, по мнению ОГГ, формирование столь важных составляющих демократического общества нельзя формулировать лишь как общие цели, что имеет место в нынешней НППК, – они должны быть реализованы на практике путем четко определенных действий, которые надлежит предпринять как в краткосрочной, так и долгосрочной перспективе. ОГГ приветствует тот факт, что в НППК со всей очевидностью отражен превентивный подход, однако у ОГГ есть серьезные сомнения в отношении того, достаточны ли предусмотренные превентивные меры для борьбы с первопричинами проблем. Вероятно, эти меры скорее сосредоточены на введении запретов и механизмах контроля. При этом также предусмотрены такие меры, как ускорение административных процедур и повышение качества государственных услуг. НППК охватывает три основные области: законодательство, направленное на преобразования в обществе; превентивные меры в рамках государственного управления; повышение профессионального уровня юридических кадров, включая судей, но исключая сотрудников правоохранительных органов. В этом отношении, в частности, ОГГ отмечает, что предусмотренные меры недостаточно конкретизированы и в некоторых случаях отражают только общие цели, например, «реализацию прав граждан на получение достоверной информации», «повышение независимости средств массовой информации», «принятие мер по предотвращению конфликта интересов». Еще одной проблемой, хотя и в меньшей

степени, является дублирование мер, предусмотренных в Концепции административной реформы в 2006–2010 гг. Меры в отношении юридических кадров (в том числе судей), по всей видимости, касаются в основном только образования, а проблема коррупции в правоохранительных органах решается только путем некоторых изменений законодательства. НППК, похоже, является результатом применения директивного подхода и практически не предусматривает возможностей для участия гражданского общества, если вообще предусматривает. ОГГ придерживается твердого мнения, что НППК является не последовательной стратегией борьбы с коррупцией, а набором разнообразных мер, которые по большей части адекватны, однако недостаточно конкретизированы, из-за чего их сложно реализовывать и еще сложнее контролировать. ОГГ также хотела бы подчеркнуть, что установленные сроки осуществления этих многочисленных мер представляются чрезвычайно сжатыми, особенно в том, что касается предусмотренных законодательных реформ. Существует риск того, что НППК в своем нынешнем виде станет не действенным всеобъемлющим инструментом, которым он должен быть, а еще одной программой в числе многих. Необходимо отметить, что первоочередной задачей в рамках НППК, которую Совет при Президенте РФ «получил в наследство» от МРГ, является разработка федерального закона о коррупции. Как уже было сказано выше, в понимании ОГГ этот закон – при условии, что он будет в достаточной степени конкретным и всеобъемлющим – должен стать базовой стратегией борьбы с коррупцией в Российской Федерации. В заключение ОГГ рекомендует разработать на основе Национального плана противодействия коррупции (НППК) всеобъемлющую национальную стратегию борьбы с коррупцией, которая будет охватывать федеральный, региональный и местный уровни в Российской Федерации.

В стратегии нужно сделать акцент на предотвращение коррупции и обеспечение прозрачности системы государственного управления, а также следует уделить должное внимание проблемам гражданского общества. Необходимо также охватить все государственные секторы, в том числе и правоохранительную деятельность, и установить реалистичные и обязательные сроки ее выполнения. Следует ознакомить общественность со стратегией и планом действий в целях обеспечения высокой степени информирования о стратегии и мерах, которые должны быть предприняты.

ОГГ приветствует создание Президентом Российской Федерации Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции как централизованного антикоррупционного органа. О серьезной политической поддержке этого органа говорит тот факт, что его председателем является сам Президент. Также следует отметить, что в Совет входят все соответствующие представители федерального правительства, других федеральных органов власти и судебных органов. При этом ОГГ отмечает, что сегодняшний состав Совета не предусматривает непосредственного участия в его работе представителей регионов или гражданского общества, хотя при Совете могут быть созданы рабочие группы по конкретным вопросам с более широким участием представителей общества. Тем не менее сегодняшний состав Совета сформирован исключительно исходя из интересов федеральных органов власти, что может навлечь на него критику за то, что его работа сосредоточена – или кажется сосредоточенной – на мерах, принимаемых по линии центральных органов власти, а также за недостаточно широкий охват деятельности, не позволяющий в полной мере учитывать особенности регионов и гражданского общества в целом. В связи с этим ОГГ считает чрезвычайно важным расширить нынешний состав Совета, созданного для того, чтобы нести общую ответственность за осуществление и координацию антикоррупционных стратегий во всех регионах Российской Федерации, за счет включения в него большего числа представителей общественности в дополнение к уже состоящим в нем высокопоставленным чиновникам федерального уровня. Более широкий состав Совета не только позволил бы обеспечить реальный комплексный подход и увеличить его экспертный потенциал, но также укрепил бы его легитимность в глазах широкой общественности и международного сообщества. Поэтому ОГГ рекомендует сделать Совет при президенте РФ по противодействию коррупции более представительным, чтобы он мог учитывать и интересы регионов, и интересы гражданского общества.

ОГГ отметила, что борьбе с коррупцией в России уделяется повышенное внимание, о чем свидетельствует наличие в различных правоохранительных органах специализированных структурных подразделений.

В заключение следует сказать, что ОГГ выражает твердое убеждение в том, что дальнейшее укрепление независимости судебной

власти должно стать одной из первоочередных задач национальной антикоррупционной стратегии и ему должно быть отведено особое место в Национальном плане противодействия коррупции. В этой связи особенно важно решить проблему недолжного давления при наборе судей и обеспечить независимость и беспристрастность судей при выполнении ими своих должностных обязанностей. Такие реформы невозможны без активного участия самих судебных органов. ОГГ рекомендует обеспечить дальнейшее практическое укрепление принципа независимости судебной власти, предусмотренного российской Конституцией и законодательством, в частности применительно к процедурам приема на работу / повышения в должности и к осуществлению судебных функций.

В Российской Федерации коррупция представляет собой широко распространенное явление системного характера, которое затрагивает всё общество в целом, включая его основы, в частности государственное управление и сферу предпринимательства, а также государственные институты, призванные бороться с коррупцией, такие как правоохранительные органы и судебная система. Нет сомнения в том, что российские власти серьезно и последовательно относятся к решению этих проблем; борьба с коррупцией признана одним из приоритетных направлений на самом высоком политическом уровне. В мае 2008 г. был создан президентский Совет по противодействию коррупции в качестве органа, осуществляющего общую координацию, а в июле 2008 г. Президент одобрил Национальный план по борьбе с коррупцией, в еще большей степени способствовавший укреплению политической воли принимать жесткие меры для борьбы с коррупцией. Более того, у должностных лиц, по-видимому, имеется твердая уверенность в необходимости принять серьезные меры для борьбы с коррупцией, а не просто намерение издавать декларации, программы и законы, которых и так в избытке. Для этого Национальный план по борьбе с коррупцией необходимо дополнить четкой и последовательной стратегией по борьбе с коррупцией и подробным планом ее реализации. Кроме того, необходимо усилить участие региональных и местных властей, а также гражданского общества в работе по общей координации мер, направленных на борьбу с коррупцией.

Российской Конституцией и законами для большого числа категорий должностных лиц установлена всеобъемлющая система

иммунитетов от уголовного преследования и задержания. Необходимо сократить число таких категорий до минимума, требуемого в демократическом обществе, и тщательно пересмотреть порядок снятия таких иммунитетов.

В свете вышеупомянутого ГРЕКО рекомендует Российской Федерации следующее.

I. На основе Национального плана по борьбе с коррупцией разработать всеобъемлющую национальную стратегию по борьбе с коррупцией, охватывающую федеральный, региональный и местный уровни Российской Федерации. Стратегия должна уделять значительное внимание профилактике коррупции и прозрачности государственного управления и надлежащим образом учитывать озабоченность гражданского общества; также она должна охватывать все соответствующие государственные сферы, включая правоохранительную деятельность, и иметь реалистичные и обязательные для выполнения сроки реализации. Стратегия и план действий должны быть доведены до широкой общественности для обеспечения высокой осведомленности об этой стратегии и принимаемых мерах.

II. Обеспечить более широкое представительство нового президентского Совета по противодействию коррупции, с тем чтобы лучше учитывать интересы регионов и гражданского общества.

III. Разработать системы всеобъемлющего, объективного и непрерывного мониторинга практических результатов принимаемых антикоррупционных мер в различных секторах, включая изменение уровня коррупции в этих секторах с течением времени. Следует обеспечить возможность для гражданского общества участвовать в таком мониторинге и выражать свое мнение относительно его результатов.

IV. Пересмотреть систему административного и уголовного процессов, с тем чтобы четко обеспечить рассмотрение случаев коррупции, прежде всего как преступлений.

V. Разработать четкие руководящие принципы распределения коррупционных дел между различными правоохранительными органами / ведомствами.

VI. Продолжить улучшение координации работы различных правоохранительных органов, участвующих в расследованиях коррупции, и изучить целесообразность разработки централизованного механизма содействия правоохранительным органам в расследовании коррупции.

VII. Укрепить оперативную самостоятельность правоохранительных органов и их следственного аппарата, обеспечить регулирование их деятельности с помощью надлежащей системы сдержек и противовесов на основе верховенства права и в данном контексте пересмотреть материальные условия сотрудников правоохранительных органов.

VIII. Разработать процедуру приема на работу прокуроров всех уровней на основе объективных критериев.

IX. Обеспечить дальнейшее практическое укрепление принципа независимости судебной власти, предусмотренного российской Конституцией и законодательством, в частности, применительно к процедурам приема на работу / повышения в должности и осуществлению судебных функций.

X. Обеспечить систематическое проведение вводных и служебных курсов по этике для судей всей уровней и классов на основе Кодекса судейской этики и других соответствующих норм.

XI. Сократить число категорий лиц, обладающих иммунитетом от уголовного преследования, до минимума, требуемого в демократическом обществе.

XII. Тщательно пересмотреть правовые положения, лежащие в основе существующих процедур снятия иммунитета, в целях их упрощения и разработать руководящие принципы их применения сотрудниками правоохранительных органов и судьями.

XIII. Разработать конкретные и объективные критерии для их использования парламентом, Конституционным судом или квалификационной коллегией судей при принятии решения по запросам о снятии иммунитета и обеспечить независимость решений, касающихся иммунитета, от политических соображений и принятие таких решений исключительно на основе содержания представленного запроса.

XIV. Внести поправки в ст. 104.1–3 Уголовного кодекса, с тем чтобы обеспечить конфискацию доходов от коррупции в случае любых коррупционных преступлений в соответствии с Уголовным кодексом, а также в случае других преступлений, которые могут быть связаны с коррупцией, обеспечить эффективное изъятие в таких случаях, а также рассмотреть возможность введения в уголовное законодательство понятия конфискации *in rem* (п. 217).

XV. Разработать учебные курсы и руководящие принципы для лиц, осуществляющих конфискацию и обеспечительные меры в случаях

коррупции, и оценивать эффективность конфискационного режима на основе сбора на постоянной основе соответствующей и подробной информации и статистики.

XVI. Обеспечить охват реформами в сфере государственного управления, направленными на борьбу с коррупцией, широкого круга государственных чиновников / должностных лиц, а не только узкой категории государственных служащих.

XVII. В приоритетном порядке принять всеобъемлющее и четкое законодательство по доступу к общественной информации, и после его принятия обеспечить адекватные меры по реализации такого законодательства во всей сфере государственного управления, включая надлежащий надзор за его реализацией.

XVIII. Предпринять усилия по совершенствованию процедур административного и судебного обжалования действий и решений органов государственного управления и рассмотреть в качестве долгосрочной задачи возможность создания специализированной системы административного суда.

XIX. Властям предпринять решительные меры, обеспечивающие прием на гражданскую службу на основе принципов, содержащихся в соответствующем законодательстве (например, объявление о вакантных должностях, справедливая конкуренция между кандидатами и недопущение конфликта интересов), и применение этих принципов по мере необходимости и в отношении других видов занятости в сфере государственного управления.

XX. Пересмотреть существующие меры, направленные на предотвращение конфликтов интересов, с тем чтобы прояснить сферу их применения в отношении государственных должностных лиц и их родственников, исправить выявленные недостатки и обеспечить полную реализацию необходимых мер на практике.

XXI. Искоренить в сфере государственного управления практику получения значительных подарков в любой форме и рассмотреть возможность устранения правового обоснования для получения таких подарков, указанного в ст. 575 Гражданского кодекса.

XXII. Установить четкие правила / руководящие принципы, требующие от государственных чиновников / должностных лиц сообщать о подозрениях в коррупции, обеспечить специальную защиту лиц, добровольно сообщающих о подозрениях в коррупции в сфере

государственного управления («информаторов»), от негативных последствий и осуществлять систематическую подготовку всего соответствующего персонала.

XXIII. Разработать и принять типовой кодекс поведения / этики для государственных чиновников / должностных лиц, включая государственных служащих, который может быть скорректирован с учетом особенностей различных секторов сферы государственного управления, и обеспечить его практическое выполнение, включая необходимую подготовку для всего соответствующего персонала.

XXIV. Принять необходимые законодательные меры в целях введения ответственности юридических лиц за коррупционные преступления и обеспечить эффективные, соразмерные и сдерживающие санкции в этих случаях, в том числе финансового характера, в соответствии с требованиями Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию (ETS 173).

XXV. Обеспечить специальную подготовку сотрудников налоговых органов и (или) разработать надлежащие руководящие принципы для них, касающиеся коррупционных преступлений, и обязанности по закону сообщать о них.

XXVI. Поощрять аудиторов и других лиц, профессионально занимающихся оказанием консультационных и юридических услуг, информировать уполномоченные органы о подозрениях в коррупции.

Кроме этого хочется обратить внимание, что существуют и отечественные СМИ, которые тоже проводят опросы населения, что кажется наиболее демократичным. Они показывают, что в России на первое место граждане ставят коррупцию в органах МВД, затем в преподавательской сфере, затем в медицине. Это тоже информация, которую можно принимать во внимание.

Кроме того, хотелось бы обратить внимание еще на одну оценку коррупционности по методике организации экономического сотрудничества и развития ОЭСР.

Размер взятки чиновнику при крупных сделках на международном уровне составляет в среднем либо около 10,9 % от контракта, либо до 34,5 % от полученного дохода. Об этом пишет «Коммерсантъ» со ссылкой на исследование Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

Дача взятки в двух из трех случаев связана с поиском доступа к госзаказам, каждый восьмой «откат» (12 % случаев) идет на

прохождение таможенных процедур. Наибольшее число взяточников среди представителей государственных компаний (27 % случаев), таможи (11 %), здравоохранения (7 %) и силовых ведомств (6 %).

Больше всего взяток предлагают в военной отрасли, отрасли добычи ископаемых, строительстве, транспорте и в секторе телекоммуникаций.

В рамках исследования ОЭСР проанализировано 427 случаев взяток, которые раскрыты силовыми структурами 24 стран (включая Россию). Больше их количество выявлено в США и Германии. Это первый подобный доклад с 1999 г., когда странами ОЭСР была ратифицирована Конвенция по борьбе с международной коррупцией. Документ подписан и ратифицирован также Россией.

ОЭСР создана в 1948 г. В ее функции входит анализ экономических явлений, выработка рекомендаций для стран-членов и организация многосторонних переговоров по экономическим проблемам. В настоящее время в организацию входят 34 государства, в том числе большинство стран ЕС. Россия не является членом ОЭСР, хотя ведет переговоры о вхождении в организацию.

На долю государств – членов ОЭСР приходится около 60 % мирового ВВП.

Таким образом, если ОЭСР определяет уровни коррупции по отраслям в среднем по миру, то, например, 10 % коррупции в силовых ведомствах США составляют 60 млрд долл. США, что больше военного бюджета России. Как Россия может стоять на 136 месте по методике «Транспаренси интернешнл»?

В Российской Федерации нет собственных устоявшихся методик оценки коррупции. Это связано с тем, что в СССР коррупция была слишком незначительна, и с ней успешно боролись органы БХСС (борьбы с хищением социалистической собственности). С одной стороны, активная гражданская позиция населения, с другой – контроль за расходами физических лиц сделали коррупцию в СССР очень рискованным занятием. Актуальным данный вопрос стал в связи с переходом на капиталистическую форму хозяйствования, с началом приватизации, которая породила самый высокий уровень коррупции (который, кстати, абсолютно не был замечен «Транспаренси интернешнл»).

Поэтому в настоящее время в России используется методика опросов населения, которую проводят журналисты различных медийных

каналов. Данные исследования показывают, что население считает наибольший уровень коррупции в правоохранительных органах, затем в преподавательской среде и медицине. Мы понимаем, что это оценка «бытовой», т. е. малой коррупции. Кроме того, в репрезентативности оценок приходится сомневаться, как и с первым типом показателей.

Поэтому при применении различных оценок, а их очень много, автор представил далеко не все. Нужно понимать, чьи интересы данная статистика обслуживает – олигархии или народа. И, главное, своей или чужой страны. Потому что это не математика, а матстатистика, и оценивает она не уровень коррупции, а ее ощущение.

В настоящее время в Правительстве РФ идет процесс выработки своего собственного критерия или индекса оценки коррупции. Будем надеяться, что в ближайшее время будет найден собственный индекс оценки коррупции и он будет более объективным, нежели вышеперечисленные.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Выявление и раскрытия мошенничества / Голубовский В. Ю. и др. ; под общ. ред. В. П. Сальникова. – СПб. : Лань, 2000. – 63 с.
2. Голубовский В. Ю., Синюкова Т. Н. Формы и виды проявления коррупции в современном российском обществе // Политическая лингвистика. – 2015. – № 2. – С. 240–246.
3. Никодимова К. И., Никодимов И. Ю., Новикова Н. Г. Оценка коррупционных рисков // Бизнес в законе : экономико-юридический журнал. – 2015. – № 3. – С. 243–246.

УДК 341.1

Н. В. Румянцев, Н. А. Шулепов

Румянцев Н. В., доктор юридических наук, проректор по кадровой, воспитательной работе и безопасности МГЛУ; e-mail: rumyantsev.n@linguanet.ru

Шулепов Н. А., доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, заведующий кафедрой международного права юридического факультета МГЛУ; e-mail: shulepov-n@mail.ru

ФУНКЦИИ НОВОГО ВОЕННОГО ИСТОЧНИКА АДМИНИСТРАТИВНОГО И УГОЛОВНОГО ПРАВА ВЕЛИКОБРИТАНИИ

В статье рассматриваются основные положения Закона Великобритании «О Вооруженных Силах» 2016 г. («Armed Forces Act 2016»), в котором получили дальнейшее развитие нормы и институты, касающиеся военных проблем британского административного и уголовного права.

Ключевые слова: Вооруженные Силы Великобритании; британское уголовное и административное законодательство; законы Великобритании о Вооруженных Силах 2006 и 2016 гг.

N. V. Rumyantsev, N. A. Shulepov

Rumyantsev N. V., Advanced Doctor (Law), Vice-Rector for Personnel, Students and Security, MSLU; e-mail: rumyantsev.n@linguanet.ru

Shulepov N. A., Advanced Doctor (Law), Professor, Merited Lawyer of the Russian Federation, Head of Department of International Law, Faculty of Law, MSLU; e-mail: shulepov-n@mail.ru

THE FUNCTIONS OF THE NEW SOURCE OF BRITISH ADMINISTRATIVE AND CRIMINAL LAW

The article discusses key propositions of the British Armed Forces Act 2016, containing developed norms and institutions linked to military problems of British administrative and criminal law.

Key words: British Armed Forces; British administrative and criminal legislation; British Armed Forces Acts of 2006 and 2016.

12 мая 2016 г. в Великобритании вступил в силу Закон о Вооруженных Силах – «Armed Forces Act 2016» [3] (далее – AFA 2016),

в котором получили дальнейшее развитие нормы и институты, касающиеся военных проблем британского административного и уголовного права.

Принятие AFA 2016 было предсказуемо. Преобладающей функцией этого Закона явилось продление срока действия Закона о Вооруженных Силах 2006 г. – «Armed Forces Act 2016» [4] (далее – AFA 2006) – основного нормативного акта о воинской дисциплине; административных, дисциплинарных и уголовных правонарушениях, совершаемых субъектами военного права.

В соответствии с Биллем о правах 1689 г. акты о дисциплине в армии подлежат регулярному обновлению парламентом. Такое обновление в настоящее время происходит каждые пять лет. По истечении пяти лет акт утрачивает свою юридическую силу, если парламент не примет соответствующий закон о продлении срока его действия и обновлении. AFA 2016 санкционировал действие AFA 2006 на новый пятилетний срок (до 2021 г.) и обновил его. Предыдущая актуализация AFA 2006 проводилась в 2011 г. [5].

Предварительно заметим, что система военных источников административного и уголовного права Великобритании формировалась на протяжении длительного периода времени, на основе большого количества нормативных актов различной правовой природы и юридической силы. Наиболее важное место в этой системе, структурно усложненной, занимали законы (статуты) и многочисленные акты подчиненного или делегированного законодательства. Все они носили комплексный характер, были значительны по объему, не всегда взаимно согласованы и включали нормы, относящиеся, по российской терминологии, к различным отраслям права. В связи с этим источниками именно военно-административного и военно-уголовного законодательства они являлись в определенном смысле условно. Каждый из видов Вооруженных Сил, резервы этих видов, территориальная армия и другие структуры военной организации имели свою систему источников различных отраслей военного законодательства.

До 1879 г. вопросы, относящиеся к дисциплине в английской армии и мерам по ее укреплению уголовно-правовыми и административными средствами, регулировались в так называемых Военных Статьях. В дальнейшем законы о мятеже и Военные Статьи, которые первоначально обнародовались на основании королевской прерогативы,

а затем на основании законов о мятеже, служили правовой базой военной службы, включая вопросы ответственности.

В 1879 г. правоотношения в армии стали регулироваться актом Парламента – Законом о дисциплине и регулировании в армии. В 1881 г. этот акт был заменен по существу и несколько дополнен Законом об Армии. Этот акт не был частью постоянного статутного права Соединенного Королевства, поскольку его действие ежегодно продлевалось актами парламента, а сам он мог подвергаться дополнениям этими же актами [7, с. 2].

К 1952 г. накопилось столько противоречий и несуразностей, что правительство было вынуждено создать смешанную комиссию для выработки проекта нового билля. В результате этой работы был подготовлен отчет, содержащий проект закона, который затем был утвержден и стал называться Законом об армии 1955 г. [6]. Данный акт действовал с многочисленными дополнениями и изменениями до 2006 г. и в совокупности с рядом других законов составлял важнейшую составную часть военного законодательства Великобритании.

Особенностью всех без исключения источников анализируемых отраслей британского военного законодательства являлся их комплексный характер. Акты, их составляющие, состояли в основном из норм военно-уголовного характера, но не исчерпывались только ими, а содержали также нормы административного и других отраслей права – пенитенциарного, уголовно-процессуального, трудового и др.

Другой немаловажной особенностью военно-правоохранительного законодательства Великобритании являлась разобщенность источников и их большое количество. Длительное время (с 1955 по 2006 гг.) к основным источникам относились Закон «Об Армии» 1955 г., Закон «О Военно-Воздушных Силах» 1955 г. [2] и Закон «О дисциплине в Военно-Морском Флоте» 1957 г. [8].

Реформаторский характер АФА 2006 заключается, прежде всего, в том, что на его основе в Великобритании была проведена унификация законодательства о воинской дисциплине, установлены единые основы осуществления правосудия в британской армии; осуществлен переход к созданию постоянно действующих военно-судебных органов, независимых от военного командования. С принятием АФА 2006 утратили силу ранее действовавшие источники военно-охранительного права, в том числе Закон «Об Армии» 1955 г., Закон «О Военно-Воздушных

Силах» 1955 г. и Закон «О дисциплине в Военно-Морском Флоте» 1957 г. Для всех видов вооруженных сил был установлен единый механизм правового регулирования юридической ответственности. Существовавшие ранее особенности уголовного и административного производства в сухопутных войсках, военно-воздушных и военно-морских силах были отменены. Были упразднены специальные военно-судебные процедуры, существовавшие в различных видах вооруженных сил, т. е. установлены единые для всех видов вооруженных сил правила военного судопроизводства.

AFA 2006 представляет собой значительный по объему (более 323 страниц) суперсовременный (как указывается в английской печати) документ, в котором урегулированы практически все вопросы, касающиеся воинского правопорядка и дисциплины. Он устанавливает основания юридической ответственности субъектов военного права, определяет формы их реализации, регулирует иную правоохранительную деятельность в вооруженных силах.

Особое внимание в AFA 2006 уделено полномочиям военного командования в правоохранительной сфере. Исходным в этом вопросе является тезис о том, что, поскольку командир несет ответственность за состояние воинской дисциплины во вверенном ему подразделении, он не может быть полностью лишен права участвовать в решении вопросов юридической ответственности подчиненных при совершении ими правонарушений против военной службы. Однако роль командиров в решении этих вопросов была существенно ограничена. AFA 2006 предусмотрел возможность создания независимых от военного командования правоохранительных структур.

О содержании AFA 2006 можно судить по его структуре. Он состоит из трех частей, 19 разделов, 43 глав, 386 статей и 17 приложений. Основу Закона составляет часть I «Discipline» («Дисциплина»), которая включает 13 разделов:

1. *Offences* («Преступления»).
2. *Jurisdiction and Time Limits* («Юрисдикция и сроки»).
3. *Powers of Arrest, Search and Entry* («Право на арест, обыск и выемку»).
4. *Custody* («Содержание под стражей»).
5. *Investigation, Charging and Mode of Trial* («Расследование, обвинение и способ судебного разбирательства»).
6. *Summary Hearing and Appeals and Review* («Упрощенное слушание, обжалование и пересмотр дела»).

7. *Trial by Court Martial* («Рассмотрение дела военным судом»).
8. *Sentencing Powers and Mandatory etc Sentences* («Право вынесения приговора, обязательные и прочие наказания»).
9. *Sentencing: Principles and Procedures* («Назначение наказания: принципы и процедуры»).
10. *Court Martial Decisions: Appeals and Review* («Решения военного суда: обжалование и пересмотр»).
11. *The Service Civilian Court* («Осуждение гражданским судом»).
12. *Service and Effect of Certain Sentences* («Служба и эффективность назначенных наказаний»).
13. *Discipline: Miscellaneous and Supplementary* («Дисциплина: разный и дополнительный раздел»).

Вторая часть Закона посвящена различным положениям, в которых, в частности, определены специальные виды воинских наказаний и порядок их применения; перечислены виды преступлений, подлежащие рассмотрению гражданскими судами. В третьей части в основном определены полномочия участников уголовного, административного и дисциплинарного производства.

Как видно из структуры AFA 2006, в отличие от ранее действующих в Великобритании источников военного права, в данном акте реализован принцип приоритета уголовно-правовых норм над уголовно-процессуальными, административными и иными нормами. Этот вывод можно сделать уже на том основании, что первый раздел документа (ст. ст. 1–49) содержит исключительно уголовно-правовые предписания. Он посвящен формулировкам составов уголовно-наказуемых деяний и общим вопросам военно-уголовного права (например, соучастию в преступлении и покушению на него).

В AFA 2006 обновлена система составов воинских правонарушений. В нее включены такие составы, как помощь врагу, мародерство, мятеж, дезертирство, самовольное отсутствие, неправомерные действия в отношении начальника, неповиновение, отказ от исполнения обязанностей, симуляция болезни, разглашение тайны, употребление спиртных напитков или наркотиков, жестокое обращение с подчиненными и др. [1].

Наряду с продлением срока действия AFA 2006 до 2021 г., новый источник военно-правоохранительного права Великобритании выполняет еще одну функцию – вносит в AFA 2006 ряд изменений и дополнений, основанных, главным образом, на необходимости приведения

его норм в соответствие с общим уголовным и административным правом, с практикой Европейского суда по правам человека. Основными из них являются следующие.

1. Расширен круг обстоятельств, при которых командир может подвергнуть подчиненного такой принудительной процедуре, как тестирование на употребление наркотиков и алкоголя. Ранее такая мера административного характера могла применяться в отношении только тех военнослужащих и лиц гражданского персонала, которые обвинялись или подозревались в совершении преступления. АФА 2016 установил, что такому испытанию по решению командира могут быть подвергнуты и те субъекты военного права, по вине которых произошли любые, в том числе и некриминальные случаи аварий в ходе эксплуатации воздушных и морских судов, а также другие серьезные происшествия.

2. Упрощен порядок предъявления субъекту военного права обвинения в совершении преступления и его судебном преследовании. Военной полиции предоставлено право направлять непосредственно директору следственной службы полиции отдельные категории дел в отношении субъектов военного права, не получая согласия соответствующих командиров. При наличии достаточных доказательств дело может быть таким же образом направлено непосредственно директору службы прокуратуры для решения вопроса о предъявлении виновному обвинения и его судебном преследовании.

3. Увеличен срок отсрочки приговора, установленный АФА 2006, с 12 до 24 месяцев. Отсрочка приговора дает возможность правонарушителю оставаться на военной службе и доказать своим отношением к воинским обязанностям, что он осознал противоправность своего поведения, раскаялся и встал на путь исправления. По истечении отсрочки приговора вопрос о наказании решается с учетом поведения правонарушителя после предъявленного обвинения.

4. АФА 2016 ввел в британское военно-уголовное законодательство новую правовую категорию – иммунитет от судебного преследования для лиц, сотрудничающих со следствием. Такой иммунитет, к примеру, может быть предоставлен в обмен на добровольно представленные доказательства по делу или выдачу другой важной для следствия информации.

5. Осуществлена декриминализация гомосексуальных актов между субъектами военного права, совершенных в частном порядке

по обоюдному согласию. Тезис о том, что гомосексуализм несовместим со службой в вооруженных силах, признан в Великобритании устаревшим.

6. Расширены полномочия военных пожарных в чрезвычайных ситуациях. Они, как и сотрудники гражданской пожарной службы и спасательных органов, вправе без получения согласия, а в необходимых случаях с применением силы входить в помещения, перекрывать дороги и регулировать движение транспорта. В ст. 16 AFA 2016 установлена уголовная ответственность за противодействие военным пожарным в чрезвычайной ситуации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шулепов Н. А. Реформа военно-уголовного законодательства в Великобритании // *Право в Вооруженных Силах*. – 2007. – № 4. – С. 13–16.
2. Air Force Act, 1955 // *The public general acts and church assembly measures of 1955*. – L., HMSO, 1956. – Chapter 19.
3. Armed Forces Act 2016 // *The National Archives*. – 2016, с. 21. – URL : <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2016/21/contents>
4. Armed Forces Act 2006 // *The National Archives*. – 2006, с. 52. – URL : <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/52/contents>
5. Armed Forces Act 2011 // *The National Archives*. – 2011, с. 18. – URL : <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2011/18/contents>
6. Army Act, 1955 // *The public general acts and church assembly measures of 1955*. – London, HMSO, 1956. – Chapter 18.
7. Halse R. Military Law in the United Kingdom // *Military Law Review*. – Washington, 1962. – Vol. 15. – URL : www.loc.gov/rr/frd/Military_Law/Military_Law_Review/pdf-files/276C63%7E1.pdf
8. Naval Discipline Act, 1957 // *The public general acts and church assembly measures of 1957*. – L., HMSO, 1958.

УДК 378

Г. М. Сидорова

кандидат исторических наук, заведующая кафедрой теории
и истории международных отношений ИМО и СПН МГЛУ;
e-mail: gal_sid@mail.ru

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В РАЙОНЕ ВЕЛИКИХ АФРИКАНСКИХ ОЗЕР И ВОПРОСЫ ПРАВОСУДИЯ

В статье исследуется проблема военных преступлений в условиях вооруженных конфликтов в районе Великих Африканских озер. Рассматриваются вопросы наказания преступников органами правосудия, выдвигаемые международными, региональными организациями, а также отдельными политическими и общественными деятелями. Делается вывод о том, что безнаказанность преступлений против человечности в ряде африканских государств создает благодатную почву для возникновения новых очагов конфликтов, влекущих за собой гуманитарные катастрофы и человеческие жертвы.

Ключевые слова: Африка; безопасность; вооруженные конфликты; беженцы; фундаментальный ислам; этноконфессиональные противоречия.

G. M. Sidorova

Ph.D. (History), Head of Department of Theory and History
of International Relations, Institute of International Relations
and Social and Political Sciences, MSLU; e-mail: gal_sid@mail.ru

MILITARY CRIMES IN THE AFRICAN GREAT LAKES REGION AND THE QUESTIONS OF JUSTICE

The article deals with the problem of military crimes in conditions of armed conflicts in the African Great Lakes region. It opens the questions about punishment of criminals by judicial bodies which are raised by the international and regional organizations and also by certain political and public figures. The author draws the conclusion that the issue of impunity of the crimes against humanity in a number of African countries gives the fertile ground for the emergence of new tinder boxes of the conflicts, and it can cause humanitarian disasters and a lot of human victims.

Key words: Africa; security; armed conflicts; refugees; fundamental Islam; ethnic-confessional contradictions.

Проблема наказаний за совершенные военные преступления и преступления против человечности остается длительное время «болевой точкой» многих африканских государств, включая центральноафриканскую страну – Демократическую Республику Конго (далее – ДРК).

Существенным препятствием для ее решения является продолжающийся военно-политический кризис на востоке страны, активность незаконных вооруженных формирований (далее – НВФ) как конголезского, так и иностранного происхождения, слабость силовых структур республики, которые пока не в состоянии обеспечить должную защиту гражданскому населению.

Попытки Киншасы оказать давление на лидеров боевиков различных военных формирований с целью прекращения бесчинств дают малый эффект. Судебные органы практически бездействуют в ожидании реформы, на которую не хватает ни сил, ни финансовых ресурсов. Бессильными остаются также требования региональных организаций и гражданского общества призвать виновных к ответу из-за недостаточной развитости и активности [2].

В сентябре 2011 г. власти страны предприняли попытку создания Международного уголовного суда по ДРК (аналогичного тому, который был создан по Руанде). Однако в августе 2011 г. парламент Конго отклонил проект закона о специализированном смешанном суде по рассмотрению дел о геноциде, военных преступлениях и преступлениях против человечности, совершенных в стране до и после создания Международного уголовного суда (далее – МУС) в 2002 г. Депутаты апеллировали к тому, что намереваются ратифицировать Римский статут Международного уголовного суда, который не допускает создания международного трибунала по отдельно взятой стране. В ДРК развернулась жесткая полемика между сторонниками и противниками данной инициативы.

В этой связи официальный представитель созданного объединения «Национальной коалиции за создание международного уголовного суда в ДРК» Д.-И. Казади обрушился с резкой критикой на членов высшего законодательного органа страны. По его мнению, учреждение подобной структуры способствовало бы большей раскрываемости уголовных преступлений и дополнило бы проводимую работу по соответствующим вопросам МУС, поскольку, исходя из доклада ООН по нарушению прав человека в ДРК за 2010 г. число нераскрытых дел в стране оставалось велико. Д.-И. Казади также подчеркнул, что инициатива правительства ДРК по созданию специализированного смешанного суда придавала бы импульс гражданскому обществу по борьбе с несоблюдением международных гуманитарных прав, обостряющим и без того накаленную атмосферу в обществе.

По мнению конголезских экспертов, создание специализированного суда, с одной стороны, способствовало бы привлечению международных судей в Киншасу, а с другой, – помогло правительству ДРК в проведении текущей реформы всей судебной системы страны. Представители парламента подчеркивали преимущественно военный характер совершенных преступлений. В этой связи они отмечали приезд в Киншасу 18 августа 2011 г. посла по особым поручениям США С. Раппа, заявившего, что американское правительство окажет финансовую и материальную поддержку ДРК по созданию специализированных военных судебных коллегий [12]. По их мнению, это способствовало бы большей раскрываемости преступлений против гражданских лиц, совершенных как НВФ, так и военнослужащими конголезской армии.

Напомним, что в период с 1993 по 2003 гг. из 617 зафиксированных случаев грубых нарушений прав человека раскрыто не более двух десятков, что, в свою очередь, показывает слабость всей судебной системы ДРК. В последние годы было раскрыто и доведено до суда всего несколько дел, связанных с ответственностью некоторых лиц за геноцид, военные преступления и преступления против человечности: в 2006 г. осужден С. Мбойо; в июне 2007 г. – полковник Килва; в 2009 г. раскрыто «дело Гедсона», обвиняемого в массовом убийстве в н. п. Кипуши и Лиека (провинция Катанга), ответственного за гибель свыше 50 человек; в августе 2010 г. приговорен к смертной казни майор ВС ДРК Какадо.

Учитывая крайне низкие показатели в раскрываемости преступлений, конголезцам приходится обращаться за помощью в МУС и другие международные инстанции для выправления положения в данной сфере.

Одним из главных персонажей, обвиняемых в военных преступлениях, стал Жан-Пьер Бемба – главный политический соперник действующего президента на первых президентских выборах 2006 г. Выходец из провинции Экватор, Ж.-П. Бемба пользовался и пользуется большой поддержкой своих соплеменников в провинции и в столице республики. Большую моральную и финансовую поддержку ему оказывал отец – сенатор Саолон Бемба, являвшийся самым крупным в стране владельцем недвижимости. Ж.-П. Бемба был одним из основных действующих лиц «трехдневной войны» в Киншасе в 2006 г.

и беспорядков 2007 г., когда боевики этого лидера вывели на улицы столицы тяжелую боевую технику и заставили жителей 15-миллионного города перейти на осадное положение [1]. С весны 2008 г. Ж.-П. Бемба находится под следствием в Гааге в МУС, а его дело продвигается крайне медленно.

21 октября 2010 г. Палата первой инстанции МУС определилась с датой начала процесса, который был назначен на 22 ноября 2010 г. Ж.-П. Бемба обвинялся в преступлениях против человечности и военных преступлениях, совершенных боевиками руководимого им «Движения за освобождение Конго» (ДОК)¹ в ЦАР в 2002–2003 гг. в ходе вооруженной поддержки режима А.Ф. Патассе. ДОК и другая конголезская оппозиция в целом крайне негативно отреагировали на начало процесса. Среди критических заявлений в адрес МУС высказывались обвинения в политической подоплеке дела, чем обосновывалась «заморозка» счетов конголезского оппозиционера и отсутствие на одной с Ж.-П. Бембой скамье обвиняемых руководства и военного командования ЦАР. «Обезглавленная» оппозиция ДОК обвинила Суд в «заказном» характере процесса и политической ангажированности. Оппозиционный сенатор Э. Базамба, посетившая Гаагу в составе конголезской парламентской делегации, направила открытое письмо председателю МУС Санг-Хьюн Сонгу, в котором, помимо осуждения политической подоплеки дела, раскритиковала Суд за явные, по ее мнению, процедурные нарушения и нелогичное отсутствие других, более очевидных обвиняемых. Имелось в виду военное и политическое руководство, а также лидеры других вооруженных формирований, действовавших на территории ЦАР в указанный период.

С аналогичным заявлением в Гааге выступила сторона защиты, которая также подчеркивала якобы миротворческий характер деятельности в ЦАР бембовских боевиков наравне с суданцами, ливийцами и др. По версии защиты, совершенные боевиками ДОК преступления, были единичными и до сведения самого Ж.-П. Бембы не доводились. Жесткой критике со стороны оппозиционной партии подверглись власти ДРК, которые якобы даже формально «не соблюли приличия» и не встали на защиту видного политического деятеля страны, воздержавшись от любых комментариев по поводу процесса.

¹ ДОК – это оппозиционная политическая партия, преобразованная в 2003 г. из военного объединения с одноименным названием.

В период с ноября 2010 г. по март 2012 г. были опрошены 40 свидетелей обвинения Ж.-П. Бембы. Затем наступил черед свидетелей защиты. Предполагалось заслушать 63 человек за 8 месяцев, начиная с августа 2012 г. [19]. Однако сроки не соблюдались из-за частых переносов заседаний по причине «технических» сбоев. После двухмесячного перерыва в феврале 2013 г. началось очередное заседание Суда. Выступивший на нем главный адвокат Эме Килоло сообщил, что «никто так и не доказал вины Ж.-П. Бембы, а настоящий процесс есть не что иное, как инсценировка политиков с целью устранения противника» [20]. Другие адвокаты и однопартийцы обвиняемого в своих публичных заявлениях обращали особое внимание на важную общественно-политическую роль Ж.-П. Бембы в ДРК. К июню 2013 г. только 19 из предполагавшихся 63 свидетелей выступили в его защиту. Надо отметить, что со свидетелями этого оппозиционера происходили непонятные вещи. Например, один из них, под номером D04-07 давал показания в течение трех дней, а потом куда-то бесследно исчез. Примерно то же самое случилось и со свидетелем под кодовым именем D04-11. Его якобы по каким-то причинам не посадили на борт самолета, направлявшегося в Гаагу и т. д. Многие из допрашиваемых имели статус беженцев, не обладали документами для перемещения и опасались за свою безопасность [10]. К тому же самого адвоката Э. Килоло обвинили в подделке документов свидетелей и коррупции.

В 2014 г., на шестом году после ареста Бембы, его дело стало принимать скандальный оборот. В ДРК все чаще стали выражать возмущение по поводу проволочек в расследовании. Конголезский политический деятель Жак Джоли назвал это «актом рабства» и «игрой темных сил» [18]. И хотя аналитики высказывали предположение о том, что развязка очевидна в 2014 г. [9], суд признал этого политического лидера виновным лишь в марте 2016 г. [11].

Другой громкий процесс о военных преступлениях – дело конголезца Томусу Лубанге. 13 марта 2012 г. МУС впервые с момента создания вынес обвинительный приговор. Суд признал виновным 51-летнего Т. Лубангу, в прошлом лидера группировки «Патриотические силы освобождения Конго» (FPLC), а затем «Союза конголезских патриотов» (UPC) в округе Итури (провинция Восточная), и вынес приговор – 14 лет заключения. Первоначально прокурор МУС Луис Морено-Окампо (с августа 2012 г. его заменила Фату Бенсуда)

сообщил, что будет просить назначения максимальной меры наказания осужденному лидеру. При этом подчеркнул, что первый обвинительный приговор МУС – победа международного правосудия и дань памяти детям-солдатам. «Если попросить судей дать по одному году за каждого загубленного ребенка, – подчеркнул прокурор, – то это намного превысит максимальный срок наказания в 30 лет, который установлен Римским статутом» [22].

Т. Лубанга был задержан в Киншасе в марте 2005 г. и через год отправлен в отделение предварительного заключения МУС. Следствие длилось с 26 января 2009 г. по 26 августа 2011 г. На суд в качестве свидетелей были приглашены 123 жертвы обвиняемого. Выступили также два свидетеля в его защиту. Один из них, 37-летний конголезец, уверенно утверждал, что главной заботой Т. Лубанги было установление мира в регионе.

Т. Лубангу обвинили в вербовке и краже детей, среди которых были дети младше 15 лет. Он и члены его группировки превращали малолетних детей в убийц, слуг и сексуальных рабов, использовали их для личной охраны и участия в боевых действиях в период с сентября 2002 г. по август 2003 г. Детей-солдат содержали в тяжелых условиях, а в случае неповиновения применяли к ним жестокие наказания.

Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун приветствовал приговор МУС «как четкое послание о неизбежности наказания за вербовку детей в солдаты». Он подчеркнул, что международное сообщество должно продолжать свои действия по борьбе с безнаказанностью тех, кто причастен к совершению преступлений геноцида, против человечности и военных преступлений. В этой связи глава ООН подтвердил свою приверженность независимости Суда как центральной части международной системы уголовного правосудия. Пан Ги Мун приветствовал также сотрудничество ДРК с МУС и призвал конголезские власти укреплять усилия по обеспечению ответственности виновных в нарушении прав человека [3].

Относительно решения МУС высказались и американцы. Пресс-атташе посольства США в ДРК Марк Диллар в ходе пресс-конференции 15 марта 2012 г. сообщил, что решение высшей юридической инстанции заставит прислушаться других «авторов» преступлений, что, в свою очередь, будет способствовать активизации борьбы с безнаказанностью. Однако некоторые аналитики в Киншасе сочли это

заявление неуместным, поскольку сами США не подписали Римский статут МУС [16].

В том же ключе высказался бывший глава Миссии ООН в ДРК Роджер Мис. Он подчеркнул необходимость усиления юридической системы в ДРК при опоре на международные структуры, а также дал высокую оценку тесному сотрудничеству МООНСДРК с гражданской и военной системой правосудия в ДРК, которое необходимо укреплять в интересах национальных правовых институтов страны. В целом в Миссии оценили это событие как позитивный шаг в рамках уголовного международного права.

Конголезское правительство также признало вердикт МУС. По этому поводу выступила министр юстиции Э. Лузоло Бамби Леза, заявившая, что ДРК подтверждает свою волю продолжить настойчивую борьбу против безнаказанности во всех ее проявлениях, включая борьбу с теми, кто берется за оружие для достижения власти. В то же время некоторые юристы отнеслись к приговору МУС критически. Они отметили слабую юридическую базу этой организации, а также не всегда достоверные показания свидетелей, среди которых, как они полагали, встречались и подставные лица.

Мнения жителей Итури (провинция Восточная), хорошо знавших осужденного, разделились. Кто-то считал арест заслуженной участью бывшего боевика, кто-то относился с сожалением, поскольку «не он один виновен в совершенных злодеяниях». Одни полагали, что для осужденного хватило бы и «педагогических» мер наказания. По мнению других – его надо выпустить на свободу за неимением реальных доказательств [17]. Третьи полагали, что обвинители Т. Лубанги хотя просто-напросто его дискредитировать как сильного лидера политической оппозиции.

На решение МУС откликнулись многие неправительственные организации (далее – НПО). Одна из ведущих международных организаций, «Хьюман райтс вотч», подчеркнула, что решение МУС дает надежду жертвам в Итури, которые ждут наказания виновных. Главный эксперт этой организации по расследованию данного дела Анек ван Вунденберг настаивала на продолжении расследования в контексте финансирования группировки Т. Лубангу, следы которой ведут в Уганду, Руанду и некоторые западные страны. Она не разделяла мнение судей МУС, которые считали, что конфликт, в котором участвовал Т. Лубанга, является внутренним, а не международным делом [13].

Конголезские НПО также активно подключились к обсуждению данной тематики. «Лига зоны Африки в защиту прав детей и учащихся», например, считала справедливым осуждение Т. Лубанги, которое будет способствовать защите детей. НПО «Голоса безголосых» акцентировала внимание на том, что конголезское правительство проводит политику двойных стандартов, когда речь заходит о сотрудничестве с МУС. «Одних они выдают, а других, типа Нтаганды, покрывают. Причем в этом задействованы не только политические, военные и интеллектуальные круги ДРК. Они идут в единой упряжке с подобными им в Руанде и Уганде», подчеркивала НПО [15]. Многие местные жители ДРК придерживались именно этой точки зрения. Им вторило «Радио Франс Интернасьональ», которое подчеркнуло, что, «если МУС выложит все карты на стол, то на скамье подсудимых окажутся многие боевики и политические деятели, и их участь будет аналогичной участи Т. Лубанги» [14].

По поводу преступников, которые оставались на свободе, высказывался и Л. Морено-Окампо. Среди соучастников Т. Лубанги он назвал Боско Нтаганду. С 2006 г. МУС выдал мандат на его арест за вербовку детей-солдат, были выдвинуты обвинения в убийствах и насилии. Он являлся практически единовластным хозяином теневого бизнеса в провинциях Северное и Южное Киву, северной части Катанги, оставаясь при этом офицером национальной армии ДРК.

С 2009 по 2012 гг. между правительством ДРК и МУС, поддерживаемым международным сообществом, возникла напряженность в связи с вопросом выдачи Б. Нтаганды трибуналу. В марте 2012 г., воодушевленный завершившимся делом Т. Лубанги, прокурор Л. Морено-Окампо обратился к судьям с просьбой выдать новый ордер на арест Б. Нтаганды в связи с продолжением его преступной деятельности. Реакция главы государства на второй мандат на арест Б. Нтаганды была неоднозначной. В интервью агентству «Рейтер» Ж. Кабила заявил, что Б. Нтаганда совершал преступления в Северном Киву и поэтому судебное разбирательство должно было состояться сначала в Конго, а не в МУС. Тем самым он выразил недовольство в адрес международного сообщества, которое намекнуло ему, что, если не будет решен вопрос с военным преступником, то место проведения очередного международного саммита Франкофонии, намеченного на октябрь 2012 г. в Киншасе, может быть изменено.

Военные действия Б. Нтаганги стали главной причиной роста числа внутренне перемещенных лиц (ВПЛ) (по данным Управления ООН по координации гуманитарных операций – до 1,8 млн человек) [7]. В дополнение к имеющимся со стороны МУС обвинениям в преступлениях против человечности и вербовке детей в повстанческие движения добавилось еще одно обстоятельство – развязывание межэтнического конфликта между народностями эма и ленду в провинции Восточная с целью контроля добычи минеральных ресурсов в упомянутом регионе. Прокурор МУС намеревался встретиться с лидером страны, который, по его мнению, неохотно говорил на эту чувствительную тему.

В свою очередь, политический советник губернатора провинции Северное Киву Ж.-Л. Киавиро отметил, что нежелание руководства республики выдавать упомянутого преступника объясняется вкладом Б. Нтаганды в подписание мирного соглашения между правительством страны и незаконными вооруженными формированиями в 2009 г., а также в силу его ключевой роли в ходе президентских выборов в ноябре 2011 г., что в итоге принесло победу действующему главе государства.

На ситуацию с Б. Нтагандой отреагировало и конголезское гражданское общество. 142 местные неправительственные организации написали коллективное письмо госсекретарю США Хиллари Клинтон с просьбой помочь обезвредить преступника Б. Нтаганду. Они выразили озабоченность его противоправными действиями в отношении гражданских лиц на территории Масиси в провинции Северное Киву [21].

В ходе своего пребывания в Киншасе 27 марта 2012 г. министр иностранных дел Бельгии Д. Рейндерс поддержал Л. Морено-Окампо и призвал конголезские власти к сотрудничеству с МУС в деле выдачи Б. Нтаганды международному трибуналу.

2 апреля 2012 г. в ответ на требования международного сообщества выдать его МУС генерал ВС ДРК Б. Нтаганда отдал распоряжение начать военное патрулирование Гомы и Букаву (административные центры провинций Северное и Южное Киву соответственно). Тем самым он решил показать уровень своего влияния на востоке страны.

18 апреля 2012 г., в ходе своего посещения Гомы, президент ДРК Ж. Кабила под нажимом со стороны западников, которые намекали

на возможность проведения саммита Франкофонии, намеченного на 12–14 октября в Киншасе, в другой стране, заявил о возможности ареста Б. Нтаганды. При этом глава конголезского государства отметил, что вопрос о его передаче МУС пока не рассматривается. По словам Ж. Кабины, в случае ареста генерала ВС ДРК, тот будет передан в распоряжение военного трибунала страны, который и примет окончательное решение о предъявлении ему каких-либо обвинений.

По мнению ряда конголезских экспертов, учитывая влияние Б. Нтаганды в восточных регионах страны, его арест мог спровоцировать выход преданных ему военнослужащих из состава ВС ДРК и развязывание нового военного конфликта в упомянутых районах, что, в свою очередь, могло бы привести к ухудшению и без того тяжелой гуманитарной обстановки и увеличению числа ВПЛ.

13 июля 2012 г. (первый мандат – 22 август 2006 г.) прокурор МУС Л. Морено-Окампо огласил второй ордер на арест Б. Нтаганды. При этом официальный представитель МУС Поль Мадиди объявил, что «ответственность за поимку Б. Нтаганды и его доставки в МУС лежит на конголезской стороне» [21]. Тем временем объединение «Национальный конгресс защиты народа» (НКЗН) трансформировалось в «Движение 23 марта» (М23), а Б. Нтаганда якобы исчез из поля зрения правоохранительных органов ДРК. Его след обнаруживали то в одной, то в другой точке восточных провинций.

18 марта 2013 г. дело приняло непредвиденный оборот. Б. Нтаганда по прозвищу Терминатор добровольно сдался посольству США в Руанде и попросил передать его МУС. В Руанду он перебрался из ДРК после раскола М23 и столкновений, начавшихся между едиными прежде повстанцами. «Мы свяжемся с компетентными органами в регионе, чтобы содействовать его скорейшей передаче в МУС», – заявила прокуратура суда, подчеркнув, что «это великая новость для людей в ДРК, которым слишком долго пришлось страдать от преступлений фигуранта, разыскиваемого МУС». Бывший лидер конголезской повстанческой группировки М23 добровольно (хотя на этот счет есть и другие мнения) сдался суду 22 марта 2013 г. Эксперты предполагают, что «добровольная» сдача была следствием нажима спецслужб Руанды. Его обвинили в военных преступлениях и преступлениях против человечности, совершенных в период с сентября 2002 г. по сентябрь 2003 г. в ДРК. В пресс-коммюнике МУС сообщалось, что

«это первый случай, когда обвиняемый добровольно сдается в руки правосудия» [8].

По поводу доставки Б. Нтаганда в Гаагу корреспондент ИТАР-ТАСС Мария Федорова сообщила следующее. Нтаганда появился в зале суда с бритой наголо головой, в темном костюме с синей рубашкой и галстуком в тон (как потом выяснилось, костюм он надел первый раз в жизни. – *прим. Г. С.*). При первом появлении в зале суда, согласно процедуре, ему был зачитан список обвинений. МУС выдвинул против Б. Нтаганды обвинения по семи пунктам в военных преступлениях и по трем – в преступлениях против человечности, в том числе в убийствах, изнасилованиях и вербовке детей-солдат. По просьбе судьи Екатерины Трендафиловой, Б. Нтаганда подтвердил, что проинформирован о том, в чем его обвиняют, заявив при этом, что не считает себя виновным. Судья пояснила, что нынешнее заседание посвящено только тому, чтобы проинформировать его о предъявленных обвинениях и о его правах, но не вопросу признания виновности. Она сообщила, что слушания, посвященные подтверждению обвинений против Б. Нтаганды, назначены на 23 сентября 2013 г., а 15 апреля 2013 г. по его делу планируется проведение статусной конференции. Это разновидность внесудебных слушаний, в ходе которых подготовку к предстоящему судебному процессу могут обсуждать все его стороны: прокуроры, адвокаты, судьи, а также могут присутствовать фигуранты¹.

В январе 2014 г. прокурор МУС объявила, что в деле Б. Нтаганды содержится 922 имени жертв, 97 из которых – так называемые «дети-солдаты», которых обвиняемый рекрутировал в ряды НВФ. Все они будут фигурировать как свидетели обвинения [4].

Защита настаивала на том, чтобы отпустить Б. Нтаганду на свободу на время проведения расследования. Его адвокаты утверждали, что доказательства Досудебной палаты являются недостаточными для того, чтобы оставлять подозреваемого под стражей. Кроме того, сторона защиты утверждала, что Досудебная палата ошиблась в своих выводах относительно того, что бывший лидер конголезских повстанцев может скрыться, помешать проведению расследования или подвергнуть опасности ход судебного процесса. Апелляционная палата подчеркнула, что «оценка доказательств, влияющих на вопрос продолжения пребывания обвиняемого под стражей, лежит в первую

¹ ГААГА. 27 марта 2013 г. / Корр. ИТАР-ТАСС Мария Федорова.

очередь на Досудебной палате». В частности, судьи рассмотрели вопрос юридической правомерности использования документов этого органа в докладе Группы экспертов ООН. В числе прочего Апелляционная палата отметила, что «методы Группы экспертов ООН по сбору информации были очень строгими», и что информация, на которую ссылается Досудебная палата, «содержит достаточное количество деталей». Вместе с тем, двое из пяти судей Апелляционной палаты – Анита Ушацка и Кристина Ван ден Вингарт – выразили особое мнение. Они считали, что Досудебная палата совершила фактическую ошибку, полагаясь исключительно на анонимные устные показания, представленные в двух докладах Группы экспертов ООН, а также на статьи и блоги с тем, чтобы подтвердить заключение в отношении решения о необходимости оставить лидера повстанцев за решеткой. Тем не менее МУС отказала во временном освобождении лидеру конголезских повстанцев Б. Нтаганде [5]. Об этом говорилось в принятом 5 марта 2014 г. решении суда.

Слушания по вынесению обвинений Б. Нтаганде прошли в МУС с 10 по 14 февраля 2014 г. В своем коммюнике от 9 июня 2014 г. МУС подтвердил виновность Б. Нтаганды по 18 пунктам [6].

Список военных преступников в ДРК, о которых шла речь в данной статье, на этом не заканчивается. Масштабы военных преступлений и преступлений против человечности в ДРК огромны. Еще много виновных в трагических судьбах ни в чем неповинных людей остаются на свободе. Десятки боевиков НВФ продолжают совершать противоправные действия против незащищенных жителей в конголезских провинциях. Это создает благоприятную почву для возникновения новых очагов возгорания конфликтов и бесчисленным людским потерям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Сидорова Г. М.* Африка. Война идей и война людей в зеркале Демократической Республики Конго (из записок дипломата). – М. : Наука – Восточная литература, 2015.
2. *Харичкин И. К.* Гражданское общество: пути развития. – М. : Вестник Университета (Государственного управления). – 2011. – № 11. – С. 109–111.
3. Центр новостей ООН. – 17.03.2012. – URL : <http://www.un.org/russian/news/fullstorynews.asp?newsID=17162> (дата обращения: 18.08.2013).
4. Affaire Bosco Ntaganda: 922 victimes enregistrées par la Cour Pénale Internationale // Agence presse associée. – Kinshasa. – 27.01.2014. – P. 9.

5. Affaire Bosco Ntaganda. CPI: Confirmation de la décision rejetant la requête de mise en liberté provisoire // *Le Palmarès*. – Kinshasa. 06.03.2013. – P.15.
6. Bosco Ntaganda en procès après la confirmation de 18 charges contre lui // *L'Observateur*. – Kinshasa. – 10.07.2014. – P. 3.
7. Bosco Ntaganda est la cause des maux de tête // *Le Potentiel*. – Kinshasa. – 17.03.2012. – P. 2.
8. Bosco Ntaganda est désormais détenu par la CPI. Communiqué de presse: 22.03.2013. ICC-CPI-20130322-PR888 // *Le Potentiel*. – Kinshasa. – 23.03.2013. – P. 2.
9. Ça tourne de nouveau mal pour JP Bemba! // *Le Phare*. – Kinshasa. – 21.03.2014. – P. 3.
10. CPI: l'indisponibilité des témoins continue de perturber le procès Bemba // *Le Potentiel*. – Kinshasa. – 01.06.2013. – P. 3.
11. CPI: Jean-Pierre Bemba reconnu coupable de crime de guerre et de crimes contre l'humanité. – URL : <http://www.radiookapi.net/2016/03/21/actualite/securite/cpi-jean-pierre-bemba-reconnu-coupable-de-crimes-de-guerre-et-de> (дата обращения: 15.05.2016).
12. Déclaration à propos de la création de la Cour spécialisée // *Le Potentiel*. Kinshasa. – 19.08.2011. – P. 2.
13. La parole d'Anek van Wunderbeek // *Le Phare*. – Kinshasa. – 16.03.2012. – P. 5.
14. La RDC malade de ses «Lubanga» // *Le Phare*. – Kinshasa. – 15.03.2012. – P. 3.
15. La vérité des Voix sans Voix // *Le Phare*. – Kinshasa. – 16.03.2012. – P. 5.
16. Les crimes contre l'humanité // *Le Potentiel*. – Kinshasa. – 16.03.2012. – P. 5.
17. Le verdict de la CPI diversement accueilli en RDC // *La Référence plus*. – Kinshasa. – 16.03.2012. – P. 7.
18. Ngandu Mupomba Donatien. Les plaidoiries finales dans l'affaire Jean-Pierre Bemba commence le 13 octobre // *Le Potentiel*. – Kinshasa. – 29.05.2014. – P. 8.
19. Procès Bemba: un officier français, premier témoin de la défense à la barre // *Agence presse associée*. – Kinshasa. – 15.08.2012. – P. 1.
20. Repris à huit clos du procès Bemba à la Cour pénale internationale // *Le Potentiel*. – Kinshasa. – 28.02.2013. – P. 20.
21. Un nouveau mandat d'arrêt contre Bosco Ntaganda // *La Référence plus*. – Kinshasa. – 16.07.2012. – P. 2.
22. Vérité de loi en marche // *Agence presse associée*. – Kinshasa. – 16.03.2012. – P. 2.

УДК 329(100)КП

Фам Нгок Хунг

аспирант кафедры государственного управления
и политических технологий, Государственного университета управления;
e-mail: ngochungvoro88@gmail.com

РОЛЬ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ВЬЕТНАМА В РАЗВИТИИ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

В статье рассматривается руководящая роль Коммунистической партии Вьетнама в развитии рыночной экономики в условиях социалистической ориентации страны, а также трудности и проблемы, с которыми сталкивается КПВ в реализации выбранного курса развития; анализируются переворотные решения КПВ, способствовавшие преодолению состояния застоя и отсталости в экономике страны и достижению положительных результатов в процессе осуществления экономических реформ.

Ключевые слова: коммунистическая партия; социализм; рыночная экономика; рыночная экономика социалистической ориентации; реформа; обновление.

Pham Ngoc Hung

Postgraduate, State Management and Political
Technology Department, State University of Management;
e-mail: ngochungvoro88@gmail.com

ROLE OF THE COMMUNIST PARTY OF VIETNAM IN THE DEVELOPMENT OF MARKET ECONOMY IN THE SOCIALIST ORIENTATION OF SOCIETY

The article deals with the leading role of the Communist Party of Vietnam in the development of a market economy in the countries of socialist orientation, analyzes turnable decisions of the Communist Party of Vietnam, which helped overcome the state of stagnation and backwardness in the economy and the achievement of positive results in the implementation of economic reforms. The article deals with the difficulties and challenges faced by the Communist Party of Vietnam in the implementation of the selected course.

Key words: Communist Party; socialism; the market economy; socialist market economy orientation; reform; renewal.

Рыночная экономика – это экономика, организованная на основе рыночной саморегуляции. В ее условиях государством осуществляется

лишь координация деятельности участников рынка. Законодательная и судебная ветви власти реализуют этот процесс непосредственно, а исполнительная власть – только опосредованно, путем введения налогов, сборов, льгот. Это экономика, в условиях которой структура распределения определяется решениями самих потребителей и поставщиков товаров и услуг.

Рыночная экономика основана на следующих принципах:

- предпринимательство;
- многообразие форм собственности на средства производства;
- рыночное ценообразование;
- договорные отношения между хозяйствующими субъектами (людьми, предприятиями и т. д.);
- ограниченное вмешательство государства в хозяйственную деятельность [6, с. 4].

С точки зрения марксистского подхода, рыночная экономика является неизбежным этапом развития хозяйственных отношений. Любая экономика, чтобы достичь высокого уровня, должна пройти в своем развитии определенные стадии. В этой связи, капиталистическую экономику можно рассматривать как высшую стадию развития рыночной экономики [6, с. 10].

Рыночная экономика имела разные модели развития. Одной из них является социалистическая (или рыночная экономика в странах с социалистической ориентацией). В настоящее время эта модель существует только в двух странах, развивающихся по социалистическому пути: Вьетнаме и Китае. Следует отметить, что в странах социалистической ориентации она является новой политико-экономической концепцией. Этот термин родился в условиях практического применения рыночной модели экономики в условиях построения социализма в Китае и во Вьетнаме [6, с. 7].

Рыночная экономика во Вьетнаме развивается под руководством и контролем со стороны КПВ. В ее основу положены программные установки партии, которые реализуются в политике КПВ. В становлении экономики в современном Вьетнаме можно выделить три этапа.

На *первом этапе развития*, который включает в себя период после окончания войны 1975 г. до VI Съезда КПВ в 1986 г., осуществлялся переход к социализму. В стране, не готовой к этим преобразованиям, на основе субъективной добровольности были нарушены

условия, прописанные в марксистской концепции о необходимости соответствия производственных отношений уровню развития производительных сил.

Строительство социализма во Вьетнаме было проведено на основе абсолютной имитации советской модели. Вьетнам устранял рыночную экономику, поддерживал централизованно-бюрократическую систему и сотрудничал только со странами социалистического лагеря, отказался от всех товарно-денежных отношений и рыночных механизмов в экономической сфере. В результате до конца 1970-х – начала 1980-х гг. экономика страны была кризисной.

На данном этапе не было никаких оснований для существования и развития рыночной экономики, в частности наблюдалось:

- отрицание неизбежности многоукладной экономики, частной собственности и законных интересов в соответствии с правом имущества, распределения по принципу взносов в уставный капитал;
- отрицание самостоятельного бизнеса и самостоятельной финансовой ответственности предприятий;
- экономика страны, действовавшая по принципу «натуры», отрицавшего цену и конкуренцию на рынке;
- замкнутая экономика, почти не имеющая связей с внешним миром, кроме стран социалистического лагеря.

Следует, однако, заметить, что в стране после войны (до начала 1980 г.) сложилась тяжелейшая внешняя и внутренняя обстановка, для которой были характерны:

- бедность и низкий уровень жизни и образования населения;
- несовместимость северной социалистической и южной капиталистической экономических систем, четко обозначившаяся после их слияния;
- нехватка продовольствия в сельскохозяйственной стране;
- нулевая социально-экономическая инфраструктура;
- низкий уровень развития промышленности и науки;
- систематический глубокий дефицит государственного бюджета.

Главным источником дохода в этот период можно считать займы или дотации со стороны СССР, стран восточной Европы, Китая (незначительные и в настоящее время).

Коммунистическая партия Вьетнама, споткнувшись на пути построения административно-командного социализма, начала предпринимать

меры по ликвидации сложившегося положения и поиску иных вариантов развития страны. Новое руководство КПВ сделало попытку использовать опыт Китая и ввело ряд мер по стимулированию развития экономики по китайскому образцу. КНР в середине 1980-х гг. уже показывала «чудеса» своего экономического развития в деле построения «социализма с китайской спецификой». Начался постепенный пересмотр основных союзников Вьетнама. СССР, приступивший к перестройке народного хозяйства, уже не мог оказать достаточно полной поддержки строительству социализма во Вьетнаме. Переориентация на Китайскую республику ставила целью использование опыта и принципов перевода социалистической экономики на рыночные механизмы хозяйствования.

Второй этап развития – с VI по X съезды КПВ (1986–2006).

О процессе радикальной перестройки и обновления экономики страны было объявлено на VI съезде Компартии Вьетнама в 1986 г. новым Генеральным секретарем ЦК КПВ Нгуен Ван Линем. В подготовительный период реформ (1986–1991) была поставлена задача постепенной ликвидации бюрократического централизма и командно-административной системы [10]. Определена цель создания в стране не стихийного рынка, а регулируемой государством рыночной экономики. В конце 1980-х гг. был взят курс на использование товарно-денежных отношений, введение рыночных механизмов. Компартия Вьетнама не стала будоражить общество ниспровержением старых авторитетов, идеологических целей и отрицанием прошлой истории. В этом заключался главный секрет мирного перехода страны от централизованной экономики к рыночным механизмам развития хозяйственной жизни. Нгуен Ван Линь весьма осторожно осуществлял политику переориентации Вьетнама на новые экономические и политические принципы развития вьетнамского государства. Хотя и в этот период в процессе изменений не обошлось без политической борьбы с силами, требовавшими возвращения к старой традиционной системе.

Однако с VI до VIII съезд КПВ понятие «рыночная экономика в стране с социалистической ориентацией» не было использовано. Только на IX съезде КПВ в 2001 г. было отмечено, что политика развития товарной многоукладной экономики, действующей как рыночный механизм, осуществляется под государственным контролем. Именно так работал механизм создания «рыночной экономики социалистической

ориентации». Это означало, что реформы должны быть ориентированы на достижение оптимального сочетания рынка с элементами государственного регулирования. Поэтому во Вьетнаме пришлось осуществить полное обновление механизма централизованного управления народным хозяйством и создать условия функционирования многоукладной экономики. Главным стержнем экономической политики на всех этапах преобразований стал курс на создание многоукладности экономики на фоне поощрения частной инициативы.

Государственный сектор по-прежнему играл определяющую роль в экономическом и социальном развитии страны и прежде всего там, где другие секторы были не в состоянии эффективно вести производство. Государство пыталось обеспечить надежное развитие энергетической базы, особенно гидроэнергетики, угольной промышленности, добычи и переработки нефти и газа. В новых условиях КПВ стала поощрять государственно-капиталистический сектор экономики. Государство стремилось направить деятельность частного капитала в важнейшие сферы экономики и в этих целях нередко объединяло капиталы госпредприятий и частных лиц. Создание государственного капитализма стало способом контроля и ориентации частного капитала на развитие в интересах всего общества.

Курс на открытость и интеграцию экономики в мировое экономическое хозяйство провозгласил VII Съезд в 1991 г.; IX съезд КПВ в 2001 г. определил основные направления интеграции вьетнамской экономики в систему мирового хозяйства. В основу этой политики было положено привлечение в страну иностранных инвестиций. Для правительства стало очевидным, что индустриализация возможна только в тесной связи с модернизацией, которая практически невозможна без привлечения иностранных технологий и инвестиций.

Однако активная политика «открытых дверей» стала возможной после 1992 г., когда были отлажены механизмы рыночной экономики. Ведущими инвесторами во вьетнамскую экономику стали Франция, Великобритания, Германия, Сингапур, Тайвань, Япония. Еще в начале 1990-х гг. начался процесс восстановления отношений с Соединенными Штатами Америки. В 1994 г. США отменили эмбарго на экономические связи с Вьетнамом, а в 1995 г. отношения были полностью нормализованы. Страны АСЕАН, когда-то враждовавшие с Вьетнамом, тогда же приняли его в свою организацию.

Благодаря последовательно проводимой институциональной трансформации экономика страны добилась впечатляющих результатов развития: рост внешней торговли на 25–40 % за год; рост ВВП достиг рекордных в 1995 г. 9,54 %; прямые иностранные инвестиции – 10 млрд долл. США в 1994 г. и 27 млрд долл. США в 1996 г. [6, с. 16–17].

Большие сдвиги произошли в структуре отраслей экономики, в валовом национальном доходе. Соответственно, отрасли промышленности и сферы услуг внесли более весомый вклад в развитие национальной экономики, а доля сельского хозяйства заметно уменьшилась (см. табл. 1).

Таблица 1

**Изменение структуры ВВП за 1991–2001 гг.
(в ценах 2001 г., %) [9, с. 349]**

Год	Сельское хозяйство	Промышленность	Сфера услуг
1991	40,49	23,79	35,72
1992	33,94	27,26	38,80
1993	29,87	28,90	41,23
1994	27,43	28,87	43,70
1995	27,18	28,76	44,06
1996	27,76	29,73	42,51
1997	25,77	32,08	42,15
1998	25,78	32,49	41,73
1999	25,43	34,49	40,08
2000	24,30	36,61	39,09
2001	23,30	37,75	38,95

Во Вьетнаме успешно реализуется модель рыночной экономики с социалистической ориентацией, главным элементом которой является сосуществование различных форм собственности, которые можно разделить на государственный и негосударственный секторы. Практически государственный сектор еще играет ключевую роль в развитии экономики страны (см. рис. 1).

Рис. 1. Структура ВВП Вьетнама в 2000 г. по секторам [9, с. 375–376]

Интенсивно идет процесс модификации, реконструкции государственных предприятий, создания мощных стратегических государственных корпораций. Бурно развивается и негосударственный сектор, постепенно формируется экономическая и юридическая база для развития частного предпринимательства, среднего и малого бизнеса. Именно в этом секторе экономики создается большое количество рабочих мест.

Третий этап развития рыночной экономики во Вьетнаме – с X Съезда КПВ 2006 г. до сих пор (2016).

На X Съезде в 2006 г. руководители КПВ подтвердили, что Вьетнам вышел из социально-экономического кризиса, в стране проводились всеобъемлющие изменения. Темпы роста экономики страны с IX Съезда КПВ были стабильными. Продолжались индустриализация и модернизация экономики, уровень жизни населения заметно улучшился.

На X Съезде Коммунистическая партия Вьетнама проанализировала политику, которая проводилась последние 20 лет, были сделаны выводы о необходимости дальнейшего развития рыночной экономики для успешного перехода к социализму. Программа развития экономики страны, которая была принята X Съездом КПВ, констатирует необходимость дальнейшего осуществления индустриализации и модернизации, активного участия в международной экономической интеграции со следующими основными задачами:

- продолжить совершенствование социалистически ориентированной рыночной экономики по направлению всестороннего

развития и эффективного управления работой рыночного механизма со свободной конкуренцией;

- осуществлять государственное управление правовой системой, минимизируя административное вмешательство в развитие рынка и частных предприятий;
- развивать разные отрасли и виды производства, в том числе государственный сектор, который играет ключевую роль. Государственная экономика становится все более прочной основой национальной экономики, а частный сектор играет важную роль и является одной из движущих сил экономики [7, с. 67].

На XI Съезде КПВ была подтверждена ориентация развития рыночной экономики и конкретизированы задачи в некоторых ее аспектах, связанных с решением актуальных задач экономики в текущий период с целью превращения Вьетнама в современную промышленную страну к 2020 г. Съезд подтвердил, что «рыночная экономика социалистической ориентации во Вьетнаме является товарной и многоукладной, функционирующей на основе рыночных механизмов, под управлением государства и руководством Компартии. Она является одной из форм рыночной экономики, которая должна функционировать с учетом спроса и предложения и реализовываться на основе доминирования принципов и сущности социализма» [8, с. 73–74].

Основными задачами экономического обновления, установленными Коммунистической партией Вьетнама на XI Съезде, являются:

- повышение роли и эффективности управления государством в сфере экономики в соответствии с требованиями развития социалистической рыночной экономики на основе сотрудничества и интеграции в международное экономическое пространство;
- свободное ведение бизнеса любым гражданином, что дает ему возможность улучшать свое материальное положение, обогащаться и в то же время вносить вклад в развитие всего общества.

Все сектора экономики и субъекты рынка участвуют в хозяйственной деятельности на основе взаимного уважения, сотрудничества, добросовестной конкуренции и долгосрочного развития. В этих условиях государственный сектор экономики играет ключевую роль.

Институциональные рамки развития экономики постепенно совершенствуются, что облегчают деятельность экономических субъектов

национальной экономики в условиях свободной торговли и конкуренции в соответствии с законом. Государственный сектор экономики и система государственных предприятий постепенно перестраиваются. В рамках Закона о предприятиях и предпринимательской деятельности идет процесс приватизации. Проект реструктуризации государственных предприятий в 2011–2015 гг. был утвержден и активно реализуется. До конца 2014 г. были реструктурированы 6 883 государственных предприятий, 4 136 – приватизированы.

Быстро численно увеличивается частный сектор и повышает эффективность бизнеса, создает новые рабочие места, растет его вклад в ВВП. На частный сектор в настоящее время приходится около 45,7 % ВВП, 86 % рабочих мест и 39 % от общего социального инвестирования. В 2011 г. общий объем инвестиций в частные предприятия составил 340 тыс. млрд вьетнамских донг (VNĐ – вьетнамская денежная единица), в 2012 г. – 385 тыс. млрд VNĐ, в 2013 г. – 410,5 тыс. млрд VNĐ, в 2014 г. – 433 тыс. млрд VNĐ, в 2015 – почти 490 тыс. млрд VNĐ [11]. Поощряется рост иностранного инвестирования. Предприятия, имеющие прямые иностранные инвестиции, внесли важный вклад в осуществление целей социально-экономического развития, увеличения занятости населения и экспорта.

С положительным изменением экономических реформ, связанных с открытостью и интеграцией в мировую экономику, Вьетнам стал одной из самых привлекательных инвестиционных стран для иностранного капитала Юго-Восточной Азии. За период 1988–2007 гг. осуществлено 6 685 проектов с участием 100 % иностранного капитала, стоимость которых составила 51,2 млрд долл. США. Предприятия со 100 % иностранным капиталом занимали первое место как по удельному весу в общем количестве проектов (77,2 %), так и по объему инвестиций (61,6 %) [12].

Построение рыночной экономики с социалистической ориентацией связано с международной интеграцией Вьетнама и установлением стратегического партнерства в области экономики в рамках АСЕАН, совершенствованием внутреннего рынка по обязательству ВТО. Сегодня признали рыночную экономику Вьетнама более 50 стран, в том числе самые крупные торговые партнеры. Вьетнам развил многостороннее сотрудничество с большим количеством международных финансовых организаций, таких как Азиатский банк развития (АБР),

Международный валютный фонд (МВФ), Всемирный банк (ВБ). В настоящее время Вьетнам участвует в нескольких соглашениях о зоне свободной торговли (ЗСТ), подписал соглашения о свободной торговле с Южной Кореей и Азиатско-европейским экономическим союзом, стал членом АТЭС (в ноябре 2015 г.).

Экономика страны достигла высоких темпов роста и классифицируется в группе высокого роста в мире. Масштаб национальной экономики быстро растет, ВВП в 2014 г. достиг 184 млрд долл. США. В 2008 г. показатель ВВП на душу населения составил 1047 долл. США. С этим показателем Вьетнам перешел из группы развивающихся стран с низким доходом в группу развивающихся стран со средним доходом. На период 2011–2014 гг. средний темп роста ВВП на душу населения увеличился на 5,82 % и составил в 2011 г. – 1517 долл. США, в 2012 г. – 1749 долл. США, в 2013 г. – 1908 долл. США и достиг в 2014 г. 2028 долл. США. Инфляция находится под контролем государства, ее темпы резко упали с 18,13 % в 2011 г. до 6,81 % в 2012 г., в 2013 г. – 6,04 %, в 2014 г. – около 3 % [11].

В настоящее время в ходе проведения экономической реформы, кроме определенных достижений, связанных с политикой открытости и интеграции в мировую экономику, во Вьетнаме проявились негативные последствия развития рыночной экономики. Наиболее заметны коррупция, фаворитизм, кумовство, бюрократия. В условиях развития рыночной экономики некоторым государственным чиновникам и людям, которые имеют тесные связи с ними, удалось воспользоваться служебными возможностями, чтобы обогатить себя. Вместе с тем, заработная плата государственных служащих и чиновников во Вьетнаме классифицируются как самая низкая в Юго-Восточной Азии.

Во Вьетнаме единственной легальной партией является КПВ, ее представители занимают большинство мест в органах государственной власти всех уровней, в том числе парламенте и правительстве. Это также считается одной из причин порождения коррупции в стране. Когда Вьетнам провозгласил политику «открытых дверей» для иностранных инвестиций и стал развивать свободную рыночную экономику, вирус коррупции поразил и Коммунистическую партию.

В настоящее время коррупция стала национальной болезнью и в последние годы Вьетнам часто занимает одно из мест в рейтингах стран с высоким уровнем коррупции (см. табл. 2). Хотя Политбюро

ЦК КПВ и Парламент Вьетнама издали много постановлений и законов о борьбе с коррупцией, все они до сих пор остаются неэффективными.

Таблица 2

Рейтинг Вьетнама по уровню восприятия коррупции стран мира [1–5]

Год	Место в рейтинге
2011	112/182
2012	123/174
2013	116/175
2014	119/174
2015	112/167

Компартия Вьетнама построена как единая, централизованная организация по территориально-производственному признаку, при этом ее функции пересекаются с функциями других органов государственной власти. Учитывая, что существенно возрастает роль государственных корпораций, через которые бюрократия влияет на экономические процессы, происходит утверждение «государственного капитализма» под контролем КПВ. Реформы в экономике, даже будучи незавершенными, привели к перестройке всей социально-экономической системы. Коррупция и бюрократия тормозят развитие многих сторон вьетнамского общества. Они могут привести к ухудшению положения в самой стране и падению престижа Вьетнама на международной арене, что в свою очередь может стать причиной снижения инвестиционной привлекательности страны.

Достижения экономических и политических реформ хорошо известны. Но знакомы и законы рынка. В настоящее время в стране развернулась дискуссия на тему: «Как жить дальше». Компартия, удерживая основные рычаги власти и определяя кадровую политику, сознает, что в ходе рыночных реформ в обществе дают о себе знать «язвы капитализма», такие как социальное неравенство, буржуазные настроения, страсть к деньгам, коррупция, организованная преступность и т. д. Компартия выдвинула программу дальнейшего развития под названием «Второе обновление». Главной задачей страны

остается построение социализма. На данном этапе надо заложить фундамент для инновационной экономики и высоких технологий. Во Вьетнаме оживленно обсуждался вопрос: может ли член партии быть капиталистом, согласуется ли коммунистическая идеология с такими, казалось бы, взаимоисключающими понятиями, как частный бизнес и эксплуатация человека человеком. В обновленном уставе КПВ теперь записано право бизнесмена вступать в партию, но при условии, что он не будет эксплуатировать чужой труд.

Все программные документы КПВ ставят цель – построение социализма, не устанавливая никаких временных ограничений. В 2016 г. XII Съезд партии обнародовал состав руководящих органов партии, а также утвердил Политическую платформу строительства страны на период перехода к социализму. 2020 г. упоминается как срок, до которого Вьетнам должен стать индустриально развитым государством, сохранив социальную и политическую стабильность и независимость. Последнее особенно важно при учете тех трагических событий в истории Вьетнама, которые предшествовали достижению его суверенитета в современных географических границах. Единство партийных рядов, а также отсутствие оппозиции рассматриваются как условия единства страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рейтинг стран мира по уровню восприятия коррупции. Гуманитарная энциклопедия // Центр гуманитарных технологий. – 2011. – URL : <http://gtmarket.ru/news/state/2011/12/02/3750>
2. Рейтинг стран мира по уровню восприятия коррупции. Гуманитарная энциклопедия // Центр гуманитарных технологий. – 2012. – URL : <http://gtmarket.ru/news/2012/12/05/5198>
3. Рейтинг стран мира по уровню восприятия коррупции. Гуманитарная энциклопедия // Центр гуманитарных технологий. – 2013. – URL : <http://gtmarket.ru/news/2013/12/03/6442>
4. Рейтинг стран мира по уровню восприятия коррупции. Гуманитарная энциклопедия // Центр гуманитарных технологий. – 2014. – URL : <http://gtmarket.ru/news/2014/12/03/7004>
5. Рейтинг стран мира по уровню восприятия коррупции. Гуманитарная энциклопедия // Центр гуманитарных технологий. – 2015. – URL : <http://gtmarket.ru/news/2016/01/27/7287>
6. Chuyên đề 7: Nền kinh tế thị trường định hướng Xã hội chủ nghĩa, toàn cầu hoá và hội nhập quốc tế của Việt Nam / Tạp chí Xây dựng Đảng / văn kiện và

- tư liệu (Тематика 7: Рыночная экономика по социалистической ориентации, глобализация и интеграция Вьетнама // Строительство Компартии – документы). – URL : <http://www.xaydungdang.org.vn/Home/vankientulieu/Huong-dan-cua-Ban/2015/8707/7-chuyen-de-thi-nang-ngach-len-chuyen-vien-cao-cap-khoi.aspx> (16.09.2015)
7. Đảng Cộng sản Việt Nam: Văn kiện Đại hội Đại biểu toàn quốc lần thứ X, Nxb. CTQG, Hà Nội, 2006. – 379 tr. (= Коммунистическая партия Вьетнама: Документы X Съезда. – Ханой : Национальная политика, 2006. – 379 с.).
 8. Đảng Cộng sản Việt Nam: Văn kiện Đại hội Đại biểu toàn quốc lần thứ XI, Nxb. CTQG, Hà Nội, 2011. – 336 tr. (= Коммунистическая партия Вьетнама: Документы XI Съезда. – Ханой : Национальная политика, 2011. – 336 с.).
 9. General Statistics Office. Viet Nam Nien Giam Thong Ke – Vietnam Statistical yearbook 2000. – Hanoi, Statistical Publishing House, 2001. – 599 p.
 10. Lương Ninh. Đồng chí Nguyễn Văn Linh với khởi đầu công cuộc đổi mới đất nước / Tạp chí Cộng sản. (= Лыонг Нинь. Товарищ Нгуен Ван Линь с началом инновации страны // Журнал Коммунистов). – URL : <http://www.tapchicongsan.org.vn/Home/xay-dung-dang/2015/34051/Dong-chi-Nguyen-Van-Linh-voi-su-khoi-dau-cong-cuoc-doi.aspx>
 11. *Nguyễn Đức Thủy*. Một số thành tựu trong phát triển kinh tế thị trường định hướng xã hội chủ nghĩa ở nước ta // Tạp chí Cộng sản. 22/6/2015 (= Грыен Д. Т. Некоторые достижения в развитии рыночной экономики социалистической ориентации во Вьетнаме // Коммунистический журнал. 22.06.2015). – URL : <http://www.tapchicongsan.org.vn/Home/Viet-nam-tren-duong-doi-moi/2015/33940/Mot-so-thanh-tuu-trong-phat-trien-kinh-te-thi-truong-dinh.aspx>
 12. Tình hình đầu tư nước ngoài năm 2014. Bộ Kế hoạch và đầu tư nước ngoài (Положение иностранных инвестиций в 2014 г. во Вьетнаме. Данные Министерства планирования и иностранных инвестиций). – URL : <http://fia.mpi.gov.vn/tinbai/3206/Tinh-hinh-dau-tu-nuoc-ngoai-nam-2014>

А. М. Хазанов

доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры теории и истории международных
отношений ИМО и СПН МГЛУ;
e-mail: khazanov@linguanet.ru

«АРАБСКАЯ ВЕСНА» И ПОЗИЦИЯ РОССИИ

В статье анализируются причины революционных событий на Арабском Востоке 2011–2012 гг., получившие название «Арабская весна». В ней показано, что в этом регионе накопилось много социальных проблем: безработица, нищета, классовая поляризация общества, болезни. Анализируется позиция США и других стран Запада. Сделано заключение, что вмешательство Запада имело своим результатом дестабилизацию ситуации и хаос на Ближнем Востоке, в то время как Россия призывала все государства строго выполнять резолюции Совета Безопасности ООН. Предпринята попытка спрогнозировать три возможные сценария развития событий в послереволюционном будущем на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: Египет; Ливия; Тунис; Сирия; Ливан; Каддафи; Асад; США; Россия; ООН; Барак Обама; Маккейн; Мубарак; Бен Али; Лавров; Либерман.

A. M. Khazanov

Professor, Advanced Doctor (History), Professor at the Department
of Theory and History of the International Relations,
Institute of International Relations and Social and Political Sciences, MSLU;
e-mail: khazanov@linguanet.ru

ARAB SPRING AND RUSSIA'S POSITION

In the article it is analyzed the reasons of the revolutionary events in the Arab East in 2011–2012, that is called Arab Spring. The author claims that this region has faced different challenges such as a huge amount of unemployed people, poverty, class polarization of the society, diseases. The author also analyzes the positions of the USA and other Western countries and arrives at a conclusion that the intervention of the Western countries caused the destabilization of the situation and chaos in the Middle East. At the same time Russia called all countries to follow strictly the Resolution of the UN Security Council. The author tried to predict the future situation in this region, so he emphasized that in the post-revolutionary Middle East there can be three scenarios of the events' development.

Key words: Egypt; Libya; Tunisia; Syria; Lebanon; Caddafi; Asad; the USA; Russia; the United Nations; Barack Obama; McCain; Mubarak; Ben Ali; Lavrov; Liberman.

Муза истории Клио часто соединяет сценарии, до которых не додумаются писатели с самым богатым воображением. Не случайно в Средние века ее изображали стоящей рядом с музой трагедии Мельпоменой.

Сейчас всех волнует вопрос: кто же после «Арабской весны» станет хозяином Ближнего Востока? Как тут не вспомнить стихи Н. С. Гумилёва:

Ночь пройдёт, и мы узнаем,
Кто станет властителем здешних мест.
Их охраняет Чёрный камень,
Нас золотой нательный крест.

Мы все отлично понимаем, что «Арабская весна» имеет судьбоносный характер для всего человечества. Отсюда нынешний всплеск интереса к этим событиям. Дело востоковедов в этом разобраться. Историк обязан ответить на пять вопросов: что, где, когда, как и почему? Главный из них – *почему*? Ответ на него превращает всякую историческую работу в исследование, выводит ее за пределы эмпирического описания, придавая ей аналитический характер.

Итак, вопрос № 1 – в чем причины революционных событий на Арабском Востоке? Существуют три точки зрения по этому поводу.

Некоторые высокопоставленные представители российской элиты, ошарашенные происходящими событиями, для объяснения их причин прибегают к теории заговора. «Арабские революции импортированы – их организовал Гугл», – заявил Игорь Сечин (*Press digest*. 05.03.2011). Разумеется, такая теория абсолютно непригодна для объяснения «Арабской весны».

Вторая точка зрения: в основе арабских революций лежат социально-экономические причины. Третья точка зрения: нынешняя «Арабская весна» – это развитие исламистских движений, продолжение исламской революции в Иране, события в Алжире 90-х гг. прошлого века, победа ХАМАС на выборах в Палестине. Сторонники этой точки зрения утверждают: весь ближневосточный регион следует по пути Ирана.

Точка зрения автора статьи состоит в том, что все эти три фактора имеют в лучшем случае вспомогательное, не первостепенное значение. Главное – демографический фактор. Причем не столько «бэби бум» (население Египта уже 85 млн чел.), сколько поколенческая

структура арабского общества: 60 % египтян моложе 30 лет, 30 % в возрасте от 30 до 50 лет, 10 % – старше 50 лет. Важная для понимания нынешних событий особенность арабских стран состоит в том, что большую часть их населения составляет молодежь (в отличие от Европы, где оно стареет). Раньше мы занимались главным образом классовой структурой изучаемых нами стран и упускали из виду важнейший фактор – поколенческую структуру населения. А он многое объясняет. Всех интересовали только партии, армия, духовенство. Но как-то не приходило в голову, что есть еще четвертая сила, которая может самоорганизоваться не в партиях, не в мечетях, а в Интернете. Это – образованная молодежь. Спецслужбы отслеживали ситуацию в партиях и мечетях. А молодые люди общались между собой через «Фейсбук» и «Твиттер». В Сирии сейчас ходит анекдот: Башар Асад идет по пляжу, видит – лежит бутылка. Поднял – оттуда выскочил джин. «Давай, – говорит, – назови мне три желания». «Я хочу, – отвечает Асад, – чтобы не было “Фейсбука”, “Твиттера” и пятниц» (*Известия*. 23.09.2011). Желания Асада понятны. Через социальные сети молодые люди общаются между собой, а по пятницам после молитвы обычно начинаются демонстрации.

Конечно, огромную роль сыграли и социально-экономические факторы. Накопилось великое множество нерешенных социальных проблем: огромная безработица, нищета, колоссальная классовая дифференциация и поляризация общества, болезни.

В Ливии, где среднегодовой доход на душу населения превышает 13 тыс. долл. США, безработные составляют 30 % трудоспособного населения. В Алжире в среднем уровень безработицы составляет 12 %, но есть районы, где он выше, особенно среди молодежи (до 50 %), что провоцирует эмиграцию молодых людей, в том числе и нелегальную, в страны ЕС [2, с. 42].

В Каире прежде всего бросается в глаза его невероятная перенаселенность. Жилой фонд города рассчитан только на 3 млн чел., а его население перевалило уже за 8 млн. Жилье стоит дорого, цены на него всё время растут. Насер в свое время строил дома для бедноты, но Садат прекратил это строительство. Многие бездомные ночуют прямо на тротуарах, особенно много таких людей возле мечетей.

Большинство каирских бомжей ночуют в знаменитом «городе мёртвых». Это самое большое кладбище в мире. Раньше здесь

в склепах хоронили богатых мусульман, сюда же перетаскивали мебель, строили специальные помещения, куда приходили родственники умерших. При Садате и Мубараке беднота хлынула в эти пустующие «апартаменты». На улицах и на «суку» (рынке) в Каире много бакишишников, нищих, деклассированных элементов.

Отчаявшись найти работу на родине, сотни тысяч египтян разъехались по другим арабским странам в поисках заработков для своих семей. В Дамаске можно увидеть бедно одетых людей, сидящих прямо на земле, на солнцепеке. Это египетские рабочие, имеющие высокую квалификацию и большой трудовой опыт. Они проводят здесь долгие часы в ожидании и надежде, что придет работодатель, которому понадобится плотник, столяр, маляр, кровельщик, электрик, водопроводчик. Средний заработок рабочего – 200 долл. США в месяц.

В Ливане устроиться на работу невероятно трудно, особенно для людей «интеллигентных» профессий. Чтобы получить хорошее место, надо сдать специальный экзамен. Поэтому многомиллионная ливанская диаспора живет в Бразилии и других странах.

В Сирии популярна шутка: после окончания университета молодой человек получает два диплома – специалиста и безработного. При этом пособия по безработице отсутствуют.

Благодаря высокой рождаемости исламский мир является самым быстрорастущим религиозным сообществом мира. В последние годы Ближний Восток обогнал все другие регионы по темпам роста населения, которые составили в среднем 2,7 % по сравнению с 1,6 % в остальной части Азии и 1,7 % в Латинской Америке. По оценкам демографов, население Ближнего Востока к 2025 г. увеличится до 500 млн, причем в некоторых странах более, чем в два раза [5, с. 83–96].

Сходная ситуация наблюдается в мусульманских государствах, образующих пояс вдоль южных рубежей России. Их население, насчитывающее сейчас около 300 млн чел., к 2025 г., вероятно, достигнет как минимум 450 млн.

Составляющая основную часть населения молодежь в наибольшей степени страдает от нерешенности социально-экономических проблем и, особенно, безработицы. Отсутствие работы, социальных льгот, жизненных перспектив делает молодежь наиболее революционной частью общества, той горячеей смесью, которая питает революцию. Молодые люди не обременены семьей, не отягощены

ответственностью и обязанностями, им нечего терять, и они мало чем рискуют. Другая особенность арабской молодежи состоит в том, что она в высокой степени политизирована. Любимая тема разговоров молодых арабов (и не только образованных) – политика, и все они достаточно хорошо осведомлены о том, что происходит в мире. Это обусловлено и тем, что процент пользователей Интернета в арабских странах выше, чем в России. Информация о событиях в мире стала доступной для широких масс населения Египта, Туниса, Ливии, Бахрейна, Омана, Йемена и других стран, охваченных сейчас революционным движением. У них появилась возможность сравнивать свои условия и уровень жизни с условиями и уровнем жизни в странах «золотого миллиарда». К тому же Египет, Тунис и Сирия – это страны массового иностранного туризма. Это тоже источник информации. Кроме того, в Европе живут и работают миллионы иммигрантов из стран Северной Африки. Их рассказы о жизни в странах ЕС также порождают соответствующие эмоции. Таким образом, важными причинами революционных событий в арабских странах можно считать глобализацию и неразрешимое противоречие между традиционными ценностями арабского общества и западными ценностями, которые в результате глобализации активно и неудержимо врываются в тихую заводь традиционного общества. Это противоречие проявляется в том, что североафриканцы хотят работать как африканцы, а жить как немцы. Но чтобы так жить, надо работать как европейцы. Это у них не получается по ряду причин.

Когда-то Василий Осипович Ключевский написал: «Смутное время впервые ударило по сонным русским умам». Перефразируя Ключевского, можно сказать: «глобализация и Интернет впервые ударили по сонным арабским умам» и подняли их на революцию.

Они начинают задавать вопросы: куда деваются многомиллиардные доходы от экспорта нефти? Куда деваются многомиллиардные доходы от эксплуатации Суэцкого канала, через который ежедневно перевозится 1,5 млн баррелей нефти? Поиск ответов на эти вопросы неизбежно приводит арабских интеллектуалов к выводу о коррупции и полном моральном разложении правителей этих стран.

В арабских странах уже давно ушло со сцены первое героическое поколение лидеров, которые возглавляли национально-освободительные революции (Насер, Садат, Бен Белла, иорданский

король Абдаллат, Арафат и др.). «Пришли другие времена, взошли другие имена!»

Как известно, революции делают герои, а пользуются их плодами негодяи. В молодости все мы романтики, потом прагматики, консерваторы и, наконец, реакционеры.

На смену первому героическому поколению лидеров к власти в арабских странах прорвалось второе поколение прагматиков и коррупционеров, которое смотрит на народ как на ковер под ногами.

Тоталитарные восточные правители, которые сакрализируются массами, с высоты своего величия взирают на них как на расходный материал, не имеющий в их глазах никакой ценности. Во время ирано-иракской войны Хомейни бросал вызов тысячи почти безоружных людей. Если тебя постоянно хвалят, ты начинаешь считать себя фараоном. Постоянные славословия окружающих, всеобщая лесть убеждают тоталитарных правителей в собственной гениальности и уникальности, а это может сублимироваться в деспотизм и садизм.

Насилие включает в себе существенный момент самоутверждения. Акт насилия садиста – потребность, адекватная потребности нормального человека в коммуникации. Как может тоталитарный правитель доказать свое могущество самому себе? Единственная возможность – это мучить своих подданных.

В Сирии еще при Хафезе Асаде значительную силу набрала крупная буржуазия. Одновременно произошло сращивание партийно-государственной элиты с торгово-промышленной буржуазией. Иначе и быть не могло, поскольку бюрократический аппарат приобрел решающее значение, и ни одно дело нельзя было решить без того, чтобы не дать взятку чиновнику. Коррупция проникла во все сферы госаппарата. Свое отношение к такому явлению выражают поговоркой: «Если Президент Асад знает об этом, то это несчастье, если он не знает об этом – это еще большее несчастье».

Аналогичная ситуация наблюдается и в других арабских странах.

Муаммар Каддафи, казалось бы, безусловно, принадлежит к числу людей, которых Бог поцеловал при рождении. В 27 лет он стал правителем Ливии и более 40 лет (дольше, чем кто-либо из арабских лидеров) находился у власти. Его подвели к краю пропасти, но он упираясь. Как гласит американская поговорка, можно подвести лошадь к водопою, но заставить ее пить нельзя. Каддафи не хотел испить чашу позора, как Мубарак и Бен Али.

Некоторые психиатры считают, что он параноик. Когда к нему приехал Ф. Кастро просить заем, он сказал, что должен посоветоваться с Аллахом, поехал с Кастро в пустыню, там два часа молился, после чего заем дал.

Как рассказал работавший в Ливии К. А. Кошев, Каддафи сказал ему: «Передайте Москве, чтобы сменили нынешнего посла. У него неприятное лицо».

В 1988 г. Каддафи с помощью своего агента Меграхи организовал взрыв «Боинга» над шотландским городком Локерби, а позже выплатил 2,7 млрд долл. США родственникам погибших.

Советники Каддафи обязаны были находить и кратко пересказывать ему интересные книги и статьи, особенно на других языках. Несмотря на тщательно складываемый образ правителя-философа, у которого нет даже формального титула, Каддафи на самом деле жестко контролировал все важные процессы в государстве; лично проверял все контракты ливийских компаний стоимостью более 200 млн долл. США и многие более дешевые сделки (*Ведомости*. 22.03.2011).

Крупнейший в нашей стране специалист по истории Ливии, лично общавшийся с Каддафи А. З. Егорин пишет: «Широко известна экстравагантность ливийского лидера. Он предпочитает яркие, диковинного вида наряды, любит путешествовать с размахом. В зарубежных поездках его часто сопровождал отряд вооруженных женщин-телохранителей, а сам он проживал в бедуинских шатрах, которые впоследствии преподнес Владимиру Путину, ... Саркози и ... Ющенко ... В некоторые поездки ливийский лидер даже брал с собой верблюдов, чтобы пить за границей их молоко» [3, с. 393].

Когда в Ливии началась эпидемия СПИДа, Каддафи арестовал четырех болгарских медсестер, их подвергли зверским пыткам и заставили признаться, что они заражали ливийских детей СПИДом по заданию сионистов. Только после приезда в Триполи Саркози, медсестер помиловали.

Сын Каддафи Ганнибал вместе с женой избили горничных в швейцарской гостинице. Когда их забрали в полицию, Каддафи призвал к разделению Швейцарии между Италией, Германией и Францией и забрал из ее банков личные 5 млрд долл. США. В результате президент Швейцарии вынужден был униженно извиняться перед Каддафи. В августе 2010 г. во время визита в Италию Каддафи заявил, что

Европа должна принять ислам. Сразу же по приказу его «друга» Берлускони 200 итальянцев выразили желание это сделать (*Новая газета*. 02.03.2011). До этого он прочел им лекцию о превосходстве ислама над христианством (*Московский комсомолец*. 11.10.2011).

Когда Садат подписал Кэмп-Дэвидский договор с Израилем, Каддафи, выступая в Триполи, заявил: «Тот, кто ищет способа сосуществования с врагом, хочет вонзить отравленный кинжал в сердце арабской нации». Он подчеркнул, что Ливия против подписания любого соглашения, которое может быть осуществлено вопреки воле арабской нации, будь то в Иерусалиме, в Белом доме или в Кэмп-Дэвиде.

В 1981 г., когда в Тегеране одну из улиц называли в честь убийцы Садата, Египет разорвал с Ираном дипотношения, а Каддафи с восторгом отозвался о решении иранских властей.

Возмущение образованной части арабского общества вызывает то, что диктаторы находятся у власти по 30–40 лет и сменить их практически невозможно. Прав профессор Католического университета Левена Арно Вандерланге, сказавший: «О причинах взрыва на Ближнем Востоке можно спорить, но главная очевидна. Это отсутствие в странах региона механизма мирной, законной передачи власти новым политическим силам, которые более соответствуют новым современным реалиям и чаяниям общества» (*Компас*. № 12. 17.03.2011).

И в российских, и в западных публикациях, как правило, выпускается из виду то, что структура арабских обществ не имеет ничего общего с европейским укладом. Принцип семьи и клана в этих в сущности родоплеменных обществах формирует мощные региональные структуры, которые играют огромную роль в политической и экономической жизни. Таким образом, традиционная для западной философии концепция баланса государства и общества, из которой вытекает принцип защиты прав отдельной личности, в арабском мире действует абсолютно иначе. Здесь верховная власть обеспечивает баланс сил между влиятельными кланами и племенами. Кроме того, религиозные противоречия между различными течениями ислама на современном Ближнем Востоке имеют практически ту же интенсивность, как в Европе в период религиозных войн.

США решили вмешаться в события в Ливии. Администрация Обамы подробно обсудила возможность установления контроля над воздушным пространством над Ливией вместе с союзниками по

НАТО. В начале марта 2011 г. министр обороны Роберт Гейтс сказал, что это будет большая операция в большой стране (*Голос Америки*. 04.03.2011).

Влиятельные американские сенаторы Джон Маккейн и Джо Либерман, вернувшись из 12-дневной поездки по Ближнему Востоку и Северной Африке, заявили, что США должны помочь в установлении «бесполётной зоны» над Ливией в рамках широких мер по оказанию помощи борцам с тоталитаризмом и репрессиями в арабском мире. По их мнению, народные восстания в арабских странах могут привести к непредсказуемым результатам и обернуться потенциальными подводными камнями для США. Выступая в Институте Брукинса, сенатор Либерман заявил: «Уже давно мы в Соединенных Штатах задаемся вопросом: где все эти умеренные силы в исламском мире? Почему они не проявляют себя? И вот они проявили себя, причем более мощно, чем мы могли представить, на улицах Каира, Туниса, Бенгази и в других местах. И это весьма примечательно. И мы проклянем этот день, если как страна не сыграем активную лидирующую роль и не сделаем всё возможное, чтобы поддержать умеренные силы, поддержать переход к демократии» (*Голос Америки*. 04.03.2011).

Сенатор Маккейн присоединился к этому мнению: «Американская политика заявлена президентом Обамой и в эмоциональном выступлении госсекретаря Клинтон в словах: Каддафи должен уйти! И если в этом состоит американская политика, то, на мой взгляд, мы должны помочь народу Ливии достичь своих целей» (*Голос Америки*. 04.03.2011).

США заявили о намерении заморозить все активы Ливийского инвестиционного управления, контролируемые американскими учреждениями (*Press digest*. 05.03.2011). В феврале 2011 г. на основе резолюции СБ ООН 1970 были заморожены зарубежные счета правительства Каддафи и членов его семьи, общий объем которых достигает 30 млрд долл. США (*Независимая газета*. 01.09.2011). Резолюция 1973 разрешила западным странам воздушные операции над Ливией.

Военное вмешательство Запада в дела Ливии было законным и необходимым. Бывают ситуации, когда следует вмешаться. В Камбодже Пол Пот уничтожил треть населения. Если бы Вьетнам не вмешался, он уничтожил бы еще треть. В Уганде Иди Амин отдавал людей на съедение крокодилам и совершал другие преступления. Если бы

Танзания не напала, он бы продолжал это делать. В Руанде Тутси и Хуту резали друг друга. Никто не вмешался, и 1,5 млн чел. забили мотыгами. Саакашвили обстреливал ракетами Цхинвали. Если бы ему не помешали, он выдавил бы тысячи осетин через Рокский тоннель в Северную Осетию.

Однако Франция, Великобритания и их союзники, наносившие удары с воздуха по регулярной армии и объектам ПВО в Ливии, поставили себя и повстанцев в затруднительное положение. Наземные операции на Ливийской территории по сути дела были запрещены резолюциями СБ ООН. Одни только воздушные удары были малоэффективны.

Вызывала удивление позиция по ливийской проблеме, которую заняла Россия. После того, как Евросоюз признал власть Каддафи нелегитимной, стало ясно, что он рано или поздно падет. В этих условиях России было бы выгодно принять активное участие в содействии повстанцам. Вместо этого Россия заняла позицию сидения на двух стульях. С одной стороны, не блокировала военную операцию Запада, а с другой – тут же подвергла ее критике. Политолог Сергей Карачанов назвал это «изящным лицемерием» (*Ведомости*. 22.03.2011).

В. В. Путин назвал Резолюцию СБ ООН, которая была принята при непротивлении России и Китая, «неполноценной и ущербной», а саму операцию союзников сравнил с крестовым походом (*Ведомости*. 22.03.2011. *Коммерсант*. 22.03.2011).

Выступая перед рабочими завода в Воткинске, В. В. Путин сказал: «Внутриполитическая ситуация в Ливии приобрела характер вооруженной борьбы, но это, конечно, не значит, что кому-то позволено вмешиваться в чужой, даже вооруженный конфликт извне... Это мне напоминает средневековый призыв к крестовому походу, когда кто-то призывал кого-то идти в определенное место и чего-то освободить» (*Коммерсант*. 22.03.2011).

Москва в то же время призвала все государства неукоснительно выполнять требования резолюций 1970 и 1973 СБ ООН и воздержаться от вмешательства во внутренние дела Ливии. Эксперты предсказывают, что из-за смены власти в Ливии Россия скорее всего безвозвратно потеряет огромные контракты, заключенные с правительством Каддафи как на разработку газовых месторождений, так и на строительство объектов инфраструктуры (*Независимая газета*. 23.08.2011).

Член Комитета Госдумы по международным делам С. Багдасаров отметил, что через какое-то время Россия будет вынуждена признать то правительство, которое будет в Триполи. «Вопрос в том, как у нас будут выстраиваться отношения вообще с новым правительством. Возврат к этому будет крайне затруднен и маловероятен, потому что Ливия будет более прозападной», – подчеркнул политик (*Независимая газета*. 23.08.2011).

Острые разногласия выявились между Россией и Западом и по конфликту в Сирии. Глава МИД РФ С. Лавров обвинил западные державы, выступавшие за усиление давления на режим Б. Асада, в проведении деструктивной политики, срывающий процесс национального примирения. «Ряд влиятельных государств настойчиво провоцируют оппозицию на бойкот предложений к национальному диалогу и к нагнетанию конфронтации, отказываются даже обсуждать пусть и запоздалые реформы, которые предлагает президент Асад», – заявил С. Лавров, выступая перед студентами МГИМО (*Коммерсант*. 02.09.2011).

Позиция России в СБ ООН по Ливии и резко полярный подход к Сирии отражают явно бессистемную политику России на Ближнем Востоке.

Пока коалиция западных держав бомбила Ливию, в других странах Ближнего Востока усиливались внутренние конфликты, обострилась ситуация в Сирии и Йемене.

Беспорядки в этих странах стоили тысяч жертв среди протестующих. В Бахрейне армейские части Саудовской Аравии помогали подавить бунтующую оппозицию. Уроки Туниса, Египта и Ливии не прошли зря: власти Алжира, Марокко и Иордании спешно начали переговоры с оппозицией, монархи нефтяных государств Персидского залива обещают народу новые рабочие места и социальные реформы. Однако обострение ситуации в Сирии и Йемене, ввод саудовских войск в Бахрейн демонстрируют новую опасную тенденцию в мусульманских странах – обострение внутриисламских распрей. Между суннитами, которые составляют 90 % мусульман, и шиитами – оставшиеся 10 %, – давние счеты. В странах Северной Африки, Аравийского полуострова и Турции преобладают сунниты; в Ираке, Иране, Ливане, Йемене, Бахрейне – шииты.

Самый неприятный для Запада сценарий – если дестабилизация перекинется из Йемена в соседние нефтяные монархии и восточные

провинции Саудовской Аравии, где проживает много шиитов, это также вызовет новый виток обострения в Ливане.

Сейчас внутриисламские противоречия на руку Ирану, который может придать протестам шиитов антиевропейскую и антиамериканскую направленность.

Аятолла Хаменеи заявил, что Иран поддерживает все революционные движения в регионе (*Ведомости*. 22.03.2011). Такая позиция Тегерана легко объяснима: пока Запад занимается Ливией, он не занимается Ираном.

Главный вопрос, по которому сейчас идут бурные дискуссии в научных и политических кругах – куда пойдут страны Ближнего Востока после потрясшей их революционной бури? По этому поводу существуют две основные точки зрения. Первая состоит в том, что они пойдут к демократии по образу и подобию Запада, вторая – к исламистской модели государства по образу и подобию Ирана.

Думается, что сначала сравнительно недолго они пойдут по первому пути, но затем резко свернут на второй, и мы получим вместо одного несколько Иранов – сплошной пояс фундаменталистских исламистских режимов от Марокко до Ирана. Исламисты («Братья-мусульмане», «Зеленый Интернационал», «Исламская лига последователей Священной Книги и Сунны», «Хизб ат-Тахрир», «Аль-Каида» и др.) пока сознательно стараются держаться в тени, на втором плане за кулисами событий, ожидая своего часа. Сейчас они даже заинтересованы, чтобы к власти пришли арабские либералы типа Мухамеда Эль-Барадеи, которые проведут демократические выборы. Они с полным на то основанием считают, что поскольку 85 % населения мусульманских стран составляют бедняки, а 60 % неграмотны, большинство избирателей проголосует за исламистов как единственную, на их взгляд, силу, способную изменить что-либо к лучшему [1, с. 28].

Опыт Алжира и Палестины (где на выборах победил «Хамас») показывает, что именно демократия и демократические выборы создают наилучшие условия для прихода исламистов к власти мирным путем. Демократия – это западный цветок, который не может прижиться на почве мусульманских стран. В исламском мире никогда не было и нет подлинно демократических режимов. Скорее всего временный триумф так называемой демократии в охваченном революцией Ближнем Востоке вызовет социально-политические катаклизмы, после которых

эти страны превратятся в исламистские псевдodemократические режимы с головой ангела и телом волка.

О высокой степени вероятности такого сценария развития событий свидетельствует опыт Алжира. Там, как известно, на первых демократических парламентских выборах в 1992 г. победу одержал «Исламский фронт спасения» (ИФС), получивший около 50 % голосов.

Только вмешательство армии предотвратило легитимный приход к власти исламистов. Но это привело к радикализации исламистского движения, экстремистское крыло которого развязало многолетнее вооруженное сопротивление властям (1992–1999). В ходе этой кровопролитной гражданской войны погибли 150 тыс. алжирцев [2, с. 42]. Активная фаза войны закончилась только в 1999 г., когда был принят закон об амнистии исламистов, добровольно сдавших оружие. В 2005 г. на общенациональном референдуме была одобрена «Хартия за мир и национальное примирение», а 9 апреля 2009 г. президентом Алжира в третий раз избран А. Бутефлика.

О том, что алжирский сценарий может повториться в Египте, Тунисе, Ливии и Сирии, свидетельствуют некоторые события, имевшие место осенью 2011 г. В сентябре в Каире под рев толпы было разгромлено посольство Израиля. Все мировые телеканалы показали, как египтяне неистово топтали и жгли израильские флаги. «Революция 25 января» в Египте оказалась непокорным джинном, и «Арабская весна», похоже, только начинает проходить настоящую проверку на прочность. Министр иностранных дел Италии Франко Фраттини так комментировал эти события: «Те кадры, что мы увидели, а особенно кадры осады израильского посольства, говорят о том, что насилие взяло верх над демократическими ценностями. У тех, кто приветствовал “Арабскую весну” это может вызвать лишь разочарование» (*Российская газета*. 12.09.2011). Он считал, что пока египетская свобода обретается не через демократию, а через уличный террор. Тон комментариев обозревателей был единодушен: вероятно, подобные акции будут идти по нарастающей.

Уже сейчас очевидно, что арабские революции, за которыми, по мнению ряда экспертов, могут стоять суннитские монархии Персидского залива, привели к усилению на Ближнем Востоке исламского фактора. Это связано с тем, что исламистские партии, запрещенные при прежних режимах в Египте и других переживших революции

странах Ближнего Востока, являются наиболее организованной политической силой.

В Египте к власти рвутся «Братья-мусульмане». Международная группа по предотвращению конфликтов (штаб-квартира 36 в Брюсселе) считает, что Б. Асад сознательно дает зеленый свет исламистским силам в Сирии, чтобы иметь возможность утверждать, что, если он уйдет, победят исламисты. Он постоянно твердит, что проведет реформы, а на следующий день учиняет очередное кровопролитие.

В Тунисе на парламентских выборах в октябре 2011 г. победили исламисты, получившие 90 мест из 217.

Безусловно, есть основания опасаться, что новая ситуация, созданная революциями в арабских странах, может быть использована исламистами для перегруппировки своих сил и последующего перехвата власти, и тогда эти страны ждут радикализация населения, хаос, экономический спад, скачок нефтяных цен, неконтролируемая волна миграции. В западных СМИ сейчас царит эйфория. Подавляющее большинство очень неглупых и эрудированных специалистов на Западе почему-то закрывают глаза на то, что те, кто борются против диктаторов, могут стремиться отнюдь не к демократии, а лишь к тому, чтобы занять их место и весьма вероятно, к тому, чтобы ввести исламскую форму государственного устройства а-ля ИРИ.

Как писал известный французский социолог Ги Эрме, «восставшие угнетенные сами собой не становятся демократами. Приведенные в действие местью, невежественные толпы людей сами являются носителями репрессивного начала. Подчас бездоказательно убежденные в том, что составляют большинство в обществе, сами они мало считались с достоинством других социальных слоев и групп, в совокупности составлявших действительное большинство. Тирания лидеров, получивших власть в результате восстания, воспринимается массами как нормальная, отнюдь не противозаконная, как необходимость подавления “угнетателей”» [4, с. 140]. В качестве примера приводится реакция масс в СССР на сталинские репрессии в 1930-е гг.

«После победы восстания пришедшие к власти лидеры не являются профессионалами. Они воспринимают народ в качестве некоего единства, не сознавая или не желая считаться с тем, что имеется множество различных слоев и групп населения, часто с противоречивыми желаниями и интересами. Деспоты-профессионалы знают границы

своих возможностей и способность к интроспекции удерживает их в определенных рамках. Деспоты народные парят в пустоте и переходят всякие границы. Они принимают свой преходящий триумф за неоспоримый знак абсолютной ценности своих побуждений. Деспоты, вышедшие из низов (деспоты-плебеи) не обладают ни мандатом всеобщего доверия населения (или хотя бы реального большинства), ни легитимностью традиции. Они не выражают воли большинства, на что обычно претендуют» [4, с. 140].

Подводя итог, следует сказать, что в послереволюционном Ближнем Востоке в сущности возможны только три сценария развития событий.

Сценарий первый, наименее вероятный. К власти надолго приходят арабские либералы, которые строят демократическое общество.

Сценарий второй, более вероятный. К власти приходят псевдodemократы, которые проведут кое-какие реформы и будут под нажимом Запада мимикрировать под демократов, построят псевдodemократические режимы с головой ангела и телом волка.

И, наконец, *сценарий третий, наиболее вероятный*: ситуацией в районе воспользуются исламские экстремисты, которые проведут широкомасштабную вербовку сторонников и попытаются всюду насадить исламские режимы. При этом сценарии неизбежны хаос и гражданские войны по алжирскому, а, возможно, и сомалийскому образцу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабкин С. Э. Политический ислам в Северной Африке (1970–1999) : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2001. – 74 с.
2. Долгов Б. В. Исламистский вызов в странах Магриба // Азия и Африка сегодня. – М., 2010. – № 6. – С. 41–48.
3. Егорин А. З. Муаммар Каддафи. – М. : Ин-т востоковедения РАН, 2009. – 464 с.
4. Hermet G. Le peuple contre la democratie. – Paris, 1989. – 312 p.
5. Nye J. S. What New World Order? // Foreign Affairs. – Spring, 1992. – P. 83–96.

УДК 32.01(510)

Цзи Юешэн

аспирант кафедры политологии МГЛУ;

e-mail: sisuji@126.com

ОХРАНА НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КАК ПРИОРИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ КНР

В статье рассматриваются особенности государственной политики Китая, направленной на охрану нематериального культурного наследия страны. Аргументируется тезис о том, что это наследие уже стало инструментом расширения китайского влияния в мире. Обосновывается вывод о том, что деятельность по его охране в Китае способствует усилению потенциала «мягкой силы».

Ключевые слова: Китай; нематериальное культурное наследие; государственная культурная политика.

Ji. Yuesheng

Postgraduate, Department of Political Sciences, MSLU;

e-mail: sisuji@126.com

PROTECTION OF NONMATERIAL CULTURAL HERITAGE AS THE NATIONAL PRIORITY OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

The article emphasizes peculiarities of the Chinese state policy, which is directed to the protection of nonmaterial cultural heritage of the country. The main thesis is the consideration of nonmaterial cultural heritage as one of the instruments which promotes the extension of China's influence in the world and triggers potential of "soft power" in this activity.

Key words: China; nonmaterial cultural heritage; state cultural policy.

История Китая насчитывает много веков: только письменными источниками охвачено не менее 3 500 лет прошлого страны. И это лишь одно из свидетельств того, что китайская культура – одна из древнейших в мире. В силу ряда причин в последние годы руководство Китая стало все больше внимания уделять охране нематериального культурного наследия, которое расценивается как духовная опора страны.

Нематериальное культурное наследие Китая: понятие и необходимость охраны

В 2003 г. Генеральная конференция ЮНЕСКО, собравшаяся в Париже, при принятии Международной конвенции об охране

нематериального культурного наследия, отметила важность этого наследия народов в качестве фактора обеспечения культурного разнообразия и гарантии устойчивого развития [2]. По состоянию на 2014 г. в перечне объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО в Китайской Народной Республике содержится 47 наименований, что составляет 4,1 % от их общего числа (из 1007 в мире). В декабре 1985 г. КНР ратифицировала Конвенцию об охране всемирного культурного и природного наследия, принятую ООН в 1972 г. Первые объекты на территории КНР были занесены в названный перечень в 1987 г. на 1-й Сессии Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО.

В настоящее время в самой стране и за рубежом признаны и получают популярность древний фольклор, произведения китайской живописи, каллиграфия, праздник Весны, праздник Луны, Пекинская опера, традиционные чайные обряды, кунг-фу, китайская традиционная медицина и кухня, игра мацзян, китайские шахматы и многое другое.

Действительность и развитие глобализации побудили руководство КНР к принятию специальных мер по охране нематериального культурного наследия. В частности, в стране были утверждены специальные законодательные акты. Согласно Закону Китайской Народной Республики «О нематериальном культурном наследии», принятом в 2011 г. [3], это наследие включает в себя различные формы традиционной культуры, которые передаются от поколения к поколению различными народами и считаются составной частью культурного наследия данных народов, а также материальные ценности и места, связанные с формами представления традиционной культуры.

К нематериальному культурному наследию КНР законом отнесены:

- а) устные традиции и формы выражения, включая язык в качестве носителя нематериального культурного наследия;
- б) традиционные изящные искусства, каллиграфия, музыка, танец, театр, сказительство, акробатика;
- в) традиционные ремесла, медицина, способы летосчисления;
- г) традиционные обряды и празднества;
- д) традиционные виды спорта и развлечений;
- е) иное нематериальное культурное наследие.

Следует отметить, что нематериальное культурное наследие Китая имеет ряд особенностей.

В первую очередь следует назвать его *неосвязаемость*. Объекты нематериального культурного наследия обычно не занимают материальных пространств, по крайней мере, таковое не является их главным достоинством. Речь идет о том, что люди могут их только почувствовать, именно этим определяется особенность нематериального культурного наследия. В качестве примера можно назвать праздник Начала Лета¹. Традиция его проведения сложилась в стране давно; она невидима, но живет в сердце каждого китайца, став важным компонентом культурной жизни народа. В 2008 г. праздник Начала Лета получил официальное признание, три дня его празднования – выходные.

Другим важным качеством нематериального культурного наследия является его *преемственность*. Накопление культурного наследия происходит в исторической памяти и сознании народа, воспроизводясь из поколения в поколение. Ясно, что распространение этих форм поведения нуждается в благоприятной внешней обстановке и поддержке.

Следует указать и *созидательный характер* нематериального культурного наследия. Как известно, его объекты являются результатом деятельности человека, творением его труда и ума, выражением его чувств и эмоций. Сохранение подобного статуса этой специфической деятельности индивидов и человеческих сообществ предполагает его целенаправленную поддержку со стороны уполномоченных государственных институтов.

Необходимо также подчеркнуть определенную *неустойчивость и подвижность* нематериального культурного наследия. Наличие указанных качеств обусловлено тем, что существование такого наследия в значительной степени детерминировано конкретно-историческими условиями и факторами. Существование и развитие нематериального наследия часто зависит от субъективных факторов, что делает его хрупким. Поэтому для его поддержания и развития следует, во-первых, позаботиться об охране культурной среды. Во-вторых, требуются дополнительные усилия государства и общества для сохранения естественной природной среды.

¹ Праздник отмечается 5-го числа 5-го месяца по китайскому старому лунному календарю. Этот праздник связан с великим поэтом Цюй Юанем (343–278 гг. до н. э.). В этот день принято проводить конкурс Драконьих Флотов и кушать традиционное блюдо Цзун Цзы (粽子).

Наконец, нельзя не отметить такую характеристику, как *эластичность и адаптивность* нематериального культурного наследия. Его объекты постоянно изменяются, пусть и разными темпами, в зависимости от развития исторического процесса и течения времени. Кроме того, в культурное достояние нации постоянно привносятся новые элементы и новое содержание.

Приведенные качества нематериального культурного наследия ориентируют на понимание сложностей, с которыми сопряжена деятельность по его защите. Оценивая же политическое значение состояния нематериального культурного наследия, следует выделить две составляющие. С одной стороны, поиск и исследование способов его эффективной защиты способствуют отстаиванию государственного суверенитета, сохранению идентичности нации и обеспечению культурной безопасности в глобализирующемся мире. С другой стороны, наличие у страны мощного нематериального культурного наследия позволяет ей уверенно вести себя на мировой арене, а также способствует налаживанию сотрудничества и коммуникации между народами.

Современные угрозы нематериальному культурному наследию Китая

Необходимо с сожалением констатировать, что на сегодня в Китае уже утрачено значительное количество объектов нематериального культурного наследия. Сложившееся положение отчасти можно объяснить естественными причинами. Здесь достаточно вспомнить XX в., который оказался драматическим и для Китая. Кроме того, носители нематериального культурного наследия и традиций уходят из жизни, уносят с собой свои способности, умения, достижения. Уже в силу указанных объективных причин пространство китайской традиционной культуры с каждым годом сокращается.

Кроме того, в условиях глобализации в Китае, как и во многих других странах, в массовом сознании и поведении людей проявляются разрушительные последствия. Так, не секрет, что количество фильмов американского производства значительно превышает количество китайских. Большинство китайцев предпочитают американские фильмы традиционной пекинской опере, их головы заполнены именами кинозвезд Голливуда. Почти вся китайская молодежь считает *i-phone*

самым высокотехнологичным продуктом в мире. Имеют место случаи, когда люди продают свои органы, чтобы приобрести *i-phone*. Если посмотреть на Тяньаньмэнь, самую большую площадь в Китае, то будет нетрудно убедиться, что подавляющее большинство автомобилей – японского производства.

Музыка и произведения американских авторов и других представителей западной массовой культуры весьма популярны у молодых людей в Китае, они могут петь песни Майкла Джексона и других популярных американских исполнителей и в то же время не в состоянии запомнить ни одного слова из произведений древнекитайской поэзии, которой насчитывается не одно тысячелетие. Зарубежные производители быстрого питания занимают все более значимое место на китайском рынке. Даже в тот период, когда Япония отказывалась признавать ответственность за свою агрессию во Второй мировой войне, японский ресторанный бизнес продолжал развиваться.

Фактически разворачивается латентная экспансия в китайский язык, осуществляемая различными способами. Озабоченность вызывает, например, то обстоятельство, что многие китайские товары (особенно, предметы одежды) имеют странные зарубежные наименования. Нельзя не отметить и фактор влияния западных транснациональных средств массовой информации, от которого Китай, как и другие страны, не может отгородиться в условиях глобализации. Деятельность этих СМИ, ставших глобальными империями, в ряде случаев не просто размывает национальную и политическую идентичность, но и имеет самые негативные последствия для безопасности современных государств и обществ, на что обращают внимание и российские исследователи [1].

Однако есть и другие обстоятельства, вызывающие обоснованную тревогу. Так, подавляющее большинство представителей китайской элиты полагает, что зарабатывать деньги и вести бизнес в странах западного мира – самое главное и достойное достижение в жизни. Здесь характерно то, что почти все выпускники Шанхайского университета иностранных языков, являющегося одним из самых престижных высших учебных заведений Китая, после окончания вуза принимают решение продолжить свое обучение в США или трудоустроиться там.

Кроме того, нельзя не признать, что в настоящее время в Китае достаточно много внимания уделяется решению проблем сохранения

нематериального культурного наследия и поддержания национальной идентичности. В этой связи задача охраны такого наследия приобретает чрезвычайную актуальность и требует принятия безотлагательных мер. Фактически речь идет об организации в Китае повсеместного сопротивления западному культурному империализму (особенно, американскому), распространяемому под лозунгами демократии и свободы. В этих условиях охрана нематериального культурного наследия является действенным способом защиты государственных интересов КНР и духовного мира всех народов, проживающих на территории Китая. Сохранение нематериального культурного наследия, опора на традиционные духовные ценности способствуют тому, чтобы китайцы правильно ориентировались в вопросах культуры и ее развития.

Система методов и средств охраны нематериального культурного наследия в современном Китае

Китай, присоединившийся к Международной конвенции об охране нематериального культурного наследия ЮНЕСКО, принял на себя обязательства следовать изложенным в ней принципам и осуществляет комплекс мер, соответствующих духу документа. Реализуемые китайским правительством методы и средства защиты нематериального культурного наследия можно подразделить на несколько групп.

Административно-управленческие методы и средства. Деятельность по охране нематериального культурного наследия требует не только установления их ценности, но и упорядочения и исследования. В этой связи в проводимой работе следует выделить три компонента.

Прежде всего, речь идет об определении ценности и уместности с учетом современных условий тех или иных элементов нематериального культурного наследия. Дело в том, что неизбирательный подход в данном случае неприемлем и даже может принести вред, поскольку в китайской культуре, равно как и во многих других, не все традиции и объекты достойны воспроизводства с учетом сегодняшнего дня. Так, ранее в Китае женщинам было принято скручивать ноги ремнями, что фактически калечило их. В прошлом страны можно обнаружить и другие подобные примеры. Отсюда ясно, что охрана нематериального культурного наследия требует постоянного анализа и проведения исследований, определение его источников и объектов. Такая работа создает условия для классификации богатого нематериального

культурного наследия КНР. По ее результатам принимается решение о предоставлении наследникам и носителям такого наследия финансовой и иной поддержки со стороны правительства.

Правовые методы и средства. Помимо изложенных выше административно-управленческих методов и средств, средства и методы правового регулирования также являются довольно эффективными.

В современных условиях в Китае предусмотрено четыре режима функционирования элементов законодательства об охране нематериального культурного наследия. При французском режиме большое внимание уделяется материальному культурному наследию, охрана же нематериального культурного наследия в данном случае занимает второе место. Японский режим предполагает создание перечня нематериального культурного наследия, при нем правовые методы и средства ориентированы на охрану, регистрацию и разумное использование нематериального культурного наследия. В условиях корейского режима основное внимание сосредоточено на наследниках и носителях культурного наследия, обеспечении реализации их прав и создании условий для поддержания ими этого наследия в «исправном состоянии». В рамках реализации указанного режима в Китае в настоящее время учреждена премия для «специальных охранителей» (наследников и носителей культурного наследия страны), выступающая эффективным средством их финансовой поддержки. Наконец, собственно правовой режим представляет собой соединение права интеллектуальной собственности и нематериального культурного наследия.

Нельзя не упомянуть и *методы и средства воспитательного характера*. Они занимают чрезвычайно важное место в деятельности по защите нематериального культурного наследия Китая, что обусловлено необходимостью формирования у граждан страны понимания важности охраны этого наследия, бережного и ответственного отношения к нему.

Разумеется, применение всех названных методов и средств в Китае отличается комплексностью, что обеспечивает эффективность деятельности по защите нематериального культурного наследия нации.

Внешнеполитическое измерение нематериального культурного наследия Китая

Один из результатов бережного отношения к нематериальному культурному наследию, «мягкая сила» Китая получает дополнительный

импульс и в настоящее время стала рассматриваться как «проявление связующей силы нации, и эта сила заключается в признании системы ценностей китайского общества» [4, с. 35]. Естественным следствием такого положения дел становится то, что нематериальное культурное наследие начинает выступать эффективным инструментом влияния КНР на международные отношения.

Иными словами, нематериальное культурное наследие является необходимой составной частью «мягкой силы» Китая. Признавая растущее значение культуры и считая ее важной вспомогательной опорой дипломатии, китайское руководство включило в доклад о работе правительства концепцию «культурной мягкой силы» [5]. Руководство Коммунистической партии Китая (КПК) обоснованно исходит из того, что культура в наши дни становится «все более важным элементом соперничества в совокупной государственной мощи», при этом развитие китайской культуры внутри страны должно сопровождаться повышением ее международного влияния [6, с. 4].

Правомерно при этом утверждать, что культурная сила Китая измеряется не только количеством материализованной продукции и соответствующих услуг, она в значительной степени в различных ипостасях представлена и нематериальным наследием. Уместно, например, указать на то, что традиционный китайский Праздник Весны постепенно распространяется в мире, хотя часто остается только поводом для отдыха и развлечения. Сегодня его празднуют во многих городах США, в Великобритании, Канаде, Таиланде, Корее, Японии. Обычно он ежегодно происходит в местах компактного проживания китайской диаспоры.

Говоря о нематериальном культурном наследии Китая, нельзя не учитывать то, что оно включает в себя достижения из различных сфер человеческой деятельности. Достойное место здесь занимают и национальные философские учения. Творческое наследие Конфуция, Мо Цзы, Лао Цзы, Сунь Цзы, Шан Яна и других мыслителей древнего Китая признано сегодня как достояние всего человечества и оказывает влияние на развитие науки во всем мире.

Важное положение в нематериальном культурном наследии КНР, безусловно, занимает традиционное для китайского общества конфуцианское учение. Власти направили огромные ресурсы на решение задачи по популяризации образа и духовного наследия великого

китайского мыслителя. При этом поставленная задача осуществляется как внутри страны, так и за ее пределами. Сеть Институтов Конфуция разрастается по всему миру с впечатляющей скоростью. Внутри же страны китайские власти сделали ставку на самый мощный транслятор массовой культуры – телевидение. Так, например, уже несколько лет в день рождения Конфуция (28 сентября) по каналу CCTV-2 транслируется церемония жертвоприношения Конфуцию. На протяжении последних пяти лет снимаются фильмы и телесериалы, в основе которых лежит биография «Кун-цзы». Не оставлена без внимания и детская аудитория, специально для самых маленьких зрителей был нарисован 104-серийный мультфильм, в котором подробно рассказывается история жизни философа древности, а также описывается появление его великого учения. Подобные проекты призваны охранять не только образ великого Учителя китайского общества, но и пропагандировать традиционные ценности, которые составляют основу нематериального культурного наследия Китая.

В рамках реализации провозглашенной государственным и партийным руководством стратегии «выхода за пределы страны» глобальная пропаганда китайской культуры способствует восприятию Китая целевыми группами зарубежной аудитории как крупной культурной державы.

Так, например, по инициативе семнадцати известных китайских и зарубежных городов, 12 июня 2010 г. в городе Сучжоу провинции Цзянсу был учрежден Всемирный союз исторических городов. В него, помимо китайских Пекина, Шанхая, Ханчжоу, Сианя, Лояна, Янчжоу, Сучжоу и Аомыни, входят итальянские Болонья и Венеция, испанская Барселона, столица Мексики Мехико, столица Кении Найроби, египетский Каир, британский Ливерпуль, румынская Констанца и индийский Пондишери.

Охрана культурного наследия является приоритетом этой организации. В опубликованной при ее учреждении совместной декларации содержится призыв к международному сообществу принять неотложные меры для охраны материального и нематериального культурного наследия, сохранения специфики региональной культуры и содействия обмену и сотрудничеству между историческими городами.

Акции культурного характера, проводимые Китаем, оказывают все большее влияние на людей во всем мире. Они включают в себя

аудиторию как западного региона, так и азиатского, африканского, мусульманского цивилизационных пространств. Пекинская опера, фильмы про кунг-фу, цирковое искусство, фильм «Конфуций» и многие другие виды традиционного китайского искусства любят и ценят не только внутри страны, но и далеко за ее пределами. Объективно такая деятельность способствует укреплению взаимопонимания в современном мире, что является весьма востребованным в условиях нарастания глобальной напряженности.

Выводы

Подводя итоги вышеизложенному, можно сделать вывод о том, что нематериальное культурное наследие является необходимой составной частью «мягкой силы» современного Китая. Политический и иной потенциал этого наследия полностью еще не раскрыт и не использован. Посредством последовательной реализации политики защиты нематериального культурного наследия, китайское правительство постепенно укрепляет культурную идентичность страны, консолидирует общество и распространяет культурные ценности нации по всему миру. Такая деятельность создает условия для укрепления авторитета Китая на международной арене.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белозёров В. К., Копылова Д. А. Транснационализация СМИ как проблема международной и национальной безопасности // Вестник Академии военных наук. – 2013. – № 4. – С. 33–36.
2. Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия. – URL : <http://www.unesco.org/bpi/rus/pdf/03-82-Russe.pdf>
3. 中人民共和非物文化保法 Чжун хуа жэнь минь гон хе го фэ ву чжи вень хуа и чжань бао ху фа. Закон Китайской Народной Республики от 25 апреля 2011 г. «О нематериальном культурном наследии».
4. 王岳川：文化略，上海：旦大出版社，2010年，第35页。（= Ван Юечуань. Вэнь хуа чжань люе. Культурная стратегия). – Шанхай : Изд-во Фу дань университета, 2010. – С. 31–36.
5. 郭朗：文化力提升，湖南：《中党政干部》，2011年12月，第2页。（= Го Кайлан. Вэнь хуа и чань юй жуань ши ли ти шэн, Ху нань: чжун го дан чжэн гань бу лунь тань. 12, 2011, ди эр е. Го Кайлан. Культурное наследие КНР как ресурс укрепления «мягкой силы»). – 2011. – № 12. – URL : <http://theory.people.com.cn/GB/16480489.html>

-
6. 李延文, 中共产党人肩的文化革命, 海: 海, 2012年, 第四。 (= Ли Яньвэнь, Ян Цин. Лунь Чжун го гун чань дан цзянь фу де вэнь хуа гэ мин. Цин хэй: Цин хэй ши чжуань сюе бао, ди сы е. О культурном компоненте в деятельности КПК // Цин хэй: Вестник Цинхэйского педагогического института). – 2012. – № 4. – С. 48–52.

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Выпуск 2 (741)

Редакторы: Н. М. Тимакова, Е. М. Евдокимова

Компьютерная верстка: Ю. Л. Герасимова

Дизайн обложки: А. Г. Проскуряков

ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 28.01.2016

Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 21,0

Заказ № 1473

Адрес редакции:

119034, Москва, ул. Остоженка, 38

Тел.: (499) 245 33 23

E-mail: ipk-mglu@rambler.ru